
С Т А Т Ь И

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ОФОРМЛЕНИЯ
КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Академик Б. Греков

Решить вопрос о периодизации того или иного общественно-исторического процесса — значит найти качественные отличия отдельных этапов его развития, время отмирания одних явлений и зарождения других, вскрыть причины и следствия этих изменений. Иначе говоря, установить во всей конкретности и диалектичности основные линии изучаемого процесса.

В данном случае я имею в виду установление периодов в истории крестьян на Руси с древнейших времён, т. е. со времени появления крестьянства как класса феодального общества, и до оформления крепостнических отношений.

В нашем распоряжении имеется опыт периодизации истории крестьян в эпоху феодализма, сделанный Марксом на материале тех стран Западной Европы, которые рано изжили феодальные общественные отношения и в XV—XVI вв. стали переходить к капиталистическому строю¹.

Ряд замечаний, сделанных Марксом в примечаниях к «Капиталу» и в переписке с разными лицами и прежде всего с Энгельсом, позволяет нам утверждать, что Маркс точно так же, как и Энгельс, находил необходимым несколько по-иному рассматривать судьбы крестьянства в той части Европы, которая расположена на восток от Эльбы, где феодализм уступил место капитализму только в XIX веке.

В своей уже подготовленной к печати книге «Крестьяне на Руси» я поставил себе задачу изучить историю крестьян в России, именно как в одной из стран, где феодальные отношения задержались до XIX века.

Для историка, изучающего феодальный период любой страны, история крестьян является важнейшей проблемой. Крестьянство в феодальном обществе — это основной класс, производящий блага, необходимые для жизни народа в целом, класс, зависимое от землевладельцев состояние которого является характерной чертой феодального способа производства.

Понятно, почему во всех странах литература о крестьянах занимает весьма видное место.

Поскольку история крестьянства никогда не была политически нейтральной, в её изучение часто влетались элементы классовой заинтересованности. Взять хотя бы, к примеру, вопрос о том, владел ли крестьянин в древности землёй. Сколько беспокойства по этому поводу пережили русские помещики накануне освобождения крестьян и сколько путаницы в науку внесло решение вопроса, отвечавшее вождениям землевладельцев. Им хотелось, чтобы у крестьянина никогда не было своей земли, чтобы крестьянин был бродячим и приставал на помещичьей земле в виде временного съёмщика помещичьей земли — арендатора.

Землевладелец древней Руси изображался многими авторами настолько гуманным и деликатным, что разрешал себе занимать только пустопорожную землю, на которую, подобно опытному пчеловоду, при-

¹ См. К. Маркс «Капитал». Т. III, гл. 47. М. 1932.

влекал рой бродячих оборванцев и доставлял им возможность подкармливаться на его земле.

Такую концепцию мы можем встретить у большинства историков русского крестьянства. Очень ограниченное количество фактов и отсутствие подлинно научной теории, способной повести исследователя по верному пути, было причиной того, что в науке этот вопрос очень часто решался в соответствии с желанием землевладельца.

Были и другие теории, которые пытались доказать, что сердце крестьянина от природы устроено так, что оно жаждет крепостной зависимости, что в ней крестьянин видит своё естественное состояние и благо общественное. Это направление создано Петражицким. В нашей науке его представлял П. Е. Михайлов. Примеров менее оригинальных теорий в нашей историографии по крестьянскому вопросу можно привести немало.

Попытки осветить историю русских крестьян (понимая под термином «русский» всю Русь, когда-то единую, потом раздвинутую, Русь Великую, Русь Белую и Украину) многочисленны и разнообразны.

Изучение вопроса началось давно. Уже московские публицисты первой половины XVI в. по-своему обсуждали и решали крестьянский вопрос. В XVIII в. делались серьёзные попытки научного разрешения проблемы. По мере обострения классовой борьбы разработка истории крестьян приобретает всё большую общественно-политическую остроту, в результате чего правительство Александра I в 1818 г. предписало, чтобы в журналах и отдельных сочинениях ничего не печаталось ни в защиту, ни в опровержение «вольности или рабства крестьян», как русских, так и иностранных. К числу последующих мер в том же направлении следует отнести запрещение в 1849 г. профессорам извлекать на лекциях «в неумеренных выражениях сожаление о состоянии крепостных крестьян» или доказывать, что перемена в отношениях крестьян к помещикам была бы полезна для государства.

При таких условиях научная разработка истории крестьян в XIX в. была крайне затруднена. Только накануне освобождения крестьян, в 1858 г., стали появляться специальные по этому предмету исследования.

Сейчас я не ставлю перед собой задачу — дать обзор историографии этого большого вопроса. Мне хочется остановиться на тех сторонах сложной истории крестьян, которые могут помочь нам разобраться в её сущности и вывести закономерности, общие для истории крестьян в тех странах Европы, которые Маркс определял географически «на восток от Эльбы».

Тут я должен отметить наличие, к сожалению, ещё не напечатанного труда С. Д. Сказкина, где автор делает, на мой взгляд, удачную попытку теоретически обосновать отдельные этапы истории крестьян в западной части Европы.

В своей вышеназванной книге «Крестьяне на Руси» я хотел выполнить ту часть работы, которая осталась несовершенной у С. Д. Сказкина. В настоящей же статье я считаю полезным привлечь внимание только к одной, правда, самой существенной стороне дела, именно — к вопросу о периодизации в истории русского крестьянства.

Прежде всего мне представляется необходимым установить древнейшую, доступную для изучения хозяйственную базу, которая, несомненно, определяла положение крестьянина в производстве и в последующее время. От того или иного решения этого вопроса зависит всё дальнейшее понимание истории крестьян.

Вынужден возвратиться к вопросу, совершенно ясному, потому что в совсем недавнее время то здесь, то там поднимаются голоса в защиту давно отжившей и необоснованной «теории» о древней Руси, как о стране охоты и торговли, где земледелие не играло сколько-нибудь заметной роли.

Для меня не представляет ни малейшего сомнения, что именно земледелие было основным занятием не только славян, в частности и восточных, но и народов, предшествовавших славянству в Восточной Европе. Я имею в виду неизвестное нам население Восточной Европы так называемой трипольской культуры и более поздних скифов-пахарей в двух его разновидностях: *γεωργοι* и *ἀροτῆρες*. О последних совершенно ясно говорит Геродот, и его сообщения полностью подтверждаются другими данными как письменных, так и неписьменных археологических источников. Трипольская культура с этой, интересующей нас стороны прекрасно выяснена Т. С. Пассек.

Если трипольцы и скифы-пахари были земледельцами, то и их наследники — восточные славяне — не могли не знать земледелия. Без всяких колебаний мы можем признать земледелие основным занятием восточных славян.

Далее, для того чтобы подготовить почву для решения вопроса о том, с какого именно момента мы можем говорить о крестьянине как хозяине, самостоятельно ведущем своё земледельческое хозяйство, нам необходимо познакомиться с техникой земледелия и с тесно связанными с нею общественными отношениями в древнейшую, доступную нашему изучению пору.

Тут мы имеем в достаточной степени аргументированные соображения археологов. П. Н. Третьяков², специально изучавший историю Восточной Европы в первом тысячелетии до н. э. и в первом тысячелетии н. э., приходит к выводу, что родовые отношения с коллективным хозяйством и подсечным земледелием стали уступать место более прогрессивной форме общественных отношений приблизительно в III—IV столетиях первого тысячелетия н. э. К этому времени исчезают укрепленные поселения, сменяясь неукрепленными посёлками, складываются общественные объединения типа союзов племён, что говорит о разрушении родового строя. С IV—V столетий появляются новые формы разделения труда и зачатки ремесленного производства, обнаруживаются признаки обмена между населением соседних посёлков, появляется пашенное земледелие. Поэтому ничего не может быть естественнее и правдоподобнее того, что сообщается в Новгородской летописи в начале XII в. о наличии уже в это время на Руси трёхполья, а предположительно даже и раньше.

Мне кажется, что мой оппонент П. П. Смирнов попробовал слишком просто опровергнуть мой вывод по этому поводу, когда в своей статье «Образование русского централизованного государства» писал: «Трудно согласиться с Б. Д. Грековым, будто бы в Новгородской области в XII веке применялся трёхпольный оборот. Упоминание в Новгородской летописи под 1127 годом «озимища» (в тексте летописи «озимица») и ярового свидетельствует только о посевах на зиму с осени и весной, но ни о трёхполье, ни о двухполье это не говорит»³. О чём же тогда говорят посевы озимого и ярового, если не о трёхполье? Мой оппонент этого не объяснил.

Надо иметь в виду, что наблюдения П. Н. Третьякова касаются верхнего Поволжья, т. е. территории более отсталой по сравнению со средним и нижним Поднепровьем.

Всё это, вместе взятое, позволит сделать заключение, что признаки классового общества у восточных славян появились задолго до образования Киевского государства. Ряд данных, которые я старался показать в других своих работах, позволяет говорить о первом политическом объединении восточных славян, о дулебском союзе племён уже в конце VI века.

² Третьяков П. «К истории племён верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.», стр. 83—85. 1941.

³ Смирнов П. «Образование русского централизованного государства». «Вопросы истории» № 2—3 за 1946 г., стр. 55.

В классовом обществе крестьянство занимает определённое место. Экономическая сущность крестьянина, выраженная в том, что он является мелким собственником, земледельцем, самостоятельно ведущим своё земледельческое хозяйство, соединяемое с домашним ремеслом, не меняется на протяжении всей истории крестьян как класса, начиная с древнейших времён. Меняются на протяжении этой истории только отношения между крестьянином и землевладельцем.

Только с того момента, когда родовая община со своим коллективным хозяйством превратилась в соседскую, с частной собственностью на землю и с индивидуальным хозяйством, можно говорить уже не только о земледельце и земледельце, а именно о крестьянине, свободном члене крестьянской соседской общины.

Остались ли какие-либо следы от времени, когда свободное сельское земледельческое население составляло народ? Конечно, остались. Мы имеем следы этого времени и в дошедших до нас письменных памятниках, прежде всего в Русской Правде. Имеем яркое отражение этого времени и в языке.

Мы имеем глубочайшей древности термин «смерд», происходящий от корня мерд — человек. Корень этот имеет удивительно широкое распространение: иранское и таджикское *merd*, *merd*, возможно, и в финских языках *mort*, *murt*, отсюда уд + мурт, морд + ва. Всюду этот термин обозначает человека вообще, людей.

Так по этому поводу писал и патриарх славяноведения Шафарик: «Древнерусское смерд (смердь = *rusticus*), морданица (*servitus*) должно быть сравнено с именем народа: мордва, мордвия (корень обоих слов персидский *merd*—человек, муж)»⁴. Такие же сопоставления приводит А. А. Шахматов: «Мордовское *mirde* (муж), вотякское *murt* (человек), авестийское *mereta*, новоперсидское *merd* (человек)»⁵. Это мнение, наконец, утвердил своим авторитетом и Н. Я. Марр⁶. Правда, есть и иные толкования происхождения термина «смерд»⁷.

Мы не ошибёмся, если последуем в этом отношении за Марром, Шахматовым и Шафариком. Именно такое понимание происхождения этого термина полностью совпадает с нашим представлением об эволюции общественных отношений и связанной с нею терминологии.

Одно это слово, сохранившееся на огромном пространстве от Одера до Ирана, от Чёрного моря до Прибалтики, заставляет нас серьёзно задуматься над древними связями народов Европы и Азии. Я не ставлю своей задачей проследить эволюцию этого термина вообще, остановлюсь только на эволюции его на Руси.

Если в доклассовом обществе до образования славян этот термин обозначал понятие человека вообще, то в процессе формирования славянства и выделения из людской массы более богатой и знатной прослойки, т. е. уже в процессе образования у восточных славян классов, для обозначения общественных верхов потребовались новые слова. Такие слова и появились: для обозначения купца появился термин «гость», для богатого и знатного землевладельца — «болярин», «боярин», для княжеского слуги-дружинника — «княж муж».

Народная масса, из недр которой вырастали гости, бояре, княжьи мужи, оказалась внизу и сохранила за собой старое наименование — смердов. Постепенно, по мере увеличения социального расстояния между верхами общества и сельской земледельческой массой, слово «смерд» начинает приобретать оттенок уничижительный, даже оскорбительный и ассоциируется со словами «смород», «смердеть».

⁴ Шафарик П. «Славянские древности». Т. I. Кн. 1-я, стр. 93. М. 1837.

⁵ Шахматов А. «Введение в курс истории русского языка», стр. 35. 1916.

⁶ Марр Н. Избранные работы. Т. III., стр. 20, 22; т. V, стр. 527 и др.

⁷ M. K. Šišković «Etimologisches Wörterbuch», S. 310. 1886. Он допускал происхождение этого термина от персидского *merd*; предпочитает тем не менее производить термин от слова «смерд» — «смердеть».

Точно такая же эволюция, по словам акад. В. В. Струве, происходила в Египте с термином «ромэ». Сначала слово «ромэ» обозначало человека вообще, а позднее, уже в классовом обществе, этот термин стал обозначать слугу, зависимого, социально припущенного человека.

Меня могут упрекнуть в том, что это рассуждение слишком отвлечённо. Во-первых, ни одна наука не может обходиться без теоретических построений, а во-вторых, это построение логически правильно и не вызывает сомнений со стороны онтологической. Таким путём мы отчасти уже устанавливаем исходный момент изучения истории крестьян на Руси, а отчасти предприняем и вопрос о смердах, до сих пор вызывающий некоторые расхождения в нашей науке.

Смерды — это масса сельского земледельческого населения. Этим и объясняется распространённость термина на столь огромной территории. Мы имеем основание выделить время независимого существования массы сельского населения в особый период, признав при этом, что, хотя он и малодоступен исследованию, тем не менее самое наличие такого периода не может подлежать ни малейшему сомнению: слишком много для этого у нас имеется косвенных фактических доказательств и теоретических соображений.

Для конкретного представления дальнейшей истории земледельческого сельского населения как класса припущенного необходимо считаться с тем, что самое возникновение господствующего класса возможно было лишь при наличии рабочей силы, власть над которой только и могла сделать человека богатым, поставить его над массой, обеспечить ему политическое преобладание. Такой силой в это старое время могли быть и были только патриархальные рабы. Они своим трудом кормили своего господина, упрочили его материальную базу, сделали его достаточно могущественным для того, чтобы обзавестись военной дружиной, при помощи которой он уже мог расширять свои земельные владения и подчинять себе сидящее на земле до сих пор вполне свободное, живущее в общинах население.

В то же время нельзя забывать, что процесс выделения из среды общинников знати есть только часть общего процесса роста имущественного неравенства, как неизбежное следствие наличия частной собственности. Нельзя забывать, что в итоге этого процесса появились не только богатые люди вверху, но обедневшие люди внизу и что этих последних нужда заставляла идти в кабалу, как это в своё время отметил В. И. Ленин.

Таким образом, можно установить, что расширение кадров рабочей силы, необходимой для богатых и знатных людей, шло двумя путями: путём принуждения внеэкономического и экономического. К рабам присоединялись рядовичи, а затем и смерды. Так менялся состав челяди. Он делался более сложным. Если условно называемый первый период в истории сельского населения малодоступен полному исследованию, то второй достаточно ясно обозначен в наших письменных источниках.

Этот второй период характеризуется наличием господского землевладения и эксплуатации челяди, состоящей первоначально из патриархальных рабов, тогда входивших в состав familia, с течением времени пополняемой разорёнными выходцами из общины и, наконец, даже смердами, включаемыми сюда путём внеэкономическим. Челядь доставляла своему хозяину всё необходимое для содержания как его семьи, так и штата его слуг, по преимуществу военных.

Это период господства «наиболее простой и первоначальной формы ренты», взимаемой под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя⁸. Этот период начался тогда, когда появилась эксплуатация челяди, стало быть, очень задолго до образования Киевского государства. Челядь упоминается в древней редакции

⁸ См. К. Маркс «Капитал». Т. III, ч. 2-я, стр. 140, 267, 270.

Русской Правды. Несмотря на то, что её функции там не обозначены, нетрудно догадаться, для каких надобностей она существовала.

В Правде Ярославичей середины XI в. термин «челядь» раскрыт в своём конкретном содержании: это холоп, рядович и (с некоторыми оговорками) смерд.

Этот состав челяди говорит о серьёзных переменях в экономической и общественной жизни всей страны. Поскольку смерды начали приравниваться к челяди, можно предполагать, что в XI в. уже заканчивается своё существование тот период, когда челядь была характерной формой эксплуатации чужого труда.

Здесь можно видеть признаки переходного времени от первоначальной отработочной ренты к новой форме ренты—продуктами, которая не совсем вытесняет предыдущую, а отодвигает её на второй план. Преобладание ренты продуктами знаменует переход общественно-политических отношений на высшую ступень. Возникает вопрос: когда и как происходил этот переход на Руси?

К сожалению, мы не имеем возможности точно ответить на этот вопрос. Известно, что Вислицкий статут XIV в. в Польше и Галицкой Руси застаёт ренту продуктами как явление уже повсеместное, обычное и не новое. Люстрация Киевской земли 70-х годов XV в. говорит о том, что во второй половине XV в. в Поднепровье господствовавшая до этого времени рента продуктами уже начинает уступать место вторичной барщине и по отношению к этой новой барщине является старинной. Новгородские писцовые книги второй половины XV в. дают доказательства полного преобладания ренты продуктами с тенденцией к замене её рентой денежной.

Материалы второй половины XV в. говорят о новом рубеже в истории хозяйства Руси и, следовательно, в истории как землевладельцев, так и зависимого от них крестьянства.

Так намечаются хронологические вехи третьего периода истории хозяйства и зависимого сельского населения — приблизительно с XII—XIII вв. до середины XVI. Это период преобладания оброчной системы эксплуатации зависимого крестьянства.

С середины XVI в. (опять, конечно, приблизительно) начинают проявляться признаки уменьшения удельного веса ренты продуктами, замены её рентой денежной. В то же время — что характерно только для стран Европы на восток от Эльбы — имеет место весьма заметное усиление барщины, вызванное к жизни требованиями рынка, обуславливающее в свою очередь большие перемены в экономическом и правовом положении крестьян.

В это время настолько заметно меняется самый состав зависимого и независимого сельского населения, что термин «крестьянин» делается уже слишком общим и расплывчатым. Сдвиги, происходившие в положении крестьян в это время, настолько ясно проявлялись, что ни один из моих предшественников не мог пройти мимо них, хотя происхождение самого явления они объяснить не могли. Поэтому при попытках разобраться в этой сложной обстановке выявлялось немало трудностей, перед которыми нередко становились втупик даже очень крупные исследователи.

Этот, уже четвёртый по счёту период в истории зависимого сельского населения завершается оформлением крепостнических отношений. Этим периодом я и заканчиваю свою внешненазванную книгу.

Я наметил внешнюю сторону периодизации, установил вехи истории крестьянства в России. Чтобы избежать упреков в схематизме, я более детально останавлиюсь на каждом из этих периодов.

Не буду касаться первого периода, периода свободной соседской крестьянской общины, поскольку в нашем распоряжении по этому периоду мало конкретного материала.

Второй период, период господства примитивной отработочной ренты, генетически связанной с тем временем, когда впервые появилась эксплуатация человека человеком, достаточно хорошо отображён в наших источниках. Общественные отношения никогда не исчезают прежде, чем не появятся новые, идущие им на смену. Поэтому совершенно в порядке вещей в каждый данный момент наблюдать параллельное существование умирающего и рождающегося.

Если привилегированный землевладелец перестал довольствоваться челядью, хотя бы и в расширенном понятии термина, и обратился к эксплуатации доселе свободного крестьянина, — это уже обозначает начало нового периода в истории хозяйства и в то же время является симптомом отмирания старого.

На стыке старого и нового черты патриархального рабства хозяин распространяет и на правовое состояние нерабов. Имея в виду именно это время, Энгельс заметил, что первые крепостные носили на себе черты первобытного рабства. В древнерусских источниках об этом периоде имеются прямые и косвенные свидетельства.

В имени родителей Феодосия Печерского в первой половине XI в. работает челядь, часть которой, безусловно, составляли рабы. В Житии Феодосия эта рабочая сила так и названа рабами. Но к церковной терминологии мы должны относиться с осторожностью. Там термином «раб» обозначается очень широкий круг людей, в конечном счёте даже всех людей, поскольку они являются «рабами» божьими⁹. Терминология церкви идёт от римского рабовладельческого общества. Светская терминология знает в этом случае слово «челядь», которое никогда не соответствовало понятию «раб» ни в греческом, ни в латинском, ни в еврейском языках, с которых делался перевод священного писания на славянский язык.

Древнейшая Русская Правда, упоминая челядь, несомненно, намекает нам и на форму её эксплуатации. Ведь именно от трудов челяди, и прежде всего на господской земле, питаются, одеваются и согреваются те самые «мужи», для защиты привилегий коих и составлен этот закон.

Правда Ярославичей говорит об этом ещё яснее, вводя в состав эксплуатируемого в княжеском хозяйстве населения, кроме холопа, ещё и рядовича и смерда. Пространная Правда, в той части её, которая не без основания приписывается Владимиру Мономаху, останавливаясь на закупе, разновидности рядовича, ясно говорит о том, что закуп эксплуатируется в форме отработочной ренты.

Есть основания допускать, что и часть зависимых смердов времён Мономаха и раньше эксплуатировалась в той же форме. Что зависимый смерд — в это время смерд крепостной, в этом нас убеждает также и ст. 90 Пространной Русской Правды о наследовании смерда. Зависимый смерд может передать свой участок земли и своё имущество вообще только по мужской линии. При отсутствии сыновей имущество переходило хозяину.

Совершенно то же мы можем видеть и в Польской Правде. И не удивительно, что история крестьян в Польше и на Руси протекала совершенно аналогично.

Новейший историк польского хозяйства проф. Рутковский, говоря об эксплуатации челяди в Польше до XIII в., утверждает, что в Польше даже в XII и XIII вв. крупное хозяйство опиралось ещё на труд рабов, обезземеленного бродячего населения, вынужденного искать себе при-

⁹ В этом смысле и Дмитрий Ларин назван «рабой»: «Смирный раб и бригадир под сим крестом вкушает мир» (А. Пушкин).

станица, и, наконец, крестьян, права которых на землю подвергались ограничению в интересах хозяина, крупного землевладельца¹⁰. Одна и та же крестьянская община имеется и в Польше и на Руси.

Право мёртвой руки живёт также и там и здесь. Отменяется оно в XIV в. одновременно как для Польши, так и для той части Руси, которую завоевала в это время Польша. Когда оно было отменено по всей Руси, мы не знаем. Но нам хорошо известно, что оно перестало здесь действовать, по крайней мере, в том виде, в каком изображает его Русская Правда.

Характерное объяснение отмене права мёртвой руки в отношении французских крестьян даёт И. В. Лучицкий, который приводит мнение архиепископа безансонского, который в XII в. писал об этом так: «Ввиду плодородной почвы и мягкого климата поместье будет быстро заселяться, как только все узнают об уничтожении мёртвой руки; *mains mortales* ленивы в работе, так как исполняют её для других; они истощают почву и не заботятся о том, что будет после их смерти; совершенно иначе они будут поступать, когда узнают, что их имущество передаётся ближайшим их родственникам».

Я не собираюсь настаивать на том, что французские *mains mortales* полностью соответствуют записанным смердам Русской Правды, но что они близки к положению челяди, в этом не может быть сомнения. В грамоте безансонского епископа больше всего интересен мотив освобождения *mains* — мортаблей. Делается это в целях поднятия заинтересованности в своём хозяйстве крестьянина, не столько в пользу самого крестьянина, сколько его хозяина, в данном случае архиепископа.

Казимир Великий, «король польских хлопков», когда отменял это право, очевидно, рассуждал приблизительно так же. Один из комментаторов его закона об отмене мёртвой руки назвал право мёртвой руки законом, противоречащим справедливости и здравому смыслу. А ведь в течение нескольких предшествующих столетий этот закон ни в ком из землевладельцев и самой власти не возбуждал сомнений в его целесообразности.

Перед нами несомненная перемена в хозяйственной психологии феодала: он хочет, чтобы крестьянин вёл хозяйство лучше, чтобы достатки крестьянина увеличивались, тогда и землевладелец вернее сможет получать с исправного крестьянина свой чинш. Психология изменилась в связи с переходом к новой системе хозяйства и эксплуатации зависимых крестьян. Это совершенно очевидно.

Новая система заключалась в том, что феодал, успевший расширить свои земельные владения и увеличить количество зависимых от него крестьян-земледельцев, мог использовать их только путём получения с них оброка. Эта форма эксплуатации не ставила никаких границ жажде землевладельцев к расширению своих земельных владений и увеличению количества своих подданных.

Расширять своё барское хозяйство в узком смысле, т. е. увеличивать свою запашку, равно как и другие отрасли добывания продуктов, у хозяев не было ни возможности, ни надобности: возможности — потому, что для этого необходимы были предварительные большие затраты, возместить которые при слабо развитом рынке никак нельзя было; необходимости — потому, что всё, потребное для землевладельца и его двора, шло к нему в руки более простым, никаких затрат не требующим путём.

Крестьянин, сидящий на оброке, внеэкономическим путём принуждённый отдавать часть своего продукта поставленному над ним господину, не нуждался ни в какой помощи со стороны хозяина. Крестьянин-оброкник был для своего хозяина в полном смысле даровым источником всяких благ.

¹⁰ Rutkowski Jan «Zarys gospodarskich dziejów Polski w czasach przedrozbiorowych», str. 41. Poznań. 1923.

Наличие массы крестьян-оброчников не исключало существования старой челяди. Последняя оставалась и продолжала обслуживать своим трудом барский дом. Тут мы видим различного рода ремесленников: оружейников, портных, сапожников, золотых и серебряных дел мастеров, поваров, пекарей, сокольников, конюхов, домашнюю прислугу, мужскую и женскую, и, наконец, военных слуг, на обязанности которых лежали сопровождение своего хозяина в поход, защита его во время битвы и участие в военных действиях русского войска вообще.

Эта челядь всех рангов и специальностей находилась на иждивении своего хозяина. А иждивение это доставлял крестьянин. Чем больше крестьян было у боярина, тем он считался богаче; чем многочисленнее челядь-дворня — тем в глазах общества знатнее.

Зависимых крестьян-оброчников надо было держать в повиновении. Ведь никаких других средств, кроме принуждения, у боярина для этого не было. Функцию принуждения брало на себя государство, одной из пружин которого делался сам землевладелец-феодал. Он становился в своих владениях начальником с частью государственных прав. Население обязано было его кормить, чтить и слушать во всём и под суд к нему ходить. Хозяин превращался таким образом в носителя власти, население его владений — в подданных. Это уже черты феодальной сеньерии.

Итак, новый, третий этап в истории крестьян гораздо сложнее предыдущего. Тут меняются форма и роль государства, меняется политическое лицо землевладельца, делается иной форма эксплуатации основной массы зависимого крестьянства, значительно увеличивается за счёт свободного крестьянства число крестьян-подданных.

Все эти факты хорошо известны, и я напоминаю о них с тем, чтобы обосновать отмеченный мною новый период в истории русского крестьянства. При изучении этого периода уже меньше приходится прибегать к ретроспективным заключениям. В нашем распоряжении достаточно подлинных фактов для того, чтобы иметь основание выделять этот период в самостоятельный. Имеются такие первоклассные источники, как Вислицкий статут для Галицкой Руси, люстрации для земель Поднепровья, писцовые книги для Северозападной Руси, некоторое количество актового материала.

Опираясь на эти источники, можно говорить довольно уверенно о характерных особенностях этого периода. Тут, естественно, возникает вопрос об установлении начальной для данного периода даты. Мы не можем точно указать, в какое именно время вотчинник превращается в сеньера и крестьянин — в подданного; когда именно рента продуктами отодвигает первоначальную, отработочную ренту на второй план. Да и едва ли вообще возможна здесь точная датировка, особенно при огромных пространствах Русской земли, с её разнообразными условиями природы, хозяйства, культурного уровня населения и пр.

В XI—XII вв. боярство расщепило Киевское государство на части. В некоторых частях Руси оно либо совсем захватило власть в руки (Новгородская республика) либо было близко к этому (Галицкая Русь). Этот период и является временем утверждения землевладельческой знати в новом своём политическом положении. Эти даты могут служить нам ориентиром и для решения поставленного выше вопроса.

Следует отметить, что исследование этого периода в истории крестьян по сравнению с последующим временем представляет значительные трудности, на что и жаловались всегда исследователи. Указанные выше источники всё-таки не могут дать ответов на многие стоящие перед исследователем вопросы, потому что эти источники либо касаются только небольшой части Руси либо являются сравнительно более поздними. Надежды исследователей, в том числе и мои, на возможность изучения XIII—XIV вв. связывались с источниками новгородско-псковскими и галицко-волынскими.

Новгородская республика и Галицкое королевство меньше других частей Руси пострадали от татарского погрома и подвергались гнёту татарского ига. Новгородско-Псковские, Галицко-Волынская летописи дают нам хороший материал для суждения о политической жизни этих государств, частично раскрывая перед нами и некоторые стороны общественных отношений. Кроме того общественные отношения Галицкой Руси освещаются Вислицким статутом, Новгорода и Пскова—Новгородской и Псковской судными грамотами.

Изучению Галицкой земли я уделяю больше внимания ещё и потому, что Галицкая Русь, очутившаяся под властью Польши, долго ещё боролась за сохранение своего русского права, по обломкам которого мне казалось возможным провести наблюдения над эволюцией норм Русской Правды в XIII—XIV—XV вв. лучше, чем по другим источникам. Польские учёные этот период в истории Галицкой земли справедливо называют временем «русского права».

Не один я возлагал надежды в этом отношении на Галицкую Русь. У меня есть такие предшественники, как Линниченко и Максимейко. Есть специальный труд польского историка Гейноша «Пережитки старого общественного строя в Галицкой Руси XV века», вышедший в 1928 году. Этим же вопросам касается и другой крупнейший польский учёный — Францишек Буяк.

Не могу сказать, что источники по истории Галицкой Руси полностью удовлетворили меня, но всё же они дали мне много. Мост от Русской Правды к Вислицкому статуту, к Новгородской, Псковской судным грамотам и к Московскому судебнику проложен, хотя и не столь прочный, как хотелось бы.

Само собой разумеется, что тут надо было проявлять очень большую осторожность, так как на основе этих источников нельзя решать вопрос для всей Русской земли.

Однако, если трудно точно установить начало этого периода, если дальнейшую эволюцию всех норм Русской Правды не всегда удаётся выяснить с достаточной ясностью и полнотой, то на основании наших источников совершенно смело можно говорить об основном характере как состояния сельского хозяйства в XIII—XIV вв., так и отношений между землевладельцем и земледельцем.

Без всяких сомнений на основе этих документов можно констатировать два основных факта: наличие сеньории, с её замкнутым, натуральным хозяйством, и господство натуральной ренты. Таким образом, мы можем считать оправданной и научно доказанной необходимость выделения третьего периода в истории крестьян на Руси.

В нашем распоряжении вполне достаточное количество хорошо проверенных, не возбуждающих ни у кого никаких сомнений фактов, позволяющих прийти к вполне обоснованному выводу о том, что в Московском государстве приблизительно со середины XV в. происходят настолько значительные изменения и в хозяйстве, и в классовых отношениях, и в структуре государства, что неизбежным делается вывод о появлении в истории Руси новой грани.

Некоторые стороны этих крупных изменений уже вскрыты нашей наукой. Мы знаем, что в это время идёт процесс ликвидации уделов и превращения Руси в централизованное государство, что параллельно идёт перестройка армии, в связи с чем обостряется вопрос о земле, необходимой для обеспечения служилых людей; окончательное освобождение от татарского ига с новой силой пробуждает воспоминания о давнишнем единстве Руси.

Что происходит в это время в сельском хозяйстве, в среде землевладельцев и земледельцев? Потребность ответить на этот вопрос сознавалась уже давно. Ключевский совершенно точно подметил сильно заинтересовавший его факт появления многочисленной группы населения,

лишённой средств производства, вынужденной искать себе пристанища. Но причина этого явления осталась для него неясной, в чём он и признался. На этот вопрос ответил В. И. Ленин, указав на то, что причина этих перемен лежит в изменившихся условиях внутреннего рынка.

Нетрудно убедиться, что аналогичные (конечно, до известной степени) процессы знают все страны Европы на восток от Эльбы. Поэтому совершенно понятно, почему историки, занимавшиеся этими проблемами на материале перусском, во раз подходили к этим вопросам и часто высказывали свои суждения.

Самая распространённая попытка объяснения больших перемен в общественных отношениях этого времени исходит из признания главным фактором внешнего международного рынка. На такой точке зрения стояли И. В. Лучинский, Бальцер и многие другие. Сущность этого объяснения сводится к тому, что часть европейских земледельческих стран в XVI в. усилила производство хлеба в связи с увеличением спроса на него главным образом в Англии и Голландии, расширивших своё производство мануфактурных товаров за счёт сокращения земледелия.

Мы не можем отрицать того, как прекрасно показано это в последней работе С. Д. Сказкина, что к XVI в. в Европе действительно произошли крупные перемены в общественных отношениях. Часть европейских стран — Англия, Франция, Италия, Кастилия, Португалия — уже в значительной степени изжила у себя феодальные отношения, успешно вытесняемые капиталистическим строем. Другая, значительно большая часть Европы — Восточная Пруссия, Австрия, Польша, Литва, Ливония, Россия — оставалась феодальной.

Нельзя отрицать также и того, что спрос на привозный хлеб действительно вырос и в Англии и в Голландии. Всё это верно. Но позволю себе высказать сомнение в том, чтобы победа капитализма в одной части Европы могла вызвать столь большую перестройку сельского хозяйства в другой, более значительной части её. Во-первых, ни одна из стран с успешно развивающимися капиталистическими отношениями не прекращала своего собственного сельского хозяйства. Капитализм внёс только изменения в организацию сельского хозяйства и в форму эксплуатации рабочих рук. Не прекратила производство хлеба даже Англия, хотя оно там, несомненно, несколько сократилось. Во-вторых, если даже, скажем, в Англии или Голландии возросла нужда в привозном хлебе, то не в таких количествах, чтобы вся Европа на восток от Эльбы стала серьёзно расширять и интенсифицировать своё сельское хозяйство для того, чтобы удовлетворить спрос внешнего рынка в названных странах. Между тем мы точно знаем, что Восточная Пруссия, Австрия, Польша, Ливония и Россия одновременно и весьма энергично с конца XVI и в начале XVII в. приступили к перестройке своего сельского хозяйства. Мы знаем также и то, что эта перестройка происходила под влиянием усилившегося спроса на хлеб, но не столько на внешнем, сколько на внутреннем рынке.

В этом же направлении высказывались уже некоторые польские историки, что для меня имеет особо важное значение, поскольку Польша была территориально самой близкой страной к тем внешним рынкам, о которых идёт речь. Висла была самым удобным путём, по которому, согласно теории, отдающей предпочтение роли внешнего рынка, должен был идти хлеб в Нидерланды и Англию.

Вот что пишет по этому предмету крупнейший знаток польской торговли проф. С. Кутшеба. Он считает «совершенно неверным» объяснение перемен в польском сельском хозяйстве тем, что в 1466 г. Польша получила гавань Гданьск. «Европа тогда ещё не нуждалась в польском хлебе, так что Польша не могла и вывозить его. Этот вывоз хлеба, надёжно засвидетельствованный в XV и XVI вв. гданьскими регистрами и польскими таможенными книгами, пока ещё очень незначителен. Он начинает

усиливаться только в конце правления Сигизмунда I и ещё более при Сигизмунде-Августе (1530—1572. — Б. Г.), хотя и тогда ему ещё далеко до тех размеров, каких он достиг позднее и какие часто неверно относят уже к этой эпохе»¹¹.

Приблизительно такого же мнения держится и другой, более молодой польский историк—Я. Рутковский. Он пишет: «Торунский мир 1466 г., который дал Польше доступ к морю и облегчил через это экспорт хлеба, был, несомненно, важным явлением для развития земледелия. Однако статистика экспорта хлеба показывает, что только в XVI веке он приобрёл действительно значительные размеры»¹².

Но если в истории сельского хозяйства Польши XV—XVI вв. роль внешнего рынка не имела того значения, какое ей приписывают, то относительно России это замечание надо принять ещё в большей степени.

В самом деле, на какой внешний рынок в конце XV и в XVI в. Россия вывозила свой хлеб? Единственное указание в источниках мы имеем на Швецию, куда попадала некоторая доля русского хлеба, но столь скромная, что это обстоятельство не могло вызвать больших перемен в организации сельского хозяйства в России XVI века. А что эти, весьма заметные перемены имели место в России, точно так же, как и в других странах Европы на восток от Эльбы, сомневаться не приходится.

Надо искать другие причины, вызвавшие эти перемены. Причины эти могут быть найдены во внутренней жизни всех упомянутых стран. Мы смело можем назвать их ростом внутреннего рынка. Очень много симптомов подтверждают это положение: значительное усиление роли денег во всех областях жизни, рост старых городов, появление новых поселений городского типа, усиление процесса расслоения в деревне, в связи с чем имеет место увеличение числа оторванных от средств производства людей, готовых идти в кабалу на любых условиях, заметные изменения в общественном разделении труда, увеличение значения хлеба в качестве товара именно на внутреннем рынке. В связи с ростом внутреннего рынка стоят и перемены в государственной жизни страны.

Начинает падать политическое значение знати. Государя в своих владениях вынуждены смириться и признать власть великого князя московского, а потом и царя. Вынуждены потому, что власть великого князя нашла себе мощную социальную опору в городах и во вновь созданных военных кадрах, в помещичьем централизованном войске.

Крестьянин был очень серьёзной деталью в этой перестройке облика Руси. Совершенно не случайно крупнейший русский мыслитель первой половины XVI в. Ермолай-Эразм смело и убеждённо заявляет, что Россия нуждается не столько в вельможах, сколько в крестьянах: «В начале же всего потребна суть ратаеве», — потому что они производят самый нужней продукт — хлеб.

Тот же автор, однако, отмечает, что, несмотря на свою исключительную полезность в обществе, крестьяне находятся под тяжким ярмом. Ермолай-Эразм не предполагал, что через три — четыре десятка лет положение его подзащитных ухудшится в значительно большей степени.

Почувствовав потребность в большом количестве денег, землевладелец, боярин, монастырь, помещик не могли остановиться в погоне за деньгами, и одни из них разорялись окончательно, другие умело приспособивались к новым условиям жизни и процветали. Нередко можно было встретить среди монастырских слуг и даже холопов недавних состоятельных землевладельцев, не сумевших спасти своего положения. Немало можно было встретить и людей, недавно разбогатевших.

¹¹ Кутшеба С. «Очерки истории общественно-государственного строя Польши», стр. 71. 1907.

¹² Rutkowski J. Op. cit., str. 52.

Интересно отметить, что знакомый уже нам Ермолай-Эразм указывает, как раздобываются деньги: «Аще же убо комуждо на потребу удобь будет сребро,— имат кайждо излишня жита своя и се беспощанно продая градским жителем и елицы и хлеб купуют и сим на потребу свою сребро притяжет»¹³. Жито превращается в деньги—стоит только доставить его в город. Кроме городских жителей, питающихся покупным хлебом, существуют и купцы, скупающие и, конечно, продающие хлеб. Для феодала-землевладельца добывать деньги, без которых он уже не мог обходиться,— это значило приобрести «излишня жита», т. е. хлеб сверх пищевой потребности семьи и дворни. А излишнее жито мог доставить землевладельцу только зависимый от него крестьянин. Он и добывал его и во времена Русской Правды, и во времена Вислицкого статута, и во времена Великокняжеского и Царского судебников. Землевладелец не мог пожаловаться, что ему нехватает хлеба, птицы, бараньих лопаток или сыров. Всё это у него было в изобилии. Он хорошо питался, и надо думать, не скверно кормил свою дворню.

Но вот пришли другие времена, когда хлеб стал товаром и когда землевладельцу стали нужны не только пищевые продукты, но и деньги, на которые он покупал в городе то, чего не могла дать ему деревня и без чего он уже обходиться решительно не мог.

В городе работали лучшие оружейники, портные, ювелиры, у городских купцов можно было купить хорошее сукно, парчу и многое другое, к чему обязывала царская служба, особенно в Москве. Не мог служилый человек выйти и в бой в старинных доспехах и с устаревшим оружием. Роскошь московского царского двора XVI в. удивляла иностранцев. Придворная знать тянулась за двором. Обходилось ей это очень дорого.

Не внешний рынок, а внутренний диктовал свои условия и заставлял землевладельцев-феодалов задумываться над тем, как расширить и упрочить свою материальную базу, над своим сельским хозяйством, единственным источником их доходов.

Конечно, и оброчный крестьянин не мог не заметить перемены в своём положении к худшему, потому что прежняя норма оброка, освящённая стариной, сейчас была отменена, и в послужную грамоту крестьянам вместо прежнего «давати оброк по старине» вписали: «платити, чем вас (крестьян) изоброчит» хозяин. В той же послужной всё чаще и чаще стала появляться и другая новость: крестьянин обязывался на хозяина «пашню пахать». С увеличением оброков росла и барщина, ложась большой тяжестью на крестьянина. Барщина начинает завоёвывать ведущее место в системе эксплуатации зависимого крестьянства.

Если в период господства оброчной системы у крестьянина сравнительно мало было поводов пользоваться правом Юрьева дня и тем более прибегать к бегству, то сейчас обстановка сильно изменилась: землевладельцы в поисках рабочей силы стали проявлять большую изобретательность, а крестьяне в поисках более льготных условий жизни не только охотно откликались на соблазны «отказчиков», этих агентов крупных землевладельцев, но часто устраивали побеги. Количество беглых росло.

Если принять во внимание классовую природу верховной власти, заинтересованной в сохранении и росте военных кадров, службу которых обеспечивал крестьянин, если учесть финансовую политику государства, построенную главным образом на обложении того же крестьянина, и в этом отношении поставленного под контроль помещика, то будут вполне понятны меры, принятые правительством.

Внешние обстоятельства (тяжёлые войны Ивана Грозного) и внутренняя, обострившаяся до крайности классовая борьба побудили власть не откладывать решение труднейшего и важнейшего крестьянского вопроса. Правительство не решалось прибегать к резким мерам и в 1580

¹³ Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 33-й, стр. 198—199.

или 1581 г. объявило закон об отмене Юрьева дня временной мерой, «покаместа земля поустроится».

Но в течение того времени, когда устраивалась земля, землевладельцы так успели освоиться с выгодным для них временным законом, что стали держаться за него руками и зубами. На высказываемые иногда вслух чаяния крестьян о возможности разрешения выходов, землевладельцы не без основания уверенно отвечали: «До смерти де вам, крестьянам, выходу не будет». Власть тоже не поощряла крестьянских мечтаний, особенно когда они высказывались вслух. Временная мера явочным порядком превратилась в постоянную.

В подготовке этих крупных перемен в хозяйственном и правовом положении крестьян и в дальнейшем углублении и расширении крепостнических отношений и заключается конкретное содержание четвёртого периода в истории русских крестьян. Я пока не касаюсь тех процессов, которые знаменовали новые явления в крепостнических отношениях, приведших к петровской реформе. Нетрудно заметить, что в основу периодизации истории крестьян мною положена теория генезиса докапиталистической земельной ренты Маркса.

Оставаясь неизменно на указанных теоретических позициях, я не мог не учесть того, что Маркс имел в виду главным образом те страны Европы, которые через денежную ренту перешли к капиталистическому строю, тогда как мне пришлось иметь дело с той страной, или, точнее, с теми странами, где феодальные отношения задержались приблизительно на два столетия после того, как на запад от Эльбы обнаружались явные признаки капитализма.

Понятно, почему мне пришлось наблюдать здесь появление и эволюцию денежной ренты в иной обстановке.

Я старался показать принципиальные основания своей периодизации, но, конечно, далеко не исчерпал всех признаков, отличающих один период от другого: на некоторых из них я считаю полезным остановиться. Мне хочется коснуться вопроса об эволюции понятия «смерд-крестьянин». Оно в течение веков не оставалось неизменным¹⁴.

Если в период господства челяди смерды составляли основную массу свободного сельского населения, то в следующий период эту же массу мы видим в положении подданных своих сеньёров. Она и в этом качестве остаётся более или менее монолитной. Только в переходный момент к четвёртому периоду мы наблюдаем настолько большие перемены в экономическом и правовом положении этой доселе монолитной массы, что термин «смерд-крестьянин» становится уже недостаточным.

Как правильно отметил В. О. Ключевский, именно в это время, т. е. в середине и особенно во второй половине XV в., в результате отрыва от привычных, старых условий жизни выявилось много новых групп сельского и городского населения, потерявшего возможность вести своё собственное хозяйство и вынужденного искать заработка. Приходилось браться за работу на кабальных условиях. Именно в это время мы начинаем всё чаще и чаще встречать серебряников, кабальных людей, бобылей, половников, монастырских детёнышей, крестьян-новопорядчиков. Этим я совсем не хочу сказать, что до середины XV в. эти прослойки совсем не существовали. Я имею в виду подчеркнуть другое. Эти группы оторванных от средств производства людей не были столь многочисленны, их роль в общей экономической жизни страны была сравнительно невелика.

¹⁴ «Крестьянин» — термин, появившийся в части Руси, наиболее угнетённой татарами. Магометанин-татарин считал себя высшей расой по сравнению с христианином. Христианин стал символом принадлежности к чёрной кости. Так появился и затем удержался в Северо-Восточной Руси этот термин. «Смерд» остался в Новгороде и Пскове, где не было столь большого разгула татарщины, до самого присоединения их к Москве.

В данный момент их значение в производстве выросло настолько, что пришлось основную зависимую массу полноценных старых тягловых крестьян называть особым, новым термином.

Так родилось новое слово — «старожилец». Оно понадобилось именно в этот переходный отрезок времени, когда нарушена была установленная веками жизнь деревни, когда появилось много поистине бродячих элементов, отмежевать которые от старых полнотяглых жильцов стало необходимо. Но и этому беспокойному отрезку времени пришёл конец, и термин «старожилец» в своё время стал тоже ненужным. Произошло это в начале XVIII в., когда все многочисленные прослойки сельского населения были разделены на две основные группы: крестьян и дворовых.

По признаку правового положения зависимого населения, как уже было показано выше, отмеченные периоды имеют значительные различия. В период господства первоначальной отработочной ренты все элементы челяди носят на себе ещё много черт первоначального домашнего рабства. Под эту категорию до некоторой степени подводятся, но не отождествляются рядовичи и некоторая доля смердов. В своей массе смерды в это время были ещё свободны.

В следующем периоде, когда огромные массы смердов-крестьян становятся подданными сеньерии и их обязанности по отношению к господам облекаются в форму ренты продуктами, смерды-крестьяне пользуются сравнительно с предыдущим и последующим временем некоторыми льготами. За крестьянином государство оставляет право выхода — Юрьев день.

Челядь не исчезает окончательно. Уменьшается только её прежний удельный вес. Патриархальный раб уже успел превратиться в средневекового серва, исчезает право мёртвой руки. По выражению В. И. Ленина, это есть первое расширение самостоятельности зависимых крестьян¹⁵.

Наконец, последний из рассматриваемых здесь периодов несёт с собой отмену Юрьева дня и в конечном счёте оформление подлинных крепостных отношений.

Считаю необходимым затронуть ещё некоторые стороны дела. В отличие от своих предшественников я не считал возможным в процессе изучения резко отделять вопрос о холопах от вопроса о крестьянах, исходя из принципиального положения о том, что, походя к истории холопства и крестьянства, мы, собственно говоря, подходим к проблеме различных форм эксплуатации человека человеком в погоне господствующих классов за рабочей силой.

Совершенно не случайно раб патриархального общества превращается в средневекового серва, не случайно Пространная Русская Правда ограничивает источники полного холопства, не случайно в XV в. холопы массами отпускаются на волю или сажаются на землю. Не случайно, наконец, в 80-х годах XVI в. кабальные люди и зависимые крестьяне одновременно потеряли ущерб в своих правах в одном и том же направлении.

Всё это результат роста производительных сил, на каждом этапе развития которых появляются свои особенности и свои решения проблемы добывания и укрепления рабочих рук, необходимых для существования феодала и феодального государства.

Несмотря на принципиальную разницу между рабом и крестьянином, их история тесно переплетается. Различная в своём начале, эта история в конечном счёте приводит к единому итогу: масса холопов оказывается в рядах крепостного крестьянства.

Мне хочется верить, что я избежал многих ошибок своих предшественников благодаря иному подходу к разрешению задачи. В процессе

¹⁵ См. Ленин. Соч. Т. III, стр. 127.

работы я ясно увидел, что Россия не является оригинальной страной с неповторяемыми особенностями, что она только одна из европейских стран, запоздавших расстаться с феодальными общественными отношениями.

Исходя из этого общего положения, я всегда считался с судьбой крестьян Польши, Литвы и Ливонии. К польскому землевладельцу и крестьянину я должен был отнестись с особым вниманием, поскольку в состав Польши с XIV в. вошла Галицкая Русь, представлявшая для меня особый познавательный интерес.

Параллельное рассмотрение истории крестьян нескольких стран, объединённых тем, что они до XIX в. оставались феодальными, дало возможность проследить в известной закономерности повторяющиеся в этих странах детали, которые, несомненно, помогают понять их значительно точнее.

Русский смерд, например, оказался весьма похожим на польского кметя, русский старожилец обнаружил черты весьма большого сходства с крестьянином-«непохожим» литовского права, крестьянин-новопорядчик — с так называемым вольным, или «похожим», человеком того же права и т. д. и т. п.

Самое же важное — это полный параллелизм во всех этих странах самого процесса, приведшего к оформлению крепостного режима. Та же периодизация, те же основные причины перехода от одной формы эксплуатации сельского населения в период феодализма к другой, те же окончательные результаты, только небольшие расхождения во времени и степени проявления отдельных сторон процесса.

Ливония в деле усиления нажима на крестьян лет на 20—30 идёт впереди Литвы; Польша на такое же время опережает Россию.

Польский шляхтич получает более значительные права над подвластным ему населением, включая и право присуждения к смертной казни, чего русский помещик не имел никогда. Это результат разницы в государственном строе Польши и Руси.

Но эти отклонения всё же не могут скрыть единства основных закономерностей в истории крестьянства во всех указанных выше странах Европы.

ИЗ РУССКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПЕТРЕ ПЕРВОМ

Проф. С. Богоявленский

В конце XVII и начале XVIII в. сербы были разведены на три группы: 1) собственно Сербия, Босния и Герцеговина находились под властью турок; 2) сербы, жившие в мало доступных горах Черногории, с трудом отстаивали свою независимость от окруживших их с трёх сторон турок, а на западе — от венецианцев, успевших захватить на Балканском полуострове значительную часть побережья Адриатического моря; 3) сербы, проживавшие на венгерской территории. Эти три группы жили обособленной жизнью, но сознавали свою общность по языку, культуре и религии. Находясь на стыке восточного — азиатского — и западного — европейского — мира, славяне Балканского полуострова оказались между молотом и наковальней.

Турки после неудачной осады Вены в 1683 г. терпели одно поражение за другим. Австрийские войска вытеснили их из Венгрии, а затем перешли Дунай и вступили в сербские земли, находившиеся под властью султана. Особенно успешной была кампания 1688 г., когда австрийцы прошли всю Сербию до Печи и Скопле, стремясь достигнуть побережья Эгейского моря и вытеснить турок с Балканского полуострова. Сербское население оказалось между двух огней. Оно много терпело от турецкого ига, от поборов и притеснений и мечтало об освобождении от турок. Но, с другой стороны, оно боялось стать на сторону «швабов», переменить одну зависимость на другую. Захватывая сербские земли, австрийцы показали своё настоящее лицо. Проваливаясь на восток, они, главным образом немцы и венгерцы, не собирались покидать Балканский полуостров по окончании войны с турками и предполагали онемечить сербов — заставить их принять католическую веру и немецкий язык.

При таких обстоятельствах взоры сербов обратились к единоверной России. От сербского патриарха Арсения Черноевича, сербских старшин, валашского господаря Шербана и бывшего константинопольского патриарха Днионисия в Москву был отправлен архимандрит Исаия, родом серб, чтобы убедить правительство царевны Софьи оказать помощь балканским христианам, воспользоваться ослаблением турецких сил и направить против мусульман сокрушительный удар, а вместе с тем дать отпор и «папёжникам».

Подаявая грамоты от патриархов и господаря, Исаия сообщил подробности о положении дел на Балканском полуострове. В настоящее время, говорил он, турки вследствие внутренних неурядиц и победоносного наступления австрийцев настолько ослабели, что настал крайне благоприятный момент для освобождения христианских народов от букурманского ига. Турки боятся восстания угнетённых славянских народов и, отступая под натиском австрийских войск, массами уничтожают славянское население: уже более 300 тысяч перебито, очень многие перевезены в Малую Азию и обращены в рабство. Новый султан, продолжает Исаия, — «человек не военный и ничего не знает, а что ему говорят, того не понимает и, попросту молвить, — юрот и ничем не владеет, а на лошади сидеть не умеет и впрямь от него ничего военного не чаять».

Теперь все славяне боятся того, что православными завладеют папёжники-австрийцы, ненавидящие православную церковь. Они отбирают православные церкви и обращают их в католические костёлы; они хуже бусурман, которые всё-таки не вмешиваются в дела религии. Пусть цари пошлют православным на помощь своё войско, родное по языку и вере. Помощь будет принята с восторгом даже со стороны славян, принявших магометанство, «которые великим государям подпадутся лучше, чем немцам, понеже все рождены от сербов и от болгар и от иных греческих народов»¹. Слово «греческий» в настоящем случае, очевидно, употреблено в смысле «греческой веры».

Едва архимандрит Исания на обратном пути ступил на австрийскую землю, как был арестован и посажен в тюрьму за сношения с Россией, а вручённые ему ответные царские грамоты были отобраны. В этих грамотах сообщалось, что великие государи имеют непрестанное попечение о всех православных, «живущих под игом поганским», и отправляют ратных людей на крымцев, а потом и дальше на Белгородскую орду и за Дунай. Действительно, в сентябре 1688 г. правительством России был обнародован указ, чтобы ратные люди готовились к походу на крымских татар по первому весеннему пути. В указе о походе повторяется ряд выражений из показаний Исании, что свидетельствует о большом впечатлении, произведённом речами посланца от угнетённых славян.

Крымский поход Голицына отвлек значительные силы татар, которые могли бы быть направлены против австрийского войска. В мае 1689 г. русские полки от Перекопа повернули обратно, и положение Австрии значительно осложнилось вследствие переброски крымских полчищ за Дунай. Тогда австрийцы постарались привлечь сербов на свою сторону. Сербский деспот Георгий Бранкович был пожалован титулом графа Римской империи, и австрийский генерал Пикколомини начал вести переговоры с сербским патриархом Арсением Черноевичем и с сербским старшиной о переходе сербов в австрийское подданство на условиях широкой автономии. Главнокомандующий австрийскими войсками герцог Людвиг Баденский издал прокламацию к жителям Сербии, Боснии, Герцеговины и Албании с приглашением подчиниться императору и, по словам патриарха Арсения, «за то всякие вольности обещал, а наипаче обнадёживал в вере православной пребывание без всякого гонения, по законам церковным и святых отец». Сербы приняли предложение австрийцев и с большим успехом сражались в их рядах. Когда сербам был отрезан путь к примирению с турками, отношение австрийцев к сербам резко изменилось. Одним из первых пострадал новый граф Римской империи, который в конце 1689 г. был арестован и просидел в австрийских тюрьмах до самой смерти, последовавшей в 1711 году. Таким путём был устранён человек, который пользовался большой популярностью среди сербов и мог объединить их для борьбы против австрийцев.

С зимы 1689—1690 г. военное счастье стало изменять австрийцам. Под напором турок австрийские войска начали отступление, перешедшее в настоящее бегство. За австрийцами потянулись и сербы с патриархом Арсением во главе, «бояся от бусурман за отступление от турка и за подданье цесарю мучения», как говорил Арсений². В апреле 1690 г. император Леопольд издал манифест с призывом к сербам ещё раз напрямь уцепля в борьбе с турками, а в случае неудачи переселиться на венгерскую территорию, обещая им политическую и религиозную автономию. Но ничего уже не могло помочь: наступление турок завершилось 1 октября взятием Белграда и полным изгнанием австрийцев из

¹ Каптерев Н. «Поезд в Москву австрийского архимандрита Исания в 1688 г.» «Творения св. отцов». Кн. 2-я, стр. 275—285. 1889.

² Manick Fr. «Sozialgeschichte der Militärgrenze». Bd. I, S. 117—120; Schwicker «Politische Geschichte der Serben in Ungarn», S. 4—16.

сербских земель. На исход кампании повлияли два обстоятельства, нарушившие соотношение сил: выход России из числа активных участников войны и начавшаяся война Австрии с Францией, потребовавшая переброски части австрийских войск на берега Рейна.

Большинство сербов покинуло родные земли и во главе с патриархом Арсением перешло в Венгрию, где и раньше отдельными группами жили их соотечественники. Численность сербов, перешедших в Венгрию, определяется исследователями различно: от 100 до 600 тысяч человек, но большинство придерживается цифры в 37 тыс. семей. Во всяком случае, это было массовое передвижение населения сербской национальности. Сербские земли почти обезлюдели. Помимо тех сербов, которые ушли в Венгрию, немало переселенцев двинулось в Черногорию — под защиту её неприступных скал и воинственного населения. Немногие сербы, оставшиеся в родной стране, испытали на себе всю тяжесть мести турок, которых могла удерживать от поголовного истребления славян только мысль о том, что некому будет платить подати, и влияние визиря Мустафы Чуприлича, который считал опасным для Турции доводить храбрый сербский народ до полного отчаяния.

О тяжёлом положении славян, находившихся под властью турок, неоднократно писал царю Петру иерусалимский патриарх Досифей, не оставлявший мысли об изгнании мусульман с Балканского полуострова и освобождении балканских христиан от турецкого ига. Питая надежду, что освобождение придёт с далёкого севера, Досифей был готов, насколько это от него зависело, содействовать успехам России и вредить Турции. В течение ряда лет он посылал русскому послу в Константинополе, а иногда и прямо в Москву сведения о константинопольских делах, между прочим, о состоянии турецкого войска и флота. Имея в Стамбуле обширные связи, он мог добывать самые секретные сведения³. Услуги патриарха Досифея высоко ценились царским правительством, и направлявшиеся в Турцию русские послы получали указы в своих действиях сообразоваться с мнением Досифея. Находясь постоянно под подозрением у турецких властей, патриарх старался возможно реже видаться с русским послом и сносился с ним через посредство доверенных лиц, между прочим, через посредство старца Григория, серба, который знакомил его с положением сербского народа. «Серви,— писал Досифей,— в Иппекки сущии, от нищеты, от войн, от податей суть якобы не были». Тяжёлые подати взимались даже с малолетних детей, хотя, по закону, обложению подлежали юноши с 14-летнего возраста. Кто не мог уплатить, должен был выбирать между заключением в тюрьму и переходом в магометанство. «Закон его, ложного их пророка, есть, дабы погодно или платили дань, или обусурманились, или смерть, и для той дани многие терпят и сидят многие годы и живут в темницах и умирают от тех нужд, а которые не могут, обусурманиваются и избавляются»⁴.

О тяжёлом положении сербов говорит и русский посол в Константинополе П. А. Толстой, составивший в 1703 г. очень любопытное описание Турецкой империи. Правда, он, несмотря на своё высокое дипломатическое положение, был как бы под арестом, не имея свободы передвижения и общения с нужными ему людьми, однако его описание вызывает большой интерес ввиду постоянных сношений П. А. Толстого с патриархом Досифеем, которого и надо считать настоящим автором политического трактата о Турции. Толстой констатирует запу-

³ Каптерев Н. «Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством», стр. 42.

⁴ Там же, стр. 258. Патриарх Досифей имел связи также с австрийскими сербами, стремившимися освободиться от австрийского ига: один из видных сербских офицеров Пантелеймон Божич, приехавший в Россию с ходатайством австрийских сербов принять их в русское подданство, имел рекомендательное письмо патриарха Досифея. Греческие дела 1704 г., д. № 18, л. 4.

стенне сербских земель и занятие их албанцами: «Великие места в сербской земле и в Бошние разорены и пусты и подданных жителей там нет... А ныне начинают те места людьми наполняться албанезами, которые переведены из мест убогих и пехлебородных, а иные вышли самохотно с гор Албанских на те поля сербские; обаче ещё с них доходов никаких нет и скоро быть не могут, зане ещё не утвердились крепким житием»⁵. Действительно, такие исконные сербские земли, как Коссово Поле, были заселены албанцами⁶. Затем Толстой говорит об отуречении славян Балканского полуострова. «Большая часть янычар,— пишет Толстой,— албанези, сербы, бошняки и болгары, народ европейской храбрейшей, а азиатские люди суть не так мужественны».

Вместе с тем Толстой отмечает, что сербы, волохи и др. «аще и тесноту и озлобление в несносных поборах от них (турок) терпят, зане не имеют ниоткуда никакие помощи, обаче страха их не зело ужасаются и могли бы противу их ополчиться, ежели бы себе откуду христианскую помощь, как и венгры, учинили за помощью цесаря римского».

Толстой вполне правильно отметил отуречение славян, прельщавшихся перспективой освобождения от уплаты тяжёлых податей и получения других льгот, какими пользовались мусульмане.

Отуреченцы быстро сливались с турками, усваивали их нравы и презрение к христианам, становились главными притеснителями славянского населения.

На Карловицком конгрессе Россия впервые поставила вопрос о православных подданных султана на международное обсуждение. 23 октября 1698 г. думный советник Прокофий Возницын представил на рассмотрение держав проект условий предполагаемого мира русских с турками. Пункт 8-й проекта был составлен в таких выражениях: «Церквам божним и монастырем, греческую веру имеющим, везде во владениях его салтанова величества сущим, тако ж и разных народов людем — греком, сербом, болгаром, словаком и иным всем, тое ж веру употребляющим, да будет всякая свобода и вольности безо всякого отягчения и лишних податей, а новонакладные дани да отымутся от них и впредь к тому принуждаемы не будут»⁷. Этот пункт на конгрессе не встретил никаких возражений, и, таким образом, право России вступаться за православное население Балканского полуострова было признано европейскими державами. Такое положение соответствовало тому, что турецкий султан считал себя покровителем всего мусульманского мира, а император претендовал на роль покровителя католицизма; это и отразилось на условиях заключённого между Австрией и Турцией мира в Карловицах в том пункте, который гарантировал турецким подданным римского закона свободу исповедания своей религии⁸.

Возницыну не удалось в Карловицах заключить мир с турками не только вследствие непримиримой позиции, занятой представителями Турции, но и вследствие враждебного отношения некоторых членов конгресса. Единственно, чего добился Возницын, — перемирия на два года, что вызвало неудовольствие представителей Англии и Польши.

Возницын предполагал призвать южных славян к совместным действиям против турок. Он обратился за советом к патриарху Досифею и просил его сообщить свои соображения по такому вопросу: «Можем ли одни воевать (с турками) и помогут ли и пристрадут ли к нам греки, волохи, мултяне, сербы, болгары и иные православные народы и можно ли на них надежду иметь». Неизвестно, что отвечал Досифей, но у Воз-

⁵ Турецкие дела 1703 г., д. № 2, л. 202.

⁶ Кочубинский «Мы и они», стр. 56.

⁷ Памятники дипломатических сношений. Т. IX, стр. 203.

⁸ Schoroff «Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie», p. 2.

ницына окрепла мысль о возможности в борьбе с турками опираться на южных славян, и он писал Петру: «Если бы дойти до Дуная, не только тысячи—тымы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают»⁹. Выражение «нашего языка» показывает, что Возницын тут разумел славян.

Возницын понимал, что южные славяне — естественные наши союзники в борьбе с турками, но могут подняться только в том случае, если русские войска дойдут до Дуная, т. е. вступят в соприкосновение с сербами и болгарами. Далее, Возницын отмечает, что сношения России с Турцией тесно связаны со всей многосложной и запутанной международной политикой, и, следовательно, покровительство России балканским странам может вызвать международные осложнения.

Сербам, переселившимся в Венгрию, было обещано, что они будут состоять в зависимости только от императора и не должны будут подчиняться местным венгерским властям, получат земли между Дунаем и Савой, будут пользоваться правом свободного выбора патриарха и воеводы, смогут свободно исповедывать религию греческого закона, будут освобождены от податей и повинностей, но обязаны защищать австрийские границы со стороны Турции. Вместе с тем было дано уверение, что император примет все меры к тому, чтобы старые сербские земли были отвоёваны у турок и возвращены сербам. Принятая сербами повинность защищать границу требовала от них большой затраты сил и больших расходов на вооружение, и потому освобождение от налогов было естественным, но с этим не могли примириться венгры, плательщики налогов. Венгерские власти с большим неудовольствием смотрели также на сербскую автономию и вмешивались во внутренние дела сербов. Даже венские газеты 1704 г. должны были признать, что венгры с большой жестокостью собирают подати с проживающих на их территории славян¹⁰. Правда, в это время венгры под предводительством Ракоци восстали против австрийцев, но и до этого они относились к сербам враждебно. С другой стороны, католическое духовенство не мирилось с соседством православной автономной общины и принимало все меры, чтобы обратить сербов в католичество или пыталось навязать им унию. Особенное усердие в этой области показывали иезуиты, раздражённые недавним изгнанием их из России¹¹. По плану кардинала Колонича, сербов надо было «сделать сначала рабами, потом нищими и наконец католиками»¹². Венгерское кальвинистское дворянство не отставало от австрийцев в преследовании православных¹³.

В письме, адресованном Петру, патриарх Досифей в 1698 г. так характеризовал положение австрийских сербов: «Немцы сербов, которые к ним бежали, почитая их друзьями вашей святой державы, которые ныне живут около Будина и Коморина, многими кознями стараются прельстить к папёжеству, наипаче силой»¹⁴. Обещание поселить сербов между Дунаем и Савой также не было выполнено, они были расселены не сплошной массой, а отдельными гнёздами. Большинство жило по деревням и, считая своё пребывание в Венгрии временным, согласно

⁹ Соловьёв С. «История России». Т. III, стр. 1229.

¹⁰ Австрийские дела 1704 г. д. № 4, л. 126.

¹¹ Соловьёв С. «История России». Т. III, стр. 1093 сл.

¹² Будилович А. «Очерки из сербской истории». Славянский сборник. Т. II, стр. 311.

¹³ Приехавший в 1706 г. сербский белый поп Яков Велчьев жаловался, что «злостивые венгры страну их попленили и церкви божьи огнём пожгли и церковную утварь и книги все пограбили и его, попа Якова, в конец без остатку разорили». Греческие дела 1706 г. д. № 24, л. 2.

¹⁴ Каптерев Н. Указ. соч., стр. 251.

обещанию императора, не строило себе постоянных жилищ, ютилось в пещерах, землянках и палатках. Жили крайне бедно¹⁵.

Патриарх Арсений не раз обращался в Вену с жалобами на притеснения, которые претерпевали сербы, но положение сербов от этого несколько не улучшалось. Своё горе Арсений излил в беседе с отправленным в Вену в качестве посланника дьяком Кузьмой Нефимоновым. Как доносил Нефимонов в Посольский приказ, патриарх Арсений «с великими слезами» говорил, что «римские духовные, а наипаче езуиты, великую тесноту благочестивым чинят», чего не было даже под бусурманским игом, и многие православные люди перешли в унию. Докладывая об этой беседе, Нефимонов прибавил свои соображения, которые показывают, как тронул его рассказ патриарха: «Нужное, государь, и скорбное житие в гонении от римлян терпят, надеясь и совершенно себе освобождения чают от вас, великого государя». Нефимонов также отметил, что патриарх Арсений «в великом утеснении и скорби живёт». В то же время Арсений послал Петру грамоту с просьбой ходатайствовать об освобождении Бранковича¹⁶.

В 1698 г. в Вену прибыли великие и полномочные послы Лефорт, Головкин и Возницын. К ним обратился Бранкович с жалобой, что его десятый год держат в заключении, хотя император обнадёжил его, что он «будет жить при славяно-сербском иллирском народе во всякой вольности»¹⁷. Есть указания, что состоявший в посольской свите в качестве дворянина царь Пётр виделся с Бранковичем. Патриарх Арсений повторил свои жалобы послам. Возницын, оставшийся в Вене после отъезда двух других великих послов, подал вице-канцлеру графу Кауницу особую записку по делу Бранковича и австрийских сербов с ходатайством за них от имени царя. Император обещал отдать приказ, чтобы патриарх сербский и его единоверны «как до сих пор, так и впредь пользовались совершенной безопасностью и свободой», но при этом выражал уверенность, что католики в России будут пользоваться такой же свободой вероисповедания. Относительно Бранковича император обещал удовлетворить желание царя¹⁸. Несмотря на эти обещания, права сербов в Австро-Венгрии нарушались попрежнему, Бранкович продолжал томиться в заключении до самой смерти, но здесь важен самый факт ходатайства России за сербов и то, что этот факт не рассматривался как вмешательство России во внутренние дела Австрии. Возницын ходатайствовал перед австрийскими властями и по другим вопросам, затрагивавшим интересы сербов: о беспощадном пропуске соли, пожертвованной одному сербскому монастырю в Австрии, о разрешении субунским сербам построить православную церковь¹⁹. Таким образом, было признано моральное право России на покровительство сербам не только в Турции, но и в Австрии.

После Карловецкого договора, по которому за турками осталась южная часть Срем, Банат и все сербские земли к югу от Савы и Дуная²⁰, и австрийским властям и австрийским сербам стало ясно, что возвращение сербов на родную землю невозможно и что временное размещение сербов надо заменить постоянным. В 1702 г. австрийское правительство выработало положение об устройстве военной пограничной Тисса-Мерошской линии и заселении её сербами²¹, но это не избавило их от политического и религиозного угнетения и заставляло всё чаще обращаться с просьбами к далёкую Россию.

¹⁵ Schwickler. Op. cit., S. 32; Вукичевич М. и Семиз Д. «Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру», стр. 105.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений. Т. VIII, стр. 305--308.

¹⁷ Там же, стр. 1374.

¹⁸ Сербские дела 1699 года.

¹⁹ Памятники дипломатических сношений. Т. IX, стр. 557.

²⁰ Погодин А. «История Сербии», стр. 104.

²¹ Schwickler. Op. cit., S. 38.

В ноябре 1704 г. в Москву приехал Тителевский комендант серб Пантелеимон Божич с главным патриархом Доротея. От лица всех начальных сербов, которые живут под цесарем в Банатской земле при границах турецких, он вёл переговоры, не согласится ли царь принять их в своё подданство, причём они обещают «служить против бусурман без всякой платы, никакого ружья не требуя, но только за едино православие». Своё обращение Божич заключил такими словами: «Такожде и прочие сербы, которые суть под бусурманом и венцианами, все во единомыслии с нами пребывают, в чём иные надежды не бове кроме его величества не имеем, и если его величество оставит нас, тогда все православные погибнем». Божич просил сохранить в строгой тайне обращение сербов к царю, а его самого принять на русскую службу²².

В 1708 г. в Москву приехал серб Христофор Туркинович, который привёз грамоты от австрийских сербов. Туркинович рассказывал, что после праздника пасхи 1708 г. сербские офицеры «вышних и нижних чинов» собрались в Крушедольском монастыре на совещание. Они составили грамоты, которые поручили ему, Туркиновичу, свезти в Москву, но так, чтобы никто об этом не знал. В одной грамоте за подписью Исаия Дьяковича сообщается, что он избран преемником патриарха Арсения, умершего в 1706 г., а в другой — сербские капитаны и старшины просят верить тому, что сообщает о сербских делах капитан Пантелеимон Божич, всё ещё проживавший в России, г. е. о желании сербов перейти в русское подданство²³. Словесно Туркинович сообщил, что после многих споров с австрийским правительством сербы только в июне 1707 г. получили возможность устроить собор в Крушедольском монастыре для избрания нового патриарха. Избран был епископ Исаия Дьякович, который, однако, был утверждён императором в сане не патриарха, а митрополита. На том же соборе было решено обратиться к императору с целым рядом представлений по поводу нарушения императорских грамот о даровании сербам особых прав и льгот: о свободе вероисповедания, поселении между Дунаем и Савой и пр. Предпринимаемая решительную борьбу с униатами и нуждаясь для прений с католиками и униатами в образованных и начитанных по богословским вопросам проповедниках, собор ходатайствовал также о разрешении открыть сербские школы и типографии. Требования сербов остались нерассмотренными. Однако движение среди сербов было настолько серьёзным, что возбуждало тревогу у австрийских властей. Об этом писал в своих донесениях русский посол в Вене Урбих.

В мае 1710 г. в Москву от австрийских сербов приезжал сотник Богдан Попович с письмом полковников Ивана Текелия и Воллина Потыседа, которые зывали к царю: «Милостивым оком воззри на нас убогих и твоими царскими щедротами промышели о нашей отеческой сербской земле... ярмом бусурманским обременённой... Не забудь и нас малейших приглашением царским и милованием своим, да и мы потщимся службою своею за своего православного царя»²⁴. Таким образом, мысль, высказанная Возницыным о возможности в борьбе с турками опираться на помощь сербского населения, стала принимать определённые очертания: воинственные сербские племена, переселившиеся в Венгрии, предлагали свою помощь в завоевании сербских земель, захваченных турками, и называли Петра «своим царём». И действительно, полковник Текелий, получив ответную грамоту с призывом царя Петра вооружаться для борьбы с му-

²² Соловьёв С. Указ. соч. Т. III, стр. 1578; Греческие дела 1704 г., д. № 18, лл. 2, 11. Сохранились расписки сербских монастырей в получении через Божича богослужебных книг. От Житомирского монастыря расписку подписали Гавриил и Михаил Храбреневичи Милорадовичи. Греческие дела 1706 г., д. № 31.

²³ Сербские дела 1708 г.; Греческие дела 1708 г., т. № 19.

²⁴ Соловьёв С. «История России». Т. IV, стр. 61.

сульманами, тайно начал организовывать сербов на освободительную войну²⁵.

Черногория, состоявшая в конце XVII и начале XVIII в. из нахий Кагунской, Речской и Лешанской²⁶, клином вдавалась в турецкие владения и могла, с одной стороны, служить исходным пунктом для оттеснения турок с Балканского полуострова, а с другой — мешала продвижению турок к побережью Адриатического моря. Хорошо понимая такое значение Черногории, Турция стремилась подчинить себе эту страну. Но Черногория благодаря своей бедности не представляла такой завидной добычи, чтобы предпринимать опасные экспедиции в малодоступную, горную страну. Черногорцы с успехом отбивались от турецких полчищ и часто тревожили турецкие владения. Постоянная война требовала много жертв от черногорцев, но ряды их всё время пополнялись беглецами из областей, находившихся под турецким владычеством: из Косова Поля, Сараева, Травника и др.²⁷. Это были предприимчивые и решительные люди, готовые отомстить туркам за все унижения, которые они принуждены были терпеть у себя на родине.

С западной стороны Черногория имела другого опасного соседа — Венецию, которая владела частью Иллирийского побережья и стремилась расширить свои владения в глубь Балканского полуострова и вдоль побережья Адриатического моря. В своих владениях венецианские власти насаждали католицизм и преследовали православное духовенство, подчиняя его деятельность контролю католических епископов и обращая православные церкви в католические костёлы. Католическая пропаганда проникла в Боснию, Герцеговину, Черногорию и Албанию. Из описания Скадрского санджака Марива Болицы видно, что среди непокорённых турками горцев уже в начале XVII в. было немало католиков. Так, например, к северу от Подгорицы 17 сёл были населены приверженцами римского обряда, но западному берегу озера Скадра католики населяли 22 села и т. д.²⁸.

Береговая полоса Адриатического моря, принадлежавшая Черногории, постепенно сокращалась под натиском венецианцев с севера и турок с юга, а в 1720 г. Черногория была совсем отрезана от моря. Но и до этого года черногорцы могли пользоваться морскими путями только под контролем венецианцев. Черногория имела свой хлеб с плодородных равнин, стада с её горных пастбищ давали продукты питания, кожу, шерсть, но она не имела промышленности для снаряжения войска. По мере того как огнестрельное оружие вытесняло холодное, положение черногорцев становилось всё сложнее: ружья, пушечные порохи, свинец приходилось покупать в других странах, главным образом в Венеции; провозить военные припасы можно было или с согласия венецианских властей или втайне от них. И турки и венецианцы готовы были завладеть Черногорией и ассимилировать сербское население.

Черногорцы пытались давать отпор восточным и западным захватчикам, но этому мешали немногочисленность черногорцев, бедность и кроме того разобщённость племён, мало признававших общую власть своего духовного и светского главы — митрополита. Каждое село пользовалось самостоятельностью и часто с большой враждебностью относилось к соседнему селу.

Черногория, расположенная между двумя сильными государствами, должна была искать покровительства одного из них, и потому прославленная независимость черногорцев очень часто переходила в вассальную

²⁵ Сербские дела 1715 г., д. № 1.

²⁶ Голубинский «Краткий очерк истории православных церквей, болгарской, сербской и румынской», стр. 600.

²⁷ Ровинский П. «Черногория», Т. I, стр. 503.

²⁸ Там же, стр. 736, 805.

зависимость от одного из этих государств. Так было и в XVII и в XVIII веках. Во второй половине XVII в. Черногория фактически находилась под властью Венеции, и митрополит черногорский Виссарион свои письма к проведитору Далмации заканчивал словами: «Вашего господства вешту целивамо». Это не было простым знаком вежливости, так как Виссарион и воеводы от лица «всего черногорского сбора» в грамотах на имя дожа называли себя «верни подложници преведрога господина принчина». В Цетинье находились венецианцы, и рядом с Цетиньевским монастырём, где имел свою резиденцию митрополит черногорский, жили иезуиты²⁹.

Вместе с венецианцами черногорцы вели войну с турками³⁰, но она окончилась для черногорцев крайне неудачно: турки проникли в самый центр Черногории, разоряя всё на своём пути; Цетиньевский монастырь был сожжён. Успех похода Сулеймана-паша на Цетинье в 1690 г. П. Ровинский объясняет таким образом: черногорцы почувствовали всю тяжесть власти венецианцев и, видя в наступающих турках своих избавителей, оказали им очень слабое сопротивление. Находившиеся в Черногории венецианские войска были разбиты³¹.

После разгрома 1690 г. черногорцы, видимо, принуждены были платить туркам дань. В 1714 г. Шафиров писал из Константинополя о военных приготовлениях турок, раздражённых против «монтенегринов, которые и по се число им не покорливы и никакой дани им не платят, как преж сего было обыкновенно»³². Выражение «преж сего» может относиться к периоду от 1690 г. (нашествие Сулеймана) до 1702 г. (избиение турок во всей Черногории). После победы турок черногорцы снова попали в зависимость от Турции. Теперь черногорцы оказались врагами венецианцев, и доступ военных припасов в Черногорию был крайне затруднён. Более того: даже после разрыва черногорцев с турками венецианские власти старались показать, что Венеция находится на стороне Турции, и поэтому затрудняли военные действия черногорцев. Причина такого поведения крылась в положении, создавшемся после Карловацкого соглашения. По договору, Венеция получила от Турции Морею, но хорошо понимала, что Порта неохотно мирится с этой потерей и не преминет воспользоваться удобным случаем для отвоевания своих прежних владений. Так как коалиция держав, боровшихся с турками, уже распалась, венецианцы, оставшись одни лицом к лицу с турками, боялись возобновления войны и избегали всего того, что могло быть принято Портой за акт недоброжелательства.

С 1516 по 1851 г. Черногория управлялась митрополитами, которые соединяли в своём лице и религиозное руководство и командование войском. В 1696 г. на митрополичий престол был выбран 16-летний Даниил Петрович, человек редкой энергии. Его мечтой было создание сильного, независимого от турок государства. Большую роль вносили в среду сербско-отурченцы — проводники турецкого влияния. Под праздник рождества 1702 г. митрополит Даниил устроил поголовное избиение живших в Черногории турок и отурченцев. Спаслись только те, которые объявили, что они переходят в православие. Это было объявлением войны Турции. Действительно, турки начали военные действия, но в 1706 г. потерпели от черногорцев решительное поражение. Тем не менее положение Черно-

²⁹ Ровинский П. «Двухсотлетие сношений России с Черногорией». ЖМНП № 9—10. 1912 г., стр. 5—7.

³⁰ Венецианцы действовали против турок не только оружием, но и ядом. В 1688 г. католический монах из Ливорно, по имени Филипп, имел поручение отравить скадрского Сулеймана-пашу, но нашёл, что имеющийся у него яд недостаточно надёжен, и просил прислать яд посильнее, чтобы подсыпать его в кофе, предназначенное для Сулеймана.

³¹ Ровинский П. Указ. соч., стр. 6—7.

³² Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 238.

рии оставалось очень опасным: турки могли опять собрать большие силы, тогда как черногорцы вследствие враждебной позиции венецианских властей с трудом добывали для себя военные припасы. Митрополит Давид должен был искать сильных покровителей для Черногории.

Савва Владиславич Рагузинский, иллирийский торговец, оказавший немало услуг по дипломатической части русским представителям в Константинополе и перешедший на русскую службу, пользовался полным доверием у Петра и канцлера Головкина. В ожидании войны с Турцией он получил поручение использовать свои обширные связи в Турции, Сербии и Австрии для выяснения настроений правящих кругов Турции, состояния её военных сил и пр. и вместе с тем завязать более тесные сношения со славянами и подготовить выступление их на стороне России в борьбе с Турцией. Нам известны некоторые агенты, завербованные на службу России. В Константинополе большие услуги оказывал России папский нунций архиепископ Галлани, родом из славянского Далматинского приморья. Галлани в течение нескольких лет, пока не был отозван из Константинополя на другой пост, писал канцлеру о настроениях, господствовавших в разных кругах Турции, о передвижении турецких войск, о состоянии флота, о переговорах Порты с иностранными послами ит. д. Подобные же сведения Галлани сообщал русскому послу в Константинополе. Шафиров дал о нём такой отзыв: «Арцыбискуп и папёжский викарий Игаланий, который родом рагузинец, человек добрый, живот свой рад положить за интерес государя»³³. Другим осведомителем по турецким делам также было высокое лицо в дипломатическом мире, голландский посол в Константинополе граф Кольер, действовавший вместе со своим секретарём Тейльсом. Кольер за свои услуги получал ежегодно по 1000 золотых. Среди приморских славян вёл работу ещё один видный представитель католической церкви, архиепископ которский Змаевич, получавший инструкции от Головкина и Саввы Владиславича. Змаевич призывал сербов восстать против турок. Он писал в Россию, что он действовал, не жалея трудов и издержек и пренебрегая опасностью. Когда турки стали усмирять сербов и многие из них бежали в горы, Змаевич затратил все свои средства на их содержание³⁴.

Поднять австрийских сербов на борьбу против турок можно было без всяких усилий: они сами предлагали свои услуги. Грамота, посланная русским правительством в марте 1711 г. с сотником Богданом Поповичем сербским полковникам, выражала желание воспользоваться этими услугами. Когда началась война, русское правительство снова обратилось с письмами к полковникам Текелию, Вулину и Хаджи. Затем Савва Владиславич уже во время похода с архимандритом Григорием Сербениным в начале мая послал этим полковникам письмо, побуждая их без замедления двинуться на соединение с русской армией. В этом письме более полно приведены имена полковников и загадочное имя Хаджи, очень похожее на мусульманское, имеет дополнение: Хаджи Момей Рашкович. Таким образом, раскрывается, что это был славянин. Савва напоминает полковникам, что им многократно писалось и они приглашались присоединить свои войска к русским для освобождения «не токмо от ига бусурманского, но и против церкви православной гонителей и получить древние вольности и прежних деспотов владения обновить». Савва ставит полковников в известность, что войска под командой графа Шереметева в количестве 30 тыс. человек перешли Днестр, а за ними тем же путём движется большая армия с царём Петром во главе, и что, наконец, ожидается прибытие 4 тыс. венгров под командой Ракоци. Про себя Савва Владисла-

³³ Турецкие дела 1713 г., д. № 7, л. 81.

³⁴ Турецкие дела 1712 г., д. № 6, л. 369.

вич говорит, что он тоже родом серб «от гор ваших» и находится при армии Шереметева «ради отправления в сем походе министерских дел и воинского совета». Письмо оканчивается призывом принять участие в войне и, «час не почекавши», сообщить, что полковники предполагают предпринять³⁵.

Несколько нарушая хронологическую последовательность, укажем, что в результате побуждений Саввы Владиславича вместо обещанных полковниками десятков тысяч сербских воинов в Прутском лагере оказалась ничтожная группа в 148 человек австрийских сербов во главе с несколькими офицерами.

В более поздних документах упоминается имя сербского капитана Балюбаш, сражавшегося на р. Пруте. В 1727 г. при образовании сводного сербского гусарского полка в числе капитанов был и Балюбаш, о котором говорится: «Капитан Балюбаш в 1711 г. был с ротой при Пруте и с того времени обретается в службе ЕИВ безотлучно и к службе заобычайны и во всех делах по доброй оного капитана команде исправны и послушны»³⁶. Неудачи полковников нашли различное объяснение в исторической литературе. Кочубинский считает, что австрийские сербы, числом в 19 тыс. человек, шли на помощь Петру, но волошский господарь Бранкован, изменивший Петру, не допустил их перехода через Дунай³⁷. С таким объяснением нельзя согласиться. Прежде всего движение такого большого войска не могло ускользнуть от внимания австрийских властей и не вызвать с их стороны самого энергичного протеста. Между тем из русского посольства в Вене не последовало никакого сообщения ни о движении сербов, ни об австрийском протесте. Повидимому, рассказ о 19 тыс. австрийских сербов основан только на письме царю Петру от Фомы Кантакузена, старавшегося, насколько возможно, очернить в глазах царя своего врага Бранкована и потому преувеличившего роль Бранкована в задержке движения австрийских сербов. Никульче, приведший в своей хронике упомянутое письмо Фомы Кантакузена, говорит только о том, что 20 тыс. сербов были готовы идти на соединение с царской армией³⁸. Правильнее будет предположить, что сербы не могли выполнить своего обещания потому, что австрийские власти проведали про намерения такого большого количества сербов и приняли меры, чтобы воспрепятствовать переходу своих подданных в лагерь Петра. Аркулей, о котором речь будет ниже, рассказывая о своих скитаниях по Италии и Балканскому полуострову до появления в Черногории в 1712 г., упоминает о своём пребывании в Петервардейне: «Поехал я до Петервардына, чтобы подать куражу сербам, и по несчастно сыскал капитана Богдана Марковича в фортеции скована железами... А реченное несчастье приключилося капитану Богдану от одного серба в его же партии, понеже того ж дня, в которой определился подняться с 15 тысячами сербов в споможение оружия российского, был от реченного сербеллина предан и объявлен бунт. Того ради немцы поймали его, яко начального бунтовщика, с которым и другие многие пострадали... Мне не было никогда позволено превестися на другую сторону Дуная, чтоб мог сообщение иметь с митрополитом сербским»³⁹. Аркулей, по характеристике Саввы Владиславича, — «вор и плут», но приведённому выше отрывку его рассказа можно верить, так как в данном случае ему не было никакого основания искажать истину. Из показания Аркулея можно вывести заключение, что австрийские власти раскрыли намерение сербов до их выступления и арестовали руководителей. Далее, путь через Дунай лежал по направлению к Черногории,

³⁵ Черногорские дела (без даты).

³⁶ Сербские дела 1715 г., д. № 1; Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 69, стр. 924.

³⁷ Кочубинский. Указ. соч., стр. 117.

³⁸ Fragments tirés des chroniques Moldaves et Valaques par M. Kogalnicean, p. 67.

³⁹ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 21—23.

а из Петервардейна идти на соединение с царской армией надо было в сторону от Дуная, а не через Дунай, так что Бранкован не мог помешать движению сербов. Показание Аркулея свидетельствует также о том, что число участников предполагаемого похода на помощь Петру действительно было очень значительное.

Богдан Попович, приехавший ещё раз в Россию, чтобы ходатайствовать о возмещении понесённых им убытков, вполне определённо указывает причины неудачи австрийских сербов. Он рассказывает, что Бранкован написал в Вену императору донос, что австрийские сербы собираются помогать Петру, и просил помешать этому предприятию. Император принял соответствующие меры против выступления сербов и произвёл аресты организаторов выступления. Б. Попович просидел в тюрьме много месяцев и был выпущен, как он слышал, по ходатайству Петра⁴⁰. Версии Аркулея и Поповича близки друг к другу и, повидимому, соответствуют действительности.

20 ноября 1710 г. Турция объявила войну России, и русский посол Толстой был заключён в Семибашенный замок. Весть об этом дошла до Петра, находившегося в Петербурге, 22 декабря. Пётр сделал последнюю попытку поддержать мир и возобновить дипломатические сношения с Турцией, но, убедившись, что посланное султану письмо осталось без ответа, 22 февраля 1711 г. обнародовал манифест о войне с турками. Начался набор войска, а также были приняты меры дипломатического характера.

2 марта 1711 г. был подписан патент на имя Дмитрия Боциса, назначенного консулом в Венецию. Этот документ не даёт определённых указаний, чем должен заниматься консул в городе, с которым не велось никаких торговых сношений⁴¹, но по характеру деятельности Боциса можно заключить, что главной его обязанностью было наблюдение за славянскими делами и работа среди славян в целях вовлечения их в войну с турками. Позднее в Венецию был назначен ещё политический агент — Матвей Каретта, которому дана была инструкция также очень неопределённого содержания. Повидимому, Каретте было поручено сговориться с папой и Мальтой относительно их участия, в той или другой форме, в войне с Турцией. На это указывает письмо Каретты, написанное под впечатлением известия о заключении Прутского договора: Каретта пишет, что теперь нечего думать о союзе с папой и Мальтой⁴².

3-м марта было датировано послание к балканским славянам с призывом помочь России против бусурман. Послания адресованы всем христианам греческого и римского закона в Сербии, Славонии, Македонии, Боснии и Герцеговине. В грамоте заключаются обвинения, направленные против Турции, которая, не удовольствовавшись захватом Греческой империи, завладела и другими землями, разоряет их и вводит магометанство, а теперь турки вошли в соглашение с еретиком, королём Швеции, и несправедливо объявили России войну, не опасаясь силы русского оружия, покрытого славой в боях со шведами. Ввиду этого «понудохомся» собирать на войну свои силы и силы союзников и намерены принять личное участие в войне за освобождение христиан от бусурманского ига. Удостоверившись «из многих историй, яко древние ваши короли, деспоты и князи и прочие господа не токмо от языка словенска славно всегда почитахуся, но и оружием сами себя по всей Европе храбро ославляху», царь призывал воспользоваться удобным случаем и вместе с русскими «воевать за веру и отечество, за честь и славу вашу, за свободу и вольность вашу и наследников ваших». Если все подымутся единодушно, то

⁴⁰ Греческие дела 1715 г., д. № 1.

⁴¹ Уляницкий «Русские консульства». Т. II, стр. 67—70.

⁴² Сношения с Венецией 1712 г. д. № 2, л. 1—12.

«поганина Магомета наследницы будут прогнаны в старое их отечество — в пески и степи аравийские»⁴³.

Сравнивая грамоту с письмами Саввы Владиславича, приходим к заключению, что именно он был её составителем. Грамота была написана в нескольких экземплярах. Грамоты и письма Саввы Владиславича были посланы с чернецом Моисеем Митоановичем, превратившимся в капитана Ивана Ивановича Албанеза. Приехав в Бухарест, Албанез застал там Михаила Милорадовича, родом из Герцеговины, занятого своими личными делами. Ему были адресованы письма Саввы Владиславича и канцлера Головкина, из которых можно заключить, что Савва Владиславич «и прочие» засвидетельствовали перед царём и канцлером «христианскую ревность и храбрость» Михаила Милорадовича и сообщили им о его «в воинских делах знаменитость против врагов христианского имени, искусстве и ревности». Следовательно, Милорадович уже имел опыт в борьбе с турками. Царь пожаловал его полковничьим чином с выплатой жалованья по этому чину и единовременным пособием в 500 золотых. Вместе с тем Милорадовичу давалось ответственное поручение. «Прошу, — писал Савва Владиславич, — да изволишь пойти в Сербию, Албанию и к климентам, кучам, черногорцам и иным и увещавайте оных, дабы собрав воевали на турков... А грамоты посылаются вашему благородию за монаршеской печатью; изволь оные рассылать или сам отдавать, кому надлежати будет по надписаниям их или как лучше знаешь по своему рассуждению». Милорадович бросил все свои дела и в сопровождении капитанов Албанеза и Ивана Лукичевича из Подгорицы отправился за Дунай, в Черногорию, откуда стал рассылать грамоты по Черногории, Македонии, Боснии, Герцеговине и Албании⁴⁴.

Во всех многочисленных грамотах, которые посылали в Россию черногорские старейшины, говорится о том необыкновенном энтузиазме, с которым был встречен царский призыв. Однако такой энтузиазм проявлялся не везде, и дело не обошлось без значительных затруднений при организации ополчения. Руководители столкнулись с раздробленностью страны на самостоятельные общины. Необходимо было разрозненные силы подчинить общему командованию и притом не только черногорцев, но и их соседей-сербов, пожелавших принять участие в войне с турками. Оказалось, что некоторые общины не внушали доверия, другие не могли принять участия в борьбе вследствие недостатка оружия, а некоторых надо было прельщать подарками. Для решения всех неотложных вопросов было созвано совещание, на котором присутствовали и черногорцы и сербы. Было решено верно служить русскому царю и дать в этом присягу, от ненадёжных общин потребовать заложников, собирать деньги на

⁴³ Грамота неоднократно перепечатывалась. Наиболее правильное воспроизведение находим у сербских историков, которые имели возможность копировать подлинную грамоту, — у Милотиновича и Андрича, тогда как Милакович допустил некоторые пропуски. Те из русских историков, кто брал текст грамоты у сербских историков, передавали грамоту правильно, хотя также допускали пропуски. Те же, кто принимал текст грамоты, данный Голиковым в XII томе «Деяний», давали читателю такой текст, который имеет ряд отступлений от того, что было в действительности послано в Сербию и Черногорию, и представляет, по всей вероятности, проект грамоты, подвергшийся потом исправлению. Наиболее существенные изменения сводятся к следующему: 1) у Голикова пропущено о славе древних сербских государей не только среди славян, но и по всей Европе; употребление в грамоте собирательного названия «славяне» придаёт тексту специфический характер; 2) данный Голиковым текст заключает в себе малоубедительные ссылки на подвиги Александра Македонского и Скандерберга, чего нет в подлинных грамотах. Очень неисправен текст, помещённый в «Истории России» Соловьёва: в основу взят текст Голикова, но с неотмеченными пропусками; пропущено обращение в начале грамоты. Но именно из «Истории России» Соловьёва очень многие исследователи, касавшиеся истории сношений России с Сербией, брали текст грамоты. Отметим опечатку, допущенную Голиковым: в обращении вместо «римской» веры в «Деяниях» читаем «ерусалимской».

⁴⁴ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 76.

военные нужды с монастырей и церквей, командование войском поручить Михаилу Милорадовичу, а его брата Гавриила отправить от лица всех сербов в Россию для выяснения положения дел и исхода тайствования пособия деньгами и военными припасами⁴⁵. Роль Михаила Милорадовича как объединителя разрозненных сил была так значительна, что когда он уехал из Черногории, сербские старшины обратились к Петру с просьбой снова прислать «господина кавалера Михаила» для объединения сербов⁴⁶.

Большую энергию в объединении племён проявили также братья митрополита Даниила — Демьян и Родион Негуши, которые, по показанию Даниила, «всякие дела во время воинское для соединения с нами пограничных племён союзниками чинили своим коштом... хоронили в своём доме аманатов горских, которых мы взяли были для верности... издержали своего имения 600 червонных золотых по их присяге»⁴⁷. Митрополит Даниил вложил в общее дело всё своё имущество, «весь расточился». Деньги пошли, между прочим, на покупку 620 аршин венецианского сукна по червонцу за аршин для раздачи тем сербским воинам, которых без подарка нельзя было увлечь на войну⁴⁸.

Сербы, жившие на турецкой территории ближе к городам, занятым турками, опасались подняться против поработителей. Поэтому некоторые из герцеговинских племён отправили в Россию доверенных лиц — Николая Властелиновича и Волкашина Петровича, «чтоб усмотря, если царское величество изволит их взять под свою протекцию, и они ради такожде соединиться и на неприятеля воевать; а когда им было невозможно воевать, что живут близко городов турецких и от черногорских далеко». В Герцеговину был отправлен в качестве командира капитан Албанез. Он собрал отряд в тысячу человек. Другим отрядом в Герцеговине командовал воевода Славуй Днакович⁴⁹.

Афанасий, патриарх сербский и болгарский, архиепископ печский, писал в Россию из Белграда 4 июля 1711 г.: «Попрани еси и заблудили от рода поганого агарянского и в тяжких бедах обретаемся... не имамы надежду токмо на единого бога, паки на ваше пресветлое царское величество... аще би се подигла война от наше стране, и сам буду на поможение и на службе изляти кровь свою за веру православну и за поможение вашему пресветлому величеству». Агентом в турецкой части Сербии был капитан Алексей Попович, который дважды упоминается в письме Саввы Владиславича к М. Милорадовичу от 4 марта 1711 г.: Алексея Поповича, «в Ипеккии пребывающего», царь жалует чином полковника русской армии и 500 золотых; и далес, Савва Владиславич просит М. Милорадовича: «Изволь писать брату капитану Алексею, дабы и он с своими хорватами (?) мог потрудиться в такой праведной войне»⁵⁰. Других упоминаний об Алексее Поповиче пока не найдено.

Оставив венецианскую службу, явились добровольцы с Иллирийского побережья, в том числе упомянутый Славуй Днакович; за это он

⁴⁵ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 76.

⁴⁶ Сербские дела 1712 г., д. № 1. Милорадович Г. «О роде дворян и графа Милорадовича», стр. 17—19. Можно предположить, что М. Милорадович раньше не служил в русском войске; указание на это находим в письме Головкину гетмана Скоропадского от 17 октября 1715 г., где Милорадович характеризуется «яко иноземец, войсковых ваших порядков не знающий». Там же, стр. 23. В упомянутой книге говорится о знатном происхождении Милорадовичей, но имеются и другого рода сведения об этой фамилии. В 1745 г. черногорский сердар Стефан Иванович, желая поступить на русскую службу и прося себе достойного его знатности чина, приводит в пример Милорадовича, «который и не из дворянства полковником в Малой России пожалован». Сербские дела 1746 г., д. № 2, л. 16.

⁴⁷ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 93.

⁴⁸ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 25; Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 80.

⁴⁹ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 96.

⁵⁰ Сербские дела 1711 г., д. № 2, л. 2; Милорадович Г. «О роде дворян и графа Милорадовича», стр. 18—19.

был наказан венецианскими властями полным разграблением его имущества. Адъютантом Милорадовича был Кузьма Страцинович, состоявший раньше на венецианской службе, «а дому его с сродниками было великое разорение от венецианов, что он пошёл на службу царского величества»⁵¹. На содействие албанцев было мало надежды. Как доносил агент в Венеции Каретта, «албанезы зело множайшие суть и сильнейшие монтенегринов, но они ни единого движения не учинят, ежели не будут награждены деньгами и начальниками, чтобы управлять ими; понеже их будет 24 тысячи, учинили бы великие вреды, понеже суть храбрый народ»⁵². Может быть, Милорадович разумел албанцев, когда писал Боцису, что он мог бы набрать ещё 20 тыс. бойцов, если бы имел деньги, порох и свинец⁵³.

Выше было уже отмечено, что призыв Петра был обращён не только к православным, но и к католикам. Католики, по всей вероятности, исключительно славяне, откликнулись на призыв. 5 февраля 1712 г. Милорадович писал Боцису: «Ещё объявляю, что мы латинской церкви 500 добрых человек имеем, которые присягали, что верно служить хотят»⁵⁴.

Всего, по сообщению Милорадовича в письме к Боцису, против турок собралось по призыву Петра 29 800 бойцов. Повидимому, сюда причислены и те добровольцы, которые были набраны в землях, отвоёванных восставшими в первые дни войны. Несколько меньшую цифру даёт Каретта — 25 тысяч воинов⁵⁵. Число черногорцев Боцис в письме к канцлеру определял в 10 тыс. человек: «Из негромонтанов до сего времени (18 августа 1711 г.) собралось слишком 10 тысяч»⁵⁶. Необходимо отметить, что греки не решились подняться против турок, и поэтому этнографический состав восставших был однороден—это были сербы. В качестве исключения можно указать на одного турка, храбро сражавшегося против своих соотечественников в рядах сербов, но это был христианин.

Более состоятельные сербы на содержание войска тратили свои личные средства. Капитан Иван Албанез в Герцеговине содержал на свои средства две роты, к которым присоединились на своём иждивении другие добровольцы—численностью в 800 человек. Славуй Диакович также служил с герцеговинцами «с компанией своей, а на компанию свою давал плату своими деньгами»⁵⁷. Выше было указано, что Негуши и Змаевич тратили на войну свои средства, однако всего этого было недостаточно. Вооружение сербов оставляло желать лучшего. Только половина солдат имела ружья, а пушек совсем не было, что делало осаду городов, в которых засели турки, делом, совершенно безнадёжным. Милорадович писал Боцису: «Мы не имеем денег, сколько на солдат потребно, и, ежели мне правду сказать, то венециане нам ни пороху, ни ядер, ни что к войску потребно продавать не хотят; оные нас ни через свою землю ниже на море не пускают, понеже их генерал им то заказал»⁵⁸. Аркулей также говорит о блокаде побережья Далмации генералом Пизани по приказу венецианского правительства: «Для препятія всякого вспоможения монтенегрином как морем, так и сухим путем, имея такой указ от республики Венецкой, и зело промышлял, чтоб мог дать в руки турецкие начальников монтенегринских, а потом и прочих

⁵¹ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 94.

⁵² Сношения с Венецией 1712 г., д. № 2, л. 24.

⁵³ Сербские дела 1711 г., д. № 2.

⁵⁴ Там же, д. № 1.

⁵⁵ Сношения с Венецией 1711 г., д. № 4, л. 48.

⁵⁶ Сербские дела 1712 г., д. № 2, л. 7.

⁵⁷ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 93—96.

⁵⁸ Сербские дела 1712 г., д. № 1.

отдать в жертву»⁵⁹. В связи с этим Милорадович просил присылать оружие морем, надеясь как-то избежать контроля генерала Пизани.

Хотя командиром войска был выбран Михаил Милорадович, однако руководящую роль в военном деле играл митрополит Даниил. Это видно из того, что при нём состоял военный совет из представителей армий, действовавших на поле битвы. Так, Славуй Диакевич был «от всех воинских и земских начальников герцеговинских» командирован, как показывал Даниил, «чтоб быть при нас в совете для всяких отправлений». Митрополит назначал воевод на их посты: командировал Албанеза в Герцеговину командовать тамошними повстанцами, назначил по полкам Николая Властелиновича, Раича Крекуна и др.⁶⁰

Войско собралось в очень короткий срок: 5 июня Милорадович разослал грамоты, а 15 июня сербы уже разбили турок близ Гадска⁶¹. Воодушевление было большое, уверенность в успехе поддерживалась известием, что русское войско приближается к границам Молдавии. Ждали скорого падения Константинополя. Князья и воеводы из-за Хелмья писали в Москву, что они «надеялись на царское величество по обещанию послов, что скоро придет к Царьграду, пришлёт к ним на потребу из своей казны денег»⁶². Второе сражение было под Нишем, и турки опять были разбиты, а затем последовали другие удачные для сербов сражения. В короткое время турки были изгнаны из Приморья, освобождена Герцеговина и часть Македонии. Укрывшиеся в городах турки были изолированы и не имели между собою связи. Сербы, по словам Милорадовича, «с великим войском бились и многие турецкие mosqueи разорили и великий округ турецкой области взяли, многие деревни сожгли, многие дистрикты пустыми учинили, в Албании и Герцеговине многие города осадили и турков в конфузию привели, так что они собираться и коммуникацию между собою иметь не могли»⁶³. Из более крупных крепостей были осаждены сербами Никишич, Служ, Подгорица и Жебляк⁶⁴. Среди таких успехов неудача русского оружия на реке Пруте была тяжким и непоправимым ударом для сербов⁶⁵.

Как известно, Пётр, понадеявшись на обещанные волошским господарём Бранкованом войска и провиант, а также на помощь балканских славян, двинулся против турок с небольшим войском. Он не успел предупредить турок переходом через Дунай, что должно было вызвать широкое восстание против турок их христианских подданных, был окружён превосходящими силами турок и, чтобы не попасть в плен и не потерять всего войска, 12 июля 1711 г. заключил с турками мир ценой потери Азова и уничтожения ряда русских южных крепостей. Английский посол в Петербурге Витворт 22 августа доносил своему правительству о неудаче Петра и о заключении мира; «События эти вызвали чрезвычайную радость во всей Турции, так как ей, по всем вероятиям, предстояли большие смуты, если бы царь действовал осторожнее и дал развиваться интригам и симпатиям православного населения, очи и сердца которого стремились к новому мессии до того, что православные, проживающие и во владениях императора, бросили всё и бежали под царские знамёна»⁶⁶.

Если весть о прутской неудаче дошла до Петербурга через месяц с небольшим, то в Венеции даже в начале сентября не знали подробностей

⁵⁹ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 24.

⁶⁰ Сербские дела 1714 г., д. № 1.

⁶¹ Соловьёв С. «История России». Т. IV, стр. 100.

⁶² Сербские дела 1711 г., д. № 2.

⁶³ Сербские дела 1712 г., д. № 1.

⁶⁴ Ровинский П. «История Черногории». Т. I, стр. 517.

⁶⁵ Государственный архив. Разр. X, отд. I, д. № 30, л. 98. Бумаги о делах с азиатскими народами 1711—1728 годов.

⁶⁶ Сборник РИО. Т. 50, стр. 48С.

разыгравшихся событий, и Боцис имел превратное представление об условиях Прутского договора.

Черногорцы не хотели верить, что заключён мир. «Как мир заключён,—писал Милорадович,—и мы ничего не знаем»⁶⁷. Славуй Николаевич, посланный в Россию, чтобы выяснить положение дел, при допросе сказал: «Турков немало побили, а потом, не зная, что делать, ибо у царского величества с турками меж тем учинился мир, ретировались от турков в горы ближе к Венеции». Славую сербами поручено было запросить канцлера, действительно ли мир состоялся; если это так, то они, сербы, «стали б добрыми способы с турками примирения искать, а ежели миру не учинено, то они паки готовность свою представляют с турками воевать токмо на то повеления его царского величества ожидают и что надобно к той войне им потребностей, о том он объявит г. канцлеру графу Головкину»⁶⁸. В середине июля 1712 г. поехал в Россию и сам Милорадович, вероятно, тотчас же после получения письма от Боциса. Неизвестно, заключили ли перемирие с турками черногорцы при Милорадовиче или после его отъезда. Оно продолжалось долгое время и имело силу даже в конце 1713 года. О перемирии писал графу Головкину митрополит Даниил из Цетинье 25 ноября 1713 года. Он сообщил, что черногорцы, узнав о заключении мира, «учинили временное с турки перемирие, в чём и до сего числа пребываем без всякие добрые надежды, не знаячи, куды обратиться и от кого помощи и наставления искати»⁶⁹.

Заклучив перемирие, черногорцы отказались принять предложение турок заключить мир, не имея на то указания со стороны России. Об этом моменте рассказывает митрополит черногорский Василий Петрович в своей книге «История о Чёрной Горе»: «Порта по заключении мира с Россией определила послать великое число войска на Чёрную Гору предводительством сераскера Ахмет-паши, котори в 60 тысящах турецких войск наступал на Чёрную Гору в 1712 г., но от черногорцев совершенно была разбита. По той победе Оттоманская Порта рассудила за благо искать мира у черногорцев, но они, обещавшись исполнить соизволение имп. Петр В. и повелительного указа на то не имели, верность свою отказать покусились и в мире неприятелем отказали»⁷⁰. Употреблённые митрополитом Василием Петровичем такие выражения, как «повелительный указ», «верность», показывают, что он считал Черногорию вассалом России.

Черногорцев ввёл в заблуждение Павел Аркулей. Это был боцман русского флота, посланный за границу с бумагами для русских агентов в Венеции. В этом городе ему удалось завладеть некоторыми предметами из имущества Саввы Рагузинского, в том числе русским орденом и хрустальными пуговицами. Аркулей уже после заключения Прутского договора приехал в Черногорию и там, выдавая себя за «государственного тайного секретаря», от имени Петра потребовал, чтобы черногорцы продолжали военные действия против турок ввиду того, что царь не намерен держаться мирного договора, а опять идёт на турок. Вместе с тем Аркулей возложил на Милорадовича привезённый из Венеции орден и потребовал составления именного списка черногорцев, принимавших участие в борьбе против турок для выдачи всем царского жалованья. «И те бедные народы, по словам Саввы Рагузинского, приняли его как ангела и чинили шпалеру оружием, как первому генералу». Добившись доверия и расположения черногорцев, Аркулей приступил к осуществлению истинной цели своей поездки в Черногорию. Он объявил, что ездил в качестве царского посла по итальянским государствам, издержал взятые с собой деньги, но имеет при себе царские алмазные пуговицы, стоящие 1100 зо-

⁶⁷ Сербские дела 1711 г., д. № 2, л. 6.

⁶⁸ Сербские дела 1712 г., д. № 2, л. 1—2.

⁶⁹ Сербские дела 1714 г., д. № 1, л. 32.

⁷⁰ «Чтения». Кн. 2-я, стр. 10. 1860.

лотых червонных, и он просит ссудить его тысячью червонных под заклад драгоценных пуговиц. Черногорцы с большим трудом собрали требуемую сумму, продав церковные сосуды, и вручили её Аркулею. Пока обман не раскрылся, черногорцы долгое время ждали обещанного жалованья и мужественно сражались с турками⁷¹.

В Цетиньевском архиве сохранился очень любопытный документ — договор, заключённый Михаилом Милорадовичем от лица царя с черногорцами. В этом договоре объявляется, что царь принимает черногорцев в своё подданство, но обещает сохранить за ними полную самостоятельность в гражданской и церковной жизни, свободу от каких-либо повинностей и поборов; черногорцы со своей стороны обязуются в случае войны быть на стороне России и защищать свои земли, причём им идёт царское жалованье. Ровинский считает договор актом русской государственной власти; Кочубинский не сомневается, что договор был подписан Милорадовичем по поручению Петра, и прибавляет, что договорная грамота «с тех пор сделалась для них (черногорцев) грамотой уставной, определявшей долго отношения их к нам и наши к ним»⁷². Заключение подобного договора со стороны черногорцев было актом вполне естественным, так как они в этот период с трудом сохраняли свою независимость. Митрополит Даниил ещё до прутской катастрофы писал царю о своей надежде, чтобы «все их грады и провинции были под державою царского величества»⁷³. Но относительно полномочия, полученного будто бы Милорадовичем на заключение договора с черногорцами, возникают серьёзные сомнения. Известно, с какой тщательностью московские дипломатические канцелярии выработывали тексты договоров, а между тем цетиньевский документ не носит никаких следов канцелярской обработки и, очевидно, составлен лицом, далёким от понимания дипломатических тонкостей. Предположение, что Милорадович был уполномочен сам составить и подписать договор без сношения с Посольским приказом, совершенно исключается. Достаточно прочесть вводную часть договора, чтобы усомниться в правильности взглядов Ровинского и Кочубинского: «Мы, божьею милостью великий полковник и кавалер благочестивого царя Петра Алексеевича... над многими государствами государь и обладатель»⁷⁴. Пункты договора изложены крайне путанно и неясно. Надо подчеркнуть, что Милорадович мог считать себя «кавалером» только после возложения на него ордена авантюристом Аркулеем; несуществовавший в русской армии чин великого полковника дан, вероятно, тем же самозванцем, и это приводит к мысли, что именно Аркулей, изображавший из себя не вполне бескорыстно доброго гения черногорского народа, был инициатором договора и от лица царя уполномочил Милорадовича заключить и подписать этот договор. Это предположение находит себе подтверждение и в других наблюдениях. Насколько можно было проследить, ни в каких документах Посольского приказа нет упоминания о договоре 1712 г. с Черногорией, нет ничего и в деле о приезде Милорадовича, где перечисляются его заслуги; по приезде в Москву Милорадович более года не мог добиться свидания с Петром и Головкиным, чего не могло бы случиться, если бы он действительно исполнил важное дипломатическое поручение.

Опасность возобновления войны России с турками всё увеличивалась. Очевидно, не знали, как поступить с Милорадовичем и какие дать через него инструкции черногорцам. Наконец, Савва Владиславич предложил сенату такой план: полковника Милорадовича, пожалованного государевой «персоной», определить на службу в нерегулярные полки до будущего года, «а тамошним народам писать, дабы к предбудущему году

⁷¹ Сербские дела 1721 г., № 2, л. 24—27

⁷² Ровинский П. «Двухсотлетие сношений России с Черногорией», стр. 17; Кочубинский. Указ. соч., стр. 165.

⁷³ Сербские дела 1711 г., д. № 2.

⁷⁴ Ровинский П. Указ. соч., стр. 16.

готовились с обстоятельством против неприятеля воевать, а в сию компанию лестили бы туркам к приязни, дабы их впредь могли лучше обмануть, когда от царского величества указ и жалованье им послано будет»⁷⁵. Однако пронёсся слух, что турки возобновили военные действия, и 30 декабря Пётр распорядился о спешном отправлении Милорадовича на войну. Он указал сенату: «Вы того полковника и товарищей его, удовольствовав жалованьем, также дав, что пристойно к ведению им войны против турок на воинские потребности, отправьте их с Москвы без задержания... дабы они против сих неприятелей всякие поиски и военный промысел чинили со усердным радением»⁷⁶. Из осторожности в указе не упоминается, куда должны направиться Милорадович с товарищами, но едва ли можно сомневаться, что их послали в Черногорию. Австрийские сербы о приготовлениях к войне были предупреждены ещё раньше через Михаила Кантакузена⁷⁷.

Однако Милорадович не успел покинуть пределы России, и напрасно австрийские сербы готовились оказать помощь русскому войску: султан отказался от мысли возобновить непопулярную в народе войну и, несмотря на все усилия французской и шведской дипломатии натравить Турцию на Россию, начал с Шафировым переговоры о мире, о чём Шафиров донёс Петру письмом от 13 марта 1713 г., а 15 июля того же года в Адрианопле был подписан новый мирный договор, в котором о балканских славянах, так же как и в Прутском, не было никакого упоминания.

Черногория переживала тяжёлые времена. В 1714 г. турки прервали перемирие с черногорцами и начали военные действия. О готовящемся нападении турок на сербов главный драгоман Порты Маврокордато сообщил Шафирову. Это сообщение звучит иронией, так как Маврокордато, конечно, знал и о сношениях сербов с Россией и о невозможности для России защитить балканских славян. Шафиров доносил канцлеру: «Магазины в Салонике делают и воинские предуготовления чинят будто против монтегринов, которые и по се число им непокорливы и никакой дани им не платят, как преж сего было обыкновенно. И подлинно то, что послан против оных Чуперли Нуман-паша, который преж сего недолго был визирем, и велено ему с бошняцкими и албанскими пашами совокупясь, трудиться их искоренять, как о том и Маврокордат нам приказывал, тако ж и от иных многих мы за подлинно уведомлены. Но многие рассуждают, что то учинено токмо для претексту, чтоб под оным чинить против венециан... ибо против монтегринов им тель многих воинских предуготовлений чинить не для чего, понеже их малоллюдно и живут в таких неприступных местах, что их и добыть трудно и токмо разве принудить голодом»⁷⁸.

О самом нашествии турок на Черногорию русские правящие круги могли узнать из письма митрополита Даниила, полученного в Москве архидиаконом Максимом и сообщённого в Посольский приказ. В октябре 1714 г. Нуман-паша собрал в Герцеговине 40-тысячное войско, не считая многочисленной конницы, обещанием заключить мир привлёк в свой лагерь черногорских воевод и князей, задержал их, «а мир не сделал и войско пустил с четырёх сторон, понеже они вошли в середину Чёрной Горы, на Негуше. Потом Оман посылал войско по всей Чёрной Горе, на воеводу Вукоту послал 3 пашей и тут была великая баталия 4 дни и 4 ночи и турок много побито было и не могли оные бусурмане ничего сделать, Ахмет-паша серазгер Босанский и Хусейн-паша Авлунский, Браим-паша Охридский и стали на Цетине... Оман объявил султанский указ разорить и вырубить всю Чёрную Гору, потом которых выше-речённых бояр наперёд обманул и привёл к себе и порубил протопопа Милича и иные 13 бояр и разослал войско по всей Чёрной Горе... Потом на-

⁷⁵ Сербские дела 1712 г., д. № 2

⁷⁶ РИО. Т. XI, стр. 254.

⁷⁷ Соловьёв С. Указ. соч. Т. IV, стр. 634—636.

⁷⁸ Турецкие дела 1714 г., д. № 3, л. 238.

ши усмотрели, пришли со всех стран и великую баталию тут сделали, бой был 3 дня и 3 ночи, много турок побили, полон выручили... Послан был воевода Мояш в город Катару венецианский купить пороху и свинца, но там ничего не продали, потому что венециане согласие имеют с туркам, пуще бусурманов нам неприятели... Мояша отдали туркам и иных жён и детей 60 душ христианских, которые от страха ухоронились... С князя Вукоты Павичевича Одраша сняли кожу, воеводу Тодора Попова посадили на кол, а воеводе Тодору Калабичу живому ремни резали»⁷⁹.

Раненый в боях с турками, митрополит Даниил, которого усердно разыскивали турки, удалился в Вену, откуда 10 декабря 1714 г. послал письмо канцлеру Головкину, прося разрешения самому приехать в Россию для получения указаний о том, что должны делать черногорцы. «До сего времени, — добавил Даниил, — которые в горах остались, будут меня с оружием ожидать и не смирятся, что будет всякому верному в память, как православные за своего православного монарха служат на своём харчу токмо по указу единому»⁸⁰.

О том, что происходило в это время в Черногории, имеются отрывочные сведения в письме секретаря голландского посольства в Константинополе Тейльса на имя русского посла в Вене Матвеева. «Монтенегринцы, — писал Тейльс, — которые не были в бою против турок, поддались паше губернатору янинскому и обещали платить годовую дань, но здешний крайний визирь кажется тем договором быть недовольным и желая больше, чтоб те все люди вырублены были»⁸¹. Из сообщения Тейльса видно, что среди черногорцев не было полного согласия в это тяжёлое для их отечества время.

Приехав в Россию, митрополит Даниил виделся с Петром и, повидимому, произвёл на него благоприятное впечатление. Самое важное было то, что Даниил убедился, что Россия с турками воевать не может и что все её силы направлены на борьбу со шведами. В благодарность за помощь в войне с турками и в изъявление братских чувств Пётр наградил черногорских воевод деньгами и своими портретами, назначил ежегодную выдачу сербам 10 тысяч рублей, пожаловал митрополиту Даниилу полное архиерейское облачение и пр. Вместе с тем был определённо решён вопрос о сербах, желавших переселиться в Россию.

Когда приехавший из Черногории архидиакон Максим указал, что некоторые из восставших сербов не могут вернуться в родные места, находящиеся под властью турок или венециан, то ему было объявлено, что подобные лица с удостоверениями от митрополита могут приезжать в Россию, где им будут даны земли, «а денежной дачи за нынешним военным временем дать им невозможно»⁸². Максим получил только словесное обещание, а 31 января 1715 г. был издан указ, по которому славяне, перешедшие на русскую службу, получали и земли и денежное жалованье; им отводились земли в Азовской и Киевской губерниях и назначалось годовое жалованье, денежное и хлебное: капитанам по 60 рублей и по 60 четвертей хлеба; чем ниже чин, тем ниже был и оклад, — рядовые получали по 12 рублей и по 12 четвертей хлеба. Размер отводимой земли также находился в зависимости от чина⁸³. Черногорцам была дана жалованная грамота с похвалой за общие с Россией военные действия против турок «по единоверию и единойзычию», с соболезнованием по поводу перенесённых тяжёлых бедствий и полного разорения и, наконец, с обещанием вознаграждать пока небольшой суммой в связи с большими расходами по ведению шведской войны, а потом и более значительными пожалованиями. Вместе с тем сербам давался совет пока примириться с турками⁸⁴.

⁷⁹ Сербские дела 1713 г., л. 35.

⁸⁰ Там же, л. 52.

⁸¹ Австрийские дела 1715 г., д. № 4, л. 49.

⁸² Соловьёв С. Указ. соч. Т. IV, стр. 100.

⁸³ Сербские дела 1715 г., л. 3.

⁸⁴ Соловьёв С. Указ. соч. Т. IV, стр. 295—297.

Перед отъездом из России митрополит Даниил подал «Реестр сербам, которые обретаются в Российском государстве, а желают возвратиться в своё отечество». Тут перечисляются сербы, приехавшие в Россию, чтоб разведать, как должны поступать их соотечественники: воевавшие с турками два брата Негуши, архидиакон Максим, Николай Властелинович, Волкашин Попович и другие, — всего 11 человек. В том же списке упомянуты воевода Славуй Диакович и его прапорщик Савва Бранчевич, которые не имели возможности возвратиться в отечество, так как жили в венецианских владениях и имущество их было разграблено венецианскими властями за участие в войне, а «сродники странствуют в чужих краях». Список заканчивается такими словами: «Засвидетельствую, что все они достойны помилования и награждения за их верное служение и за разорение домов своих за имя царского величества». По решению коллегии иностранных дел, все перечисленные в реестре получили награждения деньгами и портретами царя, а оставшиеся в России кроме того — населёнными землями. Так, Славуй Диакович получил портрет в 14 червонных, денег 300 рублей, и ему же подыскивалась на Украине деревня в 30—40 дворов⁸⁵. Полковник Михаил Милорадович ещё раньше получил награждение и был назначен полковником Гадяцкого полка, причём ему в заслугу поставлено, что руководимые им военные действия сербов отвлекли турецкие силы от «большого наступления» на русские войска⁸⁶.

Возвратившийся в Черногорию митрополит Даниил нашёл страну разорённой. «Все разорено, — писал он Головкину, — расхищено и мечу предано и в плен отведено, а некий малый остаток в горах спасалось и сохранилось»⁸⁷. По словам митрополита Василия Петровича, «вокруг турки нападши на Чёрную Гору нечаянно нашед без опасности, пятую часть земли огню и мечу предали»⁸⁸. Митрополит Даниил принялся приводить в порядок то, что осталось. Войны последних лет наглядно показали, как важно объединение страны под одной властью. Поэтому Даниил провёл реформу управления страной, которая состояла из автономных общин, не всегда подчинявшихся власти митрополита. Скупщина, то есть народное собрание, повидимому, созывалась только в экстренных случаях: для избрания митрополита, объявления войны, заключения мира, для решения важнейших вопросов внешней политики. По новому положению, во главе гражданского управления стоял выборный губернатор, которому были подчинены местные власти; он председательствовал в народном собрании, судил по важнейшим делам, вёл дипломатические переговоры; местное управление было поручено сердарам и князьям⁸⁹. Местопребывание губернатора было в Которе в интересах большего удобства для сношений с иностранцами, главным образом с венецианцами. Возможно, что план реформы сложился у митрополита Даниила благодаря знакомству с порядками России: главный правитель назван губернатором, как и глава Петровской губернии, — такое название не употреблялось ни в венецианских, ни в турецких владениях.

Путешествием Даниила в Россию закончились совместные действия русских и сербов в войне против турок. Громадное пространство, отделявшее Россию от Балкан, не позволило укрепить и развить политические связи и как основу их — связи экономические. Но кратковременное сближение выявило и укрепило племенные и культурные связи, не прерывав-

⁸⁵ Милорадович Г. Указ. соч., стр. 26.

⁸⁶ Сербские дела 1715 г., л. 3.

⁸⁷ Там же, 1721 г., д. № 2.

⁸⁸ «Чтения». Кн. 2-я, стр. 10. 1860.

⁸⁹ Бакич Д. «Черногория под управлением владык». ЖМНП. 1878 г., август, стр. 233.

шиеся в течение долгого времени. В XVII в. южные славяне, в небольшом числе посещавшие Россию, пользовались вниманием и поддержкой по единоверию наравне с греками. В конце века к этому прибавился другой признак близости — единопзычие. В 1697 г., отправляя Григория Островского в приморские славянские страны для найма матросов, Пётр наказывал ему разведать: «Словенский ли язык употребляют и мочно ли с ними русскому человеку о всём говорить и разуметь»⁹⁰. Пётр еще сомневается в близости славянских языков, а один из его ближайших сотрудников, Прокофий Возницын, уже определяет политическое значение родства языков, и, присоединяя сюда единство веры, высказывает такой афоризм: «Наш народ, наш язык, наша вера»⁹¹.

Появление в России сербских политических деятелей, которые в начале XVIII в. один за другим приезжали приглашать Петра взять на себя защиту южных славян и даже принять их под своё подданство по единоверию и единопзычию, послужило шагом к дальнейшему сближению, причём единопзычие, этот яркий признак племенного единства, становится впереди единоверия, заслоняя его. Перед Прутским походом Пётр в своих воззваниях обратился к славянам без различия вероисповедания — к христианам и греческого и римского исповедания. Католики приняли участие в общем деле и с благодарностью упомянуты в грамотах, данных Петром после войны. В петровских грамотах говорится о славянском народе⁹² без различия вероисповедания. Напомним, что среди партизан славянского движения видную роль играли прелаты римской церкви Галлани и Змаевич—родом славяне. Конечно, плата, которую получал Галлани, далеко не компенсировала опасности, которой он подвергался, да и полученные деньги он употреблял, между прочим, на подарки своим агентам, среди которых был один из секретарей шведского короля Карла XII в Бендерах. В письме к Шафирову Галлани высказал свою точку зрения: хотя сербы римского и греческого закона различным образом почитают бога, однако молятся на одном славянском языке, и потому и те и другие одинаково почитают за честь служить московскому царю. Вместе с тем Галлани просил Шафирова похотайствовать перед сербским патриархом Калинником, чтобы тот не требовал дани с сербов-католиков. Патриарх уважил просьбу Галлани, хотя «конные латиняне, в Сербии живущие, издревле патриархом сербским платили дани, а потом уже лет с 15 как в данех воспротивились»⁹³.

Сближение с сербами в 1711 г. вызвало у Петра интерес к истории славян. В том же 1711 г. русскому поверенному в Вене Урбиху было поручено выяснить вопрос о происхождении славян. В своей реляции от 4 ноября 1711 г. Урбих сообщил канцлеру Головкину, что он обратился по поводу этого к некоторым чешским и немецким учёным и просил достать книги по данной теме. В ответ Урбих получил указания только на две книги авторов Franesly и Durot. В дальнейшем Урбих обратился к Лейбницу, который уже имел сношения с Петром и был непрочь поступить на русскую службу. Помощь Лейбница, впрочем, ограничилась небольшой запиской о происхождении славян. Он отождествил славян с сарматами, занимавшими в древности обширную территорию от Оби почти до Вислы; гунны, по мнению Лейбница, также были сарматами; из сар-

⁹⁰ Древние акты исторические (ДАИ). Т. XII, стр. 545.

⁹¹ Соловьёв С. Указ. соч. Т. III, стр. 1229.

⁹² Карпович Е. «Об участии России в освобождении христиан от турецкого ига». «Отечественные записки» № 2, стр. 364. 1878; Жигарев С. «Русская политика в восточном вопросе». Т. I, стр. 114. Оба приписывают Петру такие слова в грамотах, адресованных черногорцам, каких не найдём ни в одном списке этих грамот: «С русскими одного рода, одного языка».

⁹³ Турецкие дела 1716 г., д. № 4, л. 48—49. Письмо Галлани сохранилось только в канцелярском переводе, очень неудачном. Отсутствие итальянского подлинника не позволяет более детально передать взгляды Галлани по национальному славянскому вопросу.

матских племён в IX в. приобрели известность русские, которые были так могущественны, что держали в страхе Константинополь. Для более глубоких изысканий Лейбниц просил прислать ему Патерик и другие исторические памятники⁹⁴. В 1714 г. Савва Владиславич, разумеется, с согласия Петра, перевёл с итальянского сочинение по истории славян дубровчанина Мавра Орбини⁹⁵. Находясь в Астрахани и занятый приготовлениями к персидскому походу, Пётр не утратил интереса к славянству и потребовал, чтобы синод прислал к нему перевод упомянутой книги: «Книгу, которую переводил Савва Рагузинский о словенском народе с итальянского языка, другую, которую переводил князь Кантемир о магометанском законе, ежели напечатаны, то пришлите сюда, не мешкав; буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать»⁹⁶.

В сербской народной поэзии мысль о племенной солидарности между русскими и сербами выражена очень отчётливо. В одной из песен воспроизводятся события 1711 года. Пётр обращается к черногорскому народу с призывом помочь в борьбе с турками: «...да избавим мы народ христианский и прославим славянское имя... висте с русма и единого рода, едне вере, едного езика». Но царь «помирися с турком, не по воле он, а по неволе: его турки окружили близу Прута, реки студёной». Тогда «восплакал и старый и малый»⁹⁷.

⁹⁴ Герье В. «Отношение Лейбница к России при Петре Великом», стр. 136—139.

⁹⁵ Заболотский «Очерки русского влияния в славянских литературах». Т. I, стр. 34.

⁹⁶ Соловьёв С. «История России». Т. IV, стр. 802.

⁹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, в. 8, стр. 267. О Сербских песнях, посвящённых Петру, см. у Заболотского.

ТИМУР

(Опыт краткой характеристики)

Проф. А. Якубовский

ИСТОЧНИКИ О ТИМУРЕ

Жизнь и деятельность Тимура хорошо освещены источниками письменными и вещественными. Письменные источники по преимуществу носят повествовательный характер и представляют, с одной стороны, сочинения о деятельности Тимура, составленные при его жизни или вскоре после его смерти, с другой — сочинения мемуарного характера, написанные людьми, лично его видевшими. Немалое значение среди источников имеют эпиграфические памятники — надписи на постройках и произведениях искусства, так или иначе связанные с именем Тимура. Большая часть повествовательных источников о Тимуре носит характер официозный, апологетический и отличается присущими подобной литературе чертами: пристрастием и склонностью излагать события в пользу лица, которому посвящено сочинение.

Внимательное изучение официозной историографии о Тимуре показывает, что он во время своих походов держал при себе «дабиран-и хас» (личные секретари) и «фадила-и аср» (образованные люди эпохи)¹ как из числа уйгурских, так и из числа персидских учёных², которым поручал описание того или иного из своих походов. Так, один из учёных, Омар, с пышным титулом «Насир ал-хакк ва шарият ва дин», сопровождавший Тимура в его походе в Индию, написал, по его поручению, «Дневник индийского похода»³. Книга эта до нас не дошла. Иногда описание похода поручалось нескольким лицам. Надо думать, что в конце царствования Тимура было немало сочинений, вышедших из-под пера дабиров и образованных людей. Одним из них является в известной мере переросшее рамки простого дневника сочинение «Дневник индийского похода», составленное Гияс ад-дином Али⁴. К сожалению, в «Дневнике» не сохранилось указаний на то, сопровождал ли Гияс ад-дин Али Тимура в его походе в Индию или он только обработал чужие записи. В сочинении имеется лишь рассказ об обстоятельствах написания труда. К автору, жившему в Иезде, явился один из приближённых Тимура и предложил ему составить на простом и понятном языке подробный дневник индийского похода, предпослав ему краткое изложение предшествующих войн Тимура⁵.

Сочинение Гияс ад-дина Али было написано, как выяснил В. В. Бартольд, до 12 марта 1403 г., так как в нём упоминается о внуке Тимура Мухаммед султанине как о живом ещё лице и говорится о возможности завоевания Тимуром в ближайшее время Египта и Сирии⁶.

¹ Гияс ад-дин Али «Дневник похода Тимура в Индию», стр. 42. Перс. текст.

² Шерефад-дин Али Иезди «Зафар-Намэ», I, стр. 24 сл. изд. Calcutta.

³ Гияс ад-дин Али. Указ. соч., стр. 49—50.

⁴ Единственная рукопись этого сочинения хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки УзбССР, по каталогу Каля № 146. В 1915 г. «Дневник индийского похода» был издан Л. А. Зиминым под ред. В. В. Бартольда в серии «Тексты по истории Средней Азии». Вып. I.

⁵ Гияс ад-дин Али. Указ. соч., стр. 13.

⁶ Там же, предисловие В. В. Бартольда, стр. XXVIII.

Сочинения, подобные дневнику Гияс ад-дина Али, и легли в основу той официозной историографии, которая даёт нам главный свод фактических сведений о жизни и деятельности Тимура и представляет собой полное обозрение его политической биографии. Первое из этих сочинений, дошедших до нашего времени, — «Зафар-Намэ» («Книга побед») Низам ад-дина Шами. Из биографии Тимура, приведённой в «Зафар-Намэ», мы узнаём, что он, будучи неграмотным человеком (не умел читать ни по-персидски, ни по-турецки), являлся человеком для своего времени весьма образованным и хорошо знал историю стран мусульманского переднеазиатского мира. Тимур держал при себе личных чтецов, которые в часы досуга, дома или в походе, читали ему сочинения по интересующим его вопросам. Тимур одинаково хорошо знал турецкий и персидский, точнее, таджикский, языки и любил книги, написанные простым и понятным слогом.

Сочинение Низам ад-дина Шами является первым по времени лишь из числа дошедших до нас. В предисловии к «Зафар-Намэ» Низам ад-дин Шами вспоминает, что в то время, когда Тимур поручил ему в 804 г. (1401—1402) описать свои походы, история завоеваний Тимура была уже написана, однако последнего она не удовлетворяла⁷.

Значение Низам ад-дина Шами в историографии Тимура выяснено уже с полной убедительностью⁸. Низам ад-дин Шами был родом из Шама, пригорода Тебриза, почему и назывался Шами, т. е. Шамец. С Тимуром он встретился в Багдаде вскоре после завоевания города в 795 г. (1392—1393) и тогда же поступил к Тимуру на службу. Низам ад-дин Шами написал «Зафар-Намэ» простым и ясным слогом и в этом отношении вполне удовлетворял требованиям и вкусам Тимура. Коренное отличие «Зафар-Намэ» Низам ад-дина от сочинения Гияс ад-дина Али в том, что первое охватывает всю политическую деятельность Тимура. Низам ад-дин предпослал своей книге введение, рисующее состояние Средней Азии до появления на исторической арене Тимура в 1360 году. С этого года он начинает подробный рассказ. Закончил своё сочинение Низам ад-дин Шами до смерти Тимура, т. е. до 1405 года. Последняя глава «Зафар-Намэ» посвящена описанию празднеств в Карабаге Аранском (Советский Азербайджан)⁹ весной 1404 года. «Зафар-Намэ» написано на материале дневников отдельных походов, которые велись вышеупомянутыми секретарями и историографами Тимура. Издатель сочинения Гияс ад-дина Али Л. А. Зимин доказал, «что описание индийского похода у Низам ад-дина сделано целиком путём извлечений и сокращений рассказа Гияс ад-дина Али»¹⁰. Значение «Зафар-Намэ» Низам ад-дина Шами как источника для изучения Тимура и его времени исключительно велико. Собранный в нём свод фактического материала лёг в основу всех последующих сочинений, посвящённых жизни и деятельности Тимура. Несмотря на апологетический характер изложения, историку легко разобраться в том, что в его рассказе достойно доверия и что требует к себе критического отношения.

Вторым по времени крупным сочинением о Тимуре, также носящим официозный характер, является большой труд Шереф ад-дина Али Иезди под таким же заглавием — «Зафар-Намэ» — «Книга побед». Как показывает имя автора, он был родом из города Иезда (Западный Иран). Жил Шереф ад-дин сначала при дворе Шахруха (1405—1447), а потом при дворе его сына Ибрахим-султана, бывшего правителем Фарса. Последние

⁷ Низам ад-дин Шами «Зафар-Намэ», стр. 10—11. Изд. Tauer. Praha. 1937.

⁸ Библиографию по этому вопросу см. В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, стр. 105. 1941.

⁹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 292—295.

¹⁰ Гияс ад-дин Али. Указ. соч. Предисловие издателя, стр. VI. Подтверждение этому мы находим в сравнении текста «Дневника индийского похода» с текстом «Зафар-Намэ» Низам ад-дина Шами.

годы своей жизни Шереф ад-дин Али Иезди провёл в местечке Тафт, вблизи Иезда, где и умер в 1454 году.

Сочинение Шереф ад-дина Али Иезди, написанное уже после смерти Тимура, было закончено в 828 г. (1424—1425). Шереф ад-дин указывает, что начало этой работы положено было внуком Тимура Ибрахим-султаном с помощью его секретарей в г. Ширазе. Шереф ад-дин лишь литературно обработал это произведение. Повидимому, Шереф ад-дин Али Иезди сильно преувеличил роль своего покровителя в деле написания «Зафар-Намэ», что в известной мере объясняется характером отношений между царевичем-правителем и зависящим от него придворным писателем-историком. Кто бы ни был автором второго по времени «Зафар-Намэ», в основу его он положил текст сочинения Низам ад-дина Шами, что легко проверить путём сравнения основных частей обеих книг. Однако у Шереф ад-дина Али Иезди приведено больше фактического материала, чем у его предшественника; объясняется это тем, что у него были дополнительные источники. Шереф ад-дин обращался не только к труду Низам ад-дина Шами, но к тем же дневникам походов, что и последний, причём извлёк отсюда больше фактов, чем его предшественник.

В распоряжении Шереф ад-дина был источник, которым Низам ад-дин Шами не пользовался совсем, — хроника «Тарих-и-Хани», составленная в стихотворной форме уйгурскими секретарями, на уйгурском языке, уйгурским письмом. К сожалению, этот источник, не раз упоминаемый в восточной историографии, до нас не дошёл. Черпал сведения Шереф ад-дин Али Иезди также у отдельных участников походов Тимура, в рассказах которых было немало деталей, совершенно отсутствующих в упомянутых выше дневниках.

Труд Шереф ад-дина, включающий много новых по сравнению с трудом Низам ад-дина фактов из жизни Тимура, касающихся, правда, деталей, имеет и больше недочётов. Мы имеем в виду прежде всего стиль его труда: «Зафар-Намэ» написано языком пышным и витиеватым, так насыщено фразеологией, что часто страницу рассказа можно свести к нескольким строчкам. Прозаическое изложение пересыпано стихами, в подавляющем большинстве принадлежащими самому Шереф ад-дину. В ещё большей мере, чем его предшественник, Шереф ад-дин является апологетом Тимура. Автор везде, где только возможно, восторгается Тимуром, старается показать, что поступки его вызывались благородством его побуждений и являлись плодом его глубокой мысли. В тех случаях, когда, как во время «грязевой битвы» 1365 г. на берегу р. Чирчика, Тимур вместе с эмиром Хусейном были полностью разбиты, Шереф ад-дин целиком перелагает вину на сподвижника Тимура, старшего эмира Хусейна. Даже такие жестокие поступки Тимура, как истребление по его приказанию населения в восставшем Исфагане в 1387 г.¹¹ или убийство 100 тыс. пленных перед сражением в Индии с дехлевийским султаном Махмудом, находят у Шереф ад-дина полное оправдание. Впрочем, так же высказывается по этим вопросам и другой историограф Тимура — Низам ад-дин Шами¹².

Как образец хвалебного тона изложения позволим себе привести несколько строк из сочинения Шереф ад-дина Али Иезди. Описывая своё впечатление от соборной мечети Тимура, выстроенной последним в годы 1399—1404 на средства, награбленные во время индийского похода, автор восклицает: «Если ты ищешь сравнения для арки и купола её макусы, ничего нельзя сказать, кроме как — млечный путь и небесный свод. Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ей парой»¹³.

¹¹ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 434.

¹² Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 188.

¹³ Якубовский А. «Образы старого Самарканда». «Восток». Т. V, стр. 153.

В этих строках восхваление Тимура переходит всякие границы. Трудно себе представить, как мог правоверный мусульманин сказать: «Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением» вместо «Купол был бы единственным, если бы не был повторением неба».

В апологетике Шереф ад-дина Али Иезди разобратся нетрудно, и историку легко критиковать «Зафар-Намэ» как исторический источник. К «Зафар-Намэ» написано обширное предисловие — «Мукад-дамэ», однако до сих пор нет уверенности, что автором его является Шереф ад-дин Али Иезди. Характерно, что наиболее старые рукописи «Зафар-Намэ» не содержат этого введения. В предисловии даётся, главным образом по Рашид ад-дину, изложение событий, начиная от Чингис-хана до Тимура.

Совершенно в стороне от линии сложения двух «Зафар-Намэ» — Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди — находится такой ценный источник, как «Аноним Искендера». Долгое время не знали, кто был автором сочинения, известного в науке под именем «Анонима Искендера». В конце своей жизни В. В. Бартольд смог наконец определить, что автором «Анонима» является некий Муин ад-дин Натанзи¹⁴, служивший при дворе внука Тимура Искендера (сын Омар-шейха), бывшего наместником в Фарсе и Исфагане между 1409—1414 годами. По его поручению и составил Муин ад-дин Натанзи своё сочинение¹⁵.

Последнее не является историей только правления Тимура. Изложение событий, связанных с именем Тимура, занимает лишь одну главу его общего сочинения по истории. Внимательное чтение раздела о Тимуре убеждает, что источники его иные, чем у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. В тексте Муин ад-дина Натанзи встречается много тюркских и монгольских слов; это обстоятельство дало возможность предположить, что основной источник «Анонима Искендера» был написан на тюркском языке и не был известен двум вышеупомянутым историкам¹⁶. Ввиду несовпадения данных этого источника с данными уйгурской хроники Тарихи Хани исключается возможность их отождествления.

Сочинение Муин ад-дина Натанзи составлено в 1413—1414 гг., т. е. на 11—12 лет раньше сочинения Шереф ад-дина. Как дополнительный источник по истории Тимура, оно чрезвычайно важно, так как заключает в себе факты, совершенно отсутствующие в других источниках.

Указанными выше авторами источники о Тимуре не исчерпываются. О жизни Тимура много написано у Хафиза Абру, Абд ар-Резака Самарканди и Мирхонда, знаменитых историков XV в., составивших сочинения по всеобщей истории. Из них Хафиз Абру при написании своего труда использовал, с одной стороны, сочинение Низам ад-дина, с другой — упомянутый выше безымянный источник на тюркском языке, на данных которого построена глава о Тимуре у Муин ад-дина Натанзи. Однако Хафиз Абру извлёк из тюркского источника немало таких сведений, которых совсем нет у Муин ад-дина Натанзи. В этом большая ценность главы о Тимуре у Хафиза Абру. Что касается Абд ар-Резака Самарканди, так же как и писавшего вскоре после него Мирхонда (умер в 1498 г.), то оба они использовали (непосредственно или опосредственно) Низам ад-дина Шами, Шереф ад-дина Али Иезди и более всего — Хафиз Абру.

Таковы сочинения по истории Тимура, вышедшие из среды придворной тимуровской и тимуридской историографии и носящие официальный и апологетический характер.

Наряду с ними имеются письменные источники, авторы которых

¹⁴ См. Бартольд В. В. «Определение «Анонима Искендера». Доклады АН СССР. Б. 1927, № 6, стр. 115—116.

¹⁵ Одна из двух рукописей находится в Институте востоковедения АН СССР под шифром С 331.

¹⁶ А может быть, и просто не использован.

происходили из среды, никак не связанной с придворной жизнью Тимура и его преемников, и имели полную возможность высказываться свободно.

Среди этих источников необходимо прежде всего отметить большой труд по истории Тимура, составленный на арабском языке Ибн Арабшахом, «Аджаиб ал-макдур фи наваиб ал-Тимур» («Чудеса предопределения в событиях (жизни) Тимура»)¹⁷.

Несколько слов из биографии Ибн Арабшаха сделают понятным характер его книги о Тимуре. Ибн Арабшах — араб по происхождению, родом из Дамаска, родился в 1388 году. Двенадцатилетним мальчиком он был взят в плен Тимуром и увезён в Самарканд. Всё виденное и пережитое в детские и отроческие годы предопределило его отношение к Тимуром, которого он ненавидел со всей страстностью своей незаурядной натуры. К походам Тимура и его грабительской и захватнической политике он относился глубоко отрицательно, что сказалось на всей его книге, хотя Ибн Арабшах нигде не отказывает Тимуром ни в уме, ни в организаторском таланте, ни в военном гении. Книга Ибн Арабшаха в качестве своего основного источника имеет как личные наблюдения и воспоминания автора, так и рассказы современников Тимура, участников его походов, участников и свидетелей многих его дел и событий его царствования. Нечего и говорить, как много фактов из жизни Тимура известно нам только по книге Ибн Арабшаха! Особенно интересно и ценно у Ибн Арабшаха описание тех фактов и событий из жизни Тимура, которые изложены и освещены у Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Али Иезди. Сравнение описания событий в официозной историографии с критическим освещением Ибн Арабшаха часто помогает разобраться в том, как протекали они на самом деле и какое они произвели впечатление на современников. Такая сравнительная работа полезна, между прочим, и в том отношении, что даёт нам право считать хотя бы формально достоверными факты, сообщаемые официозной историографией, — место, время, масштабы происшедших событий и фактов. Ибн Арабшах был образованным человеком; будучи в плену, он много путешествовал, побывал в Хорезме, Астрахани, Сараях, Крыму, изучил языки персидский, монгольский, а в Адрианополе, уже при возвращении на родину, — турецкий.

Огромное значение для истории Тимура имеет известное посольство Рюи Гонзалеса де Клавихо, отправленное ко двору Тимура в Самарканд кастильским королём Генрихом III. Посольство выехало из Испании в 1403 г. и вернулось на родину в 1406 году. В Самарканде посольство провело значительную часть 1404 года. Клавихо виделся с Тимуром несколько раз, говорил с ним, много слышал рассказов о нём, лично побывал в Самарканде и других городах в государстве Тимура. Всё виденное и слышанное он записал в форме дневника¹⁸. Рюи Гонзалес де Клавихо — наблюдатель тонкий и умный. Его положение независимо, и его отношение к Тимуром могло быть беспристрастно. Так же, как Ибн Арабшах, он записывал не только лично им виденное, но и то, что ему приходилось слышать. Если Ибн Арабшаха можно ещё упрекнуть в пристрастном, отрицательном отношении к Тимуром, то Клавихо этого нигде не проявляет.

Сочинения обоих этих авторов, представляющие группу частных свидетельств о Тимуре, являются ценнейшими источниками о его юности и молодых годах. Известно, что данные о молодых годах Тимура в официозной историографии отсутствуют; подробные данные о жизни Тимура начинаются лишь с похода Токлук-Тимура на Мавераннахр в 1360 году.

¹⁷ Лучшее издание текста сделано в Калькутте в 1818 г. Ахмедом аш Ширвани. Более раннее издание Manger с латинским переводом выпущено в 1762—1772 годах. Библиографию об Ибн Арабшахе см. Е. J. II. 385. Об английском переводе Sanders см. рецензию И. Ю. Крачковского. «Советское востоковедение». Т. II, стр. 293—297.

¹⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 годах». Подлинный текст с переводом и примечаниями И. И. Срезневского. С.-Петербург. 1881.

Молчание это, конечно, объясняется тем обстоятельством, что годы юности и ранней молодости Тимура были полны событиями, которые компрометировали его. Извращать факты официозная историография не хотела, почему и предпочитала первые 25 лет жизни Тимура вычеркнуть из его биографии.

В качестве весьма заслуживающего внимания источника о молодых годах Тимура нужно отметить и русскую летопись. Русская летописная историография XV—XVI вв. хорошо была осведомлена как о событиях в Золотой Орде XIV—XV вв., политической жизни Средней Азии, связанной с деяниями царя Темир-Аксака XIV—XV вв., так и об историко-географических представлениях о Ближнем Востоке. Небезынтересно, что восточная историография XV в., хорошо осведомлённая в географии и истории мусульманских стран, не имеет даже самых элементарных сведений о Руси. Ниже мы будем иметь возможность убедиться, насколько ценен рассказ Никоновской (или Патриаршей) летописи о ранней молодости Тимура.

Огромную роль для политической и культурной истории времён Тимура играют в качестве первоисточника памятники материальной культуры, особенно знаменитой тимуровской архитектуры.

Первоклассные постройки и их остатки, относящиеся ко времени Тимура, — мечети, мавзолеи, ханаки, дворцы (городские и загородные) в Самарканде, Шахрисябзе, Туркестане и других местах, — дают возможность судить о технических приёмах возведения построек, о технике и художественных приёмах орнаментации зданий поливными изразцами (резные, расписные и мозаичные наборы), о мотивах и темах этой орнаментации, наконец о связи всех этих приёмов орнаментации с культурным наследием Мавераннахра и стран, покорённых Тимуром, откуда он вывез в Среднюю Азию, особенно в Самарканд, так много различных мастеров, художников и учёных. Исключительное место на этих постройках занимают надписи — коранические и светские. Среди последних мы находим даты построек, имена строивших их зодчих, имена мастеров, выкладывавших замечательные изразцовые композиции. В надписях можно, наконец, встретить выражения, характеризующие представления Тимура о значении его власти, титулатуру, которую он применял к себе, и т. д.

Тимуровское время сохранило, наконец, и немало отдельных памятников искусства, связанных по большей части с архитектурой, например резные деревянные двери, бронзовые подсвечники из мечети, росписи внутренних стен в мечетях, мавзолеях и т. д.

Все эти произведения искусства (изделия из бронзы, дерева, керамика) дают также возможность судить о местных традициях, с одной стороны, и о культурных и политических связях с соседними странами — с другой. Большое значение имеют и надписи на этих предметах, особенно на изделиях из бронзы (подсвечники, котёл). Достаточно просмотреть имена мастеров с их нисбами¹⁰, которые упомянуты на зданиях и отдельных памятниках, чтобы судить о той роли, которую сыграла мастера, вывезенные Тимуром из покорённых им стран.

Широко распространено мнение, что эпиграфический материал (надписи) являет собой надёжный документальный источник. В основном это, конечно, так, однако и к надписям нужно относиться критически и проверять достоверность сообщаемых ими сведений. Как это важно, видно на таком примере. Известно, что Тимур был сыном барлаского эмира Тарагая и никакого отношения ни прямо, ни косвенно к Чингисидам не имел. Об этом ясно говорят все вышеотмеченные источники (официозные и неофициозные), а между тем именно в надписи на знаменитом

¹⁰ Нисба — прозвище по происхождению из определённого города или селения, например Самарканди — самаркандец, Мервези — мервец.

нефритовом надгробном камне, находящемся в Гур-Эмире, приводится подложная генеалогия Тимура, сближающая генеалогические линии Чингис-хана и Тимура в происхождении от общего предка²⁰. То, на что не решилась пойти официозная исторнография (Низам ад-дин Шами и Шереф ад-дин Али Иезди), сделала посмертная надпись, возведя Тимура если не в ряды Чингисидов, то, во всяком случае, найдя ему с Чингис-ханом общий генеалогический корень, что в известном смысле могло рассматриваться как более ценная черта в генеалогии могущественного эмира.

1. СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII В. И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

В 1251 г. земли Средней Азии, составлявшие тогда Чагатайский улус, вышли на короткое время из повиновения дому Чагатая. Золотоордынский хан Батый заключил с сыном Тулуя Мунке союз против потомков Угедея и Чагатая. На курултае в Каракуруме в 1251 г. Мунке при содействии Батыя захватил власть каана над монгольской империей в свои руки. Рашид ад-дин подробно рассказывает о событиях, при которых произошёл этот переворот²¹.

Когда появились первые признаки неповиновения власти Мунке каана, последний начал преследовать своих действительных и мнимых противников. Большинство членов домов Чагатая и Угедея, а также их эмиров было истреблено. Последствием этого переворота была передача Мавераннахра под власть Золотой Орды, сначала Батыя, а потом Берке-хана (1256—1266). При Мунке, ставшем великим монгольским ханом (1251—1259), произошло крупнейшее политическое событие — поход его брата Хулагу в Иран. В сентябре 1254 г., согласно рассказу Рашид ад-дина, Хулагу-хан разбил свою ставку на равнине Кан и-Гиль, у самого Самарканда. Откупщик Масудбек расставил здесь для него тканый чистым золотом шатёр. В течение 40 дней самаркандская знать устраивала монгольскому завоевателю пиры, охоты и другие увеселения. Поход Хулагу имел последствием полное завоевание Ирана. В 1258 г. Хулагу-хан захватил Багдад и уничтожил аббасидский халифат. Вскоре в Иране с центром в Тебризе было положено начало монгольскому хулагидскому государству.

В 60-х годах внуку Чагатая Алгую удалось выгнать из Мавераннахра золотоордынских чиновников и восстановить Чагатайский улус. Опираясь на 15-тысячное войско, Алгуй в Чагатайском улусе мог чувствовать себя прочно. В Самарканде, Бухаре и других местах Мавераннахра люди Алгуя сводили счёты со всеми, кто служил джучидам в годы изгнания Чагатаидов. Среди пострадавших за связи с Берке-ханом был и сын знаменитого бухарского шейха Сейф ад-дина Бахарзи. В связи с арестами и казнями была проведена конфискация личного имущества казнённых. Было восстановлено в Чагатайском улусе правление откупщика Масудбека. Согласно описаниям Рашид ад-дина, Масудбек, по приказу Мунке-каана, кроме Мавераннахра, управлял ещё городами уйгуров, Ферганой и Хорезмом²². Таким образом, Масудбек был откупщиком в Чагатайском улусе с небольшим перерывом со времени отъезда его отца Махмуда Ялавача в 1238 г. к великому хану Угедею и до своей смерти, в 1289 году. Чагатайские ханы мало вмешивались в дела управления Мавераннахром и интересовались главным образом доходами с него, которые аккуратно поступали от Масудбека как откупщика налогов и податей. Рашид ад-дин рассказывает, что когда Алгуй-хан взял себе в жёны ханшу Эргенэ-

²⁰ Blochet E. «Les inscriptions de Samarkand». «Revue archéologique». Paris. 1897, p. 7—10.

²¹ «Introduction à l'histoire des Mongols», by Blochet, p. 274—286. 1910.

²² Рашид ад-дин, стр. 309, также 85—86. Изд. Blochet. Здесь также говорится, что Уйгуристан, Хотан, Кашгар, Алмалык, Каялык, Самарканд, Бухара и земли до Аму-Дарьи были переданы Масудбеку.

хатун, то, зная её хорошее, полное доверия отношение к Масудбеку, предоставил последнему Мавераннахр в бесконтрольное управление. Масудбек старался всячески угодить Алгую и беспощадно обирал земледельческое и ремесленное население городов. Благодаря таким поборам дела Алгуя улучшились настолько, что он мог содержать большое и хорошо вооружённое войско²³.

В 60-х же годах XIII в., вскоре после смерти Алгуя, внутри Чагатайского дома начались расхождения по вопросу о Мавераннахре. Чагатай и его ближайшее монгольское окружение были отрицательно настроены к исламу и исламской культуре. Однако чагатайские ханы — Мубарек-шах и Борак-хан — приняли ислам. Более того: церемония возведения Мубарек-шаха на чагатайский престол в 1266 г. происходила не в долине реки Или, а в Мавераннахре, в долине реки Ангрена, что говорит о перемене взглядов на Мавераннахр и о желании хана быть вблизи этой богатой страны, если не в ней самой. Тогда же вместе с ханом Мубарек-шахом в Мавераннахр перешли и некоторые монгольские роды, в том числе джелаиры и барласы. Первые избрали местом своих кочевий долину Ангрена, вторые — долину Кашка-Дарьи. Эти роды пришли из Семиречья уже в какой-то мере в отношении языка отюреченными. Процесс отюречения на новых местах ускорился; не прошло и столетия, как джелаиры и барласы вошли в состав тюркских племён.

Политика усиления внимания к Мавераннахру в некоторых кругах Чагатайского дома, особенно среди кочевой монгольской аристократии, встречала резкую оппозицию. Под влиянием последней чагатайский хан Кайду в 1269 г. собрал в Таласской долине курултай монгольских царевичей и нойонов. На курултае победили противники ориентации на Мавераннахр, и участники курултая заключили, по словам Рашид ад-дина, между собой договор, «что они впредь будут жить на горах и в степях, не будут держаться вокруг городов, не будут пускать скот на засеянные поля и делать необоснованные взыскания с подданных (раайя)»²⁴.

Постановление курултая 1269 г. не могло, однако, затушевать глубокого противоречия внутри Чагатайского улуса по вопросу о Мавераннахре. Ханы всё больше сочувствовали переходу к городской жизни и стремились взять непосредственно в свои руки власть над богатой, культурной страной — Мавераннахром. Более того: всё больше углублялись различия между монголами Семиречья и джелаирами и барласами, осевшими в Мавераннахре. Оставшиеся в Семиречье чагатаи смотрели с презрением на чагатаев, переехавших в Мавераннахр и утративших тем самым чистоту кочевнических традиций, и презрительно именовали их караунасами, т. е. метисами. В свою очередь последние рассматривали чагатаев в Семиречье как отсталых и грубых варваров и называли их «джетэ», т. е. разбойниками²⁵. Чагатайский улус постепенно распался на две части: Мавераннахр и Моголистан, включающий в себя, кроме Семиречья, Кашгар. Однако это произошло только в XIV веке.

В XIV в. противоречия между чагатайскими ханами, стремившимися к установлению прочных связей с культурными районами, и военной кочевой аристократией, желавшей продолжать кочевнические традиции, обострились до крайности. Ярким выразителем первого направления был чагатайский хан Кебек (1318—1326), выстроивший себе в двух фарсах (12—14 км) от Несефа дворец (карши). Впоследствии около этого дворца вырос целый город, перенявший имя Карши и перетянувший к себе жизнь из пришедшего в упадок Несефа. Ко времени Кебек-хана откупная система взимания налогов и податей, а также система управления Мавераннахром совершенно изжили себя. Сельское и городское население, недовольное откупными порядками, готово было энергично поддер-

²³ Тизенгаузен В. Указ. соч., Т. II, стр. 73.

²⁴ Там же, стр. 78.

²⁵ См. подробно у В. В. Бартольда «Улугбек и его время», стр. 11.

жать попытку чагатайских ханов взять в свои руки управление страной. Это обстоятельство и учитывал Кебек-хан, когда приступил к проведению в жизнь двух важных реформ: денежной и административной, — так как Мавераннахр в это время очень страдал от отсутствия единой денежной системы с соседними мусульманскими странами. Этот недостаток и решил восполнить Кебек-хан. За образец он принял денежную систему, введённую Газан-ханом в Иране (1295—1304).

Отсутствие единого монетного образца, а также единой и обязательной для всех пробы золота и серебра во владениях Хулагидов до Газан-хана привело к большой денежной пестроте и к многочисленным злоупотреблениям, подрывавшим народное благосостояние. Согласно описаниям Рашид ад-дина²⁶, купцы в большей мере были заинтересованы скупкой и спекуляцией золотыми и серебряными монетами, чем продажей своих товаров. Они скупали монету в областях, где она была более высокого качества, и спекулировали ею в районах, где монета была низкопробной.

Чтобы изжить все эти злоупотребления, Газан-хан издал, по словам Рашид ад-дина, указ, согласно которому на территории всего государства серебро в чеканной монете должно было равняться по весу трём мискалям в одном динаре²⁷.

На основании этих слов Рашид ад-дина В. В. Бартольд в своей классической работе «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче» и высказал положение, что при Хулагидах основной монетой государства был серебряный динар в три мискаля весом и что золотые монеты «при Хулагидах, как и его преемниках Джалаиридах, чеканились только в ограниченном количестве, для торжественных случаев»²⁸. В. В. Бартольд, несомненно, прав в этом своём положении, однако для точности следует внести оговорку. В том же указе предписывается чеканить и золотые монеты весом в 100 мискалей²⁹. Повидимому, золота было не так уж мало, если при Джалаиридах, во время похода Тохтамыша в 1385—1386 гг. на Тебриз, жители города должны были внести и внесли в качестве оплаты за обещание снять осаду 250 туманов золотом³⁰. В указанной работе В. В. Бартольд исчерпывающе выяснил, что серебряный динар содержал 6 дирхемов, каждый весом в полмискаля.

В начале XIV в. в Мавераннахре наблюдались такая же беспорядочность в денежном обращении, такие же злоупотребления чиновников и спекулянтов, как и в Иране при Хулагидах. Кебек решил прекратить анархию денежного обращения введением единой монетной системы по образцу Газан-хана. Таким образом, и в Мавераннахре, как в Иране и Золотой Орде, стали ходить серебряные динары и дирхемы, однако с некоторой разницей в весе: динар весил 2 мискаля, а дирхем, соответственно этому, — $\frac{1}{3}$ мискаля³¹.

Впрочем, в конце хулагидского периода, при хане Абу Саиде (1316—1335), та же картина наблюдалась и у Хулагидов.

Кроме монетной реформы, Газан-хан провёл и унификацию весовых единиц. По словам Рашид ад-дина, Газан-хан пригласил двух устатов (мастеров) — Фахр ад-дина и Беха ад-дина — из Хорасана и поручил им изготовить образцы единой для всего государства системы гирь. Для гирь была избрана восьмигранная форма, снабжённая определённым штампом. Всего гирь в этой системе было установлено 11, весом от

²⁶ Рашид ад-дин «Тарих-и-Газани» (История Газан-хана). Стамбульская рукопись 717 г. хиджры (= 1317 г.). Ч. III. Рассказ двадцатый (о пробах золота и серебра), стр. 641; русский перевод А. К. Арендса, стр. 269; в ближайшее время должен выйти в издании Института востоковедения АН СССР.

²⁷ Рашид ад-дин. Указ. соч., персидский текст, стр. 642, русский пер., стр. 270.

²⁸ Бартольд В. В. «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче», стр. 17—18. 1911.

²⁹ Указ Газан-хана определённо указывает, что именно из этого золотого чекана должны делаться подарки награждаемым лицам.

³⁰ Тизенгаузен В. Указ. соч., Т. II, стр. 226 (персидский текст), стр. 97.

³¹ Столько же весили серебряные динары и дирхемы в Золотой Орде.

10 манов (ман — 260 дирхемов) до 1 дирхема: 10; 5; 2; 1; 0, 5; 0,25; 0,125 мана, 10; 5; 2; 1 диржем³².

К сожалению, в источниках нет указаний на то, что Кебек по образцу монетной реформы провёл реформу унификации весовых единиц, в чём также нуждалась страна.

Огромное значение в жизни Мавераннахра имела административная реформа, проведённая, повидимому, также Кебеком, хотя об этом нет прямых указаний в первоисточниках.

Из описаний Ибн Арабшаха мы видим, что в начале политической карьеры Тимура Самарканд со всеми рустаками образовывал семь туменов, а Фергана — девять туменов. Под туменом, продолжает Ибн Арабшах, нужно понимать термин, обозначающий такое количество населения, из которого можно было призвать тумен, т. е. 10 тыс. войска (ополчения)³³. Таким образом, ещё до Тимура Мавераннахр был разбит на военно-административные округа — тумены (тюмени). До Кебек-хана (1318—1326) деления на тумены не было, после него до Тимура также никто не мог бы провести этой реформы. Исходя из этого и принимая во внимание реформаторский характер деятельности Кебек-хана, можно со значительной уверенностью приписать административную реформу последнему.

До Кебек-хана, особенно если взять вторую половину XIII в., управление Мавераннахром шло как бы в двойном направлении. С одной стороны, в городах имелись уцелевшие местные династии. В Шаше, Ходженге, Отраре, Таразе сидели местные мелики. В некоторых городах сохранились представители духовной феодальной власти (садры в Бухаре). В Термезе в начале XIV в. сложилась власть наследственных сайдов, известных под титулом худовандзадэ, особенно влиятельных в 30—60-х годах XIV века. С другой стороны, в стране у власти был откупщик Масудбек с подчинёнными ему даругами, баскаками и военными монгольскими отрядами. Вспомним, какое огромное количество злоупотреблений порождала эта система при отце Масудбека — Махмуде Ялаваче. Злоупотребления если и уменьшились после ярлыка Мунке-хана (1251—1259), то не настолько, чтобы можно было говорить о коренных переменах. Возрождение в хозяйственной области шло медленно; города, особенно Бухара и Самарканд, хранили ещё следы разрушений нашествия Чингис-хана.

Масудбек был очень богатым человеком, любил Бухару и обстраивал её хорошими зданиями, из которых нужно отметить медресе «Масудийе»³⁴, где обучалось около тысячи студентов. В Бухаре было ещё одно прекрасное медресе — «Ханийе»³⁵, — выстроенное матерью великого хана Мунке. Обе эти постройки нельзя, однако, рассматривать как показатели хозяйственного подъёма: они лишь исключение из общего правила — экономического и культурного упадка страны.

Кебек-хану, задумавшему прибрать к рукам управление страной, предстояло провести ряд мероприятий чисто административного порядка, да ещё в обстановке сложных феодальных отношений. В самом факте членения Кебек-ханом Мавераннахра на тумены сказалось монгольское влияние. Монголы имели обыкновение территорию улуса (например улус Джучи) делить в военно-административном отношении на «левое крыло»³⁶ и «правое крыло», каждое из которых в свою очередь распадалось

³² Рашид ад-дин «Тарих-и-Газани». Ч. 3-я, копия с фирмана Газана о пробах золота и серебра. Рукопись стамбульская. 717 г. хиджры (= 1317 г.), стр. 644, русский перевод К. А. Арндса, стр. 272.

³³ Ибн Арабшах. Стр. 17. Каир. 1285 г. хиджры.

³⁴ Juwaini. GMS. XVI, I, стр. 84—85.

³⁵ Там же. Между прочим, в медресе этом мударрисом (профессор) был упомянутый выше знаменитый шейх Сейф ад-дин Бахарзи. Juwaini. GMS, XVI, 3, стр. 9.

³⁶ Например «левым крылом» улуса Джучи считалась Ак-Орда, или Сяняя Орда русских летописей.

на тумены. Фактически с тумена как административной единицы почти никогда не собирали полного тумена, т. е. 10 тыс. воинов.

Чтобы правильно представить эти тумены, нужно помнить, что они выкраивались в сугубо феодальной обстановке. Мавераннахр в это время представлял собой большое число мелких феодальных владений — светских и духовных, оседлых и кочевых. Так, Хутталян, область между Вахшем и Пянджем, был отдельным феодальным владением; Бухара и её вилайет были духовным владением во главе с садром. Джелаиры, жившие в бассейне Ангрена, составляли также феодальное кочевое или полукочевое владение. Во главе его стоял бек (эмир).

Административная реформа Кебека не уничтожила феодальных княжеств с их владетелями, а приспособилась к ним: владения стали административными единицами — туменами, а владетели сделались наместниками. В условиях феодального общества наместники были наследственными. Административная система, введённая Кебеком, не могла преодолеть центробежных феодальных тенденций, в чём и заключается её самое слабое место. Однако, сколько бы ни имела эта реформа недостатков, её нужно признать шагом весьма прогрессивным, сыгравшим положительную роль в деле развития феодальной государственности в Мавераннахре.

Реформы Кебека встречали в оседлом населении Мавераннахра самый сочувственный отклик. Иначе к ним относилась кочевая военная аристократия. После смерти Кебека она всё мобилизовала, чтобы вернуть последующих ханов ко времени и политике Кайду и решениям Таласского курултая 1269 года. Началась вновь борьба между ханами и беками кочевых племён. На этой почве и был убит брат Кебек-хана хан Тармаширин (1326—1334)³⁷. Одно время ставка чагатайского хана перенесена была даже в Семиречье. Ханскую ставку вернул в Мавераннахр хан Казан, последний Чингисид в мавераннахрской части Чагатайского улуса.

Казан-хан весьма настойчиво и умело продолжал политику Кебека. Главы чагатайских родов за это его остро ненавидели. Борьба возобновилась. Во главе недовольных стал бек Казаган. В сражении между Казан-ханом и Казаганом первый был убит³⁸. Власть в Мавераннахре попала в руки Казагана.

Казаган не именовал себя ханом, а ограничился титулом эмира. Для придания законности своим действиям он завёл подставного хана из Чингисова дома. Вначале подставным ханом был Данишмендча, потом — Баян Кули-хан³⁹. От имени подставного хана последний и чеканил свои монеты. Правление Казагана (1346—1358) было ярким выражением воззрений и интересов кочевой военной аристократии, которая более всего заинтересована была в организации набегов и грабительских походов на соседние страны.

Зиму Казаган проводил в Сали Сарае, лето — в Хутталяне, в городе Мунк (ныне развалины, вблизи Ховалинга) и его окрестностях⁴⁰. Для набегов Казаган избрал Герат и Гератскую область, находившиеся под властью династии Куртов. Казаган произвёл большие опустошения в окрестностях Герата, забрал большую добычу, но Герата захватить не мог: не удалось ему овладеть укреплениями последнего, возобновлёнными незадолго перед тем. В 1358 г. на охоте Казаган был убит по прямому наущению монгольского хана Кутлуг Тимура⁴¹ одним из его ноёнов. Между прочим, в убийстве Казагана принял участие владетель Хутталяна — Кейхоерау⁴².

³⁷ Бартольд В. В. «Улугбек и его время», стр. 9.

³⁸ Там же, стр. 10.

³⁹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 15.

⁴² Там же.

После смерти эмира Казагана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. По словам Низам ад-дин Шами, в Мавераннахре в 50-х годах XIV в. было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали друг с другом.

Шахрисябз (Кеш) с областью подчинялся Хаджи Барласу. Ходжен-том и его вилайетом владел Баязед, глава джелаиров. Балх и часть его вилайета находились в руках эмира Хусейна, внука Казагана. Родство с Казаганом давало Хусейну надежду поднять свой политический авторитет. Другой частью Балхского вилайета владел Ульджайбуга Сульдуз, повидимому, глава племени сульдуз. Шипурган захватил Мухаммед Ходжа Аперди. В горах Бадахшана своевольничали шахи Бадахшана. Хугталляном владел вышеупомянутый Кейхоерау и т. д.⁴³

Низам ад-дин Шами, перечисляющий все эти владения, замечает, что каждый из владетелей, даже обладавший небольшой военной силой, держал себя по отношению к другим владетелям высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государства пришли в полное расстройство. Более всего от этих смут страдали райа-ты (крестьяне)⁴⁴.

С каждым годом положение Мавераннахра ухудшалось. Отсутствие сильного правителя в Мавераннахре хорошо было известно за пределами страны, и это обстоятельство прежде всего учёл хан Моголистана Токлуг-Тимур, который решил напасть на Мавераннахр, ограбить его и подчинить себе. В связи с этим Токлуг-Тимур и провёл два похода — 1360 и 1361 годов.

II. МОЛОДЫЕ ГОДЫ ТИМУРА

Как уже было отмечено в официозных источниках, о детстве и молодости Тимура сведений не имеется. Подробные данные о его жизни начинаются лишь с похода Токлуг-Тимура (1360). Однако у Ибн Арабшаха, в русской летописи и у Рюи Гонзалеса де Клавихо имеются некоторые детали, проливающие свет на биографию Тимура до 1360 года.

Тимур родился в селении Ходжа Ильгар⁴⁵, недалеко от г. Шахрисябза, был сыном Тарагая, барласского бека, не очень, повидимому, богатого, но достаточно влиятельного. С юности Тимур любил лошадей, был хорошим наездником, прекрасно стрелял из лука. Среди сверстников он всегда пользовался авторитетом и даже любовью, рано проявив качества вожака. Вот почему в дни молодости Тимура к нему тянулись такие же, как он, молодые барласы, охотно становясь его нукерами (в данном случае конными слугами). У Тимура, так же как и у его отца в молодые годы, было не более трёх — четырёх нукеров. «Говорят, — пишет Клавихо, — что он с помощью своих четырёх или пяти слуг начал отнимать у соседей один день барана, другой день корову»⁴⁶. Постепенно молодой Тимур собрал небольшой отряд конных, хорошо вооружённых людей, которых он в обстановке феодальной анархии направлял в набеги за добычей на земли своих соседей и на караваны проезжавших купцов. По словам Клавихо, который слышал немало рассказов о молодости Тимура, когда набег Тимурову удавался, «он пировал со своими людьми; частью за это, частью за то, что он был человек храбрый и доброго сердца и хорошо делился тем, что у него было, собирались к нему другие люди, так что наконец у него было 300 всадников. Когда их набралось столько, он начал ходить по землям и грабить и воровать всё, что мог, для себя и для них; также выходил на дорогу и грабил купцов»⁴⁷. Повидимому,

⁴³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 15.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ По словам Ибн Арабшаха, селение названо по имени владетеля этого селения.

⁴⁶ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 238.

⁴⁷ Там же.

личная храбрость, щедрость, умение разбираться в людях и выбирать себе помощников, а также ярко выраженные качества вожака, главаря создали Тимуру в долине Кашки-Дарьи среди барласов, особенно в кругу военной кочевой молодёжи, широкую популярность.

Клавихо писал о молодости Тимура со слов лиц, которые были в курсе всего, что рассказывалось тогда в обществе о могущественном эмире Средней Азии. Рассказывая о дальнейшей биографии Тимура, Клавихо приводит эпизод, происшедший в Сеистане. Как-то ночью Тимур «напал на стадо баранов, и в это время пришли сеистанцы, бросились на него и на его людей, многих убили, а его свалили с лошади, ранили в правую ногу, от чего он стал хромым, также в правую руку, от чего он лишился двух маленьких пальцев»⁴⁸. С этого времени Тимур и получил прозвище Тимурленг, т. е. Тимур-хромец, в европейском произношении — Тамерлан.

Биографы не приводят в качестве источника сведений о молодых годах Тимура данных, имеющих в русской летописи. Насколько они соответствуют действительности, мы ещё будем иметь возможность убедиться. Летопись именует Тимура Темир Аксак (турецкий перевод имени Тимурленг — Тамерлан). Родина Темир Аксака — «Междуречь», область между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй. «И от тоя страны бяше сей Темир, сын старейшины некоего от заякских Татар, иже бе за железными враты; ремеслом же бе кузнец железный... Иже прежде бысть он раб у некоего господина; злонравна же его ради отверже его от себе господин его; он же, не имея чем питаться и одеваться, и пребывая крадый и разбивая, и сим питаяся. Еще бо ему тогда млада сушу, и некогда украде у некоего человека овцу, иже и постижен бысть и много бьен, и преломиша ему ногу и бедру наполю, и повергоша его, мняще мрътва, псом на снесь. Он же по времени мнозе едва исцеле, и ногу свою перебитую жезлом прекова, и того ради прозван бысть Темир-Аксак; Темир бо зовется Татарским языком железо, Аксак же — хромец, и тако толкуется Железный Хромец, яко от вещи и от дел имя приять. И тако по исцелении от ран не токмо не лишился злого своего обычая, но паче горшее неистовствуя, бысть лют разбойник; и съвъкупишася к нему юноши жестоцы и немилостиви, всегда разбивающе и крови проливающие. И, шед, порази некая пастыря и взят овця их, идеже и устрелен бысть в ногу и храмляше; и от сего приобрете имение. И егда бысть их числом яко сто и нарекоша его старейшину разбойником; егда же стяжа тысящу мужей, и тогда уже князем зваху его»⁴⁹.

В рассказе летописи лежат те же данные о юности и молодых годах Тимура, что и в сообщении Клавихо. Новым является лишь упоминание о том, что Тимур «ремеслом же бе кузнец железный». Интересно, что и этот факт не является простым изолированным осмыслением летописца самого прозвища Тимура «Темир Аксак» («Железный Хромец»), а одной из версий происхождения Тимура в рассказе Ибн Арабшаха, автора упомянутой книги о могущественном среднеазиатском эмире. Вообще рассказ Ибн Арабшаха ближе к летописным сведениям о молодости Тимура, чем рассказ Клавихо. Ибн Арабшах говорит не только о том, что отец Тимура был бедный кузнец; так же, как и летопись, он приводит рассказ об украденной Тимуром овце и о пастухе, который вместе со своими товарищами рассек Тимуру стрелой бедро и плечо. У Ибн Арабшаха также имеется рассказ о постепенном увеличении числа нукеров в дружине Тимура, шедших охотно за ним на любой грабительский набег. Размеры и характер набегов определялись наличностью людей, лошадей и вооружения.

Сравнивая описания молодых лет Тимура у Клавихо, Ибн Арабшаха и в летописи, мы имеем все основания сказать, что сходственные и неза-

⁴⁸ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 240.

⁴⁹ Никоновская летопись, стр. 246, 247.

висимые от официозной версии данные о ранней биографии Тимура черпались во всех трёх случаях из широко распространённых о нём в народе рассказов. И действительно, в самой летописи говорится, что «о сем же Темире Аксаце поведоша неции»⁵⁰, т. е. источником приведённых сведений являются рассказы современников. Где летописец мог услышать эти рассказы? Нам представляется, что от купцов и других московских людей, которые бывали в городах Золотой Орды: Сараях, Астрахани, Сарайчике. Сношения же Золотой Орды со Средней Азией, мирные и военные, хорошо известны, особенно после походов Тимура против Тохтамыша в 1391 и 1395 годах.

Исключительное сходство летописного рассказа с версией Ибн Арабшаха невольно заставляет нас сблизить эти никак не связанные между собой источники.

Из биографии самого Ибн Арабшаха мы узнаём, что он бывал в Хорезме, Сарайчике, Астрахани, Сараях и в Крыму и, следовательно, мог сам быть распространителем сведений о Тимуре, тем более что эта тема его всегда волновала.

Возвратимся, однако, к Тимур. Владея с детства тюркским и таджикским языками, Тимур хорошо знал не только кочевую, скотоводческую, но и оседлую, земледельческую, среду. Более того: он хорошо знал и городскую жизнь благодаря частым посещениям Шахрисябза, власть над которым тогда была в руках барласского бека Хаджи Барласа. В те годы в духовной жизни людей из среды мусульман большую роль играли мусульманские шейхи. В Шахрисябзе большой популярностью пользовался шейх Шемс ад-дин Кулаль, или, как его именует другой источник (Ибн Арабшах), Шемс ад-дин Фахури. Шемс ад-дин был духовником отца Тимура — Тарагая, и последний сумел внушить сыну свои симпатии к шейху. Хотя Тимур никогда не отличался особой религиозностью, многие свои успехи он приписывал молитвам шейха Шемс ад-дина Кулала.

Когда монгольский хан Токлуг-Тимур появился со своим войском в 1360 г. в Мавераннахре, там не нашлось правителя, который для борьбы с Тимуром смог бы сплотить вокруг себя враждующих между собой владельцев. Поодиночке же они были бессильны бороться. Токлуг-Тимур дошёл до Кашка-Дарьи, не встретив серьёзного сопротивления. Не оказал сопротивления и Хаджи Барлас на Кашка-Дарье.

В 1361 г. Токлуг-Тимур возобновил нападение на Мавераннахр, имея намерение окончательно подчинить себе эту богатую страну. И на этот раз Токлуг-Тимур не встретил на Кашка-Дарье отпора. Более того: Хаджи Барлас испугался столкновения с монголами и бежал в Хорасан⁵¹.

В эти дни и выдвинулся Тимур. Он решил, что целесообразнее сейчас не ссориться с Токлуг-Тимуром, а поступить к нему на службу. Токлуг-Тимур охотно принял его предложение и, отправляясь домой, передал Тимурову управление Кашка-дарьинским вилайетом. Так Тимур в 25 лет стал владельцем небольшого, но богатого тумена, вместо бежавшего Хаджи Барласа⁵².

В 1361 же году произошло сближение Тимура с эмиром Хусейном, внуком Казагана. Однако Тимур недолго был на службе у монгольского хана. Когда последний направил своего сына Ильяс Ходжу правителем в Мавераннахр, Тимур не пожелал служить последнему, порвал с ним и стал самостоятельным владельцем. Не исключена возможность, что этот разрыв произошёл благодаря поддержке Хусейна⁵³.

Годы 1361—1365 являются временем наибольшей близости между двумя эмирами. Их союз был скреплён установлением родственных отношений: сестра Хусейна Улджай Туркан-ага стала любимой женой Ти-

⁵⁰ Никоновская летопись, стр. 158.

⁵¹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 18.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 19.

мура. В эти годы оба эмира были наиболее крупной силой в Мавераннахре. Однако союз свой они использовали главным образом в личных интересах, совершая набеги для захвата большой добычи. Не всегда в эти годы им улыбалась судьба. Так, в 1362 г. они провели 62 дня в плену у туркмена Али-бека в селении Махан⁵⁴ (ныне г. Мары). Через некоторое время мы видим их в Сеистане. Хусейн и Тимур чуть не погибли здесь. В разыгравшемся сражении Тимур, как мы указывали выше, был тяжело ранен в правую руку и правую ногу. Рука эта у него почти высохла, а на правую ногу Тимур всю жизнь хромал, почему и получил прозвище Тимурленга — Тимура-Хромца, в европейском произношении — Тамерлана.

Изгнанный из Мавераннахра после смерти Токлуг-Тимура, Ильяс Ходжа не хотел мириться со своим положением и готовил поход на Мавераннахр. В 1365 г. Ильяс Ходжа с большим войском отправился в Мавераннахр. Хусейн и Тимур, зная, что Ильяс Ходжа особенно настроен против них, со своей стороны собрали войско. Битва, вошедшая в историю под названием «грязевой битвы», произошла между Чиназом и Ташкентом. В момент сражения начался сильный ливень. Образовалась липкая, скользкая грязь, лошади теряли устойчивость и падали. Тимур и Хусейн проиграли сражение⁵⁵.

Оба эмира покинули место боя и с остатками войска ушли сначала в сторону Самарканда, а потом, признав дальнейшее сопротивление бессмысленным, спустились на юг к Аму-Дарье, которую и перешли, скрывшись в Балхской области.

Такое поведение обоих правителей открывало врагу свободную дорогу на Самарканд. Самарканд в то время не имел ни укрепленных стен, ни цитадели, где можно было бы укрыться на случай осады города. Более того: Хусейн не оставил в нём ни гарнизона, ни военачальников. Таким образом, население древнего города было оставлено на произвол судьбы, на волю победителя — Ильяса Ходжи. К счастью для Самарканда и его многочисленных жителей, в городе в это время находилась значительная группа сербедаров. В ту эпоху сербедарство широко было распространено в Северо-Восточном Иране, главным образом Хорасане и Мавераннахре. Это было весьма прогрессивное течение, ставившее своей основной задачей освобождение родной страны от монгольского ига. Сербедарство широко поддерживалось демократическими слоями городов, прежде всего ремесленниками и учащейся молодёжью, лавочниками, за пределами городов — крестьянством и средними землевладельцами.

Только феодальная аристократия, высшее мусульманское духовенство да крупное купечество были довольны монгольскими порядками и враждебно относились к сербедарской пропаганде. Однако и в среде феодальной аристократии, особенно среди патристически настроенной молодёжи, имелись элементы, сочувствовавшие сербедарам. Сербедар — значит висельник. Лучше погибнуть на виселице, говорили сербедары, чем гнуть спину перед монголами. Среди сербедаров имелись левые группы, которые мечтали о некотором улучшении положения народных масс города и деревни.

Когда весть о приближении монголов Ильяса Ходжи дошла до жителей Самарканда, началось большое возбуждение. Сербедары призывали народ оказать сопротивление монгольскому войску. Среди самаркандских сербедаров особенно выделились: Маулана Задэ, учащийся самаркандского медресе, Абу Бекр, согласно Низам ад-дина Шами, трепальщик хлопка, а согласно другим авторам, даже староста квартала трепальщиков хлопка, и Хурдек и-Бухари, хороший стрелок из лука. Когда в соборной мечети собралось около 10 тыс. чел. знатных и из простого народа, Маулана Задэ, опоясанный мечом, выступил с горячей речью. Он

⁵⁴ Низам ад-дин Шами. Указ соч., стр. 20—21.

⁵⁵ См. описание битвы. Указ. соч., стр. 28—30.

говорил о том, что правитель, взимавший незаконную подушную подать⁵⁶ под видом пошлин и хараджа, в часы опасности бросил население города на произвол судьбы, указывал собравшимся, что жители города не спасутся, если дадут за себя даже самый большой выкуп, подчёркивал, что спасение только в сопротивлении, в борьбе. Заканчивая свою речь, Маулана Задэ обратился к народу с вопросом, кто возьмёт на себя защиту ислама и станет ответственным перед знатью и простыми.

Знатные люди хранили полное молчание. Тогда Маулана Задэ спросил простой народ, окажет ли он ему содействие, если он примет на себя ответственность⁵⁷. Простой народ обещал отдать себя в полное распоряжение Маулана Задэ.

Получив полномочия народа, сербедары под руководством Маулана Задэ и Абу Бекра, который имел большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача эта была очень трудна: ведь в Самарканде не было ни стен, ни действующей цитадели. Маулана Задэ составил списки годных к военной службе людей и привлёк к работам по укреплению города самые широкие слои населения⁵⁸. Сербедары использовали узкие улицы города для возведения в них баррикад. Свободной была оставлена, повидимому, только главная магистраль города. В наиболее важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Всё было рассчитано на то, чтобы впустить конных монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им тяжёлый удар⁵⁹. Монголы не подозревали, что их ожидает в Самарканде, и рассчитывали легко овладеть городом. Однако они ошиблись в расчёте, так как, когда передовые отряды их прошли засаду, Маулана Задэ дал сигнал и на врага посыпались стрелы, камни и палки. Монголам пришлось поспешно уходить, потеряв, по одним данным, тысячу⁶⁰, а по другим — 2 тысячи человек⁶¹.

Вскоре монголам пришлось пережить ещё одну неудачу: среди лошадей начался мор, из каждых четырёх оставалась в живых лишь одна. Так, не получив ни даров, ни выкупа, ни просто награбленной добычи, Ильяс Ходжа вынужден был поспешно покинуть сначала окрестности Самарканда, а потом и Мавераннахр. В городе было большое ликование. Самаркандская оборона показала, как много может сделать народ, когда руководство им попадает в энергичные и верные руки.

Источники скупо говорят о мероприятиях сербедаров в области внутренней жизни Самарканда. У историков XV в. имеется лишь несколько замечаний на этот счёт. Шереф ад-дин приводит стих: «О боже, да не будет того, чтобы нищий стал почтенным человеком!»⁶². Этих слов мы не встречаем у Низам ад-дина Шами, предшественника Шерефа ад-дина Али Иезди. Однако Низам ад-дин Шами говорит о насилиях, которые якобы творили сербедары в отношении к населению Самарканда⁶³.

Хондемир даже отмечает, что сербедары начали творить насилия над имуществом райатов (податное земледельческое и ремесленное население)⁶⁴. Повидимому, самаркандские сербедары провели какие-то демокра-

⁵⁶ По представлениям мусульман, «джизью» (подушная подать) можно было взимать только с неверных.

⁵⁷ ЗВО. XVII. Бартольд В. В. «Народное движение в Самарканде в 1365 г.». Приложение — персидский текст Абд-ар-Реззак Самарканди, стр. 014—015.

⁵⁸ Там же, стр. 015.

⁵⁹ ЗВО. XVII, стр. 016.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. См. правый столбец, персидский текст, приведённый В. В. Бартольдом как отрывок из сочинений Мусеви «Тарих-и-Хайрат». Впоследствии сам В. В. Бартольд определил этот отрывок, как слова Муии ад-дин Натанзи («Аноним Искендера»).

⁶² Труды Государственной публичной библиотеки УзССР. Т. I, стр. 32. 1935.

⁶³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 32.

⁶⁴ Труды Государственной публичной библиотеки УзССР. Т. I, стр. 43.

тические мероприятия. В речи Маулана Задэ, между прочим, говорится о незаконном взимании Хусейном с мусульман джизьи, которая, повидимому, была отменена сербедарами.

Весть о победе сербедаров над Ильясом Ходжи дошла до эмира Хусейна и Тимура. Зиму последний проводил в Кеше, а Хусейн — на берегу Аму-Дарьи. Весной они сошлись и направились к Самарканду. Остановились они у самого города, в местности Кан-и-Гиль. Оба эмира дали знать сербедарам, что одобряют их поведение и хотят их видеть. Сербедары поверили «добрым» намерениям эмиров, и действительно на приёме им было оказано много знаков внимания. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Тимура, их вероломно схватили, связали и казнили⁶⁵, всех, за исключением Маулана Задэ, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Тимур. Что руководило Тимуром в его отношении к Маулана Задэ? Повидимому, между Хусейном и Тимуром существовало разногласие по вопросу о сербедарах. Есть основание думать, что Тимур имел с некоторыми из них старые связи, особенно с сербедарами из среды знати.

Покончив с сербедарами, особенно с таким ярким из них, как Абу Бекр, Хусейн и Тимур вновь подчинили себе Самарканд. Произошло это в конце весны 1366 года. Совместное пребывание в лагере в Кан-и-Гиль было в известной мере испытанием «дружбы» Хусейна и Тимура. Между обоими эмирами начались недоразумения, которые трудно было преодолеть. Разногласия между ними в отношении к сербедарам осложнялись жадностью Хусейна, который хотел заставить некоторых сподвижников Тимура уплатить ему большие денежные суммы, которые они якобы были должны. Потеряв много имущества во время «грязевой битвы», эмиры эти сильно обеднели и не имели возможности отдать долги. Тимур не хотел ставить своих сподвижников в трудное положение и лично пришёл им на помощь. Этим актом щедрости он приобрёл в среде своих военных помощников большую популярность. Хусейн же, напротив, нажил немало недругов среди влиятельных людей. Уже в лагере под Самаркандом оба эмира почувствовали, что каждый из них является помехой для другого. Расхождения между ними с каждым годом усиливались, и бывали периоды, когда оба эмира втягивали в круг своих интересов, взаимных схождения и расхождений других мавераннахрских владетелей. Феодалная анархия в стране не могла продолжаться до бесконечности. Наряду с феодалными сепаратистскими силами, в самом обществе того времени накапливались силы, заинтересованные в феодалном объединении, в сложении прочной государственности. Объединения хотели купцы, ремесленники и мусульманское духовенство, а также массы земледельческого населения. Хотя между Тимуром и Хусейном не было таких резких противоречий, какие в своё время имелись между Кебек-ханом и чагатайскими кочевыми беками, однако Тимур лучше чем Хусейн понимал требования времени и не покладая рук подготовлял в среде духовенства и городского населения сочувствующие ему группы.

В конце 60-х годов Хусейн взял курс на укрепление принадлежавшего ему города Балха. Он перестроил в нём цитадель — Хиндуван — и возобновил её стены. В балхскую цитадель он свёз своё большое имущество и много оружия. Тимур прекрасно понимал, что все эти мероприятия направлены главным образом против него. Не раз он уговаривал Хусейна не строить в Балхе новых укреплений, однако последний его не слушал. Тогда Тимур решил предупредить Хусейна и самому напасть на него. В 1370 г., собрав хорошо вооружённое войско, Тимур осадил Балх и после значительных усилий и больших потерь пробил брешь в стене Балха и овладел городом. Испуганный и растерявшийся Хусейн спрятался в цитадели.

⁶⁵ ЗВО. XVII, стр. 019.

Видя полную безнадёжность своего положения, Хусейн запросил Тимура, какие гарантии тот сможет ему дать в случае, если он сдастся. Тимур просил передать, что обещает сохранить ему жизнь и ничего больше. После этого Хусейн в сопровождении нескольких нукеров вечером вышел из ворот балхской цитадели. Подходя к ставке Тимура, он вдруг струсил, повернул назад и скрылся в первом попавшемся минарете. Случайно забрёл туда какой-то человек, узнал Хусейна и, несмотря на обещание молчать, выдал его людям Тимура⁶⁶. Слова, данного Хусейну, Тимур не сдержал: хотя сам он ничего не предпринимал, он не помешал одному из своих союзников — Кейхоерау, владельцу Хутталяна, — убить Хусейна на основе права кровной мести⁶⁷.

III. ЕДИНОДЕРЖАВИЕ ТИМУРА (1370—1405)

Взятие Балха и смерть Хусейна в 1370 г. были в жизни Тимура крупнейшими и решающими событиями. Ещё до взятия балхской цитадели к Тимуру явился шейх Береке, родом из Мекки, ставший впоследствии его главным духовником, и вручил ему барабан и знамя (символы власти), предсказав великое будущее⁶⁸. Тогда же Тимур, чувствуя себя фактически хозяином большей части Мавераннахра, провозгласил Суюргатмыша из чагатайской ветви Чингисидов ханом, точнее подставным ханом⁶⁹. На собравшемся после падения Балха курултае начальников тимурова войска (командиры туменов и тысяч) Тимур был провозглашён единым государем Мавераннахра. У Тимура в то время не было соперников ни по личным качествам, ни по тому влиянию, которым он пользовался среди остальных феодальных владетелей страны.

Это прекрасно сознавали и представители мусульманского духовенства. В Балх к Тимуру пришли из Термеза известные термезские шейхи братья Абу-л-Маали и Али Акбар с титулом Худаваанд-задэ. Свидание их послужило началом прочных связей с представителями мусульманского духовенства, которые продолжались у Тимура в течение всего его долгого правления.

Одним из первых приказов Тимура было разрушение балхской цитадели и предоставление города на разграбление воинам⁷⁰ в наказание жителей за поддержку Хусейна. В цитадели Балха Тимур захватил огромную казну, часть которой он в качестве добычи и как награду роздал своему войску. Из Балха Тимур направился в свой родной Кеш (Шахрисябз), где вновь роздал награды своему войску. Здесь ему пришлось прежде всего заняться внутренними делами. Победа над Хусейном сделала Тимура первым среди остальных владетелей Мавераннахра. Курултай же в Балхе, на котором, кроме подчинённых ему военачальников, были и его союзники — другие владетели Мавераннахра, — своим постановлением узаконил Тимура в качестве единовластного правителя. Тимур прекрасно понимал, что главная задача, которая поставлена перед ним всей политической обстановкой того времени, заключается в преодолении раздробленности и объединении отдельных владений в прочное и сильное государство. Ещё в Кеше он назначил одного из близких своих сподвижников — эмира Давуда — эмиром дивана, т. е. сделал его как бы своим везирем. Опираясь на проведённое в жизнь Кебек-ханом (1318—1326) административное деление Мавераннахра на тумены, Тимур провёл ряд назначений на должность начальников туменов и на должность тысячников, считая необходимым обеспечить себя достаточным количеством войск.

⁶⁶ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 59.

⁶⁷ Там же, стр. 60.

⁶⁸ Там же, стр. 57.

⁶⁹ Там же, стр. 57—58.

⁷⁰ Там же, стр. 61.

Из Кеша Тимур в том же, 1370 г. переехал в Самарканд, где прежде всего начал строить крепкие стены⁷¹ и цитадель, а также дворец⁷². Хорошо укрепленный Самарканд был необходим Тимуру как надёжный оплот против возможных выступлений со стороны тех из владетелей, которые могли бы сговориться и выступить против Тимура и его объединительной деятельности.

Уже в 1370 г. перед Тимуром встал вопрос, чьи традиции ему продолжать — Кебек-хана или эмира Казагана. Тимур хорошо знал, что в стране нужно создать твёрдую власть, которая могла бы прибрать к рукам непокорных и беспокойных владетелей, особенно кочевых монгольско-тюркских эмиров из среды джелаиров, барласов, сульдусов и др. В этом направлении и поддерживали его так энергично жители городов и крестьянство, а также представители влиятельного мусульманского духовенства. Вместе с тем Тимур хорошо разбирался в настроениях большинства владетелей Мавераннахра. Свою среду он знал очень хорошо с ранней юности. Он не только прекрасно учитывал, как крепко проникнуты мавераннахрские владетели желанием провести удачный поход с целями добычи, но и сам имел к этому вкус. Большой государственный ум сочетался у Тимура с привычками феодала-владетеля, который не упустит случая захватить у соседа добро, если для этого есть у него достаточная военная сила.

Уже первые годы власти Тимура показали, что он стал сочетать государственную деятельность по объединению Мавераннахра в единое, прочное государство с организацией походов, часто совершенно не связанных с его объединительной работой, а носивших чисто грабительский характер.

Объединить и подчинить земли между Аму-Дарьёй и Сыр-Дарьёй, а также Фергану и Шашскую область Тимуру не представляло особого труда. Здесь не было такого владетеля, который мог бы противопоставить Тимуру свою волю. Другое дело — древняя и культурная область Хорезм, которая исстари, в домонгольскую эпоху, была тесно экономически, политически и культурно связана с Мавераннахром. При монголах Хорезм был разделён на две части: Северный, с г. Ургенчем, вошёл в состав Золотой Орды, а Южный, с городом Кятом, — в Чагатайский улус. В самом начале 60-х годов Хорезм, пользуясь смутами, которые наступили в Золотой Орде после смерти хана Бердибека (1359), оторвался от последней и образовал самостоятельную кунгратскую династию Суфи, наиболее ранняя монета которой относится к 762—1361 годам⁷³. Государь из этой династии Хусейн Суфи начал объединение Хорезма, Северного и Южного, и захватил два города: Кят (тогда крепость) и Хиву. Тимур, претендующий на всё наследие Чагатайского улуса, считал этот акт незаконным и решил вернуть Южный Хорезм в состав организуемого им государства.

В 1372 г. Тимур отправил к Хусейну Суфи посла с требованием вернуть захваченное. Хусейн, как и следовало ожидать, в требовании отказал. Тимур немедленно после этого двинул своё войско. Путь к Ургенчу лежал через Кят, который после недолгого сопротивления был взят. Потеря Кята произвела на Хусейна Суфи сильное впечатление, и он готов был пойти на мир и выполнить требования Тимура. Однако один из военачальников войска Тимура, владетель Хутталяна — Кейхосрау, недовольный быстрым возвышением Тимура, уговорил Хусейна не покоряться, обещав перейти на его сторону. Хусейн поверил Кейхосрау и выступил против Тимура, но был в сражении разбит. После этого он скрылся в цитадели Ургенча, где вскоре умер⁷⁴. Это произошло в 1372—1373 году. Место Хусейна

⁷¹ Стены Самарканда были уничтожены в 1220 г. после завоевания города Чингисханом.

⁷² Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 61.

⁷³ Массон М. «Монетный клад XIV века из Термеза». Бюллетень САГУ. Вып. 18, № 7. 1929 г., стр. 63.

⁷⁴ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 66—67.

занял его брат Юсуф Суфи. Тимур предложил ему мир, причём одним из условий выставил требование выдать дочку Хусейна, внучку Узбекхана — Хан-Задэ, — замуж за Джехангира, сына Тимура⁷⁵. Юсуф Суфи дал на это согласие. Тогда же Тимур арестовал мятежного Кейхосрау и предал его казни на основе монгольского обычного права (яргу)⁷⁶. Это был первый случай решительного мероприятия против мятежа со стороны влиятельного и сильного феодального владельца.

Юсуф Суфи не выполнил, однако, условий мира; более того, после ухода Тимура он вновь захватил Кят, открыв этим враждебные действия против правителя Мавераннахра. Этим своим поведением Юсуф вызвал второй поход Тимура в Хорезм (1373—1374). Дело до военного столкновения не дошло, так как Юсуф принёс повинную, обещав срочно выполнить все условия мира⁷⁷.

В результате двух этих походов Южный Хорезм вошёл в состав государства Тимура. Это был большой успех молодого государя.

После 1374 г. Тимур проделал ещё три похода на Хорезм. Последний из них был связан с борьбой Тимура с Тохтамышем и великодержавной политикой Золотой Орды.

Тимур хорошо понимал, что сильная Золотая Орда, так же как и Белая Орда, представляют большую опасность для могущественного государства в Мавераннахре. Вот почему с первых лет своего правления он зорко следил за тем, что происходило в Улусе Джучи. В состав последнего входили Золотая Орда и Белая Орда⁷⁸ как его две части. Деление это было тесно связано с организацией войска. Золотая Орда поставляла из числа своего населения правое крыло (онкол) войска, а Ак-Орда — левое крыло (солкол). Постепенно Ак-Орда как-то обособилась и завела отдельных ханов. После смерти Бердибека (1359) в Золотой Орде начались феодальные смуты. Некоторые эмиры (начальники туменов и тысяч), они же наместники отдельных городов и областей, держали себя как самостоятельные правители, выступали против хана, ссорились друг с другом, чем ослабляли силы Орды.

Особенно тяжёлыми в жизни Золотой Орды были годы с 1360 по 1380. В течение двадцати лет в Золотой Орде сменилось около 25 ханов, не считая временщика эмира Мамай, владевшего всё это время правобережной частью Золотой Орды⁷⁹. Характерно, что большая часть левобережных ханов, сидевших на престоле в Сарае иногда менее года, являлась выходцами из Ак-Орды, из присырдарьинских областей, левого крыла улус-джучиева войска.

Вспомним ханов Хызра, Темир-Ходжу, Мурида (ураг в русской летописи) и Кильдибека. Вмешательство Белой Орды в золотоордынские дела шло параллельно с ростом экономического и политического могущества этой прежде отсталой части Улуса Джучи. О решительных шагах в этом отношении предпринял Урус-хан, правитель Ак-Орды, до 1377 года. Урус-хан задумал стать не только правительским ханом, он решил объединить обе части Улуса Джучи под своей властью. Тимур знал обо всём, что происходило в той и другой Орде, бо... объединения и тем самым усиления опасного соседа и искал случая помешать ему. Случай этот представился. Один из акордынских узбекских эмиров, правитель Мангышлака Туй ходжа-оглан, на курултае выступил против Урус-хана в вопросе о Золотой Орде, за что и был казнён⁸⁰. Сын Туй ходжи-

⁷⁵ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 67.

⁷⁶ Там же, стр. 68.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Белая Орда занимала область Нижней Сыр-Дарьи, города лево- и правобережья от Саурана до Янгикента и степи на север от низовьев Сыр-Дарьи и Аральского моря до Улуг-Тага, Сенгир Ягача, Каратала и Тюмени.

⁷⁹ Имеется в виду правобережье Волги.

⁸⁰ «Аноним Искендера» (Муин ад-дин Натанзи). См. Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 235—236 (персидский текст), стр. 131 (русский перевод).

оглана — Тохтамыш — бежал из Ак-Орды и явился к Тимуру, предлагая ему свои услуги. Произошло это в 1376 году. Тимур сразу учёл выгоду иметь в своих руках царевича, противника Урус-хана, которого можно было использовать в качестве соперника последнего.

Вот почему Тимур проявил к Тохтамышу много внимания и одарил его. Более того: он предложил ему свою поддержку, прежде всего военную. Не откладывая дела, Тимур снарядил войско и отправил Тохтамыша в Ак-Орду отвоёвывать у Урус-хана акордынский престол. Тимуру казалось чрезвычайно выгодным иметь в Ак-Орде своего ставленника. Два раза Тимур направлял Тохтамыша в 1376 г. в Ак-Орду, и оба раза Тохтамыш был разбит. Тогда сам Тимур с войском зимой направился против Урус-хана. Поход пришлось прервать из-за сильных морозов. Весной Тимур вернулся на Сыр-Дарью, однако сражения с Урус-ханом не имел, так как последний в это время умер. Это было в 1377 году. Только в 1379 г. Тохтамышу удалось овладеть акордынским престолом⁸¹.

Тимур был доволен таким оборотом дела, он думал сделать Тохтамыша своим верным вассалом и проводником своей политики в Улусе Джучи. Тохтамыш, однако, не оправдал надежд Тимура и, став акордынским ханом, пошёл по стопам политики Урус-хана, т. е. начал внутри Улуса Джучи борьбу за объединение и создание сильной Золотой Орды. Воспользовавшись полным ослаблением Мамаю, которого Дмитрий Донской разбил на Куликовом поле в 1380 г., Тохтамыш в том же году двинулся на Мамаю и на р. Калке нанёс ему быстрое и сокрушительное поражение⁸².

Победа эта дала возможность Тохтамышу захватить власть в Золотой Орде и объединить вновь обе части Улуса Джучи. С каждым годом росли и усиливались противоречия между Тимуром и его коварным, но энергичным ставленником. Тохтамыш делал как раз то, против чего готовил его Тимур. Стремясь вернуть Золотую Орду к лучшим дням времени Узбек-хана (1312—1340), Тохтамыш начал ряд походов за расширение золотоордынской территории, в том числе в Закавказье и Азербайджане, послав большое войско в 1385 г. для захвата Тебриза.

Великодержавная политика Тохтамыша была неприемлема для растущего тимуровского государства в Мавераннахре. Тохтамыш не только был помехой деятельности Тимура, но вместе с тем представлял интересы государства, которое в сущности своей было полной противоположностью государству Тимура в Мавераннахре. Золотая Орда была искусственным государственным объединением. Она держала власть над культурным населением Крымского Поволжья, Хорезма средствами грубейшего насилия. Ведь власть была в руках тюрко-монгольской кочевой знати, точнее монгольской династии Джучидов, которая, опираясь на военные силы, эксплуатировала богатые земледельческие области и культурные города Поволжья, Крыма и Северного Кавказа. Население этих областей мечтало о свержении власти монголов и полном своём освобождении. Иное, как это видели выше, наблюдалось в Мавераннахре. Здесь население земледельческих областей и городов жаждало объединения в единое, большое государство, так как это объединение могло вывести страну из феодальной разрухи.

Тохтамыш в конце 80-х годов явно искал случая для столкновения с Тимуром, стремясь отвлечь его от иранских дел. В 1387—1388 гг. Тохтамыш, используя отсутствие Тимура, совершил нападение на Мавераннахр и начал подстрекать Хорезм к восстанию против Тимура. Хорезмшах Сулейман Суфи легко пошёл на это, чем вызвал гнев Тимура. В 1388 г. Тимур совершил последний поход на Хорезм. Заняв Ургенч, Тимур ликвидировал династию Суфи и приказал переселить жителей Ургенча в Самарканд⁸³, а

⁸¹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 74—76.

⁸² Никоновская летопись под 6889 (1380—1381) годом. Изд. 1897 года.

⁸³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 108.

самую столицу сравнять с землёй и посеять на ней ячмень⁸⁴. В течение десяти дней войска Тимура грабили богатый и прекрасный город. Много жителей Ургенча, особенно ремесленников, было переселено в Мавераннахр, однако город не мог быть сравнен с землёй и сохранил несколько своих прекрасных зданий. В 1391 г., во время похода против Тохтамышша, Тимур отдал распоряжение восстановить город⁸⁵. Так прекратило самостоятельное существование небольшое, но богатое и культурное Хорезмское княжество. С тех пор Хорезм вошёл в состав сначала государства Тимура, а потом — государства среднеазиатских Тимуридов. Таким образом, все земли Средней Азии, за исключением Семиречья и низовой Сыр-Дарьи, были объединены в руках Тимура.

Войны Тимура с Тохтамышем не преследовали захвата земель, за исключением небольшой группы сырдарьинских городов, лежавших ниже Саурана. Тимур стремился лишь к полному ослаблению Улуса Джучи, так как видел в могущественной Золотой Орде постоянную угрозу создаваемому им в Средней Азии государству. Против Тохтамышша, после 1380 г. ставшего могущественным ханом, Тимур провёл три крупных похода — в 1389, в 1391 и 1394—1395 годах. Походы эти, так же как и походы на Хорезм, перемежались с походами в Иран, на Кавказ и к южным границам Руси. Для удобства изложения мы пока сосредоточили внимание на борьбе Тимура с Золотой Ордой.

Из указанных походов против Тохтамышша два последние должны остановить наше внимание. В 1391 г. Тимур выступил из Самарканда, зиму провёл в Ташкенте и направился с 200-тысячным войском в степи теперешней Казахской ССР. В апреле 1391 г. у горы Улуг-таг, в районе расположения современного Карсакпайского рудника, Тимур приказал высечь на камне надпись, в которой говорится, что султан Турана Тимур с двумястами тысяч пошёл по кровь Тохтамышша-хана. Надпись эта была обнаружена около десяти лет тому назад и ныне хранится в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже. После долгих переходов огромное войско Тимура встретилось с войском Тохтамышша в местности Кундузча, между Самарой и Чистополем. Здесь произошла 18 июня 1391 г. жаркая битва, закончившаяся полным поражением Тохтамышша⁸⁶.

Однако ресурсы Золотой Орды были ещё велики, и Тимур, выиграв сражение и захватив огромную добычу, не сломил самого золотоордынского государства. Борьба между ними продолжалась. В 1395 г. произошло новое сражение между Тимуром и Тохтамышем на Северном Кавказе, в долине р. Терека. Здесь Тохтамыш также потерпел поражение. На этот раз силы Тохтамышша были настолько ослаблены, что Тимуру была открыта свободная дорога в Поволжье, к самому сердцу Золотой Орды — её столице г. Сараю Берке. Большой и богатый город был захвачен, предан грабежу и сожжён, причём из него была вывезена огромная добыча, в состав которой, кроме разнообразных материальных ценностей, входило большое количество пленных — мужчин, женщин и детей, обращённых в рабство. Пострадали не только Нижнее Поволжье с его главными городами — Сараем Берке и Хаджи-Тарханом (Астрахань), — но и Крым с его приморскими городами (например Каффа), а также Азак (Азов) и Северный Кавказ. Если же принять во внимание, что за семь лет до этого Ургенч был опустошён, то станет ясным, что у Тимура был определённый план — подорвать хозяйственную, особенно торговую, жизнь наиболее культурных областей, входивших в состав Золотой Орды.

⁸⁴ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч., I, стр. 448, сл.

⁸⁵ По словам Шереф ад-дина Али Иезди (I, 449), Тимур восстановил город в размере одного квартала. В 1425 г., когда Шереф ад-дин писал своё сочинение, этот квартал и был Ургенчем.

⁸⁶ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 117—125; Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 112—118; Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 493, сл.; Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 158—173.

Известно, что опустошения и разрушения здесь были настолько велики, что все эти места долго не могли экономически возродиться⁸⁷.

Разгром на Тереке и опустошение Сарая Берке в 1395 г. нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько зла древней Руси, был переломлен. Золотая Орда после 1395 г. явно стала клониться к упадку. Разгром Мамаю в 1380 г. на Куликовом поле был первым и главным клином, вбитым в Золотую Орду; поражение на Тереке в 1395 г. и разгром Сарая были вторым ударом. Тимур вёл борьбу с Золотой Ордой ради среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел ясного представления; однако объективно он сделал полезное дело не только для Средней Азии, но и для Руси. Тимур не понимал, какое значение для русской истории имел его удар по Золотой Орде, да и о Руси своего времени не имел в какой-нибудь мере соответствующих действительности знаний. Русская же летопись сохранила о Тимуре очень плохое воспоминание, так как в том же, 1395 г. он пожог и ограбил несколько южнорусских городов.

Если борьба Тимура с Хорезмом и Золотой Ордой была вызвана интересами объединения Средней Азии в сильное государство, то его походы в Иран, Закавказье и более отдалённые страны носили чисто грабительский характер. Иран во второй половине XIV в. не представлял единого государства. После падения Хулагидского государства (1256—1336)⁸⁸ в стране было несколько владений. Среди них прежде всего нужно отметить государство Джалаиридов (1336—1411) в Азербайджане и государство Сербедаров в одной из больших областей Хорасана — в Себзеваре, просуществовавшее с 1336 по 1381 годы.

Известное же владение Куртов с центром в Герате после падения Хулагидов просуществовало как самостоятельное владение всего несколько десятилетий, также до 1381 года. Перечисленные феодальные династии не доросли ещё до сознания необходимости объединения всех этих владений в одно сильное иранское государство, в силу чего в Иране не было могущественной власти, которая могла бы противостоять войскам Тимура. Походы Тимура в Иран с первых лет носили завоевательный характер. Таков был и поход его на Герат в 1381 году. Гератом владел в то время Гияс ад-дин Пир Али из династии Куртов. Это был человек добрый, к людям весьма благорасположенный, характера не очень твёрдого, но храбрый. Несмотря на прекрасные укрепления Герата (внешние и внутренние стены) и неприступность знаменитой цитадели Ихтияр ад-дин, Гияс ад-дин не сумел воодушевить гератцев на борьбу, и жители не оказали упорного сопротивления, так как поверили обещаниям Тимура, что он им предоставит неприкосновенность имущества и гарантирует жизнь, если они будут сидеть дома и не примут участия в защите города.

Понятно, что в такой обстановке Тимур легко было взять один из наиболее укрепленных городов Хорасана. Наложив на жителей огромную дань, Тимур приказал наиболее именитым жителям Герата (улемам, имамам и др.) покинуть город и отправиться в Шахрисябз, который в то время Тимур всячески старался возвеличить и украсить. Тогда же в Шахрисябз (Кеш) отправлены были известные гератские ворота (точнее, двери ворот), убранные железными резными полосами, покрытые надписями. Двери эти в момент составления сочинения Шереф ад-дин Али Иезди, т. е. в 1425 г., находились ещё в Шахрисябзе.

Боясь возможного восстания жителей, которые разочаровались в Тимуре (дань была очень тяжела), Тимур приказал скрыть укрепления города (городские стены с башнями), снять ворота и т. д. Не тронута была только цитадель Ихтияр ад-дин. Предположения Тимура оправдались: в 1383 г., т. е. через два года, гератцы восстали, однако победить

⁸⁷ Шереф ад-дин Али Иезди, I, стр. 761, сл.

⁸⁸ Если принять во внимание ещё соперничающих ханов, то дату надо довести до 1344 года.

не сумели и были жестоко подавлены. На этот раз они заплатили значительно большую дань. В том же, 1383 г. династия Куртов была низложена, а через шесть лет, в 1389 г., Мираншах, сын Тимура, на пиру коварно убил последних представителей династии Куртов⁸⁹.

Почти одновременно с падением Герата, в 1381 г., прекратило самостоятельное существование и государство Сербедаров. Последний сербедарский государь Али Муайад по собственной инициативе передал земли и власть Тимуру. Этот факт сам по себе говорит о том, что у Тимура были какие-то весьма дружественные связи с хорасанскими сербедарами. Два года спустя Тимур захватил силой Сеистан, также включив его в состав своего государства. К середине 80-х годов XIV в. огромная часть Восточного Ирана принадлежала Тимуру. На этом его движение в глубь Ирана не остановилось. Мы имеем в виду его длительные походы в Иран. Сначала «трёхлетний» — с 1386 г., затем «пятилетний» — с 1392 г., наконец, «семилетний» — с 1399 года. Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи. Они не могут быть оправданы никакой нуждой объединительной деятельности Тимура в Средней Азии. В этих походах военачальники Тимура и простые воины его были жестоки и безжалостны к населению, терявшему не только своё имущество, но и свою свободу, а часто и жизнь. Всякий раз из длительного похода Тимур возвращался в Шахрисябз (Кеш) или Самарканд, отягчённый большой и богатой добычей.

К каким жесточайшим методам ограбления прибегал иногда Тимур, можно видеть из его похода 789 (= 1387 г.) на области Фарса и Исфавана, которыми владели Музаффариды. Когда Тимур взял красивый, богатый и культурный Исфаван, он приказал жителям выкупить свою жизнь и право на собственность, точнее — на какой-то остаток их бывшей собственности.

Исфаванцы не хотели подчиняться эмирам Тимура и не желали платить дани. Случилось, что один из исфаванских кузнецов, работавших в пригороде, ночью забил тревогу и поднял народ против небольшого гарнизона Тимура. Почти все эмиссары, которым было поручено собирать дань по кварталам, были перебиты.

Когда Тимур, находившийся в лагере недалеко от Исфавана, узнал о происшедшем восстании, он пришёл в страшный гнев и приказал войскам силой овладеть городом. Тимур разделил население города на две части. Людей именитых, духовных и светских, он приказал не трогать, а остальных разрешил убивать, насиловать, отдав их имущество на полное разграбление своему войску. Каждый из воинов Тимура, участвовавший в карательной экспедиции, должен был поставить определённое количество голов. В исфаванском побоище было собрано 70 тыс. голов, из которых потом, по приказу Тимура, в «назидание» были сложены высокие башни.

Выше указывалось, что походы Тимура в одном направлении перемежались с его походами, совершаемыми в другом. Не раз ходил Тимур с большим войском в Азербайджан; вспомним поход Тимура в Тебриз в 1385—1386 г. и ту большую дань, которую он наложил на несчастных тебризцев только за то, что за год до прихода Тимура они вынуждены были заплатить Тохтамышу 300 туманов золотом.

В Азербайджане в то время правил Ахмед Джалаирид (1382—1410). Во главе Ширвана находился Ибрахим Дербенди (1382—1417). Армению и Грузию Тимур покорил в 1392 г., внося огромные опустошения, оставив в памяти народной о себе воспоминание как об одном из жесточайших завоевателей. Азербайджан Тимуру удалось покорить лишь в 1397 году.

Имеется старое выражение: «Война порождает войну». Это целиком

⁸⁹ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 468.

применимо к Тимуру. Победоносно закончив один поход, Тимур, опираясь на огромные резервы и добытые средства, начинал готовить следующий. Никакая политическая нужда не толкала в 1398 г. Тимура к организации его далёкого Индийского похода, начатого в 1398 и законченного в 1399 году. Тимур ограбил огромную страну, безжалостно перебил 100 тыс. индийских пленнх только за то, что, по слухам, они рассчитывали во время битвы Тимура с султаном Махмуд Дехлевийским помочь последнему восстанием в тылу тимурова войска⁹⁰. Разбив в сражении дехлевийского султана, Тимур захватил знаменитый г. Дели и вывез из него, а также из близлежащих областей несметную добычу.

В 1400 г. войска Тимура выступают на удалённом от Средней Азии западе и ведут борьбу с турецким султаном Баязедом и египетским султаном Фараджем. Тогда были захвачены Тимуром многие города в Малой Азии и Сирии. В Малой Азии был взят Сивас, а в Сирии — Халеб (Алеппо). В 1402 г. Тимур имел второе, на этот раз решающее столкновение с Баязедом при Анкаре. Это было, быть может, самое крупное сражение того времени. С обеих сторон действовали армии, каждая из которых значительно превышала 200 тыс. воинов. В битве при Анкаре могущественный османский султан Баязед был наголову разбит и взят в плен. Значение этой битвы огромно не только в истории Азии. Сам того не подозревая, Тимур вторично оказал услугу европейским народам. Победа при Анкаре в 1402 г. и пленение Баязеда почти на 50 лет отсрочили завоевание турками-османами Константинополя⁹¹.

Последний, незавершённый поход Тимура был в Китай, начатый с 200-тысячным войском в конце 1404 г. и прекратившийся со смертью Тимура, 18 февраля 1405 года. К этому походу он тщательно готовился в течение нескольких лет.

Поход в Китай также был вызван стремлением к большой добыче, которая должна была превзойти всё, что получил завоеватель в предшествующих войнах. По существу, между тимуровским государством и Китаем не было ни одного противоречия, которое нельзя было бы разрешить мирным путём.

IV. ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ В ГОСУДАРСТВЕ ТИМУРА

Тимур отличался большим военным организаторским талантом, сильной волей и государственным умом. Вместе с тем он был в полном смысле слова сыном своей эпохи и ничуть над ней не возвышался. Живя в условиях созревания классических форм феодальных отношений, он был их активным проводником. Собирая феодальные владения в единое феодальное же государство, Тимур вместе с тем сам порождал новые владения, раздавая в суюргал, т. е. в лен или феоде, округа, области, даже целые страны. Суюргал, как восточная форма лена, получил при Тимуре широкое распространение. Под суюргалом тогда подразумевали передачу в наследственное владение и управление определённой земли с правом взимания с её жителей (сельских и городских) государственных налогов и податей целиком или частично в пользу взимавшего. На основе суюргального пожалования и раздавал Тимур в управление отдельные части своего государства прежним владельцам, членам своей семьи (сыновьям и внукам), а иногда и выдающимся своим эмирам за их заслуги. Приведём ряд примеров: завоевав крепость — владение Ахлат, — Тимур вернул его на основе суюргального пожалования прежнему владельцу Адилю Джужу⁹². Крепость Айдан Тимур передал в суюргал её бывшему хакиму

⁹⁰ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 188.

⁹¹ Бартольд В. В. «История изучения Востока в Европе и России», стр. 82. 2-е изд. Ленинград. 1925.

⁹² Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 153.

Баязеду⁹³. Крепость Каркул была передана на основе того же суюргала эмиру Али, владевшему ею и ранее. Когда Тимур после подавления восстания гератцев в 1383 г. ликвидировал династию Куртов, он образовал гератское владение, в которое включил земли Балха, Кундуза, Балкана, Бадахшана, Хутталаяна, Хисара, и передал их в суюргал своему третьему сыну, Мираншаху. На той же суюргальной основе Мираншаху в 1393 г. был передан «престол Хулагу-хана» — бывшие владения Хулагидов. В 1393—1394 гг. второму своему сыну, Омар-шейху, Тимур передал на основе суюргального пожалования Фарс. За год до этого, в 1392 г., Пир-Мухаммеду, сыну Джехангира, на том же основании Тимур передал «престол Газневидов»⁹⁴ — земли, когда-то составлявшие Газневидское государство (в сокращённых, правда, размерах после образования государства великих Сельджуков).

После Мираншаха «престол Хулугу-хана» был передан сначала Мухаммед султану, сыну Омар-шейха, а после смерти Мухаммед султана, в 1403 г., земли эти перешли к Омару, сыну Мираншаха. На таком же основании Рустем, брат другого Пир-Мухаммеда (сын Омар-шейха), владел Исфаганом, а Абу-Бекр, сын Мираншаха, — Багдадом. Список этот можно было бы значительно расширить.

Государство Тимура, если его взять в среднеазиатской и иранской частях, представляло совокупность феодальных владений, объединённых в единое государственное целое. Весьма характерно, что Мавераннахр, за исключением Ферганы, Тимур не дробил, никому не передавал и крепко держал в своих руках. Система раздачи отдельных частей государства на суюргальных началах содействовала накоплению в стране скрытых феодализирующих сил, которые могли в критический момент сразу же разрушить и целостность государства, что и произошло тотчас же после смерти Тимура. Обладая твёрдой рукой, Тимур умел подчинять своей воле всех своих владетелей — вассалов. Горе было тому, кто не подчинялся его приказаниям и противопоставлял свою волю воле государя. Когда глава племени джелаиров не подчинился в 1376 г. могущественному эмиру, он его казнил, а всех джелаиров распределил по разным округам⁹⁵, уничтожив таким образом целое кочевое владение в районе Ходжента. Когда в Самарканде Тимур обнаружил, согласно рассказу Ибн Арабшаха, непокорность со стороны некоторых эмиров, опиравшихся на недовольные Тимуром элементы, он их в 1388 г., заманив хитростью, всех перебил. Когда сын Омар-шейха Пир-Мухаммед не выполнил приказа и не выступил в поход, Тимур отнял у него Фарс с г. Ширазом, которым он управлял после смерти отца. Близких же ему людей он казнил. Впрочем, в 1403 г. он сменил гнев на милость и вернул Пир-Мухаммеду суюргал.

Сохранял ли Тимур кебековскую административную систему — деление на тумены? К сожалению, в источниках мы имеем об этом мало фактического материала. Однако и то малое, что имеется, указывает на то, что в Мавераннахре, который в большей части находился в руках Тимура, эти административные единицы (тумены) сохранялись до самого конца его правления.

Всё вышеизложенное показывает, какую огромную роль в управлении этим сложным феодальным миром играла личность Тимура. Он зажал все феодализирующие силы обширного государства в твёрдой руке и, направляя своих вассалов на непрерывные, большей частью грабительские походы, создал военный режим самой суровой дисциплины, придав всей системе правления явно деспотический характер.

Социально-экономические отношения в Мавераннахре времени Тимура в специальной литературе совсем не разработаны.

⁹³ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 156.

⁹⁴ Шереф ад-дин Али Йезди. Указ. соч. Т. I, стр. 558.

⁹⁵ Там же. Указ. соч. Т. I, стр. 264.

Для монгольской эпохи характерно резкое ухудшение в положении крестьян и ремесленников. Ухудшение положения крестьян шло в сторону прикрепления последних к платимым ими налогам и выполняемым ими повинностям, а через них — и к земле, что ярче всего отразилось в монгольском Хулагидском государстве в ярлыке 1303 г., изданном Газан-ханом⁹⁶. С крестьян взимали земельный налог (под разными названиями: харадж, мал), подушную подать (джизью), которая до монголов, согласно мусульманскому праву, взималась только с неверных, подводную повинность (улаг), барщинные работы (бегар) и чрезвычайные налоги (аваризат).

Если принять во внимание, что все эти налоги взимались в Мавераннахре при Тимуридах Абу-Саиде (1451—1469) и Султানে Ахмеде (1469—1494), то можно быть уверенным, что они взимались и при Тимуре, тем более что упоминания о них в разбросанном виде встречаются в источниках.

Едва ли только в Мавераннахре имело место прикрепление крестьян к земле. Источники об этом совершенно молчат.

Ухудшение положения ремесленников при монголах характеризуется внедрением в их среду полурабских отношений. Это в 1264 г. особо ярко отметил в своих записках Плано Карпини. Ко времени Тимура и при нём в положении ремесленников в самом Мавераннахре наступило значительное улучшение, однако в отношении к пленным ремесленникам, перевезённым в Самарканд и Шахрисябз, Тимур продолжал практиковать полурабские формы эксплуатации.

Клавихо, рассказывая о замке Тимура в самаркандской цитадели, говорит: «В этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали на него»⁹⁷. Здесь определённо говорится о типичной корхана (большая эмирская или султанская мастерская), которая весьма характерна для монгольской эпохи и в которой царили полурабские формы эксплуатации. Вместе с тем основная масса ремесленников в Мавераннахре лично была свободна и несла лишь обычные феодальные повинности.

Военная история причисляет Тимура к числу крупнейших полководцев средневековой Азии. Его военное дарование раскрылось в двух направлениях: как организатора войска и как полководца.

Тимуровское войско по своей организационной структуре продолжало традиции Чингис-хана. Во-первых, оно было ополчением, во-вторых, строилось по десятичной системе, т. е. делилось на тумены, тысячи, сотни, десятки. Различие состояло в том, что при Чингис-хане основу войска составляли кочевники и значительно меньшую роль играло оседлое население завоёванных стран, привлекаемое в принудительном порядке в кашар. При Тимуре же оседлая часть войска хотя и не составляла основы, однако была весьма существенной, а быть может, и равной с кочевниками частью. Оседлые области поставляли пехоту, а также отряды артиллерии того времени — воинов, обслуживающих камнемётные, стенобитные, огнестрельные (радандоз) машины, самострелы и др. Когда Тимору нужно было призвать определённые контингенты конницы и пехоты, он направлял тавачиев (лица, выполнявшие особо важные поручения государя) в ту или иную область своего государства с предписанием собрать, согласно переданному числовому списку (сан), нужное количество туменов. Тавачии собирали воинов пеших и конных, оседлых и кочевников, тюрков и таджиков. Согласно описаниям Абд-ар-Реззака

⁹⁶ См. прекрасную статью И. П. Петрушевского «Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья». Изд. Отделения общественных наук АН СССР. № 4, стр. 888. 1937. Здесь вопрос о прикреплении райятов (земледельцев) рассматривается подробно на основе фактов, сообщаемых Рашид ад-динном.

⁹⁷ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 330.

Самарканди⁹⁸, автора XV в., каждый воин ополчения должен был взять с собой провиант на год, четыре вида оружия, лук, 30 стрел, колчан, налучье и щит. У каждого двух воинов-конников должна была быть третья, запасная лошадь (заводная), на каждые 10 человек — одна палатка, 2 заступа, 1 мотыга, 1 серп, 1 топор, 1 шило, 100 иголок, пол-мана амбарного веса верёвок, 1 крепкая шкура, 1 котёл. Каждая область (она же суюргальное владение) поставляла основной контингент (асль) и дополнительный (изафе)⁹⁹. В десятичном членении войска особо важную роль играли кошуны, составлявшие, как правило, отряд в несколько сот человек. Вообще в то время под старыми названиями—тумен, тысяча, сотня — числились отряды, имевшие фактически иное число воинов. Тумены имели меньше 10 тыс., а кошуны—больше 100 человек.

В походе всегда соблюдался строгий порядок (мурчил)¹⁰⁰. Эмир каждого подразделения — тумена, тысячи, кошуна — хорошо знал своё место и строго его придерживался.

Впереди главных сил в походе шёл авангард (манкыла)¹⁰¹, состоявший иногда даже из нескольких туменов. От манкыла нужно отличать караул (сторожевое охранение)¹⁰², которое шло впереди авангарда. Особое место занимала разведка (хабаргири)¹⁰³, направлявшаяся любой значительной частью войска. Для разведки отбирались исключительно храбрые воины. В походе особо важную роль играли «проводники» (качарчи)¹⁰⁴. Тимур сам обыкновенно распределял между отдельными частями войска проводников.

Во время похода приходилось делать остановки. Если стан устраивали вблизи врага, то окапывали его рвом, ставили защитные орудия — туры (повидимому, передвижные башни) и большие окопные щиты (чапары). Хотя в нашу задачу совершенно не входит вопрос о вооружении войска Тимура, однако мы считаем необходимым отметить, что именно в его эпоху на Ближнем Востоке впервые появилось огнестрельное оружие.

Так, при описании войска Султана Махмуда Дехлевийского перед битвой с Тимуром у Дели в 1399 г. Низам ад-дин Шами упоминает на вооружении у индийского войска радандоз¹⁰⁵, особые огнестрельные, «громбросающие» орудия, нечто вроде примитивных пушек. Тот же автор то же орудие (рад)¹⁰⁶ упоминает и у воинов осаждённого Тимуром Дамаска в 1400—1401 годах¹⁰⁷.

Большой интерес представляет порядок, в котором войско располагалось перед сражением. Низам ад-дин Шами, Шереф ад-дин Али Иезди приписывают Тимуру новаторство в этом отношении. Чтобы понять, что нового внёс Тимур в военное искусство, необходимо представить себе, каково было расположение войска в начале военной деятельности Тимура. С этой точки зрения, большой интерес представляет порядок войска во время «грязевой битвы» 1365 года. Боевой строй войска Тимура состоял

⁹⁸ Chagmou «Expedition de Timour-lenk». Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg, 6 série. T. III. 1836. Персидский текст, стр. 246; французский перевод, стр. 422.

⁹⁹ Chagmou. Op. cit., p. 250.

¹⁰⁰ Тизенгаузен В. Указ. соч. Т. II, стр. 159, 175.

¹⁰¹ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 119.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, стр. 19—20. Здесь рассказывается о мужестве Шейх-Давуда, о том, как он поймал «языка», давшего Тимуру ценные сведения. На стр. 121 говорится о способностях этого рода у Мубашира, который сумел привести 40 человек.

¹⁰⁴ Там же, стр. 119, сл.

¹⁰⁵ Там же, стр. 190; Гияс ад-дин Али. Указ. соч., стр. 115.

¹⁰⁶ Там же, стр. 234.

¹⁰⁷ Только уже после написания настоящей работы мне пришлось слышать из доклада А. М. Беленицкого, что огнестрельные орудия были в войске Тимура в 1379 г. при осаде Ургенча. Упоминание об этом А. М. Беленицкий встретил в рукописи Муин ад-дин Натанзи.

из центра, правого и левого крыльев, каждое из которых имело дополнительное войсковое соединение — фланговое охранение, так называемый канбул, — и авангард (караул). Боевой порядок, таким образом, состоял из семи частей, из которых три имели более или менее самостоятельное значение, а четыре (два авангарда и два канбула) — подчинённое. Характерной чертой такого боевого строя являлась слабость его центра по сравнению с крыльями: центр не имел ни авангарда, ни резерва.

В 1391 г. в знаменитом сражении с Тохтамышем при Кундузче у Тимура был уже значительно усовершенствованный боевой строй войска. Шереф ад-дин Али Иезди¹⁰⁸ рассказывает, что Тимур первый ввёл членение войска на семь кулов — корпусов. Это были самостоятельные и ответственные лишь перед командующим войсковые соединения.

В боевом строю 1391 г. мы имеем уже иное отношение к центру. Крыльям, как и в старом боевом порядке, придаётся весьма важное значение. Это видно хотя бы из того, какое большое внимание обращается на боковое охранение флангов (канбул). Однако особенно укрепляется центр. Он получает авангард, и кроме того позади него устраивается ставка командующего; там же находятся резервы, которые в большинстве случаев и решают исход сражения.

Итак, в новом боевом строе и центр и крылья сделались предметом одинаково большого внимания. Если центр был охраной резервов и ставки командующего и резервы направлялись в то место сражения, где в них была нужда, то канбулы имели целью предохранить крылья от прорыва и не допустить обходного движения врага, который мог ударить в тыл, обойдя правое или левое крыло с флангов. Канбулы составлялись из наиболее храбрых и опытных в боях кошунов, под командой авторитетных военачальников.

Войско имело, как указывалось выше, не только конников, но и пехотинцев. Последние в боевом расположении стояли впереди конников и, в случае нападения врага, особенно при конной атаке, укрываясь за свои окопные щиты (чалары) и туры, давали первый бой. Пехотинцы играли исключительную роль на том участке боевого расположения, где бой имел оборонительный характер. Шереф ад-дин Али Иезди, описывая битву Тимура с Тохтамышем в 1391 г., определённо указывает, что эмиры туменов, тысяч и кошунов левого и правого крыльев тимурова войска выстроили в боевой порядок пехотинцев и всадников¹⁰⁹. Та же картина наблюдалась и в битве Тимура с Тохтамышем в 1395 году. Гияс ад-дин Али, описывая Индийский поход Тимура 1398—1399 гг., не раз говорит об участии пехотинцев в сражении. Так, упоминая битву на берегу Гуля (Джуль), он замечает, что левое крыло имело в авангарде кул Султана Али Тавачи, в котором были пешие отряды хорасанцев¹¹⁰. Примеров подобного рода можно привести немало.

Свои войны Тимур вёл с исключительной жестокостью, причём большей частью она ничем не могла быть оправдана. Чем можно оправдать постройку башни из 2 тыс. живых людей, переслоенных битым кирпичом и глиной, что имело место при взятии Исфизара¹¹¹ (город в Афганистане), или башен, сложенных в восставшем Исфагане из 70 тыс. голов, о чём говорилось выше¹¹², или, наконец, погребение 4 тыс. живых людей после взятия города Сиваса¹¹³ в Малой Азии? Однако самым ужасным из всех его деяний этого рода является убийство около 100 тыс. пленных индусов — гебров и идолопоклонников — перед генеральным сражением, ко-

¹⁰⁸ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч., Т. I, стр. 532—533; у Низам ад-дин Шахи имеется рассказ об этом на стр. 123—124.

¹⁰⁹ Charnoy M. Op. cit., p. 216 (персидский текст).

¹¹⁰ Гияс ад-дин Али «Дневник похода Тимура в Индию», стр. 76.

¹¹¹ Шереф ад-дин Али Иезди. Указ. соч. Т. I, стр. 360.

¹¹² Там же, стр. 434.

¹¹³ Там же, стр. 269.

торое он имел с Дехлевийским (делийский) султаном Махмудом. Низам ад-дин Шами эпически спокойно рассказывает, что Тимур издал этот приказ после того, как ему донесли, что пленники в критический момент сражения могут ударить с тыла, хотя они, кстати сказать, ничем не были вооружены¹¹⁴.

Тимур не принадлежал к Чингисидам, поэтому никогда не именовал себя ханом. Как и все люди того времени, он относился к титулу хан с большим пиететом и несмотря на своё большое властолюбие и честолюбие удовлетворялся скромным титулом гургана (зять, в данном случае — ханский зять). Право на титул гургана он приобрёл после женитьбы на Сарай Мульк-ханым, которую он взял в гареме эмира Хусейна после его ликвидации в 1370 г. и которая была дочерью Чингисида — хана Казана, последнего хана Мавераннахра из дома Чагатаев. Следуя традиции, установленной ещё эмиром Казаганом, Тимур держал при себе подставных ханов — Суюргатмыша (1370—1388) и потом его сына Султан Махмуд-хана (1388—1402). После смерти последнего он больше подставного хана не держал и чеканил монеты от имени умершего. Оба подставных хана не играли политической роли, в распоряжения Тимура не вмешивались и были в этом отношении фигурами чисто декоративными. С Султан Махмуд-ханом Тимур был в очень хороших отношениях и имел в его лице прекрасного, энергичного военачальника, командовавшего в конце XIV и начале XV в. ответственными войсковыми подразделениями. В битве при Анкаре Султан Махмуд-хан сыграл немаловажную роль и даже захватил султана Баязеда в плен.

До сих пор нельзя с полной уверенностью сказать, что среди сохранившихся миниатюрных изображений Тимура имеется его достоверный портрет. Нет и подробных описаний, которые дали бы ему как бы словесный портрет. Из писавших о нём видели его два наблюдательных человека. Один из них был Клавихо, видевший Тимура осенью 1404 г. несколько раз, другой — Ибн Арабшах, который видел его за два года до его смерти. Ибн Арабшаху было тогда не более 14 лет; следовательно, он мог говорить о наружности Тимура, сочетая отдалённые личные воспоминания с рассказами других людей.

Согласно описанию Ибн Арабшаха, Тимур был высокого роста, широкоплеч, обладал большой головой и густыми бровями, имел длинные ноги и длинные сухие руки, носил большую бороду. На правую ногу Тимур был хром. Глаза его были подобны свечам, но без блеска. Голосом обладал громким, отличался мощной силой и большой храбростью, смерти не боялся, до конца жизни сохранил ясную память, не любил шуток и лжи, напротив того, правда, даже ставившая его в затруднительное положение, ему нравилась. Что фактически прибавил Клавихо к этой характеристике? Описание платья и указание, «что он нехорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки»¹¹⁵.

В 1941 г. М. М. Герасимов попытался реконструировать на основе черепа Тимура его лицо. По отзыву антропологов, М. М. Герасимов дал максимальное приближение к тому портрету Тимура, каким его словесно нарисовал Ибн Арабшах.

Выше указывалось, что Тимур с детства знал тюркский и таджикский языки и производил впечатление человека образованного, хотя не умел ни писать, ни читать. Как же это могло быть? В часы досуга, особенно во время частых походов, Тимур любил слушать чтение, для чего и держал при себе «чтецов рассказов» (касса-хан). Больше всего он любил слушать чтение сочинений по истории. По словам Хафизии Аbru, он имел познания в истории тюрков, арабов, иранцев. Если судить по Ибн Арабшаху, то такое же впечатление о Тимуре осталось у известного

¹¹⁴ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 188.

¹¹⁵ Рюи Гонзалес де Клавихо. Указ. соч., стр. 259.

арабского историка Ибн Халдуна, который имел с Тимуром личную беседу. Тимур ценил всякое знание, особенно если оно могло принести практическую пользу, — медицину, астрономию, математику, — однако более всего интересовался архитектурой.

Тимур жил в эпоху, когда религиозное сознание во всём господствовало над малыми ещё достижениями науки. Являлся ли Тимур благочестивым мусульманином? В этом отношении он был типичным представителем военно-тюркской аристократии, среды, которая всегда подчёркивала свою приверженность к мусульманскому благочестию. Будучи во всём прежде всего политиком, стараясь из всего извлечь пользу для государственного дела, Тимур сохранял самые дружеские связи с различными представителями мусульманского духовенства, создававшими ему популярность в широких кругах населения. В духе своего времени он держал при себе духовника — упомянутого выше шейха Береке, который молитвой старался подкрепить то, что делал Тимур мечом. Тимур был очень доволен, когда шейх Береке перед крупными сражениями, как это, например, имело место в битве в местности Кундузча в 1391 г., молил аллаха о даровании победы Тимуру¹¹⁶. И всё же, несмотря на все старания держаться благочестивым мусульманином, Тимур ставил политический расчёт выше споров между отдельными правоверными толками. По словам В. В. Бартольда, «тот же Тимур, который в Сирии выступал защитником Алиа и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил сунитское правоверие, в Мазандаране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка»¹¹⁷.

Беспрерывные войны Тимура невольно наталкивают на сравнение его с таким завоевателем, каким в XI в. являлся Махмуд Газневи. Однако у них имеется общее лишь в разрушительной деятельности — в склонности вести грабительские войны. Огромные богатства, которые проходили в качестве добычи через руки Махмуда, не оплодотворяли хозяйственной жизни Газневидского государства. Иное дело — Тимур. Он, как хороший, расчётливый хозяин, всё, имеющее ценность, тянул в Мавераннахр, в центр своего обширного царства, которое он один держал в руках. Сюда он свозил не только разнообразные материальные ценности, но в ещё большей мере использовал пленных специалистов — ремесленников, художников, архитекторов, учёных — и не потому, что Мавераннахр был беден этими специалистами, а полагая, что чем больше будет приток культурных сил, тем богаче станут ремёсла, тем выше будут искусства и науки.

В Самарканде при Тимуре можно было увидеть мастеров Исфагана, Ширази, Халеба и других городов Сирии, Египта, Малой Азии, Азербайджана и т. д. Всем им он давал работу, всех их он умел использовать на самых разнообразных стройках, будь то возводимые прекрасные здания — дворцы, мечети, медресе, мавзолеи, загородные сады, мастерские по выделке оружия, просто ремесленные дуканы или новые городские укрепления. Этой страстью Тимура к строительству, большим размахом его работ Клавихо был буквально поражён. И не случайно лучшие страницы своего дневника он посвятил описанию того, что было сделано и делалось Тимуром в Самарканде. Мавераннахр был выделен Тимуром из общей системы обширного государства в особое, привилегированное владение. Клавихо в своём дневнике отмечает, что на северный берег Аму-Дарьи, т. е. в Мавераннахр, пропускали всякого, кто хотел. Напротив, никто не мог без особого разрешения покинуть Мавераннахр и переехать на южный берег Аму-Дарьи: так сильно боялся Тимур потерять хотя бы одного человека, способного к работе.

¹¹⁶ Низам ад-дин Шами. Указ. соч., стр. 123—124.

¹¹⁷ Бартольд В. В. «Улугбек и его время», стр. 21.

Можно без преувеличения сказать, что шум строительных работ слышен был во всех крупных городах Мавераннахра, особенно в Самарканде и его окрестностях, Шахрисябзе, даже на краю степи и культурной полосы — в г. Ясы (Туркестан).

Столицей огромного тимурова государства стал Самарканд. Тимур считал, что по величине и красоте ни один город не может быть ему равным. Самарканд должен был затмить все бывшие до него столицы. Ибн Арабшах рассказывает, что Тимур устроил вокруг Самарканда ряд селений, назвав их именами знаменитых городов — Миср (Каир), Димшик (Дамаск), Багдад, Султания и Шираз, из которых три были столицами: Дамаск — омайядского, Багдад — аббасидского, Миср — фатимидского халифатов. В то, что селения носили названия знаменитых городов, была вложена определённая политическая идея: перед Самаркандом все они меркнут так же, как меркнет простое селение перед великим городом.

Тимур не только украсил город новыми зданиями, имеющими общественное значение, но и значительно перестроил его, создав в нём благоустроенные базары, пополнив его махалла (кварталы) разнообразными ремёслами. Часть замечательных построек Тимура дошла и до нас. Среди них нужно отметить чудесные мавзолеи в группе Шах-и-Зинда, соборную мечеть Тимура, известную сейчас под именем Биби-ханым, усыпальницу Гур-Эмир, где похоронены Тимур и некоторые члены его династии — его сыновья и внуки — Тимуриды.

В Шахрисябзе и по сей день стоят развалины портала его прекрасного дворца Ак-сарай и других зданий. Замечательным памятником строительной деятельности Тимура является мечеть Ходжа Ахмед Ясеви в г. Туркестане. Вокруг Самарканда Тимур построил прекрасные загородные дворцы-сады: Баг-и-Чинар, Баг-и-Диль-куша, Баг-и-Бихишт, Баг-и-Боланд и др. Здесь среди тенистых деревьев и цветников проводил он те немногие дни, когда после похода возвращался домой.

Тимур умер во время последнего, неоконченного похода в Китай 18 февраля 1405 г., в холодную зимнюю ночь, выпив чересчур много вина.

Хотя приближённые Тимура старались скрыть от народа смерть своего государя, однако весть о ней быстро распространилась и произвела ошеломляющее впечатление. Всем было ясно, что в стране вновь начнётся смута, борьба царевичей и эмиров друг с другом.

И действительно, Пир-Мухаммеда, сына Джехангира, которого Тимур назначил своим наследником, никто из сильных феодального мира не признал. Те самые царевичи и эмиры, которые при жизни Тимура знали свои места в войске и государстве и стремились превзойти друг друга быстротой исполнения приказаний великого эмира, подняли головы и, не признавая ничего авторитета, начали друг с другом феодальную войну за «тимурово наследство». События, имевшие место с 1405 по 1409 г., наглядно показали, как непрочны были нити, которыми Тимур соединял отдельные части своего государства в обширную империю. Феодализирующие силы, зажатые в деспотический кулак правителя и полководца, со смертью последнего были выпущены на свободу; наступил новый этап смут.

Тимур — фигура глубоко противоречивая. Его деятельность в Средней Азии, как мы могли убедиться выше, имела немало положительных черт в области ликвидации феодальных смут и феодальной раздробленности, с одной стороны, и гигантской строительной работы — с другой. И не случайно К. Маркс в своих «Хронологических выписках», говоря о Тимуре, как бы подчёркивает это противоречие: «Он (Тамерлан.— А. Я.) дал своему новому царству государственное устройство и законы, представляющие большой контраст с теми зверствами и дикими разрушениями, которые по его приказам совершали татарские орды»¹¹⁸.

¹¹⁸ К. Маркс «Хронологические выписки». Т. II; Архив Маркса и Энгельса. Т. II, стр. 184.

И всё же, как бы значительна ни была положительная роль Тимура в истории Средней Азии, в историю он навсегда войдёт в качестве одного из самых жестоких завоевателей. В «Улугбек и его время» замечательный русский историк-востоковед В. В. Бартольд так охарактеризовал Тимура: «Мировоззрение Чингис-хана до конца было мировоззрением атамана разбойников... Гениальный дикарь применял свои редкие организационные способности всё к более широкому кругу лиц и не видел разницы между качествами, необходимыми для начальника отряда в десять человек, и качествами, необходимыми для управления империей. Тимур, напротив, был прежде всего царём-завоевателем, для властолюбия которого не было границ, ему приписывали изречение, «что всё пространство населённой части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей»¹¹⁹.

Тело Тимура покоится в Самарканде, в мавзолее Гур-Эмир. О погребении Тимура имеется классическая работа В. В. Бартольда¹²⁰. Особого внимания заслуживает приведённый В. В. Бартольдом рассказ Ибн Арабшаха о перевозе тела Тимура из Отрара в Самарканд и о погребении его там, в медресе Мухаммеда Султана. Гроб Тимура, по словам Ибн Арабшаха, был из чёрного дерева. Через некоторое время тело было, по его словам, переложено в стальной гроб. С особой пышностью, чуждой обрядности мусульманского погребения, «на могилу были возложены его одежды, на стенах развешаны предметы его вооружения и утвари; всё это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звёздам на небе, висели золотые и серебряные люстры; одна из золотых люстр весила 4 тыс. мискалей (золотников)»¹²¹.

Это пышное языческое убранство продержалось до 1409 г., когда после занятия Шахрухом Самарканда, по приказу последнего, все предметы вооружения, одежда и драгоценности были, по словам Ибн Арабшаха, сняты¹²² со своих мест и пышность была заменена строгой простотой.

В Самарканде в июне 1941 г. под руководством проф. Т. Н. Кары-Ниязова работала специальная археологическая экспедиция по вскрытию могил Тимура и Тимуридов. В экспедиции принимали участие проф. А. А. Семёнов, проф. Л. В. Ошанин, археолог В. А. Шишкин, антрополог-скульптор М. М. Герасимов и химик-реставратор В. Н. Кононов.

Вскрытием¹²³ обнаружено два важных факта: 1) тело Тимура похоронено в деревянном гробу, в общем хорошо сохранившемся; 2) судя по обнаруженному костяку, Тимур был высокого роста, широк в плечах; кость правого бедра срослась с коленной чашкой, вследствие чего Тимур не мог разгибать правой ноги: кости правого плеча и предплечья правой руки также срослись, отчего и правой рукой Тимур не владел. Последнее, как мы видели выше, вполне соответствует показаниям письменных источников.

Как примирить, однако, показания такого авторитетного свидетеля, как Ибн Арабшах, с данными вскрытия по вопросу о гробе? Нам представляется, что на данном этапе наших знаний наиболее правильным будет предположение, что тело Тимура в 1409 г. было переложено по распоряжению Шахруха в деревянный гроб из стального, что более соответствовало строгим предписаниям ислама, ригористичным ревнителем которых он был.

¹¹⁹ Бартольд В. В. «Улугбек и его время», стр. 33—34.

¹²⁰ Там же, стр. 23.

¹²¹ Бартольд В. В. «О погребении Тимура». ЗВО. Т. XXIII, стр. 1—32.

¹²² Там же, стр. 24.

¹²³ Эти строки основаны на не опубликованном ещё отчете В. А. Шишкина.

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ДЖОНА ВИКЛИФА

Проф. В. Грабарь

Литературной деятельности знаменитого английского богослова-реформатора, вдохновителя Гуса, профессора Оксфордского университета Джона Виклифа (ок. 1320—1384) посвящено очень много работ¹, но в них мы напрасно стали бы искать каких-либо указаний на его отношение к современным ему вопросам международного права. Между тем в богословской литературе, поскольку в ней находила своё отражение международная жизнь средних веков, Виклиф занимает своеобразное положение, принципиально отвергая действующее в его время международное право, основанное на нормах римского и канонического права, в надежде видеть его заменённым предписаниями, почерпнутыми из книг Ветхого и Нового заветов. Его отрицательное отношение к войне как к средству разрешать международные споры тоже выделяет его из среды современных ему богословов, занимавшихся вопросами права войны.

Сущность своих взглядов на эти вопросы Виклиф высказал в своём сочинении «О должности царя»², написанном за шесть лет до смерти, в 1378 году. На нём я главным образом и основываюсь, дополняя его

¹ Вот главные работы в хронологическом порядке: Robert Vaughan «The Life and Opinions of John de Wycliffe». Vol. I—II. London. 1831; Lechler «Johann von Wiclif und die Vorgeschichte der Reformation». L. 1879; Vattier «John Wycliffe». Paris. 1886; Reginald Lane Poole «Wycliffe and the movements for Reform». London. 1889; Rudolf Buddensieg «John Wyclif und seine Zeit». Halle. 1885; Sergeant «John Wyclif». London. 1893; J. Loserth «Studien zur Kirchenpolitik Englands im 14 Jh». Wien. 1897; G. M. Trevelyan «England in the Age of Wycliffe». London. 1899; Rae «John Wycliffe, his Life and Writings». London. 1903; Carrick «Wycliffe and the Lollards». London. 1908; Oczipka «Die literarischen Widersacher Wycliffes». 1915; Herbert B. Workman «John Wycliffe. A Study in the English Medieval Church». Vol. I—II. Oxford. 1926; Д. М. Петрушевский в «Книге для чтения по истории средних веков». Под ред. П. Г. Виноградова. Вып. I. М. 1897.

² Joannis Wyclif «Tractatus de officio Regis» now first edited by Alfred W. Pollard and Charles Sayle. London. 1887. Имя Виклифа пишется различно: Wyclif, Wycliffe, Wiclif.

данными из других работ Виклифа, оказавшихся доступными для меня³.

Во второй половине XIV в., к которой относится литературная деятельность Джона Виклифа, международное право, не выделившись ещё в самостоятельную научную область, практически осуществлялось в жизни, и нормы его были предметом изучения как со стороны богословов, так и со стороны юристов, входя как составная часть в общую систему тогдашнего императорского (римского) и папского (церковного или канонического) права. Отдельные вопросы будущей системы международного права подверглись уже в это время тщательному изучению и систематической обработке. Наибольшее внимание привлекали к себе более жгучие вопросы того времени — репрессалии (трактат Бартола 1354 г.) и война (трактат Джованни да Леньяно 1360 года).

I

В основе действовавших в средние века норм международного права находилось римское право, дополненное некоторыми постановлениями церкви. Изучение римского права было поэтому необходимо для уразумения институтов международного права. Однако изучение это с начала XIII в. начинает встречать препятствия со стороны церкви, успевшей к этому времени создать свою собственную систему права, представлявшую своеобразную амальгаму богословия и римского права, и стремившейся к тому, чтобы своей системой церковного, или канонического, права совершенно заменить и вытеснить опиравшееся на авторитет императоров римское право.

³ Во внимание приняты следующие сочинения: Joannis Wyclif Summae in Theologia Tractatus, De Civili Dominio, Liber Primus. By Reg. L. Poole. London. 1885; Liber Secundus (Tertius) by Dr. John Loserth. London. 1900; Wiclif Trialogus cum Supplements Trialogi, ed. Gotthardus. Lechler. Oxonif. 1869; De Quattuor Sectis novelis, De Citationibus, Frivolis, Cruciata, De Christo et Suo Adversario Antichristo, De Contrarietate Duorum Dominorum—все пять сочинений в книге Johan Wiclifs Lateinische Streitschriften, hrsg. Von Rudolf Buddensieg. Leipzig. 1883; Wyclif. Sermones ed. Joh. Loserth. London. 1887; См. также Fasciculi Zizariorum Mag. Joh. Wyclif ed. Shirley. London. 1858.

Богословы после некоторого увлечения правовыми проблемами в XI, XII и первой половине XIII в., увлечения, вызванного новизной и быстрыми успехами правоведения, начали разочаровываться в этой профессии и стали относиться к юристам с явным недоброжелательством и даже враждебностью. Правоведение сделалось наравне с медициной чрезвычайно прибыльным занятием. Как некогда богословие, так теперь правоведение открывает своим адептам дорогу к высшим должностям в государстве. «Галиен даёт богатство, Юстиниан — почести», — гласила поговорка. Богословы жаловались, что их аудитории пустыли; одновременно аудитории юристов были переполнены слушателями. Богословы смотрели на юристов, изучавших свои дисциплины с исключительно практической целью, как на простых ремесленников. Такое пренебрежительное и даже презрительное отношение к юристам, а вместе с тем и к предмету их занятий — римскому праву, а отчасти и к каноническому, — мы можем наблюдать в Англии у Роджера Бэкона во второй половине XIII в., у Ричарда де Бэри — в первой половине XIV века. Таково же было отношение к легистам и к изучавшемуся ими римскому праву и у Джона Виклифа.

«Если есть какая-нибудь профессия, которая заслуживает презрения, то это прежде всего римское право в его общем обиходе»⁴. При господстве этого права, аргументирует Виклиф, совершались преследования христианских мучеников; это право находится в противоречии с католическим учением, и папа обязан, ввиду несоответствия его справедливости, запретить повсеместно его изучение и прекратить его действие. Немалый грех берёт на себя тот, кто, имея возможность разрушать заблуждения, не принимает соответственных мер. Между тем римское право полно заблуждений: оно допускает давать деньги в рост, разрешает публичным женщинам заниматься в городах своим ремеслом, отходит от правды евангельского закона⁵.

Виклиф вспоминает о декрете папы Гонория III 1219 г. «Super Specula», запрещающем чтение римского права в Парижском университете, утверждая, что этот декрет был издан по настоянию французского короля. Виклиф, однако, недоволен тем, что запрещение это ограничивается Парижским университетом и Францией. Папа, по мнению Виклифа, обязан был бы запретить чтение римского права и у себя, в самом гнезде его изучения и распространения⁶.

Не ограничиваясь, однако, римским правом, Виклиф не менее энергично выступает и против права церковного, или канонического; даже закон, изданный папой, если он противоречит велению бога или справедливым законам светских государей, подлежит устранению со стороны остальной части церкви. «Мне кажется, — заключает Виклиф свой выпад против изучения права, —

что если римское право, каноническое право или другая норма, где бы то ни было на земле, отвлекают от изучения богословия или просто мешают ему, они должны быть устранены как той, так и другой властью»⁷.

Свои нападки на изучение духовенством римского и канонического права Виклиф объясняет двумя причинами: во-первых, для управления церковью ни та, ни другая система права не нужна, так как церковь должна управляться евангельским законом; во-вторых, римское и каноническое право отвлекают духовенство от их прямой задачи, которая должна состоять в изучении евангельского закона и св. писания вообще, что составляет предмет богословия.

«Римский епископ, считая себя царём, создаёт для себя законы, Пётр же и другие святые заместники Христа довольствовались законом Христа»⁸. «Вся истина в писании. Если бы поэтому в упомянутых законах была какая-нибудь истина или разум, то эти последние необходимо должны бы иметь основание в Писании... из чего следует, что папский закон или составляет часть закона Христа или же он является совершенно излишним»⁹. Папе не следовало бы притязать на звание законодателя. Буллам, законам и велениям папы должно повиноваться, «поскольку они могут быть обоснованы на св. Писании»¹⁰.

Подробно о взаимоотношениях божественного и человеческого права Виклиф говорит в разделе II (главы XVII—XXV) третьего трактата своей «Summa theologiae», посвящённого гражданской власти¹¹. Здесь проводится мысль, что для христиан не должно быть другого закона и другого права кроме того, которое содержится в Ветхом и Новом заветах¹². «Закон Христа — путь более лёгкий, более удовлетворительный и более спасительный, и христианин обязан изучать его, оставив в стороне и каноническое право»¹³. Иисус Христос дал закон, который сам по себе достаточен для управления всемирной церковью¹⁴. Гордыня заставляет людей предполагать, что их логика выше логики священного писания¹⁵. Только этот закон можно применять, изучать и преподавать другим¹⁶.

Закон, содержащийся в св. писании, доступен пониманию каждого христианина, и каждый христианин должен быть одновременно и богословом и юристом¹⁷. Богословом должен быть и папа¹⁸. Богословы нуж-

⁷ Ibidem, p. 191.

⁸ Ibidem, L. I, cap. IX, p. 221.

⁹ Ibidem, p. 221—222.

¹⁰ Ibidem, p. 223—224. Cf. Trialogus, p. 423.

¹¹ De Civili Dominio. Liber Primus, ed. Reginald Lane Poole. Liber Secundus (Tertius), ed. John Loserth.

¹² De Civili Dominio, Lib. I, p. 118.

¹³ De Officio Regis, Lib. I, cap. VII, p. 190; Cf. «Trialogus», p. 240.

¹⁴ De Civili Dominio, Lib. I, cap. 42, p. 348.

¹⁵ Trialogus, ed. Lechler, p. 242.

¹⁶ De Civili Dominio, Lib. I, cap. 44, p. 402.

¹⁷ Ibidem, p. 402.

¹⁸ De Civili Dominio, Lib. I, p. 124.

⁴ De Officio Regis, Lib. I, cap. VII, p. 189.

⁵ Ibidem, p. 190.

⁶ Ibidem.

ны и государству. В числе других условий, содействующих укреплению государства, необходимо, по мнению Виклифа, «развитие, покровительство и преобразование богословского факультета»¹⁹. «Всякая другая наука, если она не служит богословию, бесполезна и должна быть поэтому запрещена»²⁰. Так и поступил папа Гонорий III, запретив монашествующим изучать правоведение и медицину («физику»). «Рост римского права ведёт к падению и искажению богословия»²¹.

Обращаясь специально к Англии, Виклиф желал бы видеть декретал папы Гонория III распространённым и на Англию, ибо «Англия столь же далека, как Франция, если не более, от закона Империи и, затем, в Англии столь же необходимо оказывать поощрение богословию и вере христовой... как и во Франции»²². Английский король должен бы оказывать защиту богословию, устраняя все препятствия к его развитию и не допуская, чтобы в пределах его государства преподавалось римское право²³, «духовенство было бы ему, несомненно, полезнее... знанием собственной гражданской системы (Civilitas), чем знанием двух чужих гражданских систем»²⁴. Изучение и преподавание права, а также юридическая практика, по мнению Виклифа, должны быть делом светских людей. Но если бы английское духовенство всё же стало изучать правоведение, то оно сделало бы лучше, обратившись к изучению гражданского права Англии, знать которое для него важнее, чем знать гражданское право римских императоров²⁵.

Несмотря, однако, на столь недоброжелательное отношение к римскому и каноническому праву, Виклиф как будто понимает, что полный отказ от изучения этих двух систем права для Англии невозможен, по крайней мере, в отношении светских людей, которые изучением правоведения не отвлекаются от богословия. «Нашему царству, — говорит Виклиф в заключение, — приличествует знать папские и императорские законы не только ввиду заключающихся в них истин и разумных соображений и не только ради более свободного обращения с иностранными людьми и книгами, но в особенности ещё и с той целью, чтобы обнаружить, каким образом папа, как встарь, должен быть подчинён императору»²⁶.

Интересно отметить, что в числе доводов в пользу английского права и в особенности в пользу содержащегося в св. писании божественного права Виклиф указывает на немногочисленность правовых норм, усматривая в этом значительное преимущество этих систем перед римским и каноническим правом. Даются принципы, прочее же пред-

ставляется толкованию учёных²⁷. Это стремление к упрощению правовых систем и к замене их более простыми и ясными нормами, покоящимися на божественном праве или на праве естественном, сближает Виклифа с тенденциями эпохи Возрождения и Реформации. Управление государством заключается, по мнению Виклифа, в установлении немногих справедливых законов, в их умелом выполнении и в защите прав всех подвластных²⁸. Избыток законов отвлекает от божественного права, затрудняет их изучение и исполнение, вызывает необходимость увеличения кадров юристов для их истолкования, ослабляя изучение других наук. Множество законов бесполезно и вредно для государства и может даже привести к его гибели, так как военное сословие в погоне за наживой может заняться судебной практикой²⁹.

Виклифу хорошо известны доводы, которые приводятся защитниками римского права в пользу необходимости его изучения в Англии. На них и на возражения, которые делает защитникам римского права Виклиф, мы считаем необходимым остановиться. Римское право, говорят его защитники, более чем другие системы права, проникнуто началами разума и справедливости. Виклиф готов признать, «что есть много разума в римской гражданственности (civilitas)», а также, что «много выдающихся и сильных в политической доктрине лиц приобрело известность в этом искусстве», но он не допускает, чтобы «в римской гражданственности было больше тонкостей разума или справедливости, чем в гражданственности английской», или чтобы кто-либо «был большим учёным или философом, поскольку он является доктором римской гражданственности, чем поскольку он является судьёю английского права»³⁰.

Другой довод в пользу необходимости изучения римского права в Англии защитники его видят в том, что без знания его невозможно изучение и понимание канонического права. Виклиф допускает, что римское право, как и английское, необходимо для понимания канонического права и что римское право даже более необходимо; он полагает, однако, что каноническое право в его чистом виде может быть понято и без римского права. Каноническое право, как право церкви, авторитет свой получает не от римского права: оно выше этого последнего³¹.

Особый интерес имеет для нас третий из приводимых Виклифом доводов защитников изучения римского права в Англии. Римское право «безусловно необходимо знать», чтобы разрешать спорные случаи согласно праву войны (lex armatorum)³². В XIV в., как уже было нами отмечено, римское право в истолковании, которое давалось его нормам постгlossаторами, повсеместно, не исключая и Англии, применялось к решению

¹⁹ De Officio Regis, p. 176.

²⁰ Ibidem, p. 177.

²¹ Ibidem, p. 188.

²² Ibidem, p. 189.

²³ Ibidem, p. 188.

²⁴ Ibidem, Lib. I, cap. X, p. 237.

²⁵ Ibidem, Lib. I, cap. VII, p. 190; ср. Fasciculi Zizaniorum, p. 303.

²⁶ De Officio Regis, Lib. I, cap. X, p. 237.

²⁷ Ibidem, Lib. I, cap. III, p. 56.

²⁸ Ibidem, p. 55.

²⁹ Ibidem, p. 56.

³⁰ Ibidem, Lib. I, cap. 6, p. 193—194.

³¹ Ibidem, p. 194.

³² Ibidem, p. 193.

вопросов международного права, в том числе и права войны. Нормы международного права, поскольку они существовали и признавались, почерпались из римского права³³. Обойтись без него при решении споров, возникавших между государствами, было немислимо. Для английских государственных людей это обстоятельство было и осязательнее и нагляднее, так как нормы римского права имели в Англии применение только к институтам церковного права и к международным отношениям. Устранить римское право можно было бы только в том случае, если бы удалось перестроить международное право, обосновав его на другом начале, как это было сделано впоследствии, когда римское право было заменено естественным правом. Такую именно реформу и предлагает Виклиф, выдвигая, однако, вместо римского права не право естественное, а право божественное, содержащееся в св. писании. Применительно к праву войны это был Ветхий завет. Такая замена была бы не шагом вперёд, а возвратом к X и более ранним векам.

II

Всё человечество, по воззрениям Виклифа, представляет как бы одно целое и должно поэтому стремиться к некоторому единству как внутреннему, так и внешнему³⁴.

Что касается первого, то «подобно тому, как бог установил, чтобы одна страна помогала другой, доставляя ей полезные продукты, и обратно, так он установил между ними взаимное общение, чтобы одна страна продавала другой то, в чём она нуждается, благожелательно сносилась с другими, чуждыми ей по нравам, доставляя им все мирские блага»³⁵. Лучшей связью, соединяющей людей между собою взаимной помощью, является связь милосердия. Однако, имея в виду неповиновение и раздоры в роде человеческом, оказывается необходимым, и так установлено богом, чтобы существовали светские владыки; главная обязанность их состоит в том, чтобы привести части человеческого рода к согласию и любви³⁶.

Внешним единством всего мироздания является сам бог, направляющий род человеческий к вечному счастью³⁷. Во главе человеческого рода стоит Христос, как лучший из возможных людей. Но в преходящем роде человеческом должен существовать глава, или капитан. «Весь род человеческий, — говорит Виклиф, — должен жить политически как один муж, а следовательно, должен быть один глава или капитан³⁸, который управляет другими. Природа не до-

пускает, чтобы два человека были равно приспособлены в отношении всего к такому управлению»³⁹.

Организация мира представляет, таким образом, всемирную монархию. Но как могут ужиться в ней две власти — духовная и светская? Должна ли одна из этих двух юрисдикционных властей стоять выше, чем другая? Виклиф доказывает, что светская власть по своему достоинству не ниже духовной, а по своему происхождению — древнее её⁴⁰.

Обычно в пользу превосходства власти папы над властью императора приводят тот довод, что власть эта духовная, власть же императора светская; первая превосходит вторую, как солнце превосходит луну, как душа превосходит тело, как золото превосходит серебро⁴¹. Но, говорит Виклиф, «трудно доказывать, что папская власть совершеннее власти императора, основываясь на том, что её состояние совершеннее. Ибо в таком случае власть любого священнослужителя была бы совершеннее, чем власть царя, которому он подчинён. Поэтому мне кажется, что царская власть превосходит священническую по многим основаниям»⁴². Ссылаются также на случай низложения императора папою. Но если бы это и было так, то было немало обратных случаев, когда императоры низлагали пап за их кощунство; низложение пап было реально, между тем как папы лишь утверждали, что низлагают императора⁴³. В пользу юрисдикции императоров Виклиф ссылается также на свидетельства отцов церкви: Киприана, Августина и Григория⁴⁴.

Виклиф переходит далее к вопросу о происхождении духовной и светской власти или о первенстве между ними во времени. «По этому поводу, — говорит он, — часто спорят попусту. Обе должности, несомненно, происходят от бога, и нельзя утверждать, что одна из них устанавливает другую или облагает её властью. Что же касается древности, то надо заметить, что, согласно Августину, Адам был царём, Каин же считают первым священником в силу первородства⁴⁵. Таким образом, империя или царство предшествовали по времени и по природе священству, так как светская власть существовала как в состоянии непорочности, так и в состоянии после грехопадения. Ибо Адам был в состоянии непорочности повелителем всего осязаемого мира и царём в отношении своей жены на началах гражданской власти»⁴⁶.

Духовенство со священством возникло позднее. Слова Аристотеля⁴⁷ о том, что человек живёт сперва во чреве матери жизнью растения, затем жизнью животного

³³ Грабарь «Римское право в истории международно-правовых учений». Юрьев. 1901.

³⁴ De Officio Regis, Lib. I, cap. XI, p. 249.

³⁵ De C. D., Lib. III, cap. 18, p. 313; cf. De Christo et Suo Adversario Antichristo, p. 33—34, 45.

³⁶ De Officio Regis, Lib. I, cap. XI, p. 247—248.

³⁷ Ibidem, p. 249; cf. De Christo et Suo Adversario, p. 34.

³⁸ Ibidem, p. 249.

³⁹ Ibidem, p. 246.

⁴⁰ Ibidem, Lib. I, cap. 6, p. 137.

⁴¹ Ibidem, p. 127—128.

⁴² Ibidem, p. 137.

⁴³ Ibidem, p. 128.

⁴⁴ Ibidem, p. 137.

⁴⁵ Ibidem, p. 144.

⁴⁶ Ibidem, p. 144; De Civili Dominio, Lib. III, cap. 21, p. 426.

⁴⁷ Aristoteles, De animalibus, Lib. XVIII, cap. 6.

и, наконец, жизнью человека, применимы и к церкви, которая является таким же человеком⁴⁸.

Каин, Нимрод, Навуходоносор и многие языческие цари в четырёх монархиях, говорит Виклиф, действовали без каких бы то ни было полномочий от священства. Наоборот, само священство установлено ими. «И хотя большинство этих царей были неверными, бог всё же дал им власть управления... и дал им власть устанавливать священные законы»⁴⁹. После воплощения Христа, в четвёртой, римской монархии, многие императоры всходили на престол, не получая власти от духовенства⁵⁰.

Опровергнув аргументы защитников превосходства папской власти над императорской, Виклиф даёт затем изложение собственных взглядов, основываясь исключительно на свидетельстве св. писания. На первых страницах своего трактата «О должности царя» он говорит: «Ныне представляется необходимость изобразить царскую власть согласно духу Писания, чтобы таким образом яснее можно было понять, каким образом власть священническая и власть царская в гармонии церковного тела взаимно обязаны оказывать друг другу содействие»⁵¹.

«Будем держаться того мнения,— говорит Виклиф,— что бог сам непосредственно установил как ту, так и другую власть, а не так, что одна из них установила другую и дала ей авторитет»⁵². Впоследствии Виклиф доказывал производность папской власти от императорской⁵³. На вопрос, который обычно ставится, какая из этих юрисдикционных властей выше, духовная ли превосходит светскую или светская — духовную, ответить прямо невозможно, ибо власти эти по существу своему различны⁵⁴; царская власть представляется по отношению к мирским делам большей, чем власть священническая, которая является властью совсем иного порядка; эта последняя в свою очередь представляется большей по отношению к делам духовным»⁵⁵. «Одно я утверждаю смело,— говорит в заключение этого спора Виклиф,— ни крики нашего духовенства, ни Писание не ставят папу выше императора, ни по отношению к миру, ни по отношению к богу»⁵⁶.

Однако, если бы необходимо было сравнивать обе юрисдикционные власти, то пришлось бы признать, что светская власть, власть царя, превосходит власть духовную, священническую, и папа больше обязан повиноваться императору, чем император ему⁵⁷. Во всяком случае «управлять граждански мирскими благами,— говорит Виклиф,— завоевывать царства и взимать подати — дело

земной власти, а не папы»⁵⁸. В последние годы жизни Виклифа взгляды его на власть папы совершенно изменились: он объявил папу антихристом⁵⁹.

Против всемирной власти папы Виклиф резко высказывается в одном из своих последних сочинений — «О Христе и Его противнике Антихристе». Папы, говорит он, стремятся к императорскому достоинству. В противоположность Христу, который устранялся от светской власти, папа (антихрист) измышляет ложные основания, чтобы установить свою светскую власть над всеми государствами мира. В то время как Христос ограничил свою юрисдикцию Иудеей, папа стремится распространить свою юрисдикцию на всю обитаемую землю и готов был бы распространить её и на бесконечное мировое пространство, если бы он полагал, что это может принести ему какую-нибудь выгоду⁶⁰.

Применяя сказанное к Англии, Виклиф приходит к заключению, что английский король превратился бы таким образом в подвластного царька папы⁶¹, между тем как государства и «царство Англии, в частности, обязаны повиноваться папе лишь постольку, поскольку такое повиновение может найти обоснование в св. Писании. Но из Писания не может быть выведено, что тот властвует светским образом над мирскими делами нашего царства»⁶². «Что касается мирских дел, то царь больше любого своего священника, даже папы»⁶³. Папа и духовенство должны подчиняться английскому королю тем более, что он, не подчиняясь императору, особенно щедро одарил свою церковь⁶⁴.

Если, таким образом, взгляды Виклифа на взаимоотношения между представителем всемирной духовной власти, папою, с одной стороны, и отдельными государствами, с другой, — отличаются полной ясностью и определённостью, то нельзя сказать того же относительно его взглядов на взаимоотношения другого представителя всемирной власти — императора — с этими государствами. В XIV в. друг другу противостоят решительные сторонники всемирной монархии во главе с императором и столь же решительные противники её, отстаивающие полную самостоятельность и независимость от императора окрепших к этому времени отдельных национальных государств⁶⁵.

Убеждённым сторонником распавшейся уже империи был Данте. Оглядываясь окружавший его политический горизонт, он с ужасом констатирует, что человеческий род распался и единство империи исчезло. «Род

⁵⁸ De Civili Dominio, Lib. I, p. 124.

⁵⁹ Trialogus, p. 425. Cf. De Christo et Suo Adversario, p. 44.

⁶⁰ De Christo et Suo Adversario Antichristo, p. 43, 53, 55.

⁶¹ Ibidem, p. 53.

⁶² De Officio Regis, Lib. I, cap. 6, p. 146.

⁶³ Ibidem, Lib. I, cap. VIII, p. 196.

⁶⁴ Ibidem, Lib. I, cap. II, p. 37.

⁶⁵ См. мою статью «Священная Римская империя в представлениях публицистов начала XIV века» в сборнике Института истории «Средние века». Вып. I. М.-Л. 1942, стр. 79—96.

⁴⁸ Wiclif, De Officio Regis, Lib. I, cap. 6, p. 147.

⁴⁹ Ibidem, p. 144—145.

⁵⁰ Ibidem, p. 145.

⁵¹ Ibidem, Lib. I, cap. I, p. 10; cf. ibid., cap. 6, p. 140.

⁵² De Officio Regis, Lib. I, cap. 6, p. 144.

⁵³ De Christo et Suo Adversario, p. 43.

⁵⁴ Ibidem, p. 137.

⁵⁵ Ibidem, p. 142—143.

⁵⁶ Ibidem, p. 143.

⁵⁷ Ibidem, Lib. I, cap. 6, p. 137.

человеческий! — восклицает он, — став многоголовым зверем, ты стремишься в разные стороны»⁶⁶. Иначе мыслят и чувствуют Олдрад в Италии, Пьер Дюбуа и Иоанн Парижский во Франции. Виклиф, подобно своему соотечественнику Оккаму⁶⁷, воздав должную дань объединяющей человечество всемирной империи, в конечном результате склоняется на сторону отстаивающих свою независимость молодых государств. Власть императора в XIV в. была фиктивной; с нею можно было мириться, в то время как власть папы, хотя и ослабленная, продолжала ещё чувствоваться и в XIV в., особенно в Англии.

Организация человечества должна иметь форму всемирной монархии, полагает Виклиф. «Нет сомнения, — говорит он, — что (всемирная) монархия была неоднократно одобряема богом; в этом убеждают также естественный разум и свидетельства философов»⁶⁸. Виклиф ссылается на Аристотеля, утверждающего, что государства, во главе которых стоит одно лицо, являются наиболее совершенными: они управляются подобно тому, как вселенная управляется богом⁶⁹. Это мнение разделяется тремя учителями католической церкви — Амвросием, Августином и Григорием⁷⁰, — а также Белой Преподобным и другими святыми, которые усматривают косвенное одобрение всемирной монархии в том обстоятельстве, что Христос пожелал родиться при империи, в царствование Тиберия⁷¹.

Из того факта, что отцы церкви относились с одобрением ко всемирной монархии, нельзя, однако, делать заключения, что самое основание монархий было правомерно или что попытки отдельных государей расширить свои владения и установить всемирную монархию могут быть оправдываемы⁷². «Царю дозволено хотеть из светских владений столько, сколько достаточно для светского управления согласно закону Христа. Многие того мнения, — замечает Виклиф, — что это хотение не может распространяться на всю обитаемую землю»⁷³. Бог допустил установление этих монархий с целью воздействовать на избранный народ и наказать его. Войны, имеющие целью создание всемирной монархии, незаконны. Завоевания допустимы лишь по полномочию, полученному от бога, подобно тому как сыны Израиля завоевали обетованную землю под предводительством Иисуса Навина⁷⁴.

⁶⁶ Dante, De Monarchia, Lib. I, cap. 16(18).

⁶⁷ Guil. De Ockam. Dialogus, Pars III. Tract. II de iuribus Romani imperii, Lib. I, cap. 2.

⁶⁸ De Officio Regis, Lib. I, cap. XI, p. 246.

⁶⁹ Aristoteles, Politicorum, Lib. III; Metaph., cap. XII, in fine.

⁷⁰ S. Ambrosius, ep. XXXIII, ad Marcellinam sororem (Decret. Grat. qu. XXIII, VIII, c. 21); Augustinus, ep. XLVIII ad Vincentium (ibidem, cap. I); Wiclif, De Officio Regis, loc. cit., p. 246—247.

⁷¹ De Officio Regis, Lib. I, cap. XI, p. 247.

⁷² Ibidem, p. 245—246.

⁷³ Ibidem, p. 261.

⁷⁴ Ibidem, p. 248.

Имея в виду, что при господстве империи воинствующая церковь вела свою борьбу правильнее и успешнее, Виклиф говорит, что «нет как будто основания, почему бы императору не иметь и ныне такой же власти»⁷⁵. Но на поставленный таким образом вопрос он отвечает отрицательно. Время всемирной монархии уже прошло. Против продолжения её существования имеются веские соображения. Таких соображений три. Ими объясняется, «почему Англия с прочими царствами аналогичного характера отходит от Римской империи»⁷⁶. Остановимся на этих соображениях, оправдывающих, по мнению Виклифа, отпадение Англии и других государств от империи и их независимое от неё существование.

Первое соображение — то, что империя «не живёт по-императорски, как должна бы жить. Англии поэтому не следует ложно повиноваться ей, как империи, которая нелепо и незаконно, вопреки установленной Христом вере, одарила своего епископа и затем, к сожалению, допустила, чтобы духовенство... захватило власть над нею. Ибо какое царство может быть в достаточной мере сильно, будучи подчинено империи, столь несчастно пленённой?»⁷⁷. Итак, первую причину отпадения государств от империи Виклиф усматривает в так называемом константиновом дарении, т. е. в захвате власти в империи духовенством и папою, что в свою очередь повело к политическому ослаблению входящих в империю государств, средства которых расходовались на содержание папы и его духовенства.

Вторую причину отпадения Англии и прочих государств от империи Виклиф усматривает в том, что «император не только допускает, чтобы его сатрапы расхищали принадлежащее ему собственное его достояние, над которым он должен сохранять, несмотря на любое дарение, верховную собственность, но ещё допускает, чтобы его волки совершали нападение на чужие острова и земли... Кто же, имея возможность и видя вред, не станет сопротивляться такой империи, когда императорское управление заменилось согласием на адский грабёж?»⁷⁸. Далее идут выпады против папы, который пристрастен к Франции: он запрещает изучение права в Париже, а в Англии, где больше оснований к такому запрещению, разрешает его⁷⁹.

Третья причина отпадения Англии и прочих государств от империи — причина более политического характера. «Власть над царствами, — аргументирует Виклиф, — является законной только при наличии соответственного управления; но острова, как Англия, нелегко поддаются такому имперскому управлению, находясь в трудно доступном расстоянии от средиземноморских царств... Поэтому подчинение островов, как и других стран, не представляется удобным, в особенности когда требуют огромных взно-

⁷⁵ Ibidem, p. 247.

⁷⁶ Ibidem, p. 249—250.

⁷⁷ Ibidem, p. 250.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Ibidem, p. 250.

сов, не давая соответственной компенсации в управлении»⁸⁰.

В другом месте, приводя мнение «многих» о неосуществимости распространения одной государственной власти на весь мир, Виклиф перечисляет причины, препятствующие продолжительному существованию всемирных монархий. «Причин к тому много,— говорит он,— во-первых, отдалённость земель, моря, горы и пустыни создают препятствия для политического управления, которое должно быть осязательным; во-вторых, народы, различные по языку и нравам, не выносят из гордости такого подчинения на постоянное время; в-третьих, такое господство должно быть названо односторонним насилием и не может привести к естественному обществу, даже если ему не препятствует пространственное расстояние; при отсутствии подчинения у подвластных и при отсутствии власти императора над царями земная империя необходимо должна распасться»⁸¹.

Четвёртая монархия, Римская империя, образовавшаяся в то время, когда римляне одержали победу над греками... «включает в себе, как свои части, всю гражданственность обитаемой земли» и должна просуществовать до дня Страшного суда⁸². Но ей было предсказано, что при её существовании «восстанет народ на народ и царство на царство»⁸³. «И всё это разногласие,— замечает Виклиф,— происходит из-за земли»⁸⁴.

Мы можем считать, что Виклиф в конечном счёте склоняется к признанию желательности существования отдельных независимых государств, но с сохранением известной связи с империей. Взаимная связь независимых государств и объединяющей их империи должна продолжать существовать. Христос сам утвердил власть государей, управляющих под властью императора⁸⁵. Империя и государства должны находиться во взаимной зависимости, объединяясь для борьбы с узурпацией церкви и папства. «Ибо,— говорит Виклиф,— пока существует подлунная гражданственность и духовенство так рвётся к земной власти, необходимо, чтобы из среды земных властителей один был императором, на котором сошлись для обуздания всякого противохристианского обмана». Англия «при наличии покровительства ей управления» тоже «должна соответственно оказывать повиновение» империи⁸⁶.

III

Находясь от империи в некоторой, весьма слабой зависимости, определяемой общими интересами борьбы с притязаниями пап на вмешательство в светские дела государства, Англия в лице своего короля обладает, по мнению Виклифа, всей полнотой своих дер-

жавных прав, как территориальных, так и вытекающих из подданнической (ленной) связи. «Царь,— говорит он,— обладает самой всеобъемлющей человеческой принудительной властью в своём царстве»⁸⁷.

Главы IV, V и VI трактата «De Officio Regis» специально посвящены вопросу о пределах юрисдикции короля⁸⁸. «Остаётся рассмотреть яснее пределы царской юрисдикции,— начинает Виклиф главу VI,— в отношении места, в отношении предмета и в отношении основания», ибо, «независимо от субъекта, юрисдикция получает индивидуальную окраску от места, от народа и от основания»⁸⁹. «Само собою понятно,— говорит Виклиф,— что правительственное воздействие всецело распространяется на всё его царство, на всё, что подпадает его светской власти, а именно на всех обязанных ему верностью и на всё находящееся под его гражданской властью⁹⁰; его юрисдикция распространяется на всех обязанных ему ленной верностью, чтобы мирно управлять добрыми, а злых наказывать телесно или имущественно»⁹¹. «Из этого, далее, следует,— продолжает Виклиф,— что царь может и обязан принимать к своему рассмотрению любое действие или бездействие жителя страны, которым может быть нарушено спокойствие мира, а таким является всякое правонарушение со стороны местного жителя»^{91а}. За государственной властью, таким образом, совершенно определённо признаётся вся полнота державных юрисдикционных прав как в отношении территориальном, так и в отношении личном.

Полноте территориальной власти английского короля не мешает то обстоятельство, что епископы обладают известной долей юрисдикционных прав. Правами этими они пользуются по милости короля, который предоставил духовенству ряд юрисдикционных полномочий: «оно может требовать явки к своему суду, для духовного исправления лиц, подчинённых его юрисдикции; оно может налагать денежные взыскания на подданных царя за их грехи; оно может во избежание соблазна лишить подданных царя свободы»⁹². Но все эти права являются особой привилегией, дарованной духовенству английским королём. В основании их лежит не право, а вежливость, и король может в любое время отнять у духовенства предоставленные им привилегии⁹³. Духовенство отправляет правосудие от имени короля, его властью; юрисдикция короля ничем не ограничена⁹⁴. Над всем, что находится в пределах государства,— над лицами и над имуществом,— король властвует, «над одним— непосредственно, над другими—посредственно, дальше или ближе, в зависимости от то-

⁸⁰ De Officio Regis, Lib. I, cap. XI, p. 250—251.

⁸¹ Ibidem, Lib. I, cap. XII, p. 261.

⁸² Ibidem, Lib. I, cap. XI, p. 252.

⁸³ Евангелие от Матвея, гл. XXIV, ст. 7.

⁸⁴ De Officio Regis, l. cit.

⁸⁵ Ibidem, p. 249; De Christo et suo adversario, p. 54.

⁸⁶ De Officio Regis, p. 251.

⁸⁷ De Civili Dominio, Lib. I, cap. 37, p. 270.

⁸⁸ De Officio Regis, p. 65, 90, 118.

⁸⁹ Ibidem, p. 118.

⁹⁰ Ibidem, p. 66.

⁹¹ Ibidem, p. 43.

^{91а} Ibidem, p. 119.

⁹² Ibidem, Lib. I, cap. VIII, p. 204.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibidem, Lib. I, cap. VI, p. 119.

го, больше или меньше посредствующих между ними лиц»⁹⁵.

Виклиф довольно подробно говорит о подданстве как о ленной связи короля с обязанными ему ленной верностью людьми. Подданным короля, или, как выражается Виклиф, обязанным ему ленной верностью, «можно назвать всякого человека царя, который подчиняется закону царя»⁹⁶; наоборот, «всякий подданный царя, подчинённый его отечественным законам, может быть назван обязанным ленною верностью этому царю»⁹⁷. Понятие подданного не совпадает с понятием лица, от рождения находящегося в подчинении законам государя, ибо, с одной стороны, «много иностранцев становится подданными или обязанными ленной верностью царям страны», а с другой стороны, «многие отказываются от верности своему прирождённому царю или переселяются в другие страны»⁹⁸. Речь идёт, конечно, о принятии подданства, т. е. о натурализации, или укоренении, и об оставлении подданства, или об экспатриации.

Виклифу хорошо известно понятие двойного подданства как возможного последствия принятия или оставления подданства. «Из сказанного вытекает, — говорит он, — что одно и то же лицо может быть подданным (связанным верностью) двух царей, не находящихся между собою в отношении подчинения (сюзеренитета), как, например, если Пётр имеет владения в царствах таких царей, неся тому и другому царю соответственную службу»⁹⁹.

Территориальное начало, по воззрениям Виклифа, абсолютно. Оно не терпит никакого прорыва. Внеземельным лицам, внеземельной юрисдикции в этой системе нет места. Виклиф совершенно отрицает возможность какой бы то ни было иностранной юрисдикции над пребывающими в Англии лицами.

В положении внеземельных лиц находились в средние века, с одной стороны, папа со своим духовенством, включая и монашество, подсудным только ему, папе, а с другой стороны, представители иностранной верховной власти, духовной и светской — кардиналы и послы. Виклиф со всей решительностью отвергает внеземельное положение этих лиц, подчиняя их всецело местной юрисдикции. «Согласно сказанному, — говорит он, — все священнослужители, даже монашествующие, были бы людьми, обязанными верностью царям страны; но это как будто неверно относительно папы, относительно живущих без собственности (т. е. нищенствующих монахов) и относительно иностранцев, прибывающих в страну только ради отправления посольства. Я утверждаю здесь, что все вышеупомянутые лица являются обязанными верностью царям страны, как как под их сенью они находят покровительство и обязаны, под угрозой наказания, повиноваться отечественным законам»¹⁰⁰.

Папа, по словам Виклифа, «до его одарения был специальным священнослужителем кесаря и, следовательно, преимущественный его слуга, обязанный ему верностью; но невозможно, чтобы вследствие этого дарения, совершённого столь щедро, хотя и слепо, он перестал быть лицом, обязанным верностью римскому царю»¹⁰¹. Папа Лев, вспоминает Виклиф, признавал, что он обязан повиноваться законам императора¹⁰². Того же мнения был и св. Амвросий¹⁰³. Сам Христос не оказывал противодействия светской власти, подчинялся её законам и платил подати¹⁰⁴. Папа не может владеть в Англии землями, иначе он имел бы там слишком обширные владения, государство раздробилось бы и король английский стал бы лишь в положении сюзерена¹⁰⁵. Но английские короли «нелепо и безбожно одаряли церковь»¹⁰⁶.

Духовенство английское, по мнению Виклифа, всецело подчинено королю: «Царь властвует, что касается тела, над всем обязанным ему верностью духовенством своим»¹⁰⁷. «Всякое духовное лицо, обязанное верностью царю, обязано в качестве такового подчиняться законам страны и, таким образом, царю». «Поэтому, — прибавляет Виклиф, — архиепископы в Англии приводятся к строгой присяге царю и царству». Это подчинение духовенства местному законодательству вытекает уже из факта получения духовенством от государя имущества, владение которым подчиняет его юрисдикции короля^{107a}.

Для государства, с другой стороны, очень важно иметь хорошее, преданное ему духовенство и очень опасна возможность предательства с его стороны, чтобы можно было допускать изъятия его из-под действия государственной власти. «Как могло бы устоять царство, — спрашивает Виклиф, — если бы все епископства, все аббатства и приораты, все приходы и все странноприимные дома Англии были переданы врагам-иностранцам?» «Нельзя также воображать, что передача немногих бенедиктинцев не принесла бы вреда Англии»¹⁰⁸.

В связи с этим Виклиф энергично выступает против института церковного убежища: «Те, кто отстаивали привилегии церкви защищать в местах убежища даже любых преступников, отстаивали бы и не имеющий никакого разумного оправдания закон, разрешающий им уходить оттуда, не подвергаясь наказанию»¹⁰⁹. Между тем духовенство

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Decretum Gratiani, II, qu. VII, cap. 41.

¹⁰³ Ibidem, XI, qu. I, cap. 28. Officio Regis, Lib. I, cap. VIII, p. 202; cf. Ibidem, cap. IV, p. 70.

¹⁰⁴ De Officio Regis, Lib. I, cap. VIII, p. 203, 206; cf. Vaughan. Life and Opinions of John de Wycliffe, vol. II, p. 231.

¹⁰⁵ Ibidem, p. 206.

¹⁰⁶ Ibidem, p. 213.

¹⁰⁷ Ibidem, cap. IV, p. 66; cf. ibidem, cap. II p. 43.

^{107a} Ibidem, cap. IV, p. 69—70.

¹⁰⁸ Ibidem, cap. VII, p. 169.

¹⁰⁹ Wicliff. Sentence of the Curse Expounded, cap. IX, XX; to perpetuate a nest of thieves in his Kingoom (R. Vaughan, op cit. Vol. II, p. 219).

⁹⁵ De Officio Regis, cap. IV, p. 66.

⁹⁶ Ibidem, cap. VIII, p. 198.

⁹⁷ Ibidem, p. 199.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Ibidem, p. 202.

«упорно держится мнения, что король должен бы утвердить эту привилегию, хотя она служит только для поддержания существования в этом королевстве воровского гнезда»¹¹⁰.

В том же положении, как всё светское духовенство, должны находиться и нищенствующие монахи, которые в средние века признавались подчинёнными не местным епископам, а непосредственно папе. Не будучи подчинены епископам, они приносят королю присягу через своих провинциалов. «Что касается братьев отшельников и пустынников (*anagoritas et heremitas*), живущих без собственности (*exproprietarie*),—говорит Виклиф,—то они, без сомнения, являются людьми, обязанными верностью царям страны, ибо за предательство, грабёж, убийство или другое тяжкое преступление они, будучи уличены в преступлении, должны подлежать ответственности по отечественным законам. Как же, спрашиваю я, могло бы в противном случае устоять царство при размножении этого народа?»¹¹¹. «И подобно тому, как Христос был лицом, обязанным верностью Ироду и Кесарю», нищенствующие монахи должны быть обязанными верностью королю, а все обязанные верностью должны служить королю и государству каждый по-своему. Те, кто держится иного мнения, совершают не только святотатство, но и кощунство, ибо «они пытаются лишить царя его священной власти»¹¹².

Виклиф не наделяет правами веземельности даже представителей папы и других иностранных государей; они тоже подчиняются юрисдикции короля. Достаточно уже одного факта, что они находятся на территории Англии, пользуясь благами её, чтобы быть подчинёнными местной юрисдикции. В этом своём утверждении Виклиф, правда, не столь категоричен, ибо мнение его шло вразрез с повсеместно принятыми нормами права. «Мне кажется,—говорит он,—что иностранцы, даже кардиналы, поскольку им царём разрешено ступать ногами по его почве, пользоваться продуктами питания его земли и поскольку они обязаны умерять своё поведение, чтобы не нарушать закона царя или царства, являются людьми, обязанными верностью этому царю»¹¹³.

Попутно Виклиф в сочинениях своих затрагивает некоторые другие вопросы, имеющие отношение к международному праву: о подчинённости государя высшим нормам права, об ответственности государства, о договорах и верности данному слову, о послахах.

Международное право мыслимо лишь в том случае, если допускается существование некоторых норм, связывающих волю государства или его главы. Несмотря на все атрибуты суверенитета, которыми Виклиф снабжает главу государства, он признаёт тем

не менее подчинённость его нормам высшего, не зависящего от его воли божественного права. «Велика сила закона Христа и надобность в нём,—говорит он,—всякий земной царь должен быть подвластным царём царя царей»¹¹⁴. Виклиф ставит вопрос о подчинении государя своим собственным законам. Вместе с Аристотелем он признаёт, что законодатель должен быть выше закона¹¹⁵. «Царь подчинён собственному закону велением божественного закона, а не велением собственного закона»¹¹⁶.

Государство, как всякая община, отвечает за действия своих членов. Если бы это было не так, рассуждает Виклиф, то бог был бы несправедлив, наказывая государство за грехи государя или его подданных путём войн, мора и других бедствий¹¹⁷. В главе V трактата «О должности царя» Виклиф ставит вопрос, каким образом действия подданных могут быть приписываемы их управителям, и отвечает, «что всё, что совершает подручный царя его авторитетом или по его приказанию, должно быть приписываемо капитану»¹¹⁸. Однако, если действие совершено не в силу власти, которою он облечён царём, то действие это не должно быть ему приписываемо, подобно тому, как преступления людей не приписываются богу или Христу¹¹⁹. Интересное различие действий подданных, за которые государство отвечает, от действий, ответственность за которые на государство возлагаема быть не может.

Заключённые с другими государствами договоры должны быть строго соблюдаемы. В подкрепление этой истины Виклиф приводит слова из имевшего широкое распространение в средние века апокрифического трактата Аристотеля «*Secreta Secretorum*»: «Остерегайся нарушать верность данному слову и утверждённые договоры... ибо всякая неверность приводит к дурному концу»; «Знай, что верность положила начало соединению людей, поселению граждан, общению мужей, властвованию царей; верностью держатся лагеря, города сохраняются, цари властвуют. Устрани верность — и все люди возвратятся к скотскому состоянию»¹²⁰.

Однако Виклиф значительно ограничивает это начало (*pacta sunt servanda*) и даёт впервые, сколько мне известно, обоснованную теорию «изменившихся обстоятельств» (*clausula rebus sic stantibus*). Она содержится в главе XXXVI, раздел IV, книги I «О гражданской власти»¹²¹. Союз или договор, полагает Виклиф, может быть законным образом расторгнут, какими бы клятвами и другими человеческими средствами он ни был закреплён. «Это следует из того, что в каждом подобном договоре необходимо подразумевается воля божия; между тем любой человеческий договор может находиться в

¹¹⁴ Ibidem, p. 201.

¹¹⁵ Ibidem, cap. V, p. 93—94

¹¹⁶ Ibidem, p. 94.

¹¹⁷ Ibidem, cap. IX, p. 220.

¹¹⁸ Ibidem, cap. V, p. 93.

¹¹⁹ Ibidem, p. 92.

¹²⁰ Ibidem, cap. III, p. 55.

¹²¹ De Civili Dominio, Lib. I, cap. XXXVII, p. 264—265.

¹¹⁰ Wiclif. De Officio Regis, Lib. I, cap. IX, p. 219.

¹¹¹ Ibidem, cap. VIII, p. 203—204; cap. IV, p. 71.

¹¹² Ibidem, cap. III, p. 71. cf. Sentence of the Curse Expounded, cap. 3, 6, 11; Vaughan. Life and Opinions. Vol. II, p. 229.

¹¹³ Ibidem, cap. VIII, p. 203.

противоречии с этой волей»¹²². С другой стороны, это подтверждается сравнением договора с законом. «Исполнение закона,— говорит Виклиф,— которое сегодня является разумным, может в другое время (*secundum variationes temporum*) стать неразумным, и наоборот»¹²³. При этом он ссылается на слова Блаженного Августина в главе XIII I книги «О свободе воли» и в письме V к Марцеллину¹²⁴. По указанным основаниям, полагает Виклиф, исполнение любого человеческого договора или закона может быть воспрещено в силу изменившихся обстоятельств (*ex varietate circumstantiae*)¹²⁵. Легисты, говорит он, даже утверждают, что в каждом подобном договоре подразумевается оговорка: «если папа не даст разрешения от присяги»; но это, полагает Виклиф, ещё с большим основанием применимо к самому папе¹²⁶. Как известно, такие разрешения постоянно практиковались в средние века, а контрагентам пришлось впоследствии, ради большей прочности договоров, вносить в эти договоры специальную оговорку об отказе обращаться к папе за разрешением от присяги и о недействительности такого разрешения.

Интересны некоторые замечания Виклифа о посольствах. Мы уже говорили выше, в связи с вопросом о вземельности, что Виклиф был решительным противником этого института и считал нужным подчинять послов юрисдикции местной власти. Говоря о советниках государя, Виклиф указывает, что в сложных государственных делах государи должны обращаться к духовенству, от которого получают совет, согласный с божественным законом. Но если духовенство невежественно, царь должен искать совета у других лиц. Для выполнения царской службы советники его, помимо знаний, должны обладать и необходимыми личными качествами. Среди последних Виклиф, ссылаясь на Аристотеля, выдвигает красноречие, так как советникам приходится выступать с речами от имени государя. Как красноречие, так и ряд других личных качеств, обладания которыми Виклиф требует от советников государя, совпадают с теми, которые впоследствии, начиная с XV—XVI вв., встречаются во всех трактатах о послах, которые не должны быть многоречивыми, не должны чрезмерно смеяться, пьянствовать, «но быть из числа избегающих вина»¹²⁷.

IV

Из всех вопросов международного права война привлекает наибольшее внимание Виклифа. Связанные с войною моральные и правовые вопросы вообще занимают в трактатах средневековых богословов видное

¹²² Loc. cit., p. 264.

¹²³ Ibidem, p. 265.

¹²⁴ S. Augustinus, de libero arbitrio, I, 6, 14 (ed. Benedict. Parisiis. Vol. I, 574-F—575-C) et Epistola CXXXVIII ad Marcellinum, 2—8 (vol. II, 411-c—413-c).

¹²⁵ De Civili Dominio, Lib. I, c. XXXVI, p. 265.

¹²⁶ Loc. cit., p. 265.

¹²⁷ De Officio Regis, Lib. I, cap. III, p. 51—55.

место. Причины войны, дозволенность её и совместимость с христианским учением, условия правомерности войны — вот те основные вопросы, которые ставятся и разрешаются богословами. Среди последних Виклиф занимает особое положение, являясь убеждённым противником войны.

Виновником войны является наша греховная природа, наша страсть к земным почестям и к наживе, погоня за мирскими благами, неравномерно распределёнными между людьми¹²⁸. «Причина всех этих бедствий—безверие и беспорядочная привязанность к земным благам... Мы ошибочно считаем наименьшие блага наибольшими и наоборот. Мы вписываем имена наши в землю, а не в вечно живые основания»¹²⁹. «Неравное распределение мирских благ — причина раздоров и войн»¹³⁰.

Основной вопрос, интересующий богословов, вопрос, ставившийся уже отцами церкви и получивший окончательное разрешение Блаженного Августина, заключается в том, дозволено ли христианам воевать и, следовательно, допустимы ли вообще войны между христианами.

Отрицательный ответ представляется, на первый взгляд, наиболее правильным, полагает Виклиф. Во-первых, христианину не рекомендуется даже судом отыскивать своё имущество; во всяком случае, однако, спорящие стороны должны подчиняться решению высшего, а не решать спор битвою. Во-вторых, у христиан всё имущество должно быть общим: обладание собственностью уже само по себе противно учению Христа; тем более недопустимо сражаться из-за собственности. В-третьих, если бы война была дозволена и одобряема, она нашла бы своё место в законе Христа; но во всём Новом завете нигде нельзя найти одобрения войны; наоборот, она порицается; пророчество Исаии о прекращении войн подтверждает это. Наконец, закон Христа предписывает не отмщение, а терпеливое перенесение обид и любовь к ближним¹³¹.

Мысль, высказанная в краткой форме в трактате «О пражданской власти», развивается подробнее и в систематическом изложении в трактате «О должности царя». В обоснование её приводятся доводы, почерпнутые из естественного права, из божественного права, — другими словами, из святого писания и из человеческого разума¹³².

I. Бог, создав людей, вложил в их природу взаимное согласие, дав им одновременно закон взаимной любви и привязанности. «Всякое животное любит себе подобных», — говорит Экклезиаст. Между тем в то время как волк любит волка, змея — змею, хотя они кусают и жают чужих им по природе животных; человек, наоборот, любит птицу, лошадь и собаку, но с братом своим об-

¹²⁸ De Civili Dominio, Lib. II, cap. 17, p. 243, cap. 18, p. 260.

¹²⁹ Wiclif, De Christo et Suo Adversario, cap. XIII (Lat. Streitschriften, p. 688).

¹³⁰ De Officio Regis, Lib. I, cap. XII, p. 270.

¹³¹ De Civili Dominio, vol. II, cap. XVII, p. 233.

¹³² De Officio Regis, Lib. I, cap. XII, p. 262.

рашается жестоко. Так чудовишно изменился человек, отойдя от природы.

Далее, согласно закону природы, который изложен Христом, каждый человек обязан желать брату своему то, что он желал бы себе, и поступать с ним так, как он хотел бы, чтоб поступали с ним. Но кто пожелал бы быть убитым из-за тщеславия? Ужас охватывает, говорит Виклиф, когда видишь, как несправедливо разрушается столь дивное создание божие, вызывающее к отмщению.

Наконец, согласно природе, всякий человек является подвластным богу слугой и обязан предоставить отмщение богу. Ни из откровения, ни из духа Священного писания, ни из непреложного закона природы нельзя вывести, чтобы человек мог ради мирских благ сражаться со своим ближним и убивать его. При этом Виклиф ссылается на апокрифический трактат Аристотеля «*Secreta Secretorum*» (гл. X), в котором последний, обращаясь к Александру Македонскому, вспоминает, что неоднократно обращался к нему с предупреждением не проливать человеческой крови, так как это подобает лишь богу, ведающему тайну сердец^{132a}.

II. Войны могут быть предпринимаемы в силу полученного от бога откровения. Но такого откровения никто из воюющих не получает. «Я спрашиваю,— говорит Виклиф,— кто из воюющих ныне получил от бога откровение или предписание, что он назначен для столь сурового отмщения нанесённой богу обиды?» «Вся сотворённая природа является естественной книгой, говорящей нам о том, что мы должны, согласно христианской вере, любить бога и братьев»; «В человеке, который является маленьким миром, вписано всё благочестие христианской веры, ибо дух человека, проявляющийся в памяти, в разуме и в воле, отражает невидимую троицу божества», и человек, составная часть всего рода человеческого, может быть отсечён от него только в том случае, если он угрожает заразить остальных или отвлечь их от служения богу».

Вторым доводом против допустимости войн, основанным на божественном праве, или на Священном писании, является сама личность Христа, а также данные им советы. Христос пожелал родиться в самое мирное время, к которому, по мнению некоторых, говорит Виклиф, относится и пророчество Исаии (II, 4) о наступлении мирных времён; при рождении своём он через ангела возвестил людям мир (Лука, II, 14); в Нагорной проповеди он назвал миротворцев блаженными (Матвей, V, 9). О том же говорят слова Христа: «Мир мой даю вам, мир оставляю вам» (Иоанн, XIV, 27) и обращение: «Мир вам» (Иоанн, XX, 26)^{132b}. Ученикам своим он дал наставление, входя в дом, приветствовать находящихся в нём словами: «Мир дому сему» (Матвей, X, II, Лука, X, 5). Мир любят, говорит Виклиф, ссылаясь на

Блаженного Августина¹³³ и злые и добрые, даже разбойники. Животные тоже любят мир. Но пользоваться миром могут только последователи Христа, ибо в евангелии сказано: «Кто не со мною, тот против меня». Христиане должны терпеливо сносить обиды¹³⁴ (1-е послание Петра, II, 21). Мы должны следовать Христу. Его любовь должна внушать его народу, т. е. христианам, не воевать. Прибегающие к мечу, не имея на то его санкции, являются противниками его учения¹³⁵.

Советы, данные Христом верующим, противостоят о том же. В евангелии сказано: «Если кто ударит тебя в правую ланиту, подставь ему левую» (Матвей, IV, 39). «Если неприятель,— говорит Виклиф,— ударил по более ценным благам, каковые разумеются под правой ланитой, кто не отдаёт менее ценных благ — левую ланиту?» Надо отказаться от страсти к мирским благам — и войны прекратятся. Христос дал в лице Петра совет всем верующим: прощать брату своему до 70 раз (Матвей, III, 21). Но если никто не должен воевать иначе, как в случае нанесения ему обиды, обиды же он обязан, во всяком случае, прощать, то остаётся единственная возможность воевать с другим народом — из расположения к нему, с целью исправить его¹³⁶.

III. Третий довод против войн Виклиф черпает из разума человека, который тоже убеждает нас, что войны недопустимы. Все усилия и все материальные средства, затрачиваемые на войну, могли бы быть с большим успехом и выгодой употреблены на другое божье дело. Затрачивать их на войну — явно невыгодное дело. Верующий, участвующий в войне, будучи опрошен, вынужден ответить, что война ведёт к вечному блаженству, ибо она ведётся из милосердия, с целью оказать помощь даже врагу. «Но кто может,— спрашивает Виклиф,— сомневаться в том, что человек вернее, легче и прямее может заслужить блаженство... оставаясь дома со своим народом? Вести войну является, таким образом, нелепостью, а следовательно, и грехом. Кроме того, одержав случайную победу, победитель приобретает большую склонность грешить»¹³⁷.

Итак, право естественное, право божественное, т. е. священное писание, а также разум человеческий одинаково приводят слова Блаженного Августина, отождествляющего несправедливую войну с грабежом в большом размере¹³⁸. В подобных войнах, говорит Виклиф, с той и с другой стороны убиты бывают невинные, простаки, праведники. Грабят и ограбляемые, нападающие и подвергающиеся нападению, несомненно, взаимно вводят друг друга в соблазн то гордым презрением, то гневом, то жадностью¹³⁹.

¹³³ S. Augustinus, De Civitate Dei, c. XIX.

¹³⁴ De Officio Regis, Lib. I, cap. XII, p. 267.

¹³⁵ Loc. cit., p. 267—268.

¹³⁶ Ibidem, p. 269.

¹³⁷ Ibidem, p. 271.

¹³⁸ De Civili Dominio, Lib. II, cap. 17, p. 238; S. Augustinus, De Civ. Dei, cap. VI (Opera VII, 92).

¹³⁹ Loc. cit., p. 238, 239.

^{132a} De Officio Regis, Lib. I, cap. XII, p. 263.

^{132b} Ibidem, p. 266; cf. «De Christo et Suo Adversario», p. 54.

Виклиф энергично выступает против апологетов войны, опровергая доводы, приводимые ими в защиту допустимости войн. Доводы их следующие: во-первых, «войны, столь часто упоминаемые в Священном писании и получившие одобрение со стороны святых учителей церкви, столь необходимы церкви, что без них она не могла бы существовать в своей праведности; во-вторых, грабители, а следовательно и государства, обычно обогащались путём нападения на чужой народ; в-третьих, военные люди большей частью путём воинских упражнений приобретали славу своей предприимчивостью и другими преимуществами; в-четвёртых, с прекращением войн жители царств обрушились бы взаимно друг на друга, что представило бы величайшую опасность... в-пятых, наконец, нельзя было бы сражаться с наступающим врагом или отражать силу силою, между тем как бог предписал не только нападать на неприятеля, но действовать против него также и засадами и обманом, как видно из книги Иисуса Навина, гл. VIII»¹⁴⁰.

Виклиф считает необходимым выступить с ответом «на софистическую фальшь, которой орудуют мирские сателлиты дьявола, прикрашивая военные предприятия»¹⁴¹. Энергичнее всего выступает он против первого из приведённых доводов, а именно—против оправдания современных войн примерами ветхозаветной истории. Допустимость войн пытаются доказать тем обстоятельством, что патриархи, судьи, Моисей, Иисус Навин, Давид, Маккавеи похвально вели войны («Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова», главы XLIV—XLVII), а между тем все они значатся в списке святых на весьма почетном месте.

«Пусть софист,— пишет Виклиф,— обратит внимание на то, во-первых, что церемониальная сторона Ветхого завета ныне не должна соблюдаться, а, во-вторых, на то, что отцы Ветхого завета были со всех сторон окружены неверными, и им было властью бога предписано вести с ними войны, как с его врагами; наконец, и в Ветхом завете войны велись только с неверными и притом главным образом с целью отмстить за обиды, нанесённые богу, предварительно испросив у него совета. В Новом завете мы должны обращаться за советом к святому писанию. Из него следует, что вести войн нельзя даже против неверных, в особенности ради мирских благ; христианину же ни в каком случае нельзя идти войною против христианина, ибо христианам дана заповедь: «Возлюбите друг друга» (Иоанн, XIII, 34)¹⁴². «Хотя в Ветхом завете,— говорит Виклиф в другом месте,— патриархам дозволено было вести войны, как Аврааму, Давиду и другим, так как на это они получили полномочие от господина путём откровения, однако при господстве закона благодати, при снятии кротости и терпения Христа, я не вижу, каким образом кому-либо, в особенности же священнослужителю Христа, может

быть дозволено вести подобные войны без такого откровения?»¹⁴³.

Что касается довода о праве отражать силу силою и, в частности, сражаться за родину, не нападая, а защищаясь, то, замечает Виклиф, «декретисты все согласно говорят, что это допустимо только немедленно, в самый момент нападения, и с ограничением, чтобы... оборона со стороны подвергнувшегося нападению вызывала необходимость в таком способе отражения»¹⁴⁴.

Однако, несмотря на явное запрещение войн христиан между собою, духовенство, жалуется Виклиф, поощряет светских людей к войнам, забыв учение Христа¹⁴⁵ и в надежде на собственное обогащение¹⁴⁶.

Доктрина современного духовенства, говорит Виклиф, гласит, «что тревожить неприятеля дозволено каким угодно путём», хотя «милосердие Христа предписывает обратное». «Чтобы заставить людей воевать, хотя человечность учит, что люди не должны бы воевать, антихрист (папа) доказывает, что раз змея по природе своей жалит человека, который наступил на неё, то почему бы нам не воевать с нашими врагами, имея в особенности в виду, что в противном случае они уничтожат нас и в то же время погубят свои собственные души? Мы, следовательно, наказываем их из любви к ним. Но какой здравомыслящий человек не увидит этой лжи?»¹⁴⁷. «Если Христос, мудрейший, запретил Петру взяться за меч в защиту жизни столь прекрасной, то следует ли примеру Христа тот его наместник, который не для защиты жизни, а ради папоцесаризма (*pro papatu cesareo*) подымает столько людей на войну? Необходимо допустить одно из двух: или что Христос поступил в этом случае неразумно, или что папское достоинство ценнее жизни Христа»¹⁴⁸.

V

Совершенный христианин воевать не должен. Войны между христианами противоречат учению Христа. Каково должно быть при этих условиях поведение богослова, поставленного в условия реальной действительности? Спрошенный по этому поводу богослов должен бы, по мнению Виклифа, сказать в виде совета следующее: «Войну вести можно, но дело это трудное». Во-вторых, он должен бы определённо указать на дозволенность войны, а с другой стороны, на её опасность. В-третьих, он должен бы сказать, что война в настоящее время опаснее, чем была в Ветхом завете, ибо тогда войны велись в силу откровения против неверных из-за наследства, которое получено было от

¹⁴³ *Cruciata*, cap. X (*Lat. Streitschriften*, p. 628).

¹⁴⁴ *De Civili Dominio*, Lib. II, cap. 18, p. 260.

¹⁴⁵ *De Officio Regis*, Lib. I, cap. 12, p. 274.

¹⁴⁶ *De Quattuor Sectis Novellis*, cap. IV (*Lat. Streitschriften*, p. 255).

¹⁴⁷ *The Seven Deadly Sins*; *V a u g h a m*. *The Life and Opinions*, vol. II, p. 210; cf. *ibidem*, p. 212—213.

¹⁴⁸ *Cruciata*, cap. VII (*Lat. Streitschriften*, p. 613). Cf. *De Christo et Suo Adversario*, p. 55; *De Civili Dominio*, Lib. II, c. 17, p. 239.

¹⁴⁰ *Loc. cit.*, cap. 18, p. 258—259.

¹⁴¹ *Loc. cit.*, cap. 17, p. 247.

¹⁴² *Loc. cit.*, p. 248—249.

бога... В-четвёртых, он должен бы советовать, чтобы светские люди перестали воевать, так как это и безопаснее и более соответствует закону Христа, хотя они и потеряли бы таким образом светскую власть... В-пятых, он должен бы советовать, чтобы духовенство не расточало своего имущества и не участвовало в войнах..., но имело бы в своей среде священнослужителей, которые побуждали бы христиан к миру и согласию... В-шестых, он должен бы советовать не верить псевдохристианским доводам о том, что духовенство может участвовать в войне на том основании, что это дозволено мирянам... В-седьмых, он должен бы советовать мирянам остерегаться хитросплетений антихриста (папы) о дозволенности войн на том основании, что отражать силу силою дозволено, так как животные и неодушевлённые тела поступают таким образом»¹⁴⁹.

Отступая от своих строго теоретических взглядов, Виклиф готов допустить, особенно в более ранних своих работах, что война в некоторых случаях может быть правомерной и даже достойной похвалы¹⁵⁰. Военная служба имеет своё основание и необходима. «Необходимо прежде всего понять, — говорит Виклиф, приступая к изложению обязанностей государя¹⁵¹, — что власть царей и воинов канонизована достоверностью Писания и многократно одобрялась свидетельством святых учителей». Военные люди выполняют своё призвание, если в своей деятельности руководствуются тремя предписаниями: защищают силою оружия достойные служителей бога от неправедных; защищают тем же путём несправедливо притесняемых; ведут оборонительную войну, выполняя при этом закон Христа¹⁵². Наставления, которые дал обратившемуся к нему воину Иоанн Креститель, исчерпывают вопрос¹⁵³. Необходимо, однако, установить, «каким путём и по каким основаниям светская власть вправе вести войны»¹⁵⁴.

«Три необходимых условия делают войну справедливой, — говорит Виклиф, — а именно: справедливое требование, авторитетное разрешение и правильное намерение»; «без соблюдения этих условий никому не разрешается идти войною против ближнего»¹⁵⁵. «Правители государства могут, следовательно... при наличии этих обстоятельств вести войну»¹⁵⁶. Это те три условия, на которые указывал ещё в VII в. Исидор Севильский, говоря о добропорядочной, правомерной войне, и которые позднее были развиты богословами XIII—XVI веков. Виклиф приводит в другом месте слова Исидора: «Добропорядочной войной является та, которая ведётся на основании законного распоряжения, по поводу требования о возврате захваченного и с целью отражения злост-

ности людей». Остановимся на рассмотрении этих условий правомерности войны, как их понимает Виклиф.

1. Основанием для войны должна быть божественная правда, а не желание властвовать; в противном случае начинающий войну напрасно искушает бога и подвергает себя опасности вечного осуждения. Предпринимающий войну должен быть в состоянии благодати божией и иметь вытекающее из человеческого или божественного закона право устанавливать свою власть или мстить за обиду; в противном случае все его действия лишены правового основания.

Интересно обоснование Виклифом права государства на самозащиту. «Всякое естественное тело, — говорит он, — обладает полученною им от бога властью сопротивляться противному ему и сохранять себя в должном бытии, как это известно философам». Власть даётся творению с тем, чтобы оно могло законно пользоваться ею. Из этого Виклиф выводит право всякого государства и, в частности, Англии запрещать вывоз принадлежащих ему богатств, если они ему необходимы для собственной защиты от внешних врагов¹⁵⁷.

Эти свои рассуждения Виклиф прямо к войне не применяет и даже, как мы видели выше, опровергает доводы тех, кто допускает отражение силы силою. Однако, считаясь с реальностью, Виклиф готов признать правомерность оборонительных войн.

Какие именно войны Виклиф признаёт правомерными в силу вызвавших их причин, об этом можно судить, сопоставляя различные места из его трактатов. Такими, несомненно, являются войны оборонительные. В некоторых случаях правомерными могут быть и войны, предпринятые против неверных.

«Если внешние враги, — говорит Виклиф, — напали на царство, отнимая у народа путём грабежа природные блага и другое имущество, царь обязан оказать им сопротивление мирской властью»¹⁵⁸. Оборона, однако, как уже было сказано выше, должна ограничиваться отражением нападения, пока самое нападение ещё продолжается, и не выходить за пределы необходимого («безупречная защита»). Если осуждают войны, говорит Виклиф, то это «не относится в первую очередь и главным образом к войнам, предприняемым в защиту правды»¹⁵⁹. Говоря о доходах духовенства и папы, получаемых в Англии, Виклиф предлагает обратить их на укрепление пограничных областей постройкой лагерей, городов, крепостей, содержанием гарнизонов «для защиты царства от внешних врагов»¹⁶⁰.

Войны наступательные, завоевательные, не являются, по мнению Виклифа, войнами правомерными, разве только они предприняты, подобно войнам Ветхого завета, по божьему внушению и откровению¹⁶¹. «О завоевании сказано, — говорит Виклиф, — что

¹⁴⁹ De Officio Regis, Lib. I, cap. 12, p. 276.

¹⁵⁰ Ibidem, p. 261; De Civili Dominio, Lib. I, cap. 17, p. 252—255.

¹⁵¹ De Officio Regis, p. I.

¹⁵² De Civili Dominio, p. 253—254.

¹⁵³ De Officio Regis, p. 50.

¹⁵⁴ Loc. cit., p. 261.

¹⁵⁵ De Civili Dominio, p. 240.

¹⁵⁶ Loc. cit., p. 241—242.

¹⁵⁷ Fasciculi Zizaniorum, p. 258.

¹⁵⁸ De Civili Dominio, Lib. I, cap. 37, p. 270.

¹⁵⁹ Ibidem, Lib. I, cap. 17, p. 253.

¹⁶⁰ De Quattuor Sectis Novellis, cap. X (Lat. Streitschriften, p. 280).

¹⁶¹ De Officio Regis, cap. XII, p. 262—263.

оно запрещено всем, разве только оно совершается с соблюдением вышеуказанных условий и по поручению господина, подобно тому как сыны израильтян завоевали под предводительством Иисуса Навина землю, которая была обетована отцам. Ясно, что существует разница в лице и в народе, которых избрал для этого бог»¹⁶². Создание путём завоеваний четырёх всемирных монархий не нуждается в оправдании: они были одобрены богом¹⁶³. «Царь, нападая на чужие царства, если тело не подчиняется душе, должен раньше подчинить себе своё тело... Ибо все эти войны зажигает мать безверия, жадность, и вождь должен раньше уничтожить её в себе и в своём окружении»¹⁶⁴. «Царю дозволено хотеть светского владения в таком размере, в каком это достаточно для светского управления согласно закону Христа»¹⁶⁵. «Мне кажется, — говорит Виклиф далее, — что царь... не должен стремиться к завоеванию двух царств, разве только для сокрушения врагов божьих, если ему дано было на это особое откровение»¹⁶⁶.

В отношении войн, предпринимаемых против неверных, Виклиф проявляет сомнения и колебания. С одной стороны, он утверждает, что «царю дозволено воевать за дело церкви против неверных, с намерением оказать уважение Христу, принести пользу церкви, а также и людям, с которыми он воюет; в противном случае — нельзя»¹⁶⁷; священнослужитель не может давать совет воевать против упорствующих варваров¹⁶⁸. С другой стороны, однако, Виклиф выступает противником монашеских орденов, ведущих борьбу с неверными. «Этой войне, — говорит он, — не учит Христос; неверных гораздо чаще побеждали кротостью и терпением, а потому христианам подобает быть более терпеливыми и менее жадными, и тогда неверные, которых мы называем врагами, увидев такую жизнь, гораздо скорее обратятся к вере христовой; ныне же этой новой войной в чужой стране они ещё более поощряют их пребывать в своём неверии»¹⁶⁹.

2. Вторым условием правомерности войны является «авторитетное разрешение», т. е. разрешение верховной властью. Воевать может лишь тот, у кого нет возможности обратиться за разрешением спора к стоящей над ним власти, т. е. лицу, обладающему суверенными правами. «Предпринимать войны не дозволено всякому лицу из народа, — говорит Виклиф, — не дозволено никому, у кого есть возможность, на основании человеческого или божественного закона, добиться своего права. Когда же правового пути нет, то с разрешения государя, испросив совет господина, можно воевать»¹⁷⁰. Вик-

лиф приводит слова Блаженного Августина о том, что приспособленный к мирной жизни естественный порядок общежития людей требует, чтобы «правомочие и решение предпринять войну находилось в руках государей»¹⁷¹. О необходимости разрешения со стороны государя Виклиф говорит и в другом месте¹⁷².

В связи с вопросом о разрешении воевать, даваемом верховною властью, богословы обычно выдвигают и вопрос об участниках войны. Воевать могут лишь миряне: духовным лицам принимать участие в войне запрещается. Эту общую норму подтверждает и Виклиф¹⁷³. Приказание, данное Христом апостолу Петру: «Вложи меч твой в ножны» (Иоанн, XXVIII, II), относится ко всему духовенству; «между тем, духовенство, — замечает Виклиф, — когда духовный меч недостаточен, притязает на право вести войны»¹⁷⁴. «Говорят, что дело покорения врагов церкви — заслуга в деле божием; почему в таком случае оно запрещено священнослужителю, принимая во внимание в особенности то обстоятельство, что человеческие законы разрешают епископам или аббатам вешать воров?»¹⁷⁵. Но одно дело сражаться, а другое — побуждать к сражению¹⁷⁶; священнослужитель может побуждать к войне против упорствующих варваров¹⁷⁷. Виклиф допускает, что войну может вести папа¹⁷⁸.

3. Третьим условием правомерной войны является «праведное намерение» или цель. Намерение или цель оправдывает войну, как оправдывает вообще всякое праведное дело¹⁷⁹. Блаженный Августин писал Бонифацию: «Война должна быть вызвана необходимостью... не мира ищут, чтобы вести войну, а войны ведут, чтоб добиться мира». Виклиф поясняет: «Он хочет сказать, что война не является благом сама по себе, а должна быть средством к достижению мира, подобно тому, как операция или горький напиток является средством к достижению здоровья тела»¹⁸⁰. «Необходимо, следовательно, — говорит Виклиф, — чтобы намерение всякого воюющего было очищено от гнили пустой славы, от страсти к властвованию, от желанья мстить за собственные обиды, от гнева, от жадности приобретения мирских благ и чтобы намерение было направлено во славу божью, с стремлением с той и с другой стороны к благам добродетели, к отмщению за нанесённые богу обиды и к достижению блага родины, сохраняя непоколебимую кротость»¹⁸¹.

¹⁷¹ L. c. Augustinus contra Faustum (Op. t. VIII, p. 405).

¹⁷² De Officio Regis, Lib. I, cap. XII, p. 263.

¹⁷³ De Civili Dominio, Lib. II, c. 17, p. 256—258.

¹⁷⁴ Loc. cit., p. 260—261; De Officio Regis, Lib. I, c. XII, p. 270.

¹⁷⁵ De Civili Dominio, Lib. III, c. XXI, p. 45.

¹⁷⁶ Loc. cit., Lib. II, c. 18, p. 261.

¹⁷⁷ Loc. cit., p. 267.

¹⁷⁸ Loc. cit., cap. 17, p. 253.

¹⁷⁹ Loc. cit., p. 242.

¹⁸⁰ Loc. cit., p. 241.

¹⁸¹ Loc. cit., p. 242.

¹⁶² Loc. cit., cap. XI, p. 248.

¹⁶³ Loc. cit.

¹⁶⁴ Loc. cit., p. 244—245.

¹⁶⁵ Loc. cit., cap. XII, p. 261.

¹⁶⁶ Loc. cit., p. 262.

¹⁶⁷ Loc. cit., cap. XI, p. 248.

¹⁶⁸ De Civili Dominio, Lib. II, c. 18, p. 267.

¹⁶⁹ De Quattuor Sectis Novellis, c. VIII (lat. Streitschriften, p. 271).

¹⁷⁰ De Civili Dominio, Lib. II, cap. 17, p. 241.

Цель может оправдать даже войны, принятые без законного повода. Виклиф приводит слова Блаженного Августина: «Истинные почитатели бога признавали правомерными и те войны, которые ведутся по жадности или легкомыслию, но в интересах мира, с целью укротить злых и облегчить добрых»¹⁸². Наоборот, если государь не ведёт войны с целью смирить злость, а ведёт её ради мирской выгоды, то вся война неправомерна и подлежит осуждению¹⁸³. «Можно сражаться и воевать из сострадания, которое имеешь к богу и к ближнему, даже наступая, в противном случае нет»¹⁸⁴. Претендент на престол по праву наследования не может в силу этого только права предпринять войну; он должен иметь намерение лучше управлять завоеванным народом, руководствуясь предписаниями божественного права¹⁸⁵.

«Из сказанного следует, — говорит Виклиф, — что никто не должен нападать на своего брата иначе, как из любви к подвергшемуся нападению и ради его собственной пользы... ибо при отсутствии такого намерения отсутствует сострадание и совершается грех путём убийства и зависти к чужому». Кто знает, спрашивает Виклиф, не будет ли подвергшийся нападению и умерший без покаяния осуждён на вечные муки? А пожелал ли бы кто-либо быть наказанным таким образом?¹⁸⁶

Несмотря на признание Виклифом правомерности войн при наличии вышеизложенных трёх условий — законной причины, разрешения верховной власти и праведной цели — он всё же в конечном счёте относится к войнам с полным отрицанием и допускает их лишь при наличии особого откровения.

Конечной целью войны является мир. Но для достижения мира наиболее подходящим средством являются не войны, а евангельские предписания, а потому «после их обнародования воевать никому не дозволено»¹⁸⁷.

Каково бы, однако, ни было отношение Виклифа к вопросу о дозволенности и правомерности войн, последние фактически ведутся, и является необходимость в нормах, регулирующих военные действия. До сих пор речь была о нормах, определяющих правомерность самой войны, а не о нормах поведения во время войны. Средневековые юристы и богословы обычно излагают эти нормы в связи с третьим из указанных выше условий правомерности войны — намерением или душевным состоянием воюющего. Виклиф говорит о них особо. Он признаёт их необходимость, но возражает против действующей системы норм права войны, покоящейся на римском праве.

В начале этой работы мы уже указывали на то, что в числе доводов в пользу необходимости изучения римского права в Англии приводилось то обстоятельство, что оно необходимо для понимания права войны, а в

действительности — и всего международно-го права. Возражения Виклифа против действующего права войны, основанного на нормах римского права, вытекают из общего его представления о праве, которое во всех своих частях уже дано, по его мнению, в святом писании. Но если нормы права вообще Виклиф считал нужным обосновывать на предписаниях Нового завета, которые он прилагал и к решению вопроса о дозволенности и правомерности войны, то в данном случае, говоря о нормах поведения во время войны, он ищет их обоснования исключительно в Ветхом завете, так как в то время войны были дозволены и отдельные военные действия были урегулированы нормами права. Эти нормы, или законы войны, имеются в готовом виде в библии. Ими и должно руководствоваться. «Всякий закон войны, не имеющий опоры в св. Писании, должен быть отвергнут как несправедливый»¹⁸⁸.

Из многочисленных предписаний, содержащихся в библии и касающихся права войны, Виклиф останавливается в виде примера на трёх.

Первое предписание касается добычи. Добыча должна принадлежать государю, а не тем, кто фактически захватил её. Так истолковал рассказ библии (Бытие, гл. XIV) о поведении Авраама после победы, одержанной им над неприятелем, св. Амвросий, и Виклиф принимает это толкование: «Военной дисциплине приличествует, чтобы всё сохранялось за царём»¹⁸⁹. По поводу дисциплины в войсках Виклиф вменяет в обязанность священнослужителям «запрещать воинам обижать своих ближних в отношении произведений природы и другого имущества, ибо они весьма склонны к такого рода обидам»¹⁹⁰. Выше мы уже приводили указание Виклифа, что военнослужащие должны руководствоваться наставлением, данным им Иоанном Крестителем¹⁹¹.

Второе предписание касается дозволенных на войне средств наносить вред неприятелю. Наставление это изложено в I книге Царств, гл. XXV, где Давид, которого Виклиф называет мудрейшим знатоком права войны, или герольдом, дал обет из врагов «не оставить мочащегося к стене». Это и соблюдалось впоследствии, замечает Виклиф, как правовая норма¹⁹². Что касается неверных, то царь Давид в войне с амалекитянами распорядился предавать смерти «от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла»¹⁹³. Первый текст библии Виклиф толкует в том смысле, что «не мочащимся к стене», т. е. детям, расслабленным и женщинам, должна быть дана пощада.

В качестве третьего примера норм права войны, содержащихся в Ветхом завете, Виклиф приводит предписание, касающееся распределения добычи: «Какова часть ходивших на войну, такова часть должна быть и оставшимся при обозе; на всех должно раз-

¹⁸² Loc. cit.

¹⁸³ De Officio Regis., Lib. I, c. XII, p. 263.

¹⁸⁴ Loc. cit., p. 261.

¹⁸⁵ Loc. cit., p. 272.

¹⁸⁶ Loc. cit.

¹⁸⁷ Loc. cit.

¹⁸⁸ De Officio Regis. Lib. I. c. VII, p. 194.

¹⁸⁹ Loc. cit.

¹⁹⁰ Ibidem, cap. III, p. 50.

¹⁹¹ Loc. cit.

¹⁹² Loc. cit., cap. VII, p. 195.

¹⁹³ Loc. cit., I Reg. XV. 3.

делить»¹⁹⁴. Разумеется, норма эта государственного права, а не международного.

Помимо вышеуказанных норм, приведённых Виклифом в виде примера из св. писания, у него имеются указания и на другие нормы права войны. Он говорит о военной необходимости: «В случае, если это необходимо для защиты города, разрешается разрушить собор и построить на его месте башню, продать или расплавить чаши и стоимость их передать войску. Декретист должен понять, что божественными вещами не являются материальные блага, как золото, одежда или камни, а служение богу, для которого они являются средством»¹⁹⁵.

Виклиф говорит и о военном плене. Он упоминает о нём в связи с вопросом о рабстве. «Возникает сомнение,— говорит он,— согласно ли с законом Христа, что господа требуют рабства». В пользу рабства говорит то соображение, что «тот, кто может законно лишить жизни своего пленника, может законно и не отступая от благочестия обратиться в рабство, если случайно у него имеется естественное побуждение поступить таким образом, а такого рода побуждения не могут быть противны разуму»¹⁹⁶. Но есть и другие соображения, которые Виклиф и выдвигает на первый план. «Всё, что противно естественному закону,— говорит он,— неправомерно, между тем всякий человек первоначальным установлением назначен служить одному лишь богу». Христианам предписано любить друг друга, как самого себя. Таким образом, господин должен любить своего раба, как самого себя, а каждый стремится избежать рабства. Вечное рабство было запрещено даже в Ветхом завете, у евреев; тем более это должно быть у христиан¹⁹⁷.

Правом войны, полагает Виклиф, должны заниматься не юристы, а богословы. «Если б право войны,— говорит он,— было исправлено чисто богословским способом, в церкви не было бы такого замешательства во мнениях относительно войн»¹⁹⁸. В основу этого права должно лечь св. писание. Последнее вполне достаточно для создания полной системы права войны. Однако, жалуется Виклиф, «недостаёт исследователя»¹⁹⁹.

В заключение нельзя не указать на некоторую связь, существующую между проповедью Виклифа и религиозно-социальным движением, известным под именем лоллардизма. Влияние его проповеди наглядно сказалось на отношении лоллардов к войне, участие в которой они считают недопустимым для христиан. В петиции, поданной ими английскому парламенту в 1395 г., в пункте 10 содержится следующее заявление: «Убийство при посредстве войны или так называемого закона правосудия в мирских целях, без духовного откровения, находится в явном противоречии с Новым заветом, который является законом милости

(gratiae) и проникнут милосердием. Это заключение ясно доказано примерами проповеди Христа здесь, на земле; он в особенности учил людей любить врагов, жалеть их, а не убивать. Основание то, что большею частью, когда люди сражаются, после первого пуска стрелы (ictum) милосердие (caritas) рушится. Всякий же, умирающий вне милосердия, направляется прямым путём в преисподнюю... Закон милосердия, каковым является Новый завет, запрещает всякого рода убийства, ибо в евангелии (читаем): сказано древним: «не убий».

«С этим в связи находится освящённое ограбление бедного народа, когда властвующие (domini) приобретают отпущения (индальгенции) от наказания и вины тех, которые помогают их войску в избивении христианского народа в отдалённых странах из-за мирской выгоды, как и мы видели воинов, мчавшихся к язычникам, чтобы стяжать себе славу в убийстве людей... вера была распространена кротостью и терпением, сражающихся же и убивающих Иисус Христос ненавидит и угрожает им, говоря: «поднявший меч от меча погибнет»²⁰⁰.

В литературе международного права имя Виклифа не упоминается. Между тем среди богословов своего времени, отзывавшихся на явления международно-правовой жизни, Виклиф занимает довольно видное место. В нём сказывается уже предшественник приближающейся эпохи Возрождения, стремившейся заменить многообразие норм права, содержащихся в сборниках римского и канонического права, более простыми и ясными нормами, понятными и людям, не искушённым в тонкостях права. Представители эпохи Возрождения находили их в естественном праве. По мнению Виклифа, такая простая система права содержится в св. писании, предписания которого вполне достаточны для регулирования межгосударственных отношений.

Как богослова, Виклифа больше всего интересовала война. Он выступает против неё более решительно, чем другие современные ему богословы. Необходимые прецеденты для установления норм права войны могут быть, по его мнению, почерпнуты из библии. Характерной особенностью Виклифа в его взглядах на международное право является его полное отрицание права вземельности послов. Оно вытекало из его преувеличенного представления о территориальном всевластии короля. В учении о международном договоре нельзя не обратить внимания на признание им действительности договоров лишь при условии, что обстановка, существовавшая при заключении их, не изменилась. В этом отношении Виклиф является одним из самых ранних представителей учения о так называемом условии *rebus sic stantibus* («ex varietate circumstantiae», по его выражению). Ему известно и понятие двойного подданства.

Решительный поборник независимости государства и национальной церкви, Виклиф считал короля главою этой церкви и в этом отношении является вдохновителем английских государственных деятелей и реформаторов XVI века.

²⁰⁰ Fasciculi Zizaniorum, p. 366—367.

¹⁹⁴ Loc. cit., I Reg. XXX, 24, 25.

¹⁹⁵ Loc. cit., p. 185.

¹⁹⁶ De Civili Dominio, Lib. I, c. XXX, p. 225.

¹⁹⁷ Loc. cit., p. 227.

¹⁹⁸ De Officio Regis., Lib. I, c. VII, p. 194.

¹⁹⁹ Loc. cit., p. 195.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ КАТЕХИЗИС» ЖЮЛЯ ГЕДА И ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

И. Белкин

В идейном развитии Жюля Гед, бывшего вплоть до первой мировой войны 1914 г. общепризнанным вождём французских социалистов, крупнейшую роль сыграл великий русский учёный, социалист Н. Г. Чернышевский.

С произведениями Чернышевского Гед познакомился в 1875 г., во время эмиграции в Милане.

Время пребывания Гед в Милане было весьма важным этапом в его идейном развитии.

В Милан Гед переехал из Женевы, где он примыкал к анархистам, приверженцам Бакунина, и вёл активную борьбу против Генерального совета I Интернационала и Маркса.

Под влиянием социалистической среды Милана и живших там в то время членов Интернационала он порывает с анархистами.

В Милане Гед становится одним из активных сотрудников газеты «Ребе», издававшейся Эриком Биньями в Лоди. В ней участвовали Валлес, Малон, Турати, Ньокки Виани. Газета пропагандировала необходимость изучения экономических вопросов, призывала пролетариат к политической борьбе, защищала интернациональную организацию рабочих. Биньями был связан с Генеральным советом I Интернационала и Энгельсом. «Биньями, — писал Энгельс Зорге 2 ноября 1872 г., — единственный человек, который стал в Италии на нашу сторону...»¹.

Под влиянием группы «Ребе» Гед пересмотрел свои взгляды на государство и политическую борьбу; он начал изучать политическую экономию. Тогда же Гед познакомился и с произведениями Н. Г. Чернышевского «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Милля» и романом «Что делать?». Один из лидеров французской социалистической партии, близкий друг и ученик Гед — Бракке пишет, что «в течение пяти лет, которые Гед провёл в бедности то в Швейцарии, то в Италии, он, благодаря членам Интернационала и чтению романа Чернышевского «Что делать?», познакомился с концепцией исторического материализма»². Однако наиболее сильное влияние на мировоззрение Гед оказало изучение «Дополнений и примечаний на первую книгу политической экономии Милля». Это подтверждается тщательным анализом двух главных работ Гед, «Essai de Catéchisme socialiste» и «De la Progrésité», написанных им в конце 1875 и в начале 1876 года.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVI, стр. 296.

² «La Nouvelle Revue Socialiste». 1926, J. Guesde, p. 513.

Как известно, Маркс читал «Дополнения и примечания» Чернышевского в оригинале и очень высоко оценил содержащуюся в них критику «буржуазной политической экономии».

В предисловии ко второму изданию I т. «Капитала» Маркс писал:

«...банкротство «буржуазной» политической экономии... мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский учёный и критик Н. Чернышевский»³.

Ленин также подчёркивал, что Чернышевский «...был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»⁴.

Наряду с критикой капитализма Чернышевский в этом труде доказывает, что «экономическая история движется к развитию принципа товарищества»⁵. Но это не вывод из исследования, а отправной пункт исследования.

Пропаганде ассоциации был посвящён и его произведший в своё время огромное впечатление роман «Что делать?».

Следует отметить, что в указанных сочинениях Чернышевского были изложены не только его экономические взгляды, но и его взгляды на социалистическую этику, искусство, литературу и т. д.

Именно эти главные произведения Чернышевского Гед изучил в 1875 году.

Первый том «Дополнений и примечаний» он читал во французском переводе, роман же «Что делать?» он совместно со своей женой перевёл с русского на итальянский язык. Об этом подробно рассказывает в своих воспоминаниях Алексей Тверитинов, переведший произведения Чернышевского на французский язык⁶.

В 1874 г. Тверитинов познакомился в Брюсселе с руководителем бельгийских социалистов Цезарем де-Папом. Цезарь де-Пап предложил ему перевести на французский язык произведения Чернышевского. Он обещал ему свою помощь в этом деле. Тверитинов решил перевести «Дополнения и примечания» к Миллю. В апреле 1874 г. перевод был закончен. Книга была отпечатана в типографии Дезире Брисме в Брюсселе. Однако напечатан был только I т.; на II т. не хватило средств. В январе 1875 г. Тверитинов переехал в Милан, где жил бывший член Коммуны, член Интернационала

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 13.

⁴ Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 342.

⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. VII, стр. 539.

⁶ «Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом». Воспоминания Алексея Тверитинова. С.-Петербург. 1906.

Бенуа Малон, согласившийся оказать помощь Тверитинову при переводе на французский язык романа «Что делать?». Малон познакомил его с Гедом. Жена Гед работала около четырёх лет в качестве гувернантки в Воронежской губернии и довольно хорошо владела русским языком. Поэтому Тверитинову и пришла мысль предложить супругам Гед перевести роман на итальянский язык. Вместе с одним гарибальдийским офицером они взялись за перевод⁷. К маю 1875 г. перевод, повидимому, был готов, так как к этому времени Тверитинову уже было известно, что редактор газеты «Il Pungolo» заплатил переводчикам гонорар (всего лишь по 16 лир за лист). Перевод, однако, несмотря на обещание, печатать не стал, ибо содержания «Что делать?» он не одобрил. От Тверитинова Гед получил французский перевод книги Чернышевского «Дополнения и примечания» к Миллю. В результате изучения произведения Чернышевского Гед решил последовательно изложить свои мысли в отдельной книге «Опыт социалистического катехизиса» («Essai de Cathéchisme socialiste»). В предисловии ко 2-му изданию книги в 1912 г. Гед писал, что для него «важно было привести в порядок новые идеи, явившиеся следствием событий марта, апреля и мая 1871 г.»⁸, однако, как уже отмечалось, «Опыт социалистического катехизиса» был написан только после того, как Гед прочитал произведения Чернышевского, т. е. не раньше второй половины 1875 года. В этой книге многие идеи Гед полностью совпадают с идеями Чернышевского. Вопрос же о теоремах Мальтуса, изложенный в «Катехизисе», является точным переложением соответствующих глав «Дополнений и примечаний к Миллю» о Мальтусе.

В «Социалистическом катехизисе» 10 глав. Первая и вторая главы посвящены вопросу о сущности человека. Третья глава озаглавлена «Свобода воли, ответственность, добро». Четвёртая — «О воспитании», и пятая — «Свобода». Эти главы посвящены вопросам этики и морали. Глава шестая — «Собственность», седьмая — «Труд». Последние главы трактуют вопросы семьи, государства и общества.

Последовательность глав показывает, что Гед рассматривал человека абстрактно, изолированно от общества, отрывая его от процесса производства. Человек для него — только «высшая форма развития животного мира»⁹. Он, как и Чернышевский, под-

ходил к человеку не с исторической, а с антропологической точки зрения. Как и у Чернышевского, у Гед человек обладает врождёнными потребностями и способностями, в том числе способностью к труду. От животного человека отделяют не качественные различия, а количественные. «Как и все животные, — пишет он, — человек имеет потребности, которые стремится в наибольшей степени удовлетворить, и способности, которые... стремится в полной мере развить»¹⁰. Гед и Чернышевский ставили прогресс в зависимость от стремления удовлетворить, развить свои потребности и способности. «Эта двойственная тенденция, которую называют способностью к совершенствованию, или прогрессом, не является лишь свойством человека, как думали долгое время, но имеется у него только в большей степени»¹¹, — отмечает Гед в «Катехизисе».

Движущей силой является, следовательно, выгода, расчёт. Невольно вспоминается разговор Веры Павловны с Лопуховым. «Стало быть, правду говорят... что человеком управляет только расчёт выгоды?» — спрашивает Вера Павловна. «Они говорят правду»¹², — отвечает последний.

С этой точки зрения Гед подходил и к обществу. Общество, по Геду, создано человеком в результате понимания своей выгоды. «Изолированно, индивидуально, — пишет он, — человек мог удовлетворять свои потребности, развивать свои способности только в ограниченных размерах¹³, другие люди жили, напротив, в коллективе, и это не только не мешало удовлетворению их потребностей, но делало его более полным, более лёгким... Коллектив, одним словом, — естественное, нормальное состояние человека... как обособленность животных»¹⁴. Общество, таким образом, — сумма отдельных людей, результат расчёта. И снова вспоминаются слова Лопухова: «Если наши интересы не связаны с поступками человека, его поступки, в сущности, очень мало занимают нас»¹⁵.

Гед считал коллективизм «натуральным состоянием человека», не результатом развития производства, а результатом правильно понятого расчёта и опыта. «Опыт показывает, — пишет он, — что всякий более богат, если живёт в обществе, чем если живёт изолированно»¹⁶. При этом Гед вслед за Чернышевским уже осознаёт роль труда в развитии человеческого общества. «Животное, — читаем мы в «Катехизисе», — потребляет не производя... Оно уменьшает запасы, человек не уменьшает количества предметов, наоборот, трудясь он увеличивает их количество и тем быстрее,

⁷ Алексей Тверитинов. Цит. произведение, стр. 78.

⁸ Guesde J. «Essai de Cathéchisme socialiste». Préface, p. 3. P. 1912. В издании 1878 г. имеется посвящение: «Памяти жертвам марта, апреля и мая 1871 года». Очевидно, это посвящение привело Гед к мысли, что он написал «Катехизис» для того, чтобы «привести в систему новые идеи, явившиеся следствием событий марта, апреля и мая 1871 г.», т. е. в 1873 г., но, если сравнить статьи Гед 1873 г. с «Essai», то между их идеями имеется существенная разница.

⁹ Guesde J. «Essai», p. 5.

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Ibidem.

¹² Чернышевский Н. Соч. Т. XI, стр. 65.

¹³ Разрядка Гед.

¹⁴ Guesde J. «Essai», p. 6.

¹⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. XI, стр. 178.

¹⁶ Guesde J. «Essai», p. 7.

чем труд менее индивидуален...»¹⁷. Дальше Гедд приводит знаменитый пример Адама Смита о разделении труда при изготовлении булавок. Кончая этот раздел, он отмечает: «Труд отличает наш род. Без труда — нет более высокой способности к совершенствованию, без труда нет общества, без труда нет солидарности и, следовательно, человека»¹⁸. Описывая второй сон Веры Павловны, Чернышевский устами Алексея Петровича говорит: «...жизнь имеет главным своим элементом труд, а потому главный элемент реальности — труд, и самый верный признак реальности — дельность»¹⁹; «...труд, — продолжает он, — представляется в антропологическом анализе коренною формою движения, дающей основание и содержание всем другим формам...»²⁰, а в письме отставного медицинского студента к Вере Павловне Чернышевский подчёркивает, что «в труде и наслаждении общий человеческий элемент берёт верх над личными особенностями». «В труде и наслаждении люди влекутся к людям общию могущественною силою... расчётом выгоды в труде»²¹. Однако вопрос о труде как у Чернышевского, так и у Гедда сводится к вопросу о целесообразном применении сил природы к потребностям человека. И хотя по данному вопросу они высказывали мысли, весьма близкие к теории научного социализма, однако они исходили не из анализа капиталистических отношений, а из понятий «здоровой теории». Так, Гедд пишет: «Если до сих пор только маленькая кучка людей может удовлетворять свои потребности, то это не связано с невозможностью уравнивать продукцию с потребностями, а с условиями, в которых до настоящего времени проходит производство и распределение продуктов»²².

Какие же это условия? Во-первых, присвоение земли помещиками, дающее им возможность «превратить её в парки и увеселительные сады или оставлять не возделанной, если она не приносит достаточного дохода; во-вторых, масса труда идёт на удовлетворение капризов праздного меньшинства. Этот труд не только непроизводителен, но он отнимает рабочие руки у земледелия»²³.

Гедд только мимоходом пишет о частной собственности на землю. Но основной вред от частной собственности он усматривает в том, что земля отведена под парки, а масса труда потребляется непроизводительно. Все эти положения Гедда являются краткими выводами из главы «Действительный источник дефицита в земледельческом продукте и истинный смысл мальтусовой теории» кни-

ги Чернышевского «Дополнения и примечания»²⁴.

В этой главе Чернышевский показывает, что дефицит земледельческих продуктов зависит от «отношения основного капитала к прибыли» и «от пропорции земледельческого населения в общем составе населения». Низкий процент на капитал и то, «что пропорция землепашцев в составе населения уменьшается, при существующих экономических отношениях»²⁵, — вот причины «недостаточности земледельческого продукта на прокормление размножающегося общества». «Потому, — заключает Чернышевский, — думать людям следует не о перделке своего организма, по совету Мальтуса, а разве о том, не могут ли быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой природы»²⁶. Таким образом, по Чернышевскому, выходит, что стоит владельцам земли понять необходимость вкладывать больше капиталов, несмотря на низкий процент, в землю и увеличить пропорцию земледельцев в составе населения — и всё будет хорошо. Этому выводу предшествует критический разбор закона Мальтуса об увеличении нищеты с ростом народонаселения²⁷.

Гедд, говоря о помехах для производства, также заключает, что «здесь причина недостаточности средств к существованию, а не в законе Мальтуса»²⁸. В примечании он излагает основные доказательства Чернышевского о несостоятельности закона Мальтуса и в конце «Катехизиса» даёт специальное приложение, в котором разбирает этот закон. Нет необходимости подробно анализировать высказывания Гедда о законе Мальтуса, чтобы установить, что он, в сущности, лишь передаёт высказывания Чернышевского. Для этого достаточно сделать лишь несколько сопоставлений обоих авторов.

«...Предположение, что сельскохозяйственная продукция в Англии и Шотландии может удвоиться в 25 лет, казалось Мальтусу, перешло все границы правдоподобия»²⁹, — пишет Гедд в «Катехизисе». «Мальтусу представлялось неимоверною крайностью предположение, что продукт английского земледелия может быть удвоен в 25 лет»³⁰, — читаем мы у Чернышевского. «...По признанию всех агрономических трактатов, введение хорошей культуры многополья, введение правильного севооборота в наиболее населённой части Европы достаточно было бы для того, чтобы дать в девять раз большую, чем сейчас, продукцию»³¹, — пишет Гедд. «...Жители британ-

²⁴ Чернышевский Н. Соч. Т. II, первый полутом, стр. 377—403.

²⁵ Там же, стр. 406.

²⁶ Там же, стр. 407.

²⁷ Там же, стр. 279—407.

²⁸ Guesde J. «Essai», p. 12, см. примечание.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Чернышевский Н. Соч. Т. II, первый полутом, стр. 331.

³¹ Guesde J. «Essai», p. 12, примечание.

¹⁷ Guesde J. «Essai», p. 7.

¹⁸ Ibidem, p. 10.

¹⁹ Чернышевский Н. Соч. Т. XI, стр. 119.

²⁰ Там же, стр. 120.

²¹ Там же, стр. 229, 230.

²² Guesde J. «Essai», p. 11—12.

²³ Ibidem. Примечание на стр. 11—12 (разрядка Гедда).

ских островов могли бы увеличить свой нынешний земледельческий продукт в 9 раз, если бы вели хорошее хозяйство... из нынешних агрономических книг видно, что если бы Англия захотела и встретила надобность увеличить свой земледельческий продукт в течение 25 лет не в 2 раза, а в 5 или даже 9 раз, это было бы вовсе не трудно»³², — читаем мы у Чернышевского. Можно было бы и дальше продолжить такое сопоставление, однако достаточно сослаться на самого Гед: «Размер уменьшающейся продуктивности земли научно ещё не определён» (Гед, как и Чернышевский, стоял на точке зрения неправильной теории «уменьшающейся продуктивности земли»). «Но,— продолжает он,— что верно и что разрешают утверждать экспериментальные данные агрономии, это то, что он ниже того, что хочет английский экономист. А если бы было иначе, — подчёркивает Гед, — тоже не было бы необходимости заниматься этим, поскольку Николай Чернышевский больше чем надо показал, что дефицит, который будет иметь место с увеличением населения вдвое каждые 25 лет, исчезнет перед прогрессом хозяйственной техники, подъёмом с.-х. продукции на 3% в 100 лет, который, очевидно, ниже процента, реализованного до настоящего времени. Этот дефицит можно было бы ещё больше уменьшить, увеличив пропорцию между с.-х. рабочими и остальным населением»³³.

Критика учения Мальтуса о народонаселении является блестящей страницей в научной работе Чернышевского. «Окончательный вывод Чернышевского не подлежит сомнению»³⁴, — пишет Плеханов, хотя, с другой стороны, он подверг основательной критике выкладки Чернышевского и его возражения Мальтусу. Главным было то, что Чернышевский подходил к решению вопроса о народонаселении с общественной точки зрения и, в противоположность Мальтусу, истинные причины бедности он видел в условиях капитализма. Но он только осуждал действительность, а вскрыть основные противоречия буржуазного общества не мог. «К сожалению,—отмечает Плеханов,— именно это-то и невозможно было для человека, смотревшего на общественную жизнь с отвлечённой точки зрения»³⁵. Поэтому Чернышевский, хорошо понимавший значение экономического фактора в истории, не понимал сущности таких категорий политической экономии, как производительные силы, капитал, труд, хотя и здесь он высказывал отдельные гениальные мысли.

То же можно сказать и о Гед. В главах «Катехизиса», в которых он разбирает экономические вопросы: собственности (гл. VI), труд (гл. VII), он подходит к разрешению их, как и Чернышевский, с абстрактной точ-

ки зрения — всеобщей справедливости, выгоды. «Орудия производства, сырьё, земля, — пишет он в VI главе о собственности, — общий фонд рода человеческого, ибо они не созданы усилиями индивидуума или даже коллектива, а являются условиями их существования. Поэтому никто не имеет права употреблять их в свою пользу, а тем более злоупотреблять ими... Орудия труда представляют неделимый капитал человеческого рода или работу прошлых поколений»³⁶. И у Чернышевского «капиталом называются те продукты труда, которые служат средствами для нового производства»³⁷. К Геду полностью относится замечание Плеханова о Чернышевском, что у него «нет ни одного слова об историческом значении частной собственности»³⁸.

Гед в «Катехизисе», так же как и Чернышевский в «Дополнениях», старался показать, что частная собственность невыгодна. «Нужна ли собственность для производства?» — ставит вопрос Гед. «Нет, — отвечает он, — собственник может злоупотреблять — отказывать труду в орудиях производства, непроизводительно потреблять». И как самый неотразимый аргумент против частной собственности он выдвигает тот факт, что собственник в большинстве случаев не хочет работать, а стремится эксплуатировать других.

Глава 7-я «Катехизиса» посвящена вопросам труда. Выше уже говорилось о совпадении взглядов Гед и Чернышевского по данному вопросу. При анализе 7-й главы «Катехизиса» всё же необходимо остановиться на двух моментах: на так называемом вопросе «о неприятности труда» и на вопросе о физическом и умственном труде. В «Дополнениях» у Чернышевского третье дополнение к первым трём главам книги Милля так и озаглавлено: «О неприятности труда». «Каждый на себе и на других,— пишет Чернышевский, — может замечать, что труд часто доставляет ему наслаждение. Анализируя эти случаи и случаи противного, когда последний является источником неудовольствия, каждый может видеть, что ощущение приятное производится трудом всегда, когда существуют следующие три условия: во-первых, когда труду не препятствуют слишком сильные внешние помехи; во-вторых, когда человек совершает его по собственному соображению о его надобности или пользы для него самого, а не по внешнему принуждению; в-третьих, когда труд не продолжается далее того времени, пока мускулы совершают его без изнурения, вредного организму, разрушающего организм. Анализ показывает, что неприятность труда всегда происходит от неисполнения этих условий»³⁹.

Гед в главе о труде пишет: «Труд неприятен только: во-первых, если он — результат

³² Чернышевский Н. Соч. Т. II, первый полутом, стр. 331.

³³ Guesde J. «Essai», p. 12—13, примечание (разрядка Гед).

³⁴ Плеханов Г. Соч. Т. VI, стр. 145.

³⁵ Там же, стр. 235.

³⁶ Guesde J. «Essai», p. 38, 39.

³⁷ Чернышевский Н. Соч. Т. II, первый полутом, стр. 175.

³⁸ Плеханов Г. Соч. Т. VI, стр. 71.

³⁹ Чернышевский Н. Соч. Т. II, первый полутом, стр. 95.

внешнего принуждения; во-вторых, если он... сверх сил человека»⁴⁰.

По вопросу о физическом и умственном труде Чернышевский пишет: «В каждом труде участвуют непременно и мускулы и мозг, так что нет труда исключительно умственного или исключительно физического... этим различием указывается только то, что в одном глазная роль принадлежит мозгу, в другом — мускулам, но это преобладание одного элемента не есть исключение другого: деятельность мозга всегда требует некоторого содействия мускулов, а деятельность мускулов всегда производится под управлением мозга»⁴¹.

Гед в «Катехизисе» ставит вопрос, «разделяется ли труд на физический и умственный».

«Да, — отвечает он, — но в этом делении нет ничего абсолютного, никакой труд не может быть исключительно умственным или исключительно физическим. Действие мускулов не может производиться без деятельности ума, и наоборот. Эти две способности комбинируются в различных, только в различных, пропорциях»⁴².

Главы 3, 4 и 5-я «Катехизиса» посвящены вопросам этики. Все проблемы этики Гед, точно так же, как и Чернышевский, разрешает, исходя из учения об «естественном эгоизме» и влиянии внешних условий на развитие человека.

«Свободы воли не существует и не может существовать, — пишет Гед. — Все действия человека подчинены необходимости борьбы за лучшее»⁴³. «Ответственность — ложь... деятельность человека зависит от воспитания и среды, которые существуют помимо него... Было бы глупо и несправедливо делать его ответственным за его поступки»⁴⁴.

Эти рассуждения Гед перекликаются с рассуждениями героя романа «Что делать?» — Лопухова. Последний на вопрос Веры Павловны, правильно ли она поступила, говорит ей: «Если Вы так сделали, значит, такова была Ваша личность, что нельзя Вам было поступить иначе при таких обстоятельствах... вы поступили по необходимости вещей»⁴⁵.

Вполне понятно, что и Чернышевский и Гед должны были обращать особое внимание на воспитание. Однако, в то время как Чернышевский по условиям цензуры вынужден был говорить о воспитании как об основном методе перестройки общества, Гед писал, что «воспитание одно недостаточно для того, чтобы направить человека к добру. Надо, чтобы общество было организовано на базе науки и чтобы оно давало возможность равного удовлетворения потреб-

ностей благодаря всестороннему развитию и применению способностей»⁴⁶.

Он, следовательно, считал, что воспитание людей может быть действительным только после перестройки общества на базе науки. Как же Гед представляет себе эту перестройку общества на базе науки? «Наука доказывает, — пишет он, — что деление членов общества на меньшинство, достигшее полного развития и владеющее орудиями труда, и большинство, лишённое всего, — не выгодно... Чтобы отношения были организованы на основе справедливости и взаимности, необходимо предоставить всем возможность получить одинаковые знания и воспитание и сделать орудия производства общей собственностью. Взаимность — это равенство, заключающееся в том, что каждый даёт и получает одинаковую стоимость при обмене... рассматривая различные продукты по труду или по времени»⁴⁷.

Для того, чтобы изменить общество, Гед считал необходимой революцию. И Гед и Чернышевский были революционерами. Но как Гед, так и Чернышевский не связывали необходимость революции с имманентными законами развития капиталистического общества.

Вслед за «Катехизисом» Гед написал очень интересный труд «О собственности», письмо сенатору Лампертико, видному итальянскому экономисту, автору большой работы по политэкономии⁴⁸.

Характерно, что и в новой своей работе «О собственности» Гед считал нужным подвергнуть резкой критике только положение III т. произведения Лампертико «La Proprieta», касающееся вопроса о частной собственности на землю, хотя Лампертико и в первых двух томах уделяет большое внимание вопросам промышленности, разбирает различные экономические теории, и, в частности, учение Маркса о стоимости⁴⁹.

И в том, что Гед на первое место поставил вопрос о частной собственности на землю, и в подходе к решению ряда других вопросов явно видно влияние Чернышевского. В указанном произведении Гед даже к вопросам классовой борьбы подходит с точки зрения «выгоды». «Разделение на классы, — пишет он, — вызывает необходимость в полиции, армии и т. д., поглощающих 15 миллиардов в год в Европе, прибавьте 78 миллиардов, которые они выработали бы, если бы занимались производительным трудом, и вы увидите, что несёт с собой частная собственность»⁵⁰.

Однако труд Гед «О собственности» является шагом вперёд по сравнению с «Катехизисом». В нём дана более глубокая кри-

⁴⁰ Guesde J. «Essai», p. 31.

⁴¹ Ibidem, p. 64—66.

⁴² Lampertico F. «Economia dei populi et degli Stati Milan», 1874—1876. 1-я книга — 1874 г., 2-я и 3-я — 1876 год.

⁴³ Lampertico F. «Economia dei populi...», vol. I. Introduzione, § 13.

⁴⁴ Guesde J. «Ça et là», «De la propriété», «Lettre au sénateur Lampertico», p. 18. Paris. 1914.

⁴⁰ Guesde J. «Essai», p. 45.

⁴¹ Чернышевский Н. Соч. Т. II, первый полутом, стр. 191—192.

⁴² Guesde J. «Essai», p. 47.

⁴³ Ibidem, p. 18.

⁴⁴ Ibidem, p. 21.

⁴⁵ Чернышевский Н. Соч. Т. XI, стр. 67.

тика капитализма. В своей критике капитализма Гед в некоторых вопросах превзошёл Чернышевского. Критикуя положение Лампертико, утверждающее, что частная собственность способствует максимальному увеличению производительности труда, Гед отмечает, что это не соответствует действительности хотя бы потому, что низкая заработная плата снижает производительность труда⁵¹. Ссылаясь на официальные английские анкеты, он показал, что «нищета растёт прямо пропорционально росту продукции»⁵². Далее Гед пишет, что «с введением усовершенствованных машин роль капитала, как следствие присвоения себе прибыли, становится день ото дня значительнее»⁵³. «Вы сами это узнаете, — обращается он к Лампертико, — когда дело будет касаться повышения заработной платы, организации или объединения сил рабочих»⁵⁴.

Затем он критикует положения Лампертико об общественной помощи, дающей возможность получить стипендию на образование, нуждающимся — хлеб, больным — медицинскую помощь и т. д. «Стипендию на образование, — пишет Гед. — Для какого образования? Большинство итальянских крестьян и рабочих не умеют ни писать, ни читать, а те, которые имеют возможность посещать первичную школу, которая, кстати сказать, не совсем бесплатная, научились только тому, что необходимо для их работы для того, чтобы производить прибыль для капиталиста, который их эксплуатирует... Больным — медицинскую помощь, — продолжает он. — Тем, которым мешали жить,

предоставляют койку в больнице для того, чтобы умереть... Но лучшее представление о положении даёт... непригодность большого количества молодых людей к военной службе, 3767 жертв с 1866—1873 гг. в шахтах, пяти-шестилетние дети, о которых говорил Лузати (речь в Экономическом обществе в Париже 6 декабря 1875 г.), работающие по 12—14 часов в день». Правда в том, отмечает в заключении Гед, что «собственники получают от этой общественной помощи самую большую, если не сказать, единственную пользу»⁵⁵.

Нужно отметить, что если самой большой слабостью Чернышевского было то, что он не понимал исторической роли пролетариата и связи идей социалистического переустройства общества с борьбой рабочего класса, то Гед уже подходил к пониманию значення этой борьбы. Это вполне понятно. Чернышевский жил в крестьянской России. Гед был связан с Францией Парижской коммуны. Однако Гед не мог самостоятельно преодолеть Чернышевского, не мог подняться выше его теоретических положений.

Плеханов абсолютно правильно отмечает, что «плодотворная критика Чернышевского возможна лишь с точки зрения Маркса»⁵⁶. Гед же и к борьбе пролетариата подходил не на основе анализа капиталистических отношений, а с точки зрения справедливости и выгоды, т. е. с теоретических позиций Чернышевского. И только тогда, когда он в 1876 г. изучил первый том «Капитала» Маркса, он перешёл на позиции научного социализма.

⁵¹ Guesde J. «Ça et là», p. 15.

⁵² Ibidem, p. 20.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Guesde J. «Ça et là», p. 22—24 ss.

⁵⁶ Плеханов Г. Соч. Т. VI, стр. 337 (разрядка Плеханова).

К ВОПРОСУ О СТАРОЖИЛЬЦАХ

И. Смирнов

Вопрос о старожильцах является составной частью общего вопроса о развитии крепостного права. По Дьяконову, «крестьяне старинные, или старожильцы, образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины»¹. Такую же позицию в вопросе о старожильцах занимает и акад. Б. Д. Греков. Определяя старожильцев как крестьян, «которые издавна живут за своими господами на участках земли, которыми они издавна владеют и с которых несут как государственные повинности (тягло), так и владельческие (оброк и барщина), Б. Д. Гре-

ков считает, что первыми, «потерявшими право ухода от хозяина-господина, были крестьяне-старожильцы»². В такой постановке вопроса главным, определяющим моментом для старожильства является момент временной. Нам неизвестен срок, с истечением которого устанавливалось старожильство. Но, несомненно, что такой срок существовал³. М. А. Дьяконов же считает пятилетние урочные лета закона 1579 г. «наименьшим сроком, по истечении которого возникло старожильство»⁴.

¹ Дьяконов М. «Очерки общественно-го и государственного строя древней Руси», стр. 270—271. 1926.

² Греков. Б. «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России», стр. 48—49. 1940.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 273.

⁴ Там же.

тика капитализма. В своей критике капитализма Гед в некоторых вопросах превзошёл Чернышевского. Критикуя положение Лампертико, утверждающее, что частная собственность способствует максимальному увеличению производительности труда, Гед отмечает, что это не соответствует действительности хотя бы потому, что низкая заработная плата снижает производительность труда⁵¹. Ссылаясь на официальные английские анкеты, он показал, что «нищета растёт прямо пропорционально росту продукции»⁵². Далее Гед пишет, что «с введением усовершенствованных машин роль капитала, как следствие присвоения себе прибыли, становится день ото дня значительнее»⁵³. «Вы сами это узнаете, — обращается он к Лампертико, — когда дело будет касаться повышения заработной платы, организации или объединения сил рабочих»⁵⁴.

Затем он критикует положения Лампертико об общественной помощи, дающей возможность получить стипендию на образование, нуждающимся — хлеб, больным — медицинскую помощь и т. д. «Стипендию на образование, — пишет Гед. — Для какого образования? Большинство итальянских крестьян и рабочих не умеют ни писать, ни читать, а те, которые имеют возможность посещать первичную школу, которая, кстати сказать, не совсем бесплатная, научились только тому, что необходимо для их работы для того, чтобы производить прибыль для капиталиста, который их эксплуатирует... Больным — медицинскую помощь, — продолжает он. — Тем, которым мешали жить,

предоставляют койку в больнице для того, чтобы умереть... Но лучшее представление о положении даёт... непригодность большого количества молодых людей к военной службе, 3767 жертв с 1866—1873 гг. в шахтах, пяти-шестилетние дети, о которых говорил Лузати (речь в Экономическом обществе в Париже 6 декабря 1875 г.), работающие по 12—14 часов в день». Правда в том, отмечает в заключении Гед, что «собственники получают от этой общественной помощи самую большую, если не сказать, единственную пользу»⁵⁵.

Нужно отметить, что если самой большой слабостью Чернышевского было то, что он не понимал исторической роли пролетариата и связи идей социалистического переустройства общества с борьбой рабочего класса, то Гед уже подходил к пониманию значення этой борьбы. Это вполне понятно. Чернышевский жил в крестьянской России. Гед был связан с Францией Парижской коммуны. Однако Гед не мог самостоятельно преодолеть Чернышевского, не мог подняться выше его теоретических положений.

Плеханов абсолютно правильно отмечает, что «плодотворная критика Чернышевского возможна лишь с точки зрения Маркса»⁵⁶. Гед же и к борьбе пролетариата подходил не на основе анализа капиталистических отношений, а с точки зрения справедливости и выгоды, т. е. с теоретических позиций Чернышевского. И только тогда, когда он в 1876 г. изучил первый том «Капитала» Маркса, он перешёл на позиции научного социализма.

⁵¹ Guesde J. «Ça et là», p. 15.

⁵² Ibidem, p. 20.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Guesde J. «Ça et là», p. 22—24 ss.

⁵⁶ Плеханов Г. Соч. Т. VI, стр. 337 (разрядка Плеханова).

К ВОПРОСУ О СТАРОЖИЛЬЦАХ

И. Смирнов

Вопрос о старожильцах является составной частью общего вопроса о развитии крепостного права. По Дьяконову, «крестьяне старинные, или старожильцы, образовали первую группу владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины»¹. Такую же позицию в вопросе о старожильцах занимает и акад. Б. Д. Греков. Определяя старожильцев как крестьян, «которые издавна живут за своими господами на участках земли, которыми они издавна владеют и с которых несут как государственные повинности (тягло), так и владельческие (оброк и барщина), Б. Д. Гре-

ков считает, что первыми, «потерявшими право ухода от хозяина-господина, были крестьяне-старожильцы»². В такой постановке вопроса главным, определяющим моментом для старожильства является момент временной. Нам неизвестен срок, с истечением которого устанавливалось старожильство. Но, несомненно, что такой срок существовал³. М. А. Дьяконов же считает пятилетние урочные лета закона 1579 г. «наименьшим сроком, по истечении которого возникло старожильство»⁴.

¹ Дьяконов М. «Очерки общественно-го и государственного строя древней Руси», стр. 270—271. 1926.

² Греков. Б. «Главнейшие этапы в истории крепостного права в России», стр. 48—49. 1940.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 273.

⁴ Там же.

В записях приходо-расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря мне, однако, удалось найти материал, который совершенно по-иному освещает проблему старожильства.

Наибольший интерес из этого материала представляет запись в приходо-расходной книге за 1592—1593 годы. Запись эта имеет следующий вид: «Месяца мая в 1 день (1592 г. — И. С.), по приказу старца Мисаила Безнина дано Никитке Масленникову на подмогу 17 алтын 4 деньги, что он сел на пашне в старожильцах, а был в детёнышах. Того же дни по приказу старца Мисаила Безнина, дано Якимку Окинину пасынку Чеклевского на подмогу 21 алтын, что он сел на пашне в старожильцах, а был в детёнышах»⁵.

Первое и основное, что бросается в глаза в приведённой записи, — это то, что временной момент, как фактор, создающий старожильство, здесь отсутствует вовсе. Напротив, старожильство возникает сразу. Старожильцем крестьянина делает самый факт того, что он «сел» на монастырскую пашню и получил монастырскую «подмогу».

В данном случае в старожильцев превращаются монастырские детёныши. Это последнее обстоятельство могло бы дать основание для ограничительного толкования записи о старожильцах, связывая такой путь возникновения старожильства, скажем, со спецификой положения монастырских детёнышей⁶.

Однако в книгах Волоколамского монастыря можно найти и такого рода записи, где подобный ограничительный момент отсутствует: я имею в виду нижеследующую запись в приходо-расходной книге монастыря за 1619 год: «Месяца марта в 5 день дано волоочнику Михаилу Братцову за то, что отпустил он своего крестьянина из села Порохова, Истомку Шелаева, за Осифов монастырь жити в старожильцы»⁷.

Здесь, таким образом, в монастырские старожильцы превращается уже крестьянин, причём крестьянин, принадлежавший прежде другому лицу, волоцкому помещику Михаилу Братцеву, который отпускает этого своего крестьянина «жити в старожильцы» за монастырь.

⁵ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря за 1592—1593 г., л. 73.

⁶ См. Греков в Б. Указ. соч., стр. 58—59.

⁷ ЦГАДА. Приходо-расходная книга Иосифова-Волоколамского монастыря за 1619 г., п. 42.

Таковы те данные о старожильцах, которые можно извлечь из книг Волоколамского монастыря.

Было бы, конечно, слишком поспешно и неосторожно делать из этих данных какие-либо далеко идущие выводы. Но тем не менее некоторые выводы сделать можно и нужно. Прежде всего ясно, что «старожильцы» Иосифова-Волоколамского монастыря никак не укладываются в рамки обычного определения старожильца как крестьянина, прожившего у данного землевладельца длительный период времени. С такой точки зрения крестьянина Истомку Шелаева надо было бы назвать «новоприходцем», а отнюдь не «старожильцем», как его называет запись в книге. Вместе с тем материалы Иосифова-Волоколамского монастыря заставляют рассматривать и самую «старость», «старожильство», как социальную, а не временную категорию. В монастырском старожильце крестьянина превращает не количество лет, прожитых данным крестьянином в монастырской вотчине, а самый характер тех отношений, которые устанавливаются между данным крестьянином и монастырём: крестьянин, севший на монастырскую пашню и получивший подмогу от монастыря, вступает в отношения зависимости от монастыря, что превращает его в старожильца. Иными словами, крестьянин превращается в старожильца не под действием фактора времени, а в результате действий монастыря: не крестьянин становится старожильцем, а монастырь превращает его в старожильца.

Все эти выводы, однако, прежде чем быть использованными для рассмотрения проблемы старожильства во всём её объёме, требуют предварительного разрешения следующего вопроса: можно ли самое старожильство, как форму зависимости крестьянина от феодала-землевладельца, рассматривать как неизменную на всём протяжении того времени, с которого старожильство известно в источниках? Иными словами: можно ли старожильцев уставной грамоты митрополита Киприана 1391 г. и старожильцев приходо-расходных книг Иосифова-Волоколамского монастыря конца XVI — начала XVII века рассматривать как находящихся в одной и той же форме социальной зависимости? Или же и само «старожильство» испытало на себе влияние процесса развития крепостничества (или, говоря точнее, в своей эволюции отразило процесс роста крепостнической эксплуатации), а конец XVI в. с его «заповедными годами» изменил и природу старожильства?

Но ответ на эти вопросы предполагает именно рассмотрение проблемы старожильства в целом, что никак не может быть признано целью настоящей заметки.

О ПОЯВЛЕНИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ НА РУСИ

Проф. В. Мавродин

Обычной датой появления огнестрельного оружия на Руси считают 1389 год.

У Карамзина в его «Истории государства Российского» мы встречаем такое место: «О том, когда и как вошло в Россию искусство огнестрельное, нашёл я известие в летописи Голицынской, полученной мною от графа Ф. А. Толстого. Она писана полууставом в лист при царе Алексее Михайловиче. В ней сказано, л. 215»¹ и далее идёт текст Голицынской летописи: «В лето 6897 вывезли из Немец арматы на Русь и огненную стрельбу и от того часу оуразумели з них стреляти»². С лёгкой руки Карамзина это сообщение Голицынской летописи стали считать первым известием о появлении в России «огненной стрельбы», и в этом качестве оно попало на страницы ряда специальных и общих трудов, посвящённых истории русской артиллерии, огнестрельного оружия в России, истории русской армии.

Начальной датой русской артиллерии считают 1389 год М. Д. Хмыров, Бранденбург и др.³ 1389 год вошёл во все энциклопедические словари как год появления огнестрельного оружия в России⁴. Этот взгляд можно считать прочно установившимся в исторической науке. Он стал традицией. Правда, раздавались голоса протеста. Тот же Карамзин писал: «Хотя ещё в описании Московской осады 1382 года упоминается о пушках, но так назывались у нас прежде не нынешние воинские орудия сего имени, а большие самострелы, или махины, коими осаждённые бросали камни в осаждающих»⁵. Таким образом, Карамзин отрицал наличие в Москве «огненного боя» во времена осады города татарами Тохтамыша и считал «пушки» метательными орудиями, пропустив при этом, как это мы увидим ниже, термин, под которым скрывалось уже несомненно огнестрельное оружие. На этой же позиции стояли почти безоговорочно едва ли не все исследователи.

К сожалению, даже многие историки наших дней разделяют этот неверный взгляд.

¹ Карамзин Н. «История государства Российского». Т. V, примечание 136. 2-е изд. СПб. 1819.

² Так называемая «Голицынская летопись», хранящаяся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, л. 215 (S. IV. 215).

³ Хмыров М. «Артиллерия и артиллеристы в допетровской Руси». «Артиллерийский журнал» № 9. 1865 г.; Бранденбург «500-летие русской артиллерии». 1889.

⁴ См. «Военная энциклопедия». Т. III, стр. 34. Энциклопедия Брокгауз и Ефрон. Т. 43, стр. 203; Энциклопед. словарь Гранат. Т. III, стр. 593—594; БСЭ. Т. III, стр. 489.

⁵ Карамзин Н. Указ. соч. Т. V, стр. 123.

В нашей печати, в общей и специальной литературе, 550-летие русской артиллерии было отмечено не в 1932 г., как это следовало бы сделать, исходя из указаний летописи, а в 1939 году. 1389 годом датируют начало «огненного боя» на Руси сборник «Артиллеристы», вышедший в 1939 году; Н. Павленко в своей популярной книге «Русская артиллерия (1389—1812)», изданной в 1940 г.; комкор А. Сивков в статье «550 лет русской артиллерии», опубликованной в «Военно-историческом журнале» (1939 г., № 2), и ряд авторов статей, помещённых в газетах.

Правда, некоторые исследователи последнего времени считали необходимым внести коррективы в традиционную схему и обращали внимание читателей на московские события 1382 г., считая 1382 год годом первого официального сообщения о применении русскими огнестрельного оружия. Я имею в виду монографию В. Е. Маркевича «Ручное огнестрельное оружие» (Т. I. 1937) и статьи А. Монгайта «Русская артиллерия в XIV—XVI вв.», опубликованную в «Военно-историческом журнале» (№ 7. 1940 г.), и П. П. Забаринского «550-летие русской артиллерии», помещённую в I томе «Сборника исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной армии». К сожалению, авторы этих статей не уделили достаточного внимания вопросу о начале «огненного боя» на Руси, о чём свидетельствуют хотя бы даты выхода в свет работ двух последних исследователей, связанные с пресловутым 1389 годом и «арматами» из «Немець». А между тем в наших летописях есть прямые указания на знакомство русских людей с огнестрельным оружием ещё до 1389 года. Но к этим указаниям очень мало присматривались, мало их изучали. Никто после Карамзина не заглядывал со специальной целью в рукопись Голицынской летописи, чем и объясняется то обстоятельство, что везде и всюду, во всех исследованиях цитируется, по Карамзину, отрывок об «арматах» под 1389 годом, не совсем соответствующий подлинному тексту⁶, в результате чего стала каноном следующая концепция появления русской артиллерии. Весной 1389 г., в апреле или мае, водным путём из «Немець» были доставлены первые пушки. Отсюда и «заморский» термин для обозначения первых русских огнестрельных орудий — «арматы» (от латинского *armata* — вооружённая сила, вооружение), — сохранившийся в двух или трёх восточнославянских языках («гарматы» в украинском и белорусском языках). Казалось бы, свидетельство Голицынской летописи подтверждается Тверской летописью, где мы встречаем такое место: «В лето 6897... Того же лета из

⁶ У Карамзина: «В лето 6897 вывезли из Немець арматы на Русь и огненную стрельбу, и от того часу оуразумели из них стреляти». Подлинный же текст приведён нами выше.

Немецъ вынесоша пушки, 97-го лета»⁷. Мы не станем отрицать того, что где-то на северо-западе Руси в 1389 г. появились пушки — «арматы», действительно привезённые «из Немець». Об этом повествует Тверская летопись, а Тверь, несомненно, может быть включена в состав северо-западных русских земель, связи же Твери с западными соседями Руси — Литвой, Ливонией, — а через них и с другими «немецкими» землями хорошо известны. Да и Голицынская летопись в этой своей части отражает какие-то источники западной части великорусских земель.

Мы не собираемся исследовать Голицынскую летопись как источник. Нам важно отметить совсем другое. Если принять указания Тверской и Голицынской летописей, то перед нами выступит один из эпизодов распространения огнестрельного оружия на Руси. Проникновение «огненного боя» из стран Запада на Русь не может вызвать сомнений. Новгород, Псков и Тверь, повидимому, действительно получили свои «арматы» «из Немець», о чём и повествуют обе названные нами летописи. Таким образом, сообщаемые ими факты не вызывают сомнений. Не вызывают сомнений и даты и путь, по которому «арматы» были привезены на Русь. Мы ставим под сомнение другое: в самом ли деле на Руси только в 1389 г. узнали об «огненном бое»; были ли первыми артиллерийскими орудиями привезённые в этом году в северо-западные земли Руси «из Немець» «арматы»; был ли единственным путь распространения огнестрельного оружия в России с запада на восток, «из Немець» на Русь; впервые ли только в 1389 г. «оуразумели» «огненную стрельбу» русские люди? На эти вопросы придётся дать отрицательный ответ.

Обратимся к летописям. Повествуя под 1382 г. об обороне Москвы от татар Тохтамыша, Никоновская летопись сообщает: «Граждане же наипаче пушаху на них стрелы, и каменею метяху, и самострелы, и тюфяки... стреляющие и каменем шибаше, и самострелы напязаше, пороки, и тюфяки; есть же неции и самые тья пушки пушаху на них».

Сообщение Никоновской летописи подтверждается и Воскресенской летописью, в которой читаем: как москвичи «ови стрелами стреляху с заборол, овие каменем шибашу на ня, друзии же тюфяки пушающе на них, а иные самострелы напинающе пушаху, и пороки пушаху, а иные великие пушки пушаху»⁸. Нас не интересуют пороки и самострелы, которыми москвичи отбивались от татар. Под пушками Никоновская летопись также подразумевает отнюдь не огне-

⁷ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XV. Тверская летопись, стр. 444. 1863.

⁸ ПСРЛ. Т. XI, стр. 74 — 75. Так гласит «Повесть о приходе Тохтамышева на Москву» (списки Акад. XIV Обол., Акад. XV. Арк. II, Строгон. и Троицк. III). Вариант по «Повести о Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Рязанской» (Акад. XVII. Древн. лет.) вместо «тюфяк» «тюфяк». ПСРЛ. Т. X, стр. 75. Вариант из Воскресенской летописи (ПСРЛ. Т. VIII. Воскресенская летопись, стр. 44).

стрельное оружие хотя уже в описании битвы на Ворскле, которое мы находим в той же летописи, битве, происшедшей 17 лет спустя, действовали самые настоящие пушки и пищали — «огненная стрельба»⁹.

Наше внимание останавливают «тюфяки». Что за вид оружия скрывается под этим названием? Нет никакого сомнения, что этот термин пришёл в русский язык из тюркских языков, где он обозначает ружьё, ручное огнестрельное оружие, вообще то, что на Руси получило в то время в достаточной степени выразительное наименование «огненный бой», «огненная стрельба». В дальнейшем термин «тюфяк» закрепляется за первыми артиллерийскими орудиями и долгое время сохраняется на Руси.

Итак, мы можем не сомневаться, что во времена нашествия Тохтамыша в августе 1382 г. москвичи не без успеха применяли «огненную стрельбу» и на стенах осаждённого города стояли первые русские пушки, носившие не западноевропейское название «арматы», а восточное, тюркское — «тюфяки». Появление в русском языке тюркского термина для обозначения первых пушек свидетельствует о том, что был второй, а вернее сказать, по времени первый путь распространения «огненного боя» на Русь, а именно путь восточный. В русский язык тюркское слово «тюфяк» вошло раньше, чем латинское «арматы», ибо «огненный бой» пришёл на Русь не с Запада, а с Востока.

Когда в 1389 г. на Русь привезли с Запада первые «арматы», на стенах Москвы уже больше семи лет стояли первые русские артиллерийские орудия — «тюфяки». Когда и где русские впервые столкнулись с «огненным боем»? В Никоновской летописи мы встречаем рассказ о походе «на Болгары, рекше на Казань» суздальских ратей Василия и Ивана Дмитриевичей и московской рати Дмитрия Михайловича Волынского, посланной Дмитрием Ивановичем Донским. Это было в марте 1376 года. 16 марта русское воинство подошло к Болгарам. «Казанцы же изыдоша из граду противу их, стреляюще из луков и из самострелов, а инии гром пушающе з града, страшаше Русское воинство»¹⁰.

Вряд ли кто будет сомневаться в том, что «жители Болгар, «гром пушающе з града», применили против русских огнестрельное оружие, поразившее русских воинов не столько большими жертвами среди ратей осаждающих в результате артиллерийского огня, сколько «громом» — грохотом выстрелов. Хорошо известно, что действие первых орудий не приводило к большим потерям в войске противника и дело сводилось главным образом к моральному эффекту. Огонь, страшный грохот, клубы дыма действовали на воинов больше, чем вид нескольких трупов. Это было время, когда, по словам Энгельса, «влияние нового оружия на общую тактику было весьма мало заметно»¹¹.

⁹ ПСРЛ. Т. XI, стр. 173.

¹⁰ ПСРЛ. Т. X. Никоновская летопись, стр. 25.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI. Ч. 2-я, стр. 389.

Летописец очень удачно подметил эту особенность артиллерийского огня осаждённых: стрельба преследовала цель не столько нанести урон русским, сколько вызвать среди них панику («страшаше Русское воинство»). Ни «гром», ни попытки осаждённых вылазками «на верблюдах, кони русских вой полошающе» отогнать воинство русское не смогли спасти Болгары. Город пал. Возможно, что со стен его были сняты издававшие «гром» «тюфяки», которые через шесть лет били по татарам Тохтамыша со стен Москвы, быть может, по их образцу и подобию известные русские пушкарни изготовили первые русские пушки—кто знает! Во всяком случае осада Болгар в марте 1376 г. была первым зарегистрированным летописцем знакомством русских с «огненным боем». Поход под Болгары был хорошим уроком, и русские «вой» извлекли из него большую пользу. Шесть лет спустя они сами «громом» пушечной пальбы встретили татар.

Интересно отметить, что русские в отношении применения огнестрельного оружия отнюдь не отставали от своих ближайших соседей с Запада. Ливонские рыцари впервые применили артиллерию в 1380 г., литовцы — двумя годами позже. Полагать, как это делает А. Монгайт, что литовцы заимствовали артиллерию у «орденских братьев», а «в свою очередь русские познакомились с действием пушек через литовцев», в свете приведённых выше сообщений летописи нет никаких оснований¹². «Огненный бой» на Русь пришёл с Востока, со стен Болгар, а не со стен замков орденских братьев или литовских феодалов. И это вполне понятно, ибо нам хорошо известен путь селитры, «китайской соли» арабов, путь пороха, а с ним вместе и огнестрельного оружия — это путь с Востока на Запад.

Мы знаем, что применение огнестрельного оружия относится к очень давним временам. В древних китайских летописях имеется упоминание об огнестрельном оружии, применявшемся ещё в VII в. до н. э. Раскопки на Яве обнаружили примитивную пушку, относящуюся к периоду до нашей эры. В Индии подобного рода орудия применялись ещё во времена Александра Македонского. В XII—XIII вв. огнестрельное оружие уже довольно широко применялось и в Азии и в Европе¹³.

В этой связи вряд ли следует игнорировать едва ли не первое упоминание об огнестрельном оружии, которое мы встречаем под 1185 годом в Ипатьевской летописи. Повествуя о походе половцев Кончака, летопись сообщает, что Кончак «бьяше бо обрёл моужа такового бесоурманна иже стреляше живым огнём»¹⁴. Повидимому, речь идёт не об извест-

ном на Руси с давних времён зажигательном составе, носившем название греческого огня, а именно о порохе.

Что представляли собой первые русские пушки, «тюфяки», Никоновской летописи? Бранденбург описывает найденную на острове Хортице пушку, датированную им концом XIV века. На тонкий железный ствол набиты толстые железные кольца. Грубо откованная приставная железная камера с ручкой, в середину которой вкладывался заряд пороховой мякоти (зернить порох начали лишь в XVI в.), приставлялась к стволу и закреплялась клиньями. Ствол вставлялся в деревянную колоду. Цапф и прицела не было. Таких и подобных орудий начала XV в. мы знаем несколько штук.

Трудно сказать, чем был «тюфяк» — необычайно громоздким и тяжёлым ручным огнестрельным оружием или сравнительно лёгкой пушкой, тогда не было ещё деления на ручное оружие и артиллерийское орудие.

Ф. Энгельс указывает, «что артиллерия — восточного происхождения, это доказывает также способ выделки самых старых европейских орудий. Пушка делалась из полос кованого железа, сваренных вместе в длину и скреплённых с помощью набитых на них тяжёлых железных обручей. Она состояла из нескольких частей, причём подвижная казённая часть закреплялась для стрельбы только после заряжания. Древнейшие китайские и индийские пушки были сделаны совершенно так же, а они относятся к столь же давнему времени или ещё более давнему, чем самые старые европейские пушки»¹⁵.

Русские пушки XIV и начала XV в., в которых мы вправе усматривать «тюфяки», относятся, несомненно, к такому «восточному» типу артиллерийского орудия, и при этом совсем не обязательно предполагать, что «восточный» тип пушек пришёл не непосредственно с Востока, а через страны Западной Европы.

Впоследствии по не ранее XVI в. за «тюфяками» закрепляются определённые функции — они предназначаются главным образом для стрельбы «дробом», т. е. мелкими камнями, кусками металла и т. п., своего рода примитивной картечью. Появление огнестрельного оружия сыграло большую роль в истории русского военного искусства. Усилилась обороноспособность Руси, на рубежах её выросли каменные крепости, непрерывно росла и совершенствовалась артиллерия, расцветало искусство русских пушкарей. Не случайно качеству русских пушек, их многочисленности, мастерству пушкарей Московской Руси XVI в. поразились иноземцы. Распространение огнестрельного оружия имело большое значение и в деле «собрания» русских земель в единое национальное русское государство с самодержавной властью во главе. Энгельс указывал, что огнестрельное оружие стало с самого начала оружием го-

¹² Монгайт А. «Русская артиллерия в XIII—XVI вв.», «Военно-исторический журнал» № 7, стр. 66. 1940.

¹³ Ряд данных о распространении пороха и огнестрельного оружия приводит в своём вышеназванном труде В. Е. Маркевич (см. его «Ручное огнестрельное оружие», Т. I, стр. 44—60).

¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись, стр. 634.

¹⁵ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Ч. 1-я, стр. 250. 1937.

рожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства.

Итак, мы устанавливаем, что 1) первым достоверным сообщением о применении русскими огнестрельного оружия, сохранившимся нашими летописями, является не 1389, а 1382

год; 2) до того, как «огненная стрельба» стала проникать на Русь с Запада, русские ознакомились с огнестрельным оружием на Востоке и оттуда заимствовали образцы для первых пушек и самое их название.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ ПЕТРА ПЕРВОГО О СОЮЗЕ С АНГЛИЕЙ

(Эпизод из Северной войны)

Влад. Бонч-Бруевич

Находясь в союзе с Данией и Польшей во время Северной войны, Пётр I всё время стремился усилить этот союз для борьбы с Карлом XII. Он принимал все меры, чтобы вовлечь в этот союз Пруссию, на которую он мало надеялся и ожидал, что прусский король, падкий на всякие подачки, может выйти из нейтралитета и переменить сторону на сторону шведов, владевших в Германии княжествами Бремен и Верден, а также Западной Померанией. Наиболее сильной морской державой, ведшей в Балтийском море большую торговлю, была Англия, которая держала нейтралитет во время этой войны. Понятно, что участие этой великой державы на стороне одной из воюющих сторон дало бы огромный перевес той из них, к которой присоединится Англия.

Пётр I тщательно следил за всеми изменениями в соотношении сил, дабы вовремя противопоставить свои действия малейшему усилению вскового врага — шведов. — могущество которых надо было в интересах государства Российского во что бы то ни стало сломить, чтобы получить возможность дальнейшего развития нашей страны.

Швеция была слишком беспокойным соседом-агрессором, пытавшимся совершенно оттеснить Россию от берегов Балтийского моря и лишить её таким образом морской торговли и морского флота. Пётр I отлично это понимал и очень умело пользовался возникавшими противоречиями между отдельными державами, заключал с ними союзы, входя в весьма сложные отношения с отдельными княжествами и вольными городами Германии.

Одной из задач активной внешней политики для Петра I было вовлечение Англии не только в Северный союз, но и в войну со Швецией.

Ганноверский курфюрст давно уже домогался приобрести герцогства Бремен и Верден. Ещё до своего вступления на английский престол он выработал план раздела шведских владений в Германии, предполагая оставить себе два вышеуказанных герцогства. Дании он предполагал отдать Шлезвиг, герцогу мекленбургскому — город

Бисмар, а голштинскому герцогу за потерю Шлезвига намечалось дать другую территорию. Когда ганноверский курфюрст сделался английским королём — Георгом I, — вопрос о вовлечении Англии в Северную войну стал более вероятным. Пётр I, очевидно, знал о претензии ганноверского курфюрста на Бремен и Верден. Он стал энергично воздействовать на своего «друга, брата и соседа» — короля датского Фредерика IV, дабы он предложил английскому королю общий союз против шведов с объявлением войны Карлу XII.

20 сентября 1714 г. Пётр написал первое письмо королю датскому Фредерику IV о выгодах привлечения английского короля к Северному союзу, чтобы как можно скорее и окончательно разбить шведов на море.

Вот текст до сих пор не опубликованного письма, положившего начало переговорам между Петром и Фредериком о привлечении в союз Англии:

«Пресветлейший и державнейший король, любезный брат, друг и сосед.

Вашего королевского величества и любви отправленное ко мне писание от 10 Августа получил я исправно, но не нахожу за потребно на содержание оного ответить пространно, понеже время к требованный от вашего величества и любви операциями уже прошло, но сие токмо представляю, что я добрую склонность, в которой его великобританское величество ныне обретаетца, и учинённые от него представления ко вступлению в наш союз и к действительной публичной декларации против нашего общего неприятеля такова состояния быть нахожу что так я, как и особливо ваше величество и любовь, навящие притчины имеем об оных рассуждение иметь и нас без утраты времени чрез ближайшее и тесное обязательство о дружбе и вспоможении сего сильного государя уверить. Сие так явно есть, что я не могу понять, какие притчины ваше величество и любовь иметь можете в том, какие затруднении чинить, или как к тому вид есть, весьма от того отдалитца. Ваше величество и любовь изволте рассудить, что

рожан и возвышавшейся при их поддержке монархии против феодального дворянства.

Итак, мы устанавливаем, что 1) первым достоверным сообщением о применении русскими огнестрельного оружия, сохранившимся нашими летописями, является не 1389, а 1382

год; 2) до того, как «огненная стрельба» стала проникать на Русь с Запада, русские ознакомились с огнестрельным оружием на Востоке и оттуда заимствовали образцы для первых пушек и самое их название.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ ПЕТРА ПЕРВОГО О СОЮЗЕ С АНГЛИЕЙ

(Эпизод из Северной войны)

Влад. Бонч-Бруевич

Находясь в союзе с Данией и Польшей во время Северной войны, Пётр I всё время стремился усилить этот союз для борьбы с Карлом XII. Он принимал все меры, чтобы вовлечь в этот союз Пруссию, на которую он мало надеялся и ожидал, что прусский король, падкий на всякие подачки, может выйти из нейтралитета и переменить сторону на сторону шведов, владевших в Германии княжествами Бремен и Верден, а также Западной Померанией. Наиболее сильной морской державой, ведшей в Балтийском море большую торговлю, была Англия, которая держала нейтралитет во время этой войны. Понятно, что участие этой великой державы на стороне одной из воюющих сторон дало бы огромный перевес той из них, к которой присоединится Англия.

Пётр I тщательно следил за всеми изменениями в соотношении сил, дабы вовремя противопоставить свои действия малейшему усилению вскогого врага — шведов. — могущество которых надо было в интересах государства Российского во что бы то ни стало сломить, чтобы получить возможность дальнейшего развития нашей страны.

Швеция была слишком беспокойным соседом-агрессором, пытавшимся совершенно оттеснить Россию от берегов Балтийского моря и лишить её таким образом морской торговли и морского флота. Пётр I отлично это понимал и очень умело пользовался возникавшими противоречиями между отдельными державами, заключал с ними союзы, входя в весьма сложные отношения с отдельными княжествами и вольными городами Германии.

Одной из задач активной внешней политики для Петра I было вовлечение Англии не только в Северный союз, но и в войну со Швецией.

Ганноверский курфюрст давно уже домогался приобрести герцогства Бремен и Верден. Ещё до своего вступления на английский престол он выработал план раздела шведских владений в Германии, предполагая оставить себе два вышеуказанных герцогства. Дании он предполагал отдать Шлезвиг, герцогу мекленбургскому — город

Бисмар, а голштинскому герцогу за потерю Шлезвига намечалось дать другую территорию. Когда ганноверский курфюрст сделался английским королём — Георгом I, — вопрос о вовлечении Англии в Северную войну стал более вероятным. Пётр I, очевидно, знал о претензии ганноверского курфюрста на Бремен и Верден. Он стал энергично воздействовать на своего «друга, брата и соседа» — короля датского Фредерика IV, дабы он предложил английскому королю общий союз против шведов с объявлением войны Карлу XII.

20 сентября 1714 г. Пётр написал первое письмо королю датскому Фредерику IV о выгодах привлечения английского короля к Северному союзу, чтобы как можно скорее и окончательно разбить шведов на море.

Вот текст до сих пор не опубликованного письма, положившего начало переговорам между Петром и Фредериком о привлечении в союз Англии:

«Пресветлейший и державнейший король, любезный брат, друг и сосед.

Вашего королевского величества и любви отправленное ко мне писание от 10 Августа получил я исправно, но не нахожу за потребно на содержание оного ответить пространно, понеже время к требованный от вашего величества и любви операциями уже прошло, но сие токмо представляю, что я добрую склонность, в которой его великобританское величество ныне обретаецца, и учинённые от него представления ко вступлению в наш союз и к действительной публичной декларации против нашего общего неприятеля такова состояния быть нахожу что так я, как и особливо ваше величество и любовь, навящие притчины имеем об оных рассуждение иметь и нас без утраты времени чрез ближайшее и тесное обязательство о дружбе и вспоможении сего сильного государя уверить. Сие так явно есть, что я не могу понять, какие притчины ваше величество и любовь иметь можете в том, какие затруднении чинить, или как к тому вид есть, весьма от того отдалитца. Ваше величество и любовь изволте рассудить, что

мы в сей северной войне никого вящее как морских держав опасатца не имели, и что мы все для того оных зело ласкали и таким образом их дружбы искали, что мы весьма охотно все к их ползе и интересу чинили и вспомошествовали, ежели б они токмо одним неутралством, не точию в помочи в нашу войну обязатца хотели, — коль паче мы ныне имеем к тому причину, когда король английской не токмо сам к неутралству, но и сверх того в действительное привступление против шведов себя представлял. И для какого резону сей полезной и желаемой случай пренебреши и чрез стакого сильного потентата, которого дружба нам к толь великим авантажам служить может, озлобить? И хотя б ваше величество и любовь паче всего чаяния какие причины имели (которые однакож такой важности быть не могут) в предложенной союз свыше упомянутым королём не вступить, то надлежит рассудить, что всего нашего союза мочи нет тем их намерениям, касающимся до северного миру, противица. Вашему величеству и любви такожде партикулярно дружба сего нового короля толь потребнее, понеже по всему состоянию нынешнему шведцких дел инако рассудить, не можно, что король шведцкой при приближающимся уже его выходе из турецкой области чрез вспоможение и привступление Гессен-каселского дому и иных ему благосклонных держав искать будет паки в Померании усилитца и потём на ваше величество и любовь оборотится, чему всему и опасаемым из того следствиям упреждено будет, ежели ваше величество и любовь заключением сего нового союзу поспешить изволите и высокопомянутое его королевское величество по силе оногo действовать против шведов начнёт, умолча, что мы чрез сей союз о безопасном и саможелаемом мире (еже намерение есть сей нашей войны с короною шведскою) себя уверим и многие иные авантажи, которые всему нашему союзу из того произойти имеют. Ваше величество и любовь по своему великому и изъясненному разуму сами довольно всё сие рассудите, и для того я уповаю и сим для собственной вашей ползы дружески братски вам напоминаю, дабы вы ревностной и немедленной указ министром своим дали сие нам всем полезное дело без дального отлагателства к заключению и действительному состоянию привести. Но ежели паче всего чаяния ваше величество и любовь сего, однако ж, не учините, в предложенной союз не вступите, и тако сии полезные случаи из рук упустите, то я не могу обойтись, вашему величеству и любви сим не объявля, что я тому следовать не буду, но паче всеми мерами и способами сего нового короля дружбу содержать и с оным накрепчайшим образом обязатца искать подшуся. В протчем ссылаюсь я на оное, что мой, при Вашего величества и любви двор пребывающей, посол о сем и о иных делах пространее предлагать честь иметь будет, ваше величество и любовь дружески братски прося оному в том полную веру яти и оногo таковою немед-

ленною резолюциею на сие снабдите, как то важность и нужда оных дел требует, и я от вашего величества и любви доброго и благосклонного намерения уповаю, в протчем пребываю истинно и постоянно

вашего величества и любви верный брат,
друг и сосед

Пётр.
Из Санкт-Петербурга
Сентября 20 1714¹.

Граф Головкин».

Из письма очевидно прежде всего, что английский король «в действительное привступление против шведов себя представлял». Бремен и Верден не давали покоя новому английскому королю, приехавшему из Ганновера. Пётр же прекрасно понимал, что, пожертвовав этими двумя герцогствами, принадлежавшими шведам, можно будет купить союз английского королевства. Нельзя не отметить, что Пётр заранее объявлял, что он «всеми мерами и способы сего нового короля дружбу содержать и с оным накрепчайшим образом обязатца искать подшуся». Эти слова Петра Фредерик должен был понять как некую угрозу, в крайнем случае, заключить союз с англичанами без его участия, чего допустить Фредерик IV никак не мог.

На письмо своё от 20 сентября 1714 г. Пётр I от короля датского не получил никакого ответа. Выждав почти три месяца, когда все сроки уже прошли, Пётр I снова написал письмо Фредерику IV.

Ситуация военных действий к этому времени складывалась неблагоприятная для Северного союза. Карл XII уже переправился со своими войсками из Турции и вступил в дружественные ему земли некоторых южногерманских княжеств, предполагая в дальнейшем отправиться в Померию. В силу всех этих обстоятельств Пётр I предлагал Фредерику IV спешить с заключением союза с Англией. Вот почему, не ожидая более ответа на своё письмо от 20 сентября 1714 г., он вторично обратился к Фредерику IV с письмом от 10 декабря 1714 г. Вот его текст:

«Пресветлейший и державнейший король, любезнейший брат, друг и сосед.

В последнем моём от 20 сентября отправленном дружеском и братском писании я вашему величеству и любви оные великие авантажи, которые из союза сь его величеством королём великобританским всему Северному союзу прирасти имеют, и коль потребно вашего величества и любви собственном интересу и безопасности скорое заключение и совершенное оной альянции есть пространно представил, в надежде, что сие наши истинные и благонамеренные представления желаемое действие иметь будут и ваше ве-

¹ Подлинник этого письма и подлинники других нижепубликуемых писем хранятся в Датской королевской библиотеке и музее в Копенгагене. Мы публикуем их по точным фотографическим копиям, снятым в 1939 г. для Государственного литературного музея в Москве. В настоящее время фотоконии этих писем хранятся в Главном архивном управлении.

личество и любовь в рассуждении превеликой и с помянутой альянции всему союзу генерално и вам партикулярно уповаемой пользы на немедленное окончание сего великого дела со всякою готовностью поступите. Но понеже я на помянутое моё писание вашего величества и любви ответу ещё не получил, но паче слышать принуждён, что вы толь малую склонность к такому полезному делу до сего времени являете, что весьма опасатца надлежит, чтоб для сей вашей несклонности всё сие дело к невозвратимому убытку и вреду всего нашего союза всею не обратилось, того ради я не могу обойтись, вашему величеству и любви дружески братски не объявляя, что я не могу рассудить, для какой причины ваше величество и любовь от предложенной альянции уклоняетесь. Я к тому, что я в прежнем моём писании о сей неограниченной упоминал, ныне токмо сие прибавляю, что король шведской и с турок действительно в Германию прибыл и подлинно есть, что он в покое не будет, но крепкое намерение имеет, собравшись с своими и других швейцарских единомышленных держав войски, на ваше величество и любовь напасть, еже ему как легко учинить возможно, когда ваше величество и любовь скорым заключением вышепереченной альянции тому не упредите и, следовательно, король великобританской таким шведским эксиллярным войскам в проходе через свои земли препятствовать не будет, то ваше величество и любовь сами рассудить можете. Также какие опасные следования из того вам произойти могут наипаче понеже за дальностью и великим расстоянием наших земель, также за многими иными причинами, мне невозможно будет ваше величество и любовь моими войсками благоприятно секундывать и чего для я ваше величество и любовь сим паки ревностно и дружески братски напоминаю и прошу без всякого упущения времени сие полезное и весьма потребное дело одним и другим образом к желаемому окончанию привести, ибо сие единый способ есть от всех новых шведских нападений себя в безопасность привести и в сей войне уже полученные авантажи содержать и постоянного славного и полезного мира достигнуть, но в противном случае весь северный союз и ваше величество и любовь наипаче и особливо причину иметь будете со временем весьма сожалеть, что ныне такой полезной случай упустили и альянцию и действительное приступление такого сильного государя пренебрегли. Я ссылаюся на то, что мой посол честь иметь будет вашему величеству и любви явше о сем предлагать также и на изустное моё объявление канцелярии советнику вашему Фалку учинённое, и, ожидая скорого и склонного ответа пребываю.

Вашего величества и любви верный брат,
друг и сосед

Пётр.

Из Сан. Петербурка

Декабря в 10 день 1714

Граф Головкин».

И на это второе письмо, от 10 декабря 1714 г., Пётр не получил от короля дат-

ского, который всё торговался с англичанами о требуемых ими уступках, никакого ответа.

24 декабря того же года Пётр счёл нужным опять напомнить своему союзнику особым письмом о столь важном деле, как союз с английским королём, упоминая, что он уже писал по этому делу дважды:

«Пресветлейший и державнейший король, любезнейший брат, друг и сосед.

Хотя я вашему величеству и любви от 20 сентября и декабря 10-го мнение моё о нынешних конъюнктурах пространно объявлял, однако ж, я не могу обойтись вашему величеству и любви паки дружески братски не представя, что я до сего времени всеми удобными вымышленными способами искал о дружбе их величеств, королей аглинского и прусского, себя удостоверить и оных к приступлению против короля шведского привести и приложенное моё в том старание таковое действие имело, что не токмо высокопомянутые их королевские величества зело склонны в пользу северного союза себя объявили, но мы б приступлением сих сильных держав и действительным вспоможением уже ныне пользовались, ежели б ваше величество и любовь также с своей стороны всё потребное учинить и с надлежащею склонностью в сие желаемое дело вступить соизволили; и понеже по объявлению высокопомянутых держав, всё дело от вашего величества и любви токмо единого остановилось, и я скорое заключение сего союза таковой важности и пользы всему северному союзу быть нахожу, что не надлежит ни малого времени упускать оной к желаемому окончанию привести, того ради нахожу себя понужденна у вашего величества и любви мои, о сем учинённые, домогательства паки повторить, и вас дружески братски просить дабы в прежних моих изображённые благонамеренные представления в зрелое рассуждение принять соизволили, яко же и то, что король шведской по всем получаемым ведомостям всевозможные приготовления чинит вас атаковать. Ваше величество и любовь по своему высокоизъясненному рассуждению можете признать, что от нраву короля шведского и такого отчаянного неприятеля ожидать надлежит, но всем сим опасаемым злым следствием может упреждено быть ежели ваше величество и любовь заключением вышепомянутого союза без дальнего отлагательства поспешить и чрез то сии обе державы к действительному объявлению против Швеции привести изволите. В противном же случае, ежели тот союз с вышепомянутыми королями не состоится, а по учинённом нападении короля шведского какой бы дивантаж вашему величеству, что бог да отвратит, приключился и король бы шведской для своего интересу склонился короля аглинского в том удовлетворять, чего он от вашего величества требует, и тем его к своей дружбе, ак противности против вас, склонил. Какие из того злые следования особливо вашему величеству, а потом и всему северному союзу, произойти могут, о том пространнее донесёт вашему величеству мои мысли посол мой, при дворе ва-

шего королевского величества обретающийся, князь Долгоруков. И тако имею я к вашему величеству и любви дружески братскую надежду, что вы сей деланной случай к невозвратимому вреду и ущербу всего северного союза, а наипаче для своей собственной пользы не упустите, но сие потребное дело пока ещё конъюнктуры не отменяя и время упущено не будет, без дальнего замедления в состояние привести изволите, и во всяком случае я вашего величества и любви мнение о том ожидать буду, дабы потом надлежащие меры принять.

Пребывая между тем со всякою истинностию

вашего величества и любви верный брат,
друг и сосед

Пётр.

Из Санкт Петербурга

Декабря 24 дня 1714-го году

Граф Головкин».

Не получая в течение четырёх месяцев от датского короля и на этот раз никакого ответа на своё предложение заключить союз с Англией, обеспокоенный Пётр I вновь посылает 24 января 1715 г. большое письмо Фредерику IV, в котором настойчиво просит ответить на его письма от 20 сентября, 10 и 24 декабря 1714 г., опять перечисляя все выгоды от союза с англичанами. Приведём здесь это письмо:

«Пресветлейший и державнейший король, любезнейший брат, друг и сосед.

Понеже я на мои 20-го сентября, 10-го и 24-го декабря прошедшего году к вашему величеству и любви отправленные писания ко удивлению моему еще никакого ответа не получил, того ради я не мог оставить содержание оных сим повторить и вашему величеству и любви паки дружески братски рекомендовать без всякого потерянна времени алианцию с их величества короли великобританским и прусским в состояние привести. Ваше величество и любовь ис прежних моих усмотрели, коль высокопотребно сие нашему общему союзу есть и какие великие авантажи в партикулярно ис сей алианции ожидать имеете, и для того я в надежде обретаюсь, что ваше величество и любовь в помянутых моих писаниях учиненные доброжелательные представления в зрелое рассуждение примите и сии пожеланные конъюнктуры всего северного союза, а особливо вашего величества и любви к невозвратимому убытку и предосуждению не упустите. Но в сем ни малого времени терять не надлежит понеже настоящие конъюнктуры к произведению сего великого дела нам самим желаемый случай подают, когда ныне и я чаю в состоянии быть вам к тому вспомогать, и моим приятелем и союзником въ них предвосприятных сильное вспоможение чинить, а имянно: понеже турки против Речи Посполитой Венецыйской действительно войну объявили, и я при совершенном начатии той войны свободные руки получю — мои, у турецких границ до сего времени стоящие, войски против Швеции употребить и оным в потребном случае ко услужению моим союзникам паки в Померанию вступить

повелеть. Но хотя я во всяком случае ваше величество и любовь не ставлю, но во всякой возможности, войсками моими вам вспомогать буду, то однако ж ваше величество и любовь изволите рассудить, что за дальним расстоянием тем моим войскам вскоре поспеть и благовременно вам сигурс подать будет невозможно; и для того весьма потребно есть, чтоб ваше величество и любовь без дальнего отлагательства искал вышепомянутую алианцию съ его величеством королём великобританским к заключению привести, рассуждая, что сия алианция нам не токмо для нынешних операций против Швеции потребна, но особливо, понеже чрез короля великобританского морские державы к тому приведены быть могут, что они нам ко исходатайствованию полезного и безопасного миру вспомогать и оной король обще с прусским наши конкеты против Швеции и всех гарантировать будут. Но в противном случае ваше величество и любовь изволите рассудить, какое великое предосуждение и вред всему нашему союзу ис того приключится может, ежели высокопомянутый король усмотря, что он от вашего величества намерения своего получит не может, к противной стороне пристанет, ибо чрез то морские державы не токмо от наших интересов отведены будут, но и весьма, от чего боже сохранни, согласясь с ыными имперскими членами и пруским, против нас себя объявить могут. Я ссылаюсь на то, что мой, при вашем величестве и любви пребывающей, посол о сем деле вяще представить указ имеет, и пребываю со всякою истинностию

вашего величества и любви верный брат,
друг и сосед

Пётр.

Из Санкт Питербурга

Генваря 24 дня 1715

Граф Головкин».

Наконец от датского короля пришёл ответ с уведомлением, что союз с англичанами заключён. Пётр живо и радостно приветствовал решение датского короля, который пожертвовал двумя значительными приморскими городами, к этому времени отвоёванными у шведов, и отдал их англичанам, чтобы привлечь их к союзу и побудить объявить войну шведам. Датский король Фредерик IV достиг намеченной Петром цели, о чём уведомил его своей грамотой от 27 октября 1715 г. Мы приводим текст этой грамоты в переводе того времени. Конечно, в научных целях публиковать грамоты и письма датского короля было бы необходимо на языке подлинника, давая старый перевод, если он сохранился, так как именно в этом тексте читали его наши предки и те, к кому они были адресованы, но так как подлинник не отыскан, то мы даём лишь перевод.

В этой грамоте датский король писал Петру следующее:

«Божиею помощью, сего месяца 15-го числа княжества Бременное и Верденское его к. в. великобританского учрежденному совету уступлены и тем вышепомянутое к. в. приведён склониться, в северную алианцию вступить в действительно про-

тив короля швецкого манифест воинский публиковать. И понеже общему делу чрез оное, что к. в. великобританское с стороны северного союзу приступил и, яко курфирст браунсвической и линебургской, явно против Швеции себя декларовал, без сомнения великая полза причинена. Того ради не хотел я оставить вашему величеству и любви дружески брацки о том не объявля, толь паче, понеже я обнадёжен, что и вы со мною из сего дела с божию помощью ожидаемые многие добрые авантажи признаете и о сем со мною истинно возрадуется. Я с моей стороны всякую способность к тому прилагал и оным уступлением такой важной конкеты всему свету показал, коль вяше общая полза у меня пред иными партикулярными намерениями превосходит. Того ради и я твёрдое имею упование, что ваше величество и любовь в приключившихся случаях по постановленной между нами крепкой дружбе о моём интересе такожде попечение иметь будете.

В прочем пребываю во всякой истинне вашего величества и любви верный брат, друг и сосед Фридрих к.»²

Получив извещение о давно желаемом им союзе, Пётр сейчас же ответил письмом от 13 ноября датскому королю, в котором поздравляет «дружески братски с счастливым окончанием сего великого дела». Вот это письмо:

«Х королю датскому.

Мне zelo приятно было усмотреть из вашего, королевского в-а и любви дружески братского писания от 27 октября, что учинённым уступлением Бремена и Вердена его величество король великобританской в северный союз привелён и действительно публичным манифестом итти короны швецкой войну объявил. Я с вашим величеством и любовию довольно признаваю, какая великая полза изступления такого сильного государя в наш союз всему общему благу прирости имеет. И для того не мог оставить ваше в-во и любовь, не поздравя дружески братски со счастливым окончанием сего великого дела. Мы признаваем в том, такожде вашего в. и любви показанную ревность к общей ползе всего северного союза. Изволите ваше величество и любовь быть благонадежны, что я по имею с вами тесному обязательству с присужденном того взаимно, ничего не пренебрежем, что к интересам вашим касаться может, о которых я, как и всегда равно такое старание, как о моих собственных иметь буду. И пребываю вашего величества в любви верный брат, друг и сосед

Из Санкт Питербурга ноября 13-го дня 1715 г.»³

Граф Головкин.

² Государственный архив феодально-крепостнической эпохи. Датские дела. 1715 г. № 1. л. 36—37.

³ Там же, № 2, л. 36. об.

Очевидно, Пётр, как только узнал о заключении союза между Англией и Данией, немедля со своей стороны, заключил союз с Ганновером и Англией.

Пётр I написал 16 октября 1716 г. в Копенгагене особое предложение датскому королю Фредерику IV, в котором указывал способы использования английского флота в войне со шведами.

«Понеже его королевское величество,— писал Пётр I,— требовал от нас с будущей компании нашего намерения, предлагая дабы мы оставили двадцать батальонов у него, а сами действовали от Финляндии, на что предлагаетца:

1.

Что когда нам с своей стороны действовать, то нам здесь войска оставить невозможно. Понеже пехоты там довольно не имеем, а кавалерию действовать там невозможно и перевезть не на чем, но надлежит всюю пехотою там действовать.

2.

Понеже всем известно, что флот наш не в состоянии, того для надлежит, чтоб королевское величество аглинской свой флот к нам прислал с письменным обязательством для прикрытия. Но понеже его королевское величество, Датской на сие не соизволяет, но желает, дабы аглинской флот разделён был в помощь нам и им, то и на то соизволяетца, чтоб к нам двенадцать аглинских кораблей линейных, между которыми два или три трёхпалубных были и две тысячи матрозов на их жалованье, а нашем корабельном корму присланы были.

3.

Буде же на сие предложение со стороны королевского величества Великобританского не соизволят, то мы предлагаем его королевскому величеству Датскому и Норведскому, что готовы с ним на основании прежней нашей конвенции, в Алтенау учинённой, и по предложенному к тому здесь проекту и декларации нашей о действиях предбудущей компании согласиться и с сими предложениями пошлём мы нарочно от себя к его королевскому величеству Великобританскому; но понеже сие дело к общему обоим нас интересу принадлежит, тогда ради просим дабы и его королевское величество Датский изволил от себя, туда ж своего министра послать и повелеть оному обще с нашим о том предлагать и резолюции домогаться.

Пётр.

Дан в Копенгагене октября 16-го 1716 г.»

Вся эта переписка даёт нам указания на то, что Пётр I считал союз с Англией очень важным для окончательной победы над Карлом XII, и так как в то время король английский представлял власть двух государств, то, помимо заключения с ним союза как с королём английским, Пётр связал его как курфюрста ганноверского и вторым договором.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

КНИГА, ИЗОБИЛЮЮЩАЯ ОШИБКАМИ

П. И. ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ «В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность». Издательство Академии наук СССР. М.—Л. 1945. 384 стр.

Книга П. И. Лебедева-Полянского была уже дважды прорецензирована¹. Рецензенты нашли в «...оценке мировоззрения Белинского... серьёзные ошибки...» (см. «Большевик», стр. 64; «Пропагандист», стр. 57—58). «...автору не удалось восстановить, — пишут гг. Иовчук и Щипанов, — ...подлинный облик Белинского — борца и мыслителя, обрисовать мучительный и сложный путь «неистового Виссариона» от идеализма к материализму и от абстрактного гуманизма к революционной демократии, раскрыть перед читателем революционное существо и глубокий философский смысл литературно-критической деятельности Белинского, правильно оценить мировоззрение великого критика» («Большевик», стр. 55). Вполне соглашаясь с данной оценкой книги П. И. Лебедева-Полянского, мы остановимся главным образом на методе работы автора и допущенных им грубых фактических ошибках.

В первой главе своей работы автор ставит вопрос об отношении Белинского к его предшественникам, в частности к Полевому. Этот вопрос интересен с точки зрения понимания народности. «Полевой указывает, — пишет автор книги, — что мы подошли к высшей народности... Он очень разумно разъяснил любовь к отечеству». Эти слова П. И. Лебедев-Полянский подтверждает цитатой. «Многие, — писал Полевой, — признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что своё. Тюрго называл это лакейским патриотизмом — *du patriotisme d'antichambre*. У нас его можно бы назвать квасным патриотизмом. Я полагаю, что любовь к отечеству должна быть слепа в пожегтованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве: в эту любовь может входить и ненависть» (стр. 27). В действительности вышеприведённое суждение, опубликованное в «Московском телеграфе» (том XV, стр. 232), позаимствованное из статьи «Письмо из Парижа в Москву к С. Д. Полторацкому» и подписанное псевдонимом Г. Р. К., принадлежит вовсе не Н. А. Полевому, а Петру Андреевичу Вяземскому². Следовательно, истинного представления об отношении Полевого к народности читатель составить себе не может.

Второй вопрос, поставленный автором книги, — борьба литературных направле-

ний. Эту борьбу, или, как говорит П. И. Лебедев-Полянский, «литературные споры», он пытается осветить на двух страницах (25 и 26) короткими выдержками из статей Кюхельбекера, Бестужева, Сомова, Веневитинова и Киреевского. В этих выдержках даётся ряд совершенно однородных высказываний, определяющих романтизм как народность. С кем спорили вышеперечисленные лица и о чём они спорили, остаётся совершенно непонятным; составить поэтому отчётливое и правильное представление о борьбе литературных направлений в эпоху, предшествовавшую выступлению молодого Белинского, читатель ни в коем случае не сможет. К тому же высказывание Киреевского: «У нас ещё нет полного отражения умственной жизни народа; у нас ещё нет литературы» и далее, приведённое на странице 26-й, о котором П. И. Лебедев-Полянский говорит, как о помещённом в журнале «Европеец» (1832), в действительности напечатано в альманахе Максимовича «Денница» (1830 г.).

Переходим к разделу, в котором автор освещает вопросы, стоявшие тогда перед русской исторической наукой. Этот небольшой раздел (стр. 35, 36 и 37) начинается заявлением: «К началу XIX века «История Государства Российского» Карамзина уже не удовлетворяла умственных запросов русского общества» (стр. 35). Из написанного можно предположить, что этот труд Карамзина был создан ещё в XVIII столетии, в действительности же он выходил в свет с 1818 по 1829 год.

Далее, автор книги говорит о начале романтизма в истории. «Начало романтизма в истории положено, — по мнению П. И. Лебедева-Полянского, — профессором Московского университета М. Т. Каченовским...» (стр. 37). В действительности же М. Т. Каченовский был основателем скептической школы.

Следом за характеристикой взглядов Каченовского П. И. Лебедев-Полянский переходит к изложению славянофильских и западнических воззрений, но на протяжении целой страницы не называет ни одного имени, заменяя конкретные лица какими-то таинственными «одни», «другие» или «те и другие».

Итак, поставив вопрос о взаимоотношениях Белинского с его предшественниками, о литературной борьбе и об основных направлениях исторической мысли, П. И. Лебедев-Полянский не разрешил ни одного из них, допустив ряд грубых ошибок.

¹ «Пропагандист» № 23 за 1945 год, стр. 52—62, и «Большевик» № 1 за 1946 год, стр. 55—64.

² См. И. Ф. Масанов «Словарь псевдонимов», Т. I, стр. 262. М. 1941.

Вторая глава книги П. И. Лебедева-Полянского посвящена биографии Белинского.

Сообщив сведения, касающиеся юношеских лет Белинского, автор переходит к пребыванию критика в Московском университете. Характеризуя профессоров университета, Лебедев-Полянский приводит воспоминания Герцена о М. Г. Павлове. «Когда я прослушал первую лекцию Павлова, — писал он, — то я был необыкновенно поражён, как будто какая-то завеса спала с ума, и в голове моей засиял новый свет» (стр. 46). Эта цитата, приписываемая П. И. Лебедеву-Полянским А. И. Герцену, в действительности принадлежит забытому мемуаристу Я. Костенецкому³.

Приписав Герцену не принадлежащие ему высказывания, Лебедев-Полянский переходит к характеристике кружков, которые существовали в Московском университете, и допускает при этом огромное количество фактических ошибок. Так, неверно утверждение, что Бакунин уже в университетские годы Станкевича изучал с ним Канта, Фихте и Гегеля (стр. 52), так как Станкевич кончил университет в 1834 г., а познакомился с Бакуниным в 1835 году.

Неправильно указано, что Белинскому в кружке Станкевича помогали Герцен и Грановский (стр. 54). У Герцена не было близости с Белинским в эти годы; Грановский же, окончив Петербургский университет, уехал за границу, откуда вернулся в 1839 году.

Указание автора, что кружок Герцена был арестован и в 1835 году члены его пошли в ссылку (стр. 57), неверно, так как посланы были не все члены кружка, а только Искандер, Огарёв и Сатин.

Не соответствует истине утверждение автора, что «члены кружка (Станкевича) разошлись в разные стороны. Одни из них ушли в лагерь западников, другие примкнули к славянофилам. Это Аксаков, Киреевские и другие» (стр. 58). Киреевские не входили в студенческий кружок Станкевича и не могли примкнуть к славянофилам, потому что сами были основателями славянофильской группы.

Неправильно охарактеризовав состав членов отдельных кружков, П. И. Лебедев-Полянский не дал точных сведений об отношении Белинского к кружку Станкевича, в который критик попал осенью 1833 года⁴.

Особенно большое количество фактических ошибок нагромождено на стр. 63, на которой повествуется о положении Белинского после закрытия «Телескопа». Автор пишет: у Белинского «...родилась надежда иметь работу в журнале Н. Полевого «Пчела»...»

Подобного журнала у Н. А. Полевого никогда не было, а существовала газета «Северная пчела», издававшаяся Булгариным и Гречем.

Далее: «От участия в славянофильском «Москвитянине» (речь идёт о 1837 г.) —

³ Я. Костенецкий «Воспоминание о моей студенческой жизни». «Русский архив». Книга 1-я за 1887 год, стр. 229, 230.

⁴ См. И. Л. Бродский «М. Ю. Лермонтов. Биография», стр. 271. 1945.

Л. К.) Белинский наотрез отказался». Но этого не могло быть, так как «славянофильский», т. е., правильное, погодинский, «Москвитянин» выходить в свет начал только в 1841 году.

Автор пишет: «Журнал, вместо К. Полевого, попал в руки некоего Иванова, московского типографа». В действительности «Московский наблюдатель» издавался не Ивановым, а Степановым Н. С.

В числе сотрудников журнала «Московский наблюдатель» названы: «А. И. Кронеберг, харьковский профессор, археолог и эстетик Полежаев». Автор неверно указывает инициалы Кронеберга (надо: И. Я.), лишает его специальности археолога и эстетика, создаёт несуществовавшего учёного Полежаева, путая его, повидимому, с поэтом Полежаевым (см. также «Указатель», стр. 381).

Неправильно дано название статьи Ретшера. Написано: «О философской критике литературного произведения», — а надо: «О философской критике художественного произведения».

Все вышеприведённые примеры с очевидностью показывают, что страницы, относящиеся к биографии великого критика, представляют в высшей степени неточный материал, содержащий огромное количество фактических ошибок.

Переходим к центральным главам книги (III—VI), в которых изложены этапы развития философских и эстетических взглядов Белинского. Главы эти были всесторонне и детально рассмотрены гг. Иовчуком и Щипановым, вскрывшими коренную ошибку П. И. Лебедева-Полянского, который превратил Белинского «...вслед за Плехановым... в простого последователя немецких идеалистических систем и тем самым, вопреки истине, прибеднил значение и роль русской философской и общественной мысли, принизил её собственные прогрессивные традиции»⁵.

Большое количество неясностей и ошибок П. И. Лебедева-Полянского в анализе социологических, политических и литературно-критических воззрений Белинского происходит также от нежелания автора производить самостоятельные исследования. «Мы не можем, к сожалению, — пишет автор на стр. 240, — показать с нужной полнотой, как материализм Белинского отразился на его исторических, политических, нравственных взглядах, каким путём и в какой мере из этих областей материализм перешёл на литературно-эстетические убеждения критика и отразился на отдельных оценках литературных явлений, лиц и произведений».

Тов. Иовчук считает «приведённую оговорку автора совершенно несостоятельной»⁶. А между тем подобные несостоятельные оговорки встречаются в книге не один раз.

Так, столкнувшись с вопросом «...ознакомления и преодоления Белинским системы Шеллинга...», автор констатирует: «...нам неизвестно, с какими сочинениями, когда и как он ознакомился, в какой последователь-

⁵ «Большевик» № 1 за 1946 год, стр. 87.

⁶ Там же.

ности, на чём более всего останавливалось его критическое внимание и как это было воспринято и применено в русской действительности» (стр. 120).

Вопрос, поставленный Лебедевым-Полянским, вовсе не принадлежит к числу недопустимых уяснению, он только требует специальных исследований, которых автор избегает, хотя именно от него, создателя обширной книги о Белинском, читатель имеет право требовать точного и ясного ответа на поставленный вопрос. Не приводя никаких доказательств, автор через одну страницу, решительно противореча самому себе, утверждает: «Надо полагать, что Белинский обратил особенное внимание на учение Шеллинга о государстве...» (стр. 121).

Лишив свою работу исследовательского характера, Лебедев-Полянский одновременно противоречиво осветил целый ряд существенных вопросов, касающихся мировоззрения Белинского. Так, с одной стороны, Белинский представляется уже в ранние годы, поднявшимся «на вершины материалистического мировоззрения» (стр. 115), человеком, который «всегда шёл впереди» (стр. 112), что невольно вызывает вопрос: разве в статьях, написанных в период примирения с действительностью, Белинский тоже был впереди? А если это так, то почему же он сам раскаивался позднее в этом примирении с «гнусной российской действительностью»? С другой стороны, автор книги допускает совершенно неверное сопоставление, указывая, что «критик не смог, поскольку он не освободился ещё от романтических уз философии, сделать историческую точку зрения настолько плодотворной, как это было у представителей научного материализма — Маркса и Энгельса» (стр. 160).

Такие же противоречия встречаются и в тех вопросах, которые касаются критической деятельности Белинского. Так, на стр. 110 говорится, что до Белинского «критика была преимущественно узко литературной, она останавливала своё внимание на вопросах формы произведения». И в то же самое время на странице 114 указывается, что «талантливый, внимательный Веневитинов говорил временами языком Белинского и притом его материалистическим языком 40-х годов». Кроме явного противоречия двух вышеприведённых суждений, в этих строках содержится совершенно неверная характеристика эстетико-литературных воззрений Веневитинова, стоявшего на идеалистических позициях.

Неправильно представляет автор книги на стр. 114 также причину распространения идеологических слоев русского общества идеологии национального самоопределения. Он объясняет это знакомством с жизнью французского общества во время заграничного похода 1814 г., забывая о давних традициях в развитии идеи народности, связанных с именами Фонвизина, Новикова, Радищева, Крылова.

Объяснив обращение Белинского к философии событиями первой Отечественной войны, Лебедев-Полянский почему-то пишет: «Западная Европа того времени также переживала неудержимое стремление к единству и универсальности... Все восхищались успехами: французской революции...» (стр. 115).

Не говоря уже об отсутствии какой бы то ни было логической связи между приведёнными суждениями, совершенно непонятно, о какой Западной Европе «того времени» идёт речь. Наконец, совершенно неправильно употреблено слово «все». Разве «все» восхищались успехами французской революции, разве не было и контрреволюционных партий, контрреволюционных движений, борющихся с революцией, как во Франции, так и во всей Европе? Следуя за изложением Лебедева-Полянского, трудно представить отношение Белинского к отдельным литературным направлениям. Так, например, касаясь романтизма, он не указывает времени возникновения романтизма (стр. 25), его своеобразия (стр. 113), пользуется терминами «другой» романтизм (стр. 26), «чужой» романтизм (стр. 166) и т. д.

Представив путано и неясно литературные направления, Лебедев-Полянский не сумел показать, какое огромное значение имеет критика Белинского для оценки творчества Гоголя, Лермонтова и Пушкина.

Оценка Белинским Пушкина была, по мнению Лебедева-Полянского, неверной. Критик проглядел декабризм поэта. «Мы рассматриваем, — пишет Лебедев-Полянский, — великого Пушкина, как певца декабризма, но и в те далёкие времена были люди, тоже великие, которые ценили Пушкина совершенно иначе. Герцен в своей работе «О развитии революционных идей в России» писал, что Пушкин «всегда на уровне своего читателя...» «Поэзия Пушкина была залогом и утешением». Чего не разглядел Белинский, бывший почти современником поэта, то хорошо увидел Герцен в 1871 г., когда уже была некоторая историческая перспектива» (стр. 344).

Укоряя Белинского в непонимании творчества Пушкина, Лебедев-Полянский напрасно противопоставляет ему мнение Герцена. Никакой исторической перспективы последний не мог иметь в 1871 г., так как он скончался за год до этого — в 1870 году. Что же касается работы Герцена «О развитии революционных идей в России», то она была в действительности написана в 1851 г., и, следовательно, Герцен тогда также не мог иметь никакой исторической перспективы по сравнению с Белинским, умершим незадолго до этого (в 1848 г.). То же искажение хронологии встречается на стр. 19, где П. И. Лебедев-Полянский утверждает: «При нём (Белинском) появились... «Отрывки из Обломова». В действительности они напечатаны в 1849 и 1858 гг., т. е. после смерти Белинского. В связи с этим анализ Обломова (стр. 20) совершенно излишен.

Наряду с Белинским в книге Лебедева-Полянского проходит целый ряд других лиц, в их числе Станкевич, Печерин, Киреевский, Тургенев и Герцен. Каждому из этих лиц автор приписывает произведения, которых они не писали, или неверные черты. Так, о Печерине, который стал монахом, автор говорит: «Печерин нес этот тяжкий крест, как нес его Герцен, Огарёв» (стр. 15), забывая, что последние, издавая «Колокол», боролись за свободу. Невозможно согласиться с тем изображением Станкевича, которое даёт автор книги, представ-

ляя его натурой «преимущественно созерцательной» (стр. 54).

Ив. Киреевскому приписана статья «Деятнадцатый год» вместо «Деятнадцатый век» (стр. 145). Тургеневу — «Рассказы охотника» вместо «Записки охотника» (стр. 246).

На протяжении всей книги П. И. Лебедева-Полянского отсутствует ссылочный материал (см. стр. 11, 25, 37, 38, 59). Очень часто автор пишет: «некоторые» литературоведы, «иные» литературоведы, «некоторые» критики и т. п. (см. стр. 117, 145, 176, 222), что вовсе не способствует уяснению мысли автора.

В заключение считаем нужным указать, что книга написана тяжёлым стилем, с огромным количеством неточных выражений и ошибок против языка. Так, например, на стр. 11 написано: «Великий критик переоценил всю русскую литературу»; но слово «переоценить» имеет в русском языке двойное значение: заново оценить и чрезмерно, слишком высоко оценить.

На стр. 181 сказано: «Белинский написал статью о «Гамлете» Шекспира. Это была блестящая статья по толкованию Шекспира...»

В книге встречаются такие выражения, как «Златоусты о всяких высоких предметах» (стр. 20), «расхлябанность» (стр. 42), «патентованные учёные» (стр. 49), «мораль-

ничание» (стр. 105), «бедность тоже фигурирует в старой литературе» (стр. 254), «расписывать религиозность» (стр. 296) и т. п.

Наконец, цитируя отзыв Бакунина о Белинском, Лебедев-Полянский пишет: «Какая огромная разница, какая пропасть между ним (Дидро) и нашим русским Дидеротом, нашим неумытым реалистом по темпераменту и по натуре — Виссариемом Белинским» (стр. 364).

Выражение «неумытый реалист» вместо «неумытный реалист» (то есть бескорыстный) в корне искажает облик Белинского.

Итак, книга Лебедева-Полянского о Белинском наряду с неправильной оценкой философских взглядов Белинского содержит большое количество грубых фактических и хронологических ошибок, число которых может быть значительно увеличено. Она часто даёт ошибочное изложение материала, допускает противоречия, неверные характеристики, вся пронизана антисторизмом. Кроме того работа написана недопустимым для литературоведа слогом и стилем, путано и неточно.

Скоро исполнится столетие со дня смерти В. Г. Белинского. К этой дате советские литературоведы должны написать новую, подлинно научную монографию о великом критике.

Л. Крестова

ПУТАНАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Проф. В. В. МАВРОДИН «Образование древнерусского государства». Издательство Ленинградского Государственного ордена Ленина университета. 1945. 431 стр.

Книга проф. В. В. Мавродина посвящена древнейшему периоду в истории нашей страны, истории складывания русского народа и образования древнерусского — Киевского государства. Хронологически она охватывает огромный период от неолита (III тысячелетие до н. э.) до смерти Ярослава Мудрого (1054).

Работа строится в ином плане, чем последние исторические труды о Киевской Руси и прежде всего труд акад. Б. Д. Грекова, посвящённый социально-экономическому исследованию и главным образом проблеме генезиса феодализма в древней Руси. Автор сам указывает, что считает эту проблему уже разработанной Б. Д. Грековым, в основном с ним солидаризуется (хотя в этом отношении он далеко не последователен) и поэтому сосредоточивает своё внимание на других вопросах.

В книге проф. Мавродина большое место занимает вопрос славянского этногенеза, которым до сих пор занимались специально лингвисты и археологи. Этому вопросу автор посвящает первые три главы книги. Большая часть работы (главы V—IX) посвящена политической истории древней Руси. Автор детально рассматривает эту проблему от «истоков Киевского государства» в VI в. до завершения феодальной раздроб-

ленности после смерти Ярослава Владимировича.

Автор использовал и свёл в работе обширный документальный материал, в том числе археологический; им использована также обширная историческая, археологическая и лингвистическая литература. Такая попытка свести воедино и подытожить всю обширную исследовательскую работу, проделанную историками, археологами и лингвистами, делается, в сущности, впервые, и постановку такой задачи надо безусловно приветствовать. Но это имеет и свою оборотную сторону. Задача оказалась непомерно большой и по кругу охваченных вопросов и по объёму накопленного уже материала. Широта охвата пошла за счёт глубины исследовательского характера изучения.

В оценке книги мы считаем необходимым сделать прежде всего несколько общих критических замечаний методологического характера. Автор имеет дело с рядом спорных в нашей историографии вопросов, с новыми и ещё дискуссионными положениями. Таковы, например, вопросы о ромёнских городищах, по которым идёт дискуссия между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским, об этнической принадлежности дяковской культуры и др. В первом случае автор, видимо, солидаризуется с Третьяковым, во

ляя его натурой «преимущественно созерцательной» (стр. 54).

Ив. Киреевскому приписана статья «Деятнадцатый год» вместо «Деятнадцатый век» (стр. 145). Тургеневу — «Рассказы охотника» вместо «Записки охотника» (стр. 246).

На протяжении всей книги П. И. Лебедева-Полянского отсутствует ссылочный материал (см. стр. 11, 25, 37, 38, 59). Очень часто автор пишет: «некоторые» литературоведы, «иные» литературоведы, «некоторые» критики и т. п. (см. стр. 117, 145, 176, 222), что вовсе не способствует уяснению мысли автора.

В заключение считаем нужным указать, что книга написана тяжёлым стилем, с огромным количеством неточных выражений и ошибок против языка. Так, например, на стр. 11 написано: «Великий критик переоценил всю русскую литературу»; но слово «переоценить» имеет в русском языке двойное значение: заново оценить и чрезмерно, слишком высоко оценить.

На стр. 181 сказано: «Белинский написал статью о «Гамлете» Шекспира. Это была блестящая статья по толкованию Шекспира...»

В книге встречаются такие выражения, как «Златоусты о всяких высоких предметах» (стр. 20), «расхлябанность» (стр. 42), «патентованные учёные» (стр. 49), «мораль-

ничание» (стр. 105), «бедность тоже фигурирует в старой литературе» (стр. 254), «расписывать религиозность» (стр. 296) и т. п.

Наконец, цитируя отзыв Бакунина о Белинском, Лебедев-Полянский пишет: «Какая огромная разница, какая пропасть между ним (Дидро) и нашим русским Дидеротом, нашим неумытым реалистом по темпераменту и по натуре — Виссариемом Белинским» (стр. 364).

Выражение «неумытый реалист» вместо «неумытный реалист» (то есть бескорыстный) в корне искажает облик Белинского.

Итак, книга Лебедева-Полянского о Белинском наряду с неправильной оценкой философских взглядов Белинского содержит большое количество грубых фактических и хронологических ошибок, число которых может быть значительно увеличено. Она часто даёт ошибочное изложение материала, допускает противоречия, неверные характеристики, вся пронизана антисторизмом. Кроме того работа написана недопустимым для литературоведа слогом и стилем, путано и неточно.

Скоро исполнится столетие со дня смерти В. Г. Белинского. К этой дате советские литературоведы должны написать новую, подлинно научную монографию о великом критике.

Л. Крестова

ПУТАНАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

Проф. В. В. МАВРОДИН «Образование древнерусского государства». Издательство Ленинградского Государственного ордена Ленина университета. 1945. 431 стр.

Книга проф. В. В. Мавродина посвящена древнейшему периоду в истории нашей страны, истории складывания русского народа и образования древнерусского — Киевского государства. Хронологически она охватывает огромный период от неолита (III тысячелетие до н. э.) до смерти Ярослава Мудрого (1054).

Работа строится в ином плане, чем последние исторические труды о Киевской Руси и прежде всего труд акад. Б. Д. Грекова, посвящённый социально-экономическому исследованию и главным образом проблеме генезиса феодализма в древней Руси. Автор сам указывает, что считает эту проблему уже разработанной Б. Д. Грековым, в основном с ним солидаризуется (хотя в этом отношении он далеко не последователен) и поэтому сосредоточивает своё внимание на других вопросах.

В книге проф. Мавродина большое место занимает вопрос славянского этногенеза, которым до сих пор занимались специально лингвисты и археологи. Этому вопросу автор посвящает первые три главы книги. Большая часть работы (главы V—IX) посвящена политической истории древней Руси. Автор детально рассматривает эту проблему от «истоков Киевского государства» в VI в. до завершения феодальной раздроб-

ленности после смерти Ярослава Владимировича.

Автор использовал и свёл в работе обширный документальный материал, в том числе археологический; им использована также обширная историческая, археологическая и лингвистическая литература. Такая попытка свести воедино и подытожить всю обширную исследовательскую работу, проделанную историками, археологами и лингвистами, делается, в сущности, впервые, и постановку такой задачи надо безусловно приветствовать. Но это имеет и свою оборотную сторону. Задача оказалась непомерно большой и по кругу охваченных вопросов и по объёму накопленного уже материала. Широта охвата пошла за счёт глубины исследовательского характера изучения.

В оценке книги мы считаем необходимым сделать прежде всего несколько общих критических замечаний методологического характера. Автор имеет дело с рядом спорных в нашей историографии вопросов, с новыми и ещё дискуссионными положениями. Таковы, например, вопросы о ромёнских городищах, по которым идёт дискуссия между П. Н. Третьяковым и А. В. Арциховским, об этнической принадлежности дяковской культуры и др. В первом случае автор, видимо, солидаризуется с Третьяковым, во

втором он механически соединяет две существующие точки зрения, но как в этих, так и во многих других случаях он излагает ту или иную точку зрения, но не аргументирует её и не пытается разобрать по существу противную точку зрения, опровергнуть её аргументацию. Такой простой отбор той или другой точки зрения не помогает углублению изучения, решению вопроса, не двигает науку вперёд¹.

Автор привлёк обширный материал, в частности археологический, по вопросам этногенеза, но этот материал остаётся, по существу, нераскрытым, используется совершенно формально: автор пытается воссоздать историко-археологическую карту будущего славянского мира от самого неолита, но при этом, когда он говорит о различных культурах ленточной, ямочно-гребенчатой, шнуровой, крашеной керамики, все эти понятия остаются общими археологическими формулами, так и не получающими исторического раскрытия и осмысления. Неудивительно поэтому, что автору слишком часто приходится прибегать к чисто формальному заключению «итак», «очевидно», «повидимому», что отнюдь не является доказательством. Очень часто автор заканчивает рассуждение по тому или иному вопросу неожиданным итогом: «Это только наше предположение», — снимая с себя таким путём всякую ответственность за сделанный только что вывод. Иногда после подробного изложения вопроса он заявляет: «Мы не знаем». Так, например, в итоге пространного рассуждения об этногенезе славян автор пишет: «мы не знаем», когда, где, из кого сложились славяне (стр. 25). Дело, конечно, не в том, что автор констатирует невыясненность частного вопроса, — это было бы вполне закономерно, но такое заявление является совершенно неожиданным после пространного изложения вопроса на нескольких страницах и вполне определённой трактовки его. При этом, стремясь примирить отдельные теории по спорным положениям, автор нередко сам впадает в противоречия, как будет показано ниже.

Нельзя также пройти мимо совершенно непонятного выпада автора против А. А. Шахматова и его критического метода в источниковедении (стр. 66—67). Согласно В. В. Мавродину, метод А. А. Шахматова и его ученика М. Д. Приселкова, оказывается, — только «непомерное, нездоровое, граничащее со снобизмом стремление во что бы то ни стало построить свою гипотезу», «течение, всячески старающееся опровергнуть чуть ли не каждое известие древних летописцев, всё и вся ставящее под сомнение». Автор пишет об увлечении гиперкритикой, о критике ради критики, о «разрушительной работе историков», которая «заставляет призвать к защите источника от источниковедов». Мы не согласны с В. В. Мавродиным и считаем, что критический

¹ Ярким примером такой формальной сводки является, в частности, данная автором голая ссылка на книгу Г. Вернадского «Ancient Russia», вышедшую в 1944 г. и вызвавшую резкую критику советских учёных.

метод Шахматова обеспечил большую созидательную работу советских историков, особенно в области древнерусской истории, и результаты его работы используются советской исторической наукой.

Проблему этногенеза славянства автор ведёт от начала III тысячелетия до н. э. «Первые шаги этногенеза славян мы можем проследить лишь с начала III тысячелетия до н. э.» (стр. 25). Но спрашивается, как можно вообще говорить об этногенезе народа в период позднего неолита, т. е. самого перехода от дикости к варварству, когда, как указывал Энгельс, в это время ещё только складывается племенная организация. В конечном счёте это осознаёт и сам автор, пытаясь внести уточнение и устанавливая три этапа, или «стадии», в процессе этногенеза. Он пытается отделить первый этап — становление «протославянства» — от образования «собственно славянства», отводя первой стадии примерно три последних тысячелетия до н. э. Этой стадии автор посвящает главу первую «О происхождении славян». Вторую стадию автор относит примерно к III—V векам н. э. и связывает её с антами, которым посвящает главу II. Третий этап — распространение славянства и окончательное определение его территориальных и этнографических границ — процесс, охватывающий в основном VI—VIII, но местами доходящий, по словам автора, даже до XII века; этот период рассматривается в главе III «Восточнославянские племена перед образованием Киевского государства».

Как разрешает В. В. Мавродин поставленную им проблему «протославянства»? Он даёт археологическую карту Восточной и отчасти Центральной Европы. Но ему не удаётся протянуть какие-либо реальные нити от протославян к позднему славянству. Автор, определяя круг протославянских культур-племён, вынужден всякий раз оговаривать, что не все представители той или иной местной «культуры» вошли в славянство, — из них вышли разные этнические образования, и не только из этих, но и из других культур сложилось славянство. «Какая-то часть этих протославянских или праславянских племён вышла из прародины — основного очага этногенеза — и, попав под культурное и политическое влияние соседей, могла стать, например, германцами; с другой стороны, в состав славянства позднее могли войти племена, отличавшиеся в период неолита и бронзы по своей культуре от праславянских племён» (стр. 16). На стр. 78 автор снова пишет: «Круг славянских племён всё время увеличивался, разрастаясь за счёт вовлечения в славянский этногенез племён, которые могут быть названы протославянскими только лишь потому, что они в конце концов превратились в славян». Подобные оговорки повторяются неоднократно.

На стр. 14 вдруг приводится славянский календарь, но самому автору ясно, что он принадлежит другой эпохе — «собственно славянству», — и неслучайно автор займётся им конкретно уже во II главе, отнеся его к середине I тысячелетия н. э. Едва ли также можно отождествлять облик скифа с

Кульобской вазы, облик анта и облик русского, как это делает автор.

Именно поэтому проф. Мавродин и вынужден заявить, что «мы не знаем», когда начался этногенез славянства (стр. 25); «где находился древнейший очаг славянского этногенеза, нам тоже неизвестно»; и «кто они были, мы не знаем». Автор ставит последний вопрос: «Разрешён ли археологически вопрос о генезисе славянства?» — и отвечает: «Нет, он только поставлен».

Протославянство остаётся пустой схемой, понятием без содержания. В конечном счёте это не больше как этнический субстрат, первичное, древнейшее население той территории, на которой впоследствии складывается славянство, и, конечно, оно в той или иной мере вошло в состав славянства.

Но понятие протославянства не только ничего не объясняет в самом славянском этногенезе, оно вносит путаницу, оно мешает. В своём логическом развитии оно приводит В. В. Мавродина (и не только его) к утверждению «протофиннов». И хочет ли он этого или нет, но, говоря о протославянах и протофиннах, он то и дело подменяет понятия протославян и славян, протофиннов и финнов. Именно так, в виде протофиннов, возрождается в книге В. В. Мавродина старая теория о великом финском народе от Балтики до Урала, а на юге — до Оки и верховьев Днепра до Десны. Автор признаёт всю топонимику этой обширной страны «финского, точнее протофинского, происхождения». В соответствии с этим он относит к финнам (вслед за старой и в том числе за финской лингвистикой) и мордву, и мари, и чудь, и мерю. Нам кажется, что эту теорию пора пересмотреть, что термин, утверждающий этническое подчинение мордвы финнам, едва ли закономерен. Нам кажется, что надо ставить вопрос не о превращении мордвы, мари и др. из протофиннов в финнов, а о превращении населения Поволжья и Севера в отдельные народности — чувашскую, мари́йскую, мордовскую и др. По мнению автора, «финский вклад... в русский язык — реликт той эпохи, когда не было ещё ни славян, ни финнов» (стр. 80). Это положение является сплошным противоречием и приводит В. В. Мавродина к неправильным выводам. Так, протофиннами, по его мнению, оказывается население северного Приднепровья, хотя, «когда произошла их славянизация — неизвестно» (стр. 80). Финнами объявляется и «большая часть населения восточных дьяковских городищ», хотя тут же объявляется о специфических особенностях, «свидетельствующих в то же самое время о славянском характере их населения» (стр. 79).

Спрашивается: можно ли говорить об этнической принадлежности населения, которое ещё этнически не оформилось, — говорить о финнах дофинского периода? История дьяковской культуры — это, в сущности, история оформления славянства на базе местной племенной культуры под влиянием оформившегося на соседней территории славянского этноса.

Нам кажется, что всё учение о протославянах, протофиннах и т. д. требует общего принципиального пересмотра не только в

отношении работы проф. Мавродина. В связи с этим приходится поставить принципиально вопрос и о третьей стадии славянского этногенеза в целом. Нам думается, что автор смешивает в этом третьем этапе два качественно различных процесса. Одно дело — распространение славянства на племена, у которых этногенетический процесс ещё не осуществился. Это тот же основной процесс складывания «собственно славянства», славянского этногенеза, который в одних областях совершился раньше, в других несколько позднее и под известным воздействием уже существующей славянской культуры. Я имею в виду хотя бы Волгоокское междуречье, население городищ дьяковского типа. Другое дело — славянизация уже оформившихся народов, которая может совершиться довольно поздно и ничего общего с этногенезом не имеет.

Итак, к теме славянского этногенеза, т. е. к образованию «собственно славянства», реально относится лишь второй этап, с которым надлежит объединить и определённые элементы, отнесённые автором к третьей стадии.

Автор связал этот этап в основном с историей антов. «История антов, — пишет он, — первая глава в истории великого русского народа». Надо сказать, что в своё время эту концепцию на лингвистическом материале развил А. А. Шахматов. В советской историографии её новый вариант на археологической основе развил Б. А. Рыбаков. В самое последнее время археолог П. Н. Третьяков дополнил её учением о ромёнских городищах и ромёнской культуре, противопоставив последних антам, утверждая столкновение между ними и оформление последующей славянской культуры, как синтеза антской и ромёнской (гл. IV, стр. 115 сл.). В этой схеме П. Н. Третьякова многое остаётся гипотетичным и спорным, но автор ограничивается просто её изложением.

В. В. Мавродин пытается объединить весь этот разнообразный материал, дополняя его рядом собственных новых наблюдений, в частности, относительно последовательного распространения антов-славян по Восточной и Центральной Европе. Ряд таких наблюдений, в частности, по распространению славянства на север — в Приладожье, в Волгоокский район — и на юго-запад — к Днестру и Дунаю, — представляет несомненный интерес (впрочем, и они не представляются полной новизны); другие заключения автора малоубедительны. Укажу для примера на предположительное отнесение полян к более отсталой группе славянских племён лесной полосы (стр. 78). Как связать это с их передовой ролью в истории восточного славянства и с издавным утверждением передового характера их культуры, засвидетельствованного летописью? Сомнительно также утверждение о позднем (после Олега) переселении тиверцев и уличей на территорию нынешней Бессарабии; оно плохо согласуется с данными раффельштетинского мытного устава начала X века. Отмечу вместе с тем, что автор дал здесь очень полную сводку данных о процессе размещения восточнославянских племён, используя при

этом и византийские, и арабские, и западно-европейские свидетельства.

Чтобы закончить с вопросом этногенеза, остановлюсь ещё на заключительном указании автора в последней главе. Автор говорит здесь о «русской народности», опирающейся на два фактора: «язык и национальное самосознание, сознание себя, как единой народности» (стр. 396). Мы думаем, что автор смешивает здесь понятия «народность» и «народ». «Русская народность» — более сложное и более позднее явление, возникающее, когда уже существует осознание себя «народом». Но сам автор увязывает в очередном клубке противоречий: он говорит о «единой, складывающейся, но так и не сложившейся до конца народности». «Киевское государство, — продолжает он, — не успело и не могло слить восточнославянские племена в единую народность» (стр. 395). Русские складывались не в народность, а в народ, создавали единство «Русской земли»; народом к этому времени они уже стали и русским народом они себя сознавали.

Отмечу, наконец, что автор тут же говорит о «наличии общего древнерусского языка», о «складывающемся в городах «общерусском разговорном языке» (стр. 394). Здесь уже всё неясно. Во-первых, как увязать наличие городов (очевидно, X в.) и отсутствие письменности («дописьменный язык»)? Во-вторых, какие имеются данные об «общерусском разговорном языке»? Что мы о нём знаем? Скорее мы знаем об отсутствии такого общерусского языка: ведь именно местные племенные особенности языка определили в дальнейшем образование украинского, белорусского, русского языков. Мы можем говорить, напротив, об «общерусском письменном языке, формирующемся в X—XI веках».

В четвёртой главе автор даёт краткий очерк «Разложения первобытно-общинного строя и возникновения феодальных отношений в древней Руси», очерк социально-экономического, общественного развития древней Руси в VII—X веках. Эта важная глава особенно неудачна. Конкретный материал подан отрывочно, лоскутно; отбор его носит случайный характер. Зато тем резче выступает внутренняя противоречивость общей схемы, отсутствие собственной чёткой концепции. Автор говорит о развитии феодализма в Киевской Руси и характеризует общественные отношения VIII—XI вв. очень неясно и сбивчиво. В конечном счёте автор готов видеть в Руси VIII—X вв. одновременно и полупатриархальное и феодальное общество, и «военную демократию», и «варварское государство», и развитую политическую организацию. Мы имеем здесь как бы параллельно развивающуюся двойную характеристику эпохи. «В IX и даже в X вв. феодальное землевладение ещё не сложилось», — заявляет автор на стр. 160. Но уже на стр. 162 формулировка меняется: «то, что мы видели в XI в. и тем более в XII в., т. е. развитая феодальная собственность, заставляет искать её зарождение в предшествующие времена, в X в., а быть может, и в IX веке». Наконец, на стр. 164: «именно феодальный общест-

венный порядок характеризует Киевскую Русь не только XI—XII вв., но и IX в., эпохи «славного варварства», Русь до феодального периода».

С этим противоречием общей концепции связаны противоречия в конкретной характеристике.

Рядом с воинами-купцами и признанием замкнутости местных мирков («в чюжю землю свода нетуть») автор изображает город уже в VIII в. торговым центром местной округи (стр. 134). «Город становится типичным феодальным торговым, ремесленным и административно-политическим центром» (стр. 145). И это говорится о «дофеодальном периоде». Автор снова вспоминает «Гардарикию», пишет, что «Русь была покрыта городами», и совершенно забывает обо всём, что было написано об этих «городах» IX и X веков. На стр. 141 он говорит о денежном обращении, а на стр. 161 повторяет определение Русской Правды, данное Ключевским: «Это был городской законодательный памятник, оставивший деревню в тени». Той же неопределённостью страдает и формула о «наличии развитых ремёсел» для X—XI веков.

Возможно, что подчёркнутые нами противоречия — результат недостаточной чёткости в структуре материала. Автор очень часто опускает его датировку. Если на стр. 161 он отдельно говорит об XI в., о времени Ярослава, то на стр. 140—145 он как бы берёт за одну скобку всё время от IX или даже от VIII до XI в., т. е. объединяет дофеодальный и феодальный города.

То же смешение эпох наблюдается и в характеристике сельского населения. И здесь — полное смешение явлений дофеодальной и феодальной Руси. В одном ряду стоят и патриархальные рабы, и челядь, и изгои, и смерды, и даже закупы, которые в Русской Правде появляются лишь в XII в. и едва ли могли оформиться много раньше. Нет ясности и в характеристике этих категорий.

Автор сперва будто отождествляет челядь с патриархальным рабством (стр. 156), а на следующей странице он уже присоединяется к гипотезе Б. Д. Грекова, признающего в челядине собирательный термин, объединяющий и рабов, и смердов, и рядовичей, и другие категории. При этом он не пытается аргументировать ни одно, ни другое понимание.

Такие же противоречия и в толковании термина «смерд». Сначала автор вслед за Е. А. Рыдзевской выводит его из племенного названия, применяя весьма условные лингвистические сопоставления (стр. 165), затем он как будто солидаризируется с социальной характеристикой смерда, данной С. В. Юшковым: смерды — «данники князя», «смерд — зависимый от князя человек» (стр. 166). А на стр. 167 он солидаризируется с Б. Д. Грековым, признавая широкий смысл слова «смерд» — вообще крестьянин — и узкое значение термина.

Столь же противоречива и характеристика политического строя. Отмечу хотя бы произвольное соединение понятий: дань, вирь, продажа (стр. 155). Ведь совершенно ясно,

что дань относится к одной эпохе, а вира и продажа — к другой.

Начиная с V главы В. В. Мавродин переходит к конкретной политической истории. В этой части работы В. В. Мавродин мог опереться на выдающихся предшественников: на труды А. А. Шахматова, А. Е. Преснякова, М. Д. Приселкова. Но в ряде случаев автор вносит и свои собственные наблюдения, используя при этом иностранные свидетельства о России. В этой главе можно отметить интересную постановку вопроса о роли хазарского каганата в истории древней Руси, вытекающей из роли славянского элемента в самой Хазарии, а также из роли Хазарии как связующего звена в движении Руси на восток. Автор правильно подчёркивает незначительное влияние хазарского каганата на внутреннюю жизнь восточного славянства, развивавшегося своими самостоятельными путями, но при этом автор допускает неправильную формулировку, говоря о владычестве хазар как о «стимуле развития Руси» (стр. 195). Рядом с русско-хазарскими подробно рассматриваются и русско-болгарские отношения. Отметим только, что воскрешаемая автором теория, отождествляющая северян с савирами и утверждающая участие чёрных болгар в складывании этого славянского племени, представляется малоубедительной.

Другой большой вопрос, на котором автор остановился в той же V главе, — вопрос норманнский. В ряде мест автор в основном правильно ставит вопрос о формировании древнерусского государства как внутреннем процессе развития славянских племён. Варяго-норманнов он показывает в роли разбойничьих дружин или воинов-наёмников, по уровню развития стоявших не выше, а, может быть, ниже восточных славян и именно поэтому быстро растворившихся в славянской среде (стр. 207—213). Однако в другом месте, вопреки этой точке зрения, эти воины-находники несколько неожиданно уже в IX в. превращаются в купцов. Едва ли стоило развивать гипотезу о захвате власти Рюриком в Новгороде и борьбе с Гостомыслом и Вадимом Храбрым, — всё это область легенды.

В этой же главе автор становится как будто и на позицию славянской принадлежности Руси. Развивая концепцию «русского каганата» на территории Киевской земли (стр. 200—203), он противопоставляет южную Киевскую Русь новгородской «Славии», северным словенам. В то же время он противопоставляет Киевскую Русь «шведам, именуемым росью», пытаясь дать своё истолкование известному рассказу Бертинских анналов.

К этому же вопросу о происхождении Руси автор возвращается ещё раз, уже специально, в заключительной главе своей книги. Он начинает здесь с критики норманизма в лице его представителей XVIII и начала XIX в., «немецких псевдоучёных Академии наук», и снова говорит о невозможности какого-либо серьёзного влияния варяго-норманнов на внутреннее развитие древней Руси. Но автор и здесь непоследователен: и здесь эклектичность трактовки, формальное объединение различных точек зре-

ния может сбить читателя. Рядом с первым утверждением является второе — «о весьма существенном значении варягов в истории Руси» (стр. 383). В конечном счёте он говорит о них даже как о колонизаторах, хотя и с известными ограничениями: «Как колонизаторы варяги были очень слабы» (стр. 384).

Та же неопределённость и в вопросе о происхождении имени «Русь». С одной стороны, автор как будто принимает концепцию Тивернадского о социальном значении термина «Русь», соединяя её с теорией Марра. Но при этом даваемая им характеристика этой социальной верхушки звучит совсем неисторично. «Русь» — это социальная верхушка, варварская, военно-торговая, военно-рабовладельческая, купеческая знать, живущая в городах, организованная в дружины... правящая, творящая суд, администрирующая и управляющая, эксплуатирующая славянских общинников» (стр. 388). Двумя абзацами ниже оказывается, что «Русь» обозначает одновременно также землю и государство. А уже на следующей странице автор, ссылаясь на акад. Б. Д. Грекова, предлагает принять теорию Брима о слиянии в Киевской Руси скандинавской «русн» и южной «роси», гипотезу крайне искусственную и малоубедительную.

Подробно излагаются автором первые этапы русско-византийских отношений. Необоснованно звучит только дипломатическая история русско-византийской войны 860 года. Автор почему-то и здесь (стр. 215) и в истории последующих русско-византийских войн ищет причину войны в нарушении Византией какого-то предшествующего договора, хотя никаких прямых указаний на это в источниках не имеется.

Периоду X века — от Олега до Святослава — посвящена глава VI — «Образование Киевского государства».

Автором тщательно собраны различные свидетельства о деятельности Олега, Игоря и Святослава, в частности об их византийских и восточных походах. Но самый процесс образования Киевского государства дан нечётко и противоречиво. Особенно резко сказалось это в характеристике Святослава. Автор начинает с резкой антитезы Святослава и Ольги. Последняя — строительница государства, «Святослав не правитель. Он — воин... дружинный князь... олицетворение «славного варварства», героического, дружинного периода в истории русского народа. Он — князь времён «военной демократии», превыше всего ставящий свою дружину, сам первый дружинник и воин земли Русской, ничем ни в быту, ни в привычках, ни в одежде не отличающийся от своей «братии» — дружинников» (стр. 259—260). В сущности, эта характеристика совпадает с той, которую даёт С. В. Бахрушин и против которой В. В. Мавродин в дальнейшем изложении ополчается (стр. 274). Но дальше Святослав превращается у В. В. Мавродина уже в строителя «могучей славянской русско-болгарской державы» (стр. 267), а на стр. 275 речь идёт уже о «русско-византийско-болгарской державе». «В его планы... — говорится на стр. 274, — входило создание огромной

и могущественной империи, все жизненные центры которой находились на Балканах, у Дуная, столицей которой должна была в будущем стать столица Византии—Константинополь», «будущая четвёртая столица Руси». Такая характеристика планов Святослава скорее приложима к проектам «светлейшего князя» Потёмкина и императрицы Екатерины II в XVIII веке.

Обе характеристики Святослава неверны. Что касается летописной характеристики, то она несёт на себе явную печать литературной стилизации. В этой характеристике Ольга и Святослав как бы олицетворяют два борющихся начала в государственном развитии Руси, подобно двойной характеристике Владимира Святославича — до и после принятия им христианства.

Наиболее полно освещена в работе деятельность Владимира Святославича и Ярослава Владимировича (в VII и VIII главах). Мы считаем правильной общую трактовку времени Владимира как «границы двух эпох» и как переход от «варварской дружинной Руси» к «феодальной Руси». Подробно разобраны внешняя политика Владимира, его внутреннее строительство, церковная реформа и крещение Руси. Из отдельных вопросов следует отметить наблюдения автора о «земских старцах» или «старцах градских» (стр. 324). Мы не стали бы в такой мере подчёркивать единство русской земли в конце княжения Владимира, игнорируя феодальную борьбу отдельных земель, в которых сидели его сыновья.

«Образование древнерусского государства» заканчивается главой о Ярославе.

Заключительная глава посвящена трём специальным вопросам: роли варягов, термину «Русь» и проблеме древнерусской на-

родности. Высказывания автора по этим вопросам уже были рассмотрены выше.

Подводя итоги, надо ещё раз сказать, что настоящая работа представляет неудачную попытку дать общий свод разнообразных материалов по указанным выше вопросам. Свод этот имеет пока сугубо черновой характер, материал ждёт ещё тщательного критического изучения. Для этого автору надо освободиться от отмеченного выше эклектизма и в решении поставленных им больших проблем стать на чёткие принципиальные методологические позиции.

Необходимо в заключение обратить внимание автора на часто встречающуюся стилистическую неряшливость и на общую риторичность изложения, ненужную в научном исследовании (см., например, начало главы первой или главы о Владимире Святославиче). Нам кажется, что она нередко мешает научной мысли и порой увлекает самого автора по ложному пути. Ограничусь одним примером. На стр. 5 автор пишет: «Могущественный и многочисленный славянский народ, с оружием в руках, под звон мечей и пение стрел вышедший могучей поступью на арену мировой истории». Образ настолько увлёл автора, что он повторяет его на стр. 64: «Могучей поступью, с оружием в руках, под звон мечей и зловещее пение стрел, в огне пожаров вышел на арену мировой истории русский народ». А между тем нам представляется, что этот образ абсолютно далёк от того, что сообщают о славянах-руси древние авторы. Не «с оружием в руках, под звон мечей и пение стрел, в огне пожаров», а в мирном упорном труде по освоению своей земли вступил в историю русский народ.

Проф. Н. Рубинштейн

ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ

Урланис Б. *Рост населения в Европе*. Огиз. Госполитиздат. 1941
436 стр.

Со времени выхода в свет книги Урланиса прошло уже около пяти лет: она была опубликована ещё летом 1941 г., непосредственно перед началом Великой Отечественной войны. Однако до сих пор никто из наших историков не откликнулся на её появление даже самой краткой рецензией. Между тем по широте своего замысла и богатству собранного в ней историко-статистического материала книга представляет собой, несмотря на встречающиеся в ней фактические неточности, весьма значительное явление. Она не прошла незамеченной за рубежами Советского Союза, где стала предметом специальных рецензий и аннотаций в целом ряде иностранных журналов. В частности ей посвятил рецензию известный английский историк Постен¹. Всё это делает желательным её обсуждение на страницах исторического журнала.

Проф. Урланис начинает свою работу с краткого обзора населения древнего мира, в котором в основном придерживается цифр Белюха. В двух последующих главах—«Феодализм и первоначальное накопление» (стр. 119—231) — он переходит к исчислению населения Европы за период времени с 1000 по 1800 год. Не будучи сам профессионалом-историком и не работая непосредственно над средневековыми историческими памятниками, Урланис в самых широких масштабах привлекает сделанные различными исследователями подсчёты населения отдельных европейских стран и, опираясь на приводимые при этих расчётах данные источников, пытается получить искомым им цифры. Например в своих подсчётах населения отдельных стран в период XI—XV вв. он использует: по Англии—Книгу страшного суда и списки подушной подати 1377 г.; по Франции — косвенные указания Сен-Жерменского полиптика о плотности её населения и

¹ Postan M. «Economic History Review». 1942. Vol. XII, № 1—2, p. 97.

и могущественной империи, все жизненные центры которой находились на Балканах, у Дуная, столицей которой должна была в будущем стать столица Византии—Константинополь», «будущая четвёртая столица Руси». Такая характеристика планов Святослава скорее приложима к проектам «светлейшего князя» Потёмкина и императрицы Екатерины II в XVIII веке.

Обе характеристики Святослава неверны. Что касается летописной характеристики, то она несёт на себе явную печать литературной стилизации. В этой характеристике Ольга и Святослав как бы олицетворяют два борющихся начала в государственном развитии Руси, подобно двойной характеристике Владимира Святославича — до и после принятия им христианства.

Наиболее полно освещена в работе деятельность Владимира Святославича и Ярослава Владимировича (в VII и VIII главах). Мы считаем правильной общую трактовку времени Владимира как «границы двух эпох» и как переход от «варварской дружинной Руси» к «феодальной Руси». Подробно разобраны внешняя политика Владимира, его внутреннее строительство, церковная реформа и крещение Руси. Из отдельных вопросов следует отметить наблюдения автора о «земских старцах» или «старцах градских» (стр. 324). Мы не стали бы в такой мере подчёркивать единство русской земли в конце княжения Владимира, игнорируя феодальную борьбу отдельных земель, в которых сидели его сыновья.

«Образование древнерусского государства» заканчивается главой о Ярославе.

Заключительная глава посвящена трём специальным вопросам: роли варягов, термину «Русь» и проблеме древнерусской на-

родности. Высказывания автора по этим вопросам уже были рассмотрены выше.

Подводя итоги, надо ещё раз сказать, что настоящая работа представляет неудачную попытку дать общий свод разнообразных материалов по указанным выше вопросам. Свод этот имеет пока сугубо черновой характер, материал ждёт ещё тщательного критического изучения. Для этого автору надо освободиться от отмеченного выше эклектизма и в решении поставленных им больших проблем стать на чёткие принципиальные методологические позиции.

Необходимо в заключение обратить внимание автора на часто встречающуюся стилистическую неряшливость и на общую риторичность изложения, ненужную в научном исследовании (см., например, начало главы первой или главы о Владимире Святославиче). Нам кажется, что она нередко мешает научной мысли и порой увлекает самого автора по ложному пути. Ограничусь одним примером. На стр. 5 автор пишет: «Могущественный и многочисленный славянский народ, с оружием в руках, под звон мечей и пение стрел вышедший могучей поступью на арену мировой истории». Образ настолько увлёл автора, что он повторяет его на стр. 64: «Могучей поступью, с оружием в руках, под звон мечей и зловещее пение стрел, в огне пожаров вышел на арену мировой истории русский народ». А между тем нам представляется, что этот образ абсолютно далёк от того, что сообщают о славянах-руси древние авторы. Не «с оружием в руках, под звон мечей и пение стрел, в огне пожаров», а в мирном упорном труде по освоению своей земли вступил в историю русский народ.

Проф. Н. Рубинштейн

ОПЫТ ИСЧИСЛЕНИЯ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ

УРЛАНИС Б. *Рост населения в Европе*. Огиз. Госполитиздат. 1941
436 стр.

Со времени выхода в свет книги Урланиса прошло уже около пяти лет: она была опубликована ещё летом 1941 г., непосредственно перед началом Великой Отечественной войны. Однако до сих пор никто из наших историков не откликнулся на её появление даже самой краткой рецензией. Между тем по широте своего замысла и богатству собранного в ней историко-статистического материала книга представляет собой, несмотря на встречающиеся в ней фактические неточности, весьма значительное явление. Она не прошла незамеченной за рубежами Советского Союза, где стала предметом специальных рецензий и аннотаций в целом ряде иностранных журналов. В частности ей посвятил рецензию известный английский историк Постен¹. Всё это делает желательным её обсуждение на страницах исторического журнала.

Проф. Урланис начинает свою работу с краткого обзора населения древнего мира, в котором в основном придерживается цифр Белоха. В двух последующих главах—«Феодализм и первоначальное накопление» (стр. 119—231) — он переходит к исчислению населения Европы за период времени с 1000 по 1800 год. Не будучи сам профессионалом-историком и не работая непосредственно над средневековыми историческими памятниками, Урланис в самых широких масштабах привлекает сделанные различными исследователями подсчёты населения отдельных европейских стран и, опираясь на приводимые при этих расчётах данные источников, пытается получить искомым им цифры. Например в своих подсчётах населения отдельных стран в период XI—XV вв. он использует: по Англии—Книгу страшного суда и списки подушной подати 1377 г.; по Франции — косвенные указания Сен-Жерменского полиптика о плотности её населения и

¹ Postan M. «Economic History Review». 1942. Vol. XII, № 1—2, p. 97.

налоговые данные о количестве очагов в XIV в.; по Италии — расчёты Белоха, базирующиеся на податных списках некоторых итальянских государств XIII и последующих столетий; по Германии — материалы Лампрехта о числе населённых пунктов в долине Мозеля, и т. д.

Когда данные источников оказываются недостаточными, автор прибегает к ориентировочным расчётам плотности населения, основанным на предположении некоторой зависимости её от определённой системы хозяйства и в особенности земледелия (подсека, перелог, трёхполье и т. п.). На таком методе основываются, в частности, производимые им примерные подсчёты численности населения Европейской части СССР на грани X и XI веков. Сопоставляя и взаимно корректируя все эти расчёты, Урланис выводит ряды населения (с интервалом сначала в 100, а затем в 50 лет) для всех европейских стран, начиная с 1000 г., по отдельности². Попутно с этим он останавливается на динамике европейского народонаселения — рождаемости, смертности, средней продолжительности жизни в условиях феодальной Европы, потерях от средневековых голодовок и эпидемий, убыли населения во время больших войн и т. д.

В следующих двух главах — «Промышленный капитализм» (стр. 232—256) и «Империализм» (стр. 257—324), охватывающих отрезок времени с 1800 по 1937—1938 гг., Урланис имеет возможность отказаться от ранее занимавших его внимание кропотливых исчислений населения отдельных стран, ввиду обилия и разработанности статистических материалов по XIX и XX векам. Взамен этого он направляет свои усилия на углублённый анализ тех демографических процессов, которые протекали в странах Западной Европы этого периода. Он прослеживает, как вместе с расцветом и затем упадком капитализма сначала стремительно растёт, а затем как же стремительно падает темп прироста населения западноевропейских стран, и вскрывает причины этого явления, заложенные в специфических законах народонаселения капиталистического общества, в общей форме сформулированных Марксом. Особенно интересны производимые им вычисления так называемых истинных коэффициентов прироста населения в эпоху империализма (стр. 300—321).

² Все относящиеся к периоду 1000—1800-х годов, особенно же к его первым столетиям, цифры населения европейских стран рассматриваются, конечно, Урланисом лишь как некоторые приближённые величины, возможная точность которых тем больше, чем к более далёкому от нас времени они относятся. Нужно отметить, однако, что иногда он всё же без должной осторожности подходит к самой возможности их исчисления. В целом ряде случаев было бы правильное ограничиться указанием лишь верхней и нижней границ того интервала, внутри которого, согласно возможным в данном случае грубо ориентировочным расчётам, должна находиться искомая нами цифра населения данной страны.

Две последние главы носят итоговый характер. Первая из них — «Общий обзор роста населения Европы за 1000—1940 гг.» (стр. 325—363) — посвящена анализу колебаний темпов прироста населения на протяжении этого периода. Во второй, носящей название «Рост населения и способ производства» (стр. 364—413), автор оставляет почву конкретной европейской истории и в общей форме ставит вопрос о закономерностях роста населения на всём протяжении истории человечества.

В конце книги приложены: сводная таблица движения населения по отдельным странам Европы, подробная библиография на 11 страницах и указатель имён.

Работа проф. Урланиса интересна и важна для историка прежде всего в силу своей насыщенности конкретным историко-статистическим материалом. Как мы указали выше, в ней сделана попытка установить цифры народонаселения всех европейских стран в отдельности (беря их для сопоставимости в границах 1914 г.), начиная с 1000 г. и далее. Выполняя эту далеко не лёгкую задачу, он критически пересматривает произведённые до него различными авторами расчёты населения европейских стран, кратко воспроизводя при этом на страницах своей книги содержание тех источников, из которых эти расчёты были построены. Упомянутые нами ранее исторические памятники составляют лишь небольшую долю всех использованных автором источников. В его книге приводятся цифры самых разнообразных налоговых учётов (данные подушной подати, числа очагов, числа семей), подсчёты населения отдельных средневековых городов, упоминания источников о потерях от войн, эпидемий и голода, данные церковной статистики (о рождении, погребениях, браках, конфирмированном населении), статистические оценки и сочинения старых писателей (особенно с XVI в.), некоторые данные из истории отдельных династий и родов, итоги различных локальных переписей и т. д.

Наряду с этим Урланис для большей полноты изложения, помимо своих собственных оценок и выводов, приводит обычно многочисленные мнения и оценки других исследователей. Так, например, говоря о Книге страшного суда, он даёт цифры 22 различных оценок населения Англии по этому источнику, размещая их для большей наглядности в виде особой кривой (стр. 52). В общей сложности в книге используются сотни написанных на разных языках специальных исследований. Всё это придаёт ей весьма полезные качества такой сводной работы, в которой сведены воедино данные специальной литературы по истории роста населения Европы и в которой всякий историк, в особенности же историк средних веков и нового времени, найдёт много нужных и полезных для себя сведений.

Нужно, однако, отметить один досадный дефект книги, который несколько снижает её несомненные достоинства. Проф. Урланис по своей специальности — не историк, а демограф, занимающийся изучением современной статистики (его другая

большая работа посвящена американским цензам). Поэтому когда он пишет об отдалённых от нас эпохах, то допускает ряд терминологических и других погрешностей. Например в двух местах своей работы эпоху Салической династии в Германии он называет «эпохой дома Сальверов» (стр. 26, 29). На стр. 96 мы встречаемся с неверным утверждением, что плуг и использование домашнего скота в рабочих целях распространяются в Европе лишь к XV столетию. На стр. 110 для характеристики смертности X—XV вв. приводятся некоторые сведения о «провинциальном прусском доме Веттинов». Как известно, дом Веттинов не имел тогда никакого отношения к Пруссии. По словам Урланиса, около 1000 г., «в эпоху расцвета мавританского владычества экономический уровень Испании был примерно такой же, как и во Франции, и был, наверное, ниже, чем в Италии, в сердце бывшей Римской империи» (стр. 69). На самом деле арабская Испания того времени в экономическом и культурном отношении стояла выше Франции и, вероятно, Италии. Не совсем точно утверждение, что уже к 1500 г. Амстердам был одним из мировых торговых центров (стр. 80). Мировое значение торгового центра он приобрёл в несколько более поздний период.

В таблице населения провинций Римской империи вместо Британии упомянута Бретань (стр. 22). Пытаясь ориентировочно определить плотность населения территорий Европейской части СССР к 1000 г., Урланис исходит из того предположения, что в «районах Дона и будущей Новороссии» господствовало только скотоводческое хозяйство, и поэтому устанавливает для них крайне низкую плотность населения — в 1,2 человека на километр (стр. 88). На самом же деле в этих районах вплоть до самого хазарского каганата встречались поселения славян (занимавшихся земледелием), а на побережье Чёрного моря, особенно в Крыму, были расположены греческие колонии с крупными по тому времени городами, что, естественно, должно было сказаться и на общей средней плотности населения живших здесь народностей.

Не совсем понятен смысл термина «эпоха варварства», многократно употребляемого в книге для обозначения истории всех европейских стран первого тысячелетия (стр. 390 и др.). Вряд ли правильно к «эпохе варварства» относить, например, Галлию при Флавиях и Антонинах (стр. 34). Крайне неточна терминология Урланиса при воспроизведении в таблице итоговых данных Книги страшного суда (стр. 46). В графу полнонадельных крестьян он включает только вилланов (хотя полные наделы могли иметь и другие категории крестьянства), не даёт ясного определения специфики положения сокменов и, наконец, для перевода термина *liberi homines* употребляет режущее глаз историка выражение «свободные граждане», причём неизвестно, почему в их число включает и рыцарей. Нельзя согласиться и с составленной им таблицей длительности общественных формаций в Евро-

пе (стр. 384), согласно которой рабовладельческий строй существовал в Европе несколько тысяч лет, а феодальный — 700—900 лет. О каком периоде рабовладельческого строя длительностью в несколько тысяч лет можно говорить в применении, например, к истории кельтских, германских и славянских народностей?

Указанные погрешности и неточности, конечно, снижают научные достоинства книги Урланиса, но всё же не могут лишить её значения единственной в своём роде обобщающей работы по динамике населения европейских стран.

Для историка книга Урланиса имеет большое значение также в силу того обстоятельства, что в ней собран и разработан такой фактический материал и сформулированы такие мысли и положения, которые со всей убедительностью показывают возможность и даже необходимость самого широкого использования в различных областях экономической, культурной и политической истории данных о движении населения. Именно эти вытекающие из работы Урланиса выводы о целесообразности большего вовлечения в круг исторического исследования вопросов демографии и побудили нас специально заняться её рассмотрением. Остановимся в этой связи прежде всего на вопросе о значении для исторической науки изучения различных показателей движения народонаселения.

В центре внимания Урланиса постоянно находится проблема роста населения. Исходя из положения Маркса о связи темпов этого роста со всем ходом общественного развития, он не ограничивается простым вычислением показателей прироста населения, но пытается установить зависимость его от определённого уровня развития производительных сил в рамках определённых общественных формаций. Окончательные выводы, к которым он при этом приходит, самым блестящим образом подтверждают идеи Маркса.

На стр. 388 Урланис приводит следующую таблицу, в которой подводит итоги своим кропотливым исчислениям и показывает средние годовые темпы роста населения Европы на отдельных стадиях её развития (начиная, в соответствии с хронологическими рамками всей своей работы, с 1000-го года):

Эпоха	Годы	Ежегодный прирост (в ‰)
Феодализм	1000—1500	0,09
Эпоха первоначального накопления	1500—1800	0,22
Промышленный капитализм	1800—1900	0,69
Империализм	1900—1940	0,64

Цифры таблицы, относящиеся к XI—XVIII вв., должны, конечно, рассматриваться лишь как некоторые приближённые вели-

чины с возможными ошибками в ту или другую сторону³. Однако соотношение величин прироста населения в различные эпохи отражено в ней, несомненно, правильно. В частности, недопустимость предположения, что в средние века происходили такие большие приросты населения, какие наблюдались в Европе с конца XVIII в., подтверждается, между прочим, таким расчётом: если мы допустим, что в XI—XVIII вв. количество жителей Европы каждые сто лет удваивалось (а за XIX в. оно более чем удвоилось), то, отправляясь от цифры населения 1800 г. (около 187 млн. чел.), мы должны будем прийти к абсурдному выводу, что в 1000 г. во всей Европе жило около 730 тыс. чел., а в 500 г. — всего около 23 тысяч!

Суммарные цифры вышеприведённой таблицы очень показательны: мы видим, что разным стадиям общественного развития соответствуют и разные темпы роста населения, причём их абсолютные величины связаны с большей или меньшей быстротой хозяйственного развития каждой отдельной эпохи. Ещё нагляднее выступает эта связь при более подробном рассмотрении отдельных переломных моментов, когда происходит переход от одной ступени социально-экономического развития к другой.

В XVIII в. зарождается машинная индустрия и начинается новая эра промышленного капитализма, и именно в это столетие темпы увеличения населения делают такой скачок, которого никогда не знали предшествующие эпохи. По выкладкам Урланиса, в первую четверть XVIII в. прирост населения составил в среднем 0,19% в год, во вторую — 0,45%, в третью — 0,47% и в четвёртую — 0,70% (стр. 196).

В течение всего XIX в. темпы прироста медленно нарастают и достигают в его последнее десятилетие величины в 1,1% роста в год (стр. 248). Но вот наступает новый переломный момент, момент перехода капиталистической системы в фазу империализма, и картина меняется. Темпы роста населения сначала перестают увеличиваться, а затем начинают стремительно падать. В странах Западной Европы средний ежегодный прирост населения за четыре десятилетия XX в. сократился примерно в два раза, составив к началу второй мировой войны 0,5—0,6% в

год вместо 1,1% в конце предшествующего столетия (стр. 301). Но и этот сократившийся вдвое прирост временно удерживался лишь в силу изменения возрастной структуры населения. На самом деле расширенный процесс воспроизводства западноевропейского населения перед второй мировой войной почти прекратился, и так называемый истинный коэффициент его прироста составлял совершенно ничтожную величину, близкую к 0,1% в год (стр. 321).

Глубокая внутренняя связь темпов роста населения со всем ходом общественного развития позволяет во многих случаях использовать показатели этого роста для суждения об экономическом и культурном состоянии общества интересующих нас эпох. Приведём в подтверждение несколько примеров.

Данные о росте населения можно прежде всего с успехом привлечь для характеристики относительной медленности хозяйственного и социального развития европейских стран эпохи феодализма. В этом отношении темпы прироста средневекового населения, по вычислениям Урланиса, приближавшиеся в XI—XV вв. к совершенно ничтожной величине — 0,09% в год (или лишь немного её превышающие), показательны уже сами по себе. Они означают, что в период расцвета феодальных отношений количество жителей в странах Европы на протяжении целого столетия возрастало всего на 10 или немного более процентов, т. е., по нашим современным понятиям, оставалось почти стабильным⁴. Но дело не только в этом. Отправляясь от цифр прироста населения, мы можем прийти к некоторым количественным представлениям о темпах развития средневекового хозяйства. С одной стороны, в эпоху средних веков, при полном отсутствии машин и связанных с ними возможностей быстрого повышения производительности труда, рост всей массы продукции какой-либо страны в каждый данный отрезок времени не мог значительно (например, в несколько раз) превосходить рост совокупной общественной рабочей силы. Поэтому совершенно ничтожный прирост населения феодальной Европы должен был одновременно означать и крайне медленное возрастание общественного производства. С другой стороны, так как у нас нет оснований считать, что на протяжении средних веков в широких народ-

³ Особенно это относится к цифре прироста 0,09% в год за время с 1000 по 1500 г., которую Урланис исчисляет, исходя из предположения, что в течение этого периода число жителей Европы возросло с 56 до 91 миллиона. По целому ряду соображений, излагать которые у нас нет сейчас места, первую из этих цифр мы считаем несколько завышенной, в соответствии с чем вычисленный Урланисом темп роста населения в XI—XV вв. приходится признавать несколько большим, чем 0,09% в год. Однако максимальные размеры этой возможной ошибки никак не могут превышать нескольких сотых процента, так что, во всяком случае, темп роста населения в 1000—1500 гг. был значительно меньше, чем в 1500—1800 гг., и во много раз меньше, чем в XIX веке.

⁴ Конечно, в отдельных странах феодальной Европы и в различные периоды рассматриваемой сейчас эпохи (XI—XV вв.) прирост населения был различен, однако, несмотря на все эти различия, он всё же неизменно оставался на крайне низком уровне. Согласно расчётам Урланиса (см. сводную таблицу на стр. 414), в период с 1000 по 1500 г. количество жителей отдельных стран феодальной Европы даже в самых благоприятных случаях возрастало всего на 25—30% в столетие. Очевидно, сходные условия материальной жизни — нищета широких народных масс, антисанитария, постоянные войны и эпидемии — приводили в самых различных странах к одному и тому же результату, а именно — к крайне высокой смертности, исключавшей всякую возможность быстрого роста населения.

ных массах происходило быстрое повышение душевых норм потребления (если такое тогда вообще имело место), то мы вправе предполагать, что возрастание суммарной продукции основных для того времени средств существования примерно соответствовало росту населения или лишь незначительно его превосходило⁵. Конечно, такого рода расчёты не могут претендовать на точность, но для иллюстрации подлинно черепаших (с нашей точки зрения) темпов экономического развития феодальной Европы они всё же могут быть использованы.

Показатели темпов прироста населения важны также и в том отношении, что помогают нам разобраться в некоторых специальных проблемах социальной истории. Возьмём, например, вопрос о возникновении средневековых городов. Для нас очень важно знать, происходил ли процесс формирования их первоначального торгово-ремесленного населения в основном за счёт естественного прироста в среде крепостных людей сеньора города и других живших в нём феодалов или же за счёт вселения извне. В первом случае кажется логичным допустить непосредственное и прямое зарождение городского строя из поместных учреждений (вотчинная теория), во втором же случае такое предположение кажется весьма сомнительным. Источники на этот вопрос ясного ответа не дают: их данные слишком скудны. В результате этого сторонники вотчинной теории голословно отстаивали первое предположение, а их противники также голословно его отвергали. Привлекая данные о темпах прироста населения, мы получаем возможность перенести спор на твёрдую почву серьёзной научной аргументации. Зная ничтожные размеры этого прироста, мы должны отбросить возможность образования городов за счёт роста местного населения и придти к выводу, что они возникали и росли главным образом за счёт стекавшихся в них в поисках лучшей доли переселенцев-крестьян, т. е. людей, не связанных никакими поместными узами с сеньором города. Таким образом, мы обнаруживаем несостоятельность одной из основных предпосылок вотчинной теории.

Далее, демографические показатели рождаемости, смертности, продолжительности жизни, возраста вступления в брак, детской смертности и т. д. дают поистине бесценный материал для суждения о конкретных условиях существования людей в разные эпохи

⁵ Конечно, за период с XI по XV в. многие отрасли ремесла, особенно связанные с быстро растущими потребностями феодалов, церкви и зажиточного бюргерства (производство рыцарского вооружения, дорогих суков, различных предметов роскоши и т. д.), выросли гораздо больше. Ведь именно в этом и проявлялось происходившее тогда развитие городского ремесла. Однако рост продукции предметов потребления широких масс народа, в частности сельскохозяйственной продукции, несомненно, находился в некоторой определённой связи с приростом населения.

и в разных странах. Ограничимся указанием лишь на один из случаев их использования.

Как известно, в работах некоторых историков, особенно историков консервативных направлений, неоднократно делались попытки идеализировать феодальный строй и в благоприятных тонах изобразить жизнь населения средневековой Европы. При этом ссылались на патриархальность существовавших тогда отношений, столь благотельно будто бы влиявших на положение народных масс. Привлекая данные о динамике смертности, мы легко обнаруживаем односторонность такого рода воззрений. Мы не знаем точных цифр существовавшей в странах феодальной Европы смертности, но, имеясь в нашем распоряжении отдельным указаниям, можем положительно утверждать, что там она значительно превышала 30 человек на тысячу жителей (стр. 99 — 118). Пытаясь получить более точные цифры, Урланис приходит к предположению, что коэффициенты смертности в европейских странах XI—XV вв. колебались где-то в пределах 37—42 человек на 1000 (стр. 112). Такая громадная, по современным понятиям, смертность наглядно показывает, что никакие мнимые преимущества «патриархальной» средневековой жизни не могут компенсировать её теневые стороны: массовую нищету, забитость и бесправие основной массы народа — крестьянства, — антисанитарные условия быта, периодические голодовки, губительные эпидемии и т. д. Перейдём к несколько иному вопросу — к вопросу о значении изучения движения абсолютной численности населения отдельных стран. Мы хотим отметить необходимость постоянно привлекать данные о движении народонаселения при рассмотрении исторических судеб европейских государств и наций в различные эпохи. Сошлюсь прежде всего на хорошо известный каждому историку пример Франции.

В средние века Франция занимала исключительное, подчас ведущее положение среди других западноевропейских государств. Вспомним, например, преобладающее значение Франции при Людовике IX и Филиппе IV, единоборство Франциска I с могущественной империей Карла V, столь успешные вначале притязания Людовика XIV на всеевропейское господство и т. д. Какие же обстоятельства обеспечивали Франции такое выдающееся положение в средневековой Европе? Для всякого марксиста очевидно, что причины этого исторического значения Франции нужно искать в особенностях её социально-экономического и политического развития. Могущество Франции объяснялось её развитой экономикой, высоким уровнем культуры и ранним её объединением в единое государство. Именно преимуществами экономического развития и государственной централизации под властью абсолютных монархов и объясняется возможность борьбы Франциска I или Людовика XIV с мощными коалициями враждебных держав. Однако чтобы до конца уяснить себе то место, которое занимала Франция среди других государств феодальной Европы, необходимо обратить вни-

мание и на особенности роста её населения.

В настоящее время французы составляют сравнительно небольшую долю всего западноевропейского населения, по своей численности уступая немцам и англичанам и примерно равняясь итальянцам. Такое положение существовало, однако, не всегда. На определённом этапе своего развития, на протяжении большей части средних веков, вплоть до начала нового времени, французы были не только самой крупной, но, можно даже сказать, доминирующей нацией Западной Европы. Согласно приводимым Урланисом данным, около 1300 г. в этнографических границах Франции была сосредоточена примерно треть суммарного населения всех германских и романских стран. В последующие столетия доля французов в составе всего населения Европы падала, но всё же ещё в середине XVII в. по количеству жителей Франция соответствовала Германии, Голландии и Англии, вместе взятым (вычисления Урланиса, быть может, не совсем точны, но, во всяком случае, самый факт громадного перевеса численности французов над другими западноевропейскими народами эпохи средневековья совершенно неоспорим и признаётся всеми исследователями). Поэтому, когда французское королевство объединило в своих пределах основную часть французского народа, что окончательно произошло в конце XV в., оно оказалось своего рода исполном среди других государств Западной Европы, что, очевидно, и явилось одной из дополнительных причин его могущества. При высоком уровне экономического развития и при сильной степени государственной централизации многолюдность Франции позволяла ей выставить и экипировать такие армии, которых не имели и не могли иметь другие государства того времени. Мы не сможем уяснить себе, как Людовик XIV мог вести войну одновременно на нескольких театрах военных действий, если упустим из виду, что он располагал человеческими ресурсами, лишь немного уступавшими объединённым силам его главных врагов—Голландии, Англии и немецких Габсбургов, вместе взятых. Точно так же мы не уясним себе до конца экономическое значение Франции былых столетий, если не будем учитывать, что по количеству жителей она ранее далеко превосходила все другие страны Западной Европы. Изучение истории Франции неизбежно наталкивает на мысль о необходимости специального рассмотрения тех социальных факторов, которые обусловили конкретный характер динамики её населения.

В не менее наглядной форме важность изучения демографических процессов выступает и на примере Англии. В средние века Англия по численности населения значительно уступала Франции, Германии, Италии и Испании. Ещё около 1600 г. в ней вместе с Шотландией, по наиболее вероятным оценкам, жило примерно 5 млн. человек. В настоящее же время её население равно 47 млн.

Развитие капиталистических отношений и всего связанного с ними нового, по сравнению с эпохой феодализма, уклада жизни

имело в Англии, очевидно, свои специфические особенности, которые и обусловили особенно бурный рост её населения в XVIII и XIX веках. Изучение этих особенностей, изучение того, как в эпоху промышленного переворота и после него изменялись в Англии коэффициенты рождаемости и смертности, совершенно необходимо для понимания исторических судеб английского народа на протяжении последних столетий.

Наконец, обращаясь к современности, укажем на то обстоятельство, что сравнительное изучение динамики населения отдельных европейских государств в настоящее время привлекает особое внимание зарубежных статистиков, экономистов и даже публицистов в широком значении этого слова. Дело в том, что эпоха империализма принесла резкое снижение рождаемости в Западной Европе. Если в начале XX в. средняя рождаемость составляла около 32 человек на тысячу жителей в год, то в 1937—1939 гг. этот показатель снизился до 20 человек на тысячу (стр. 271). Особенно сильное падение рождаемости наблюдается в странах наиболее развитой буржуазной культуры. Например в Англии в предвоенные годы коэффициент рождаемости упал до угрожающе низкой цифры — 14,9 рождения на тысячу (стр. 276). Призрак вымирания, который в XIX в. беспокоил только французов, стал ныне грозной реальностью и для Англии, той самой Англии, которая в период расцвета капитализма показала столь высокий прирост населения! Примерно до такого же низкого уровня упала рождаемость Франции, Бельгии, Швейцарии, Норвегии, Швеции, Австрии и т. д. Так как в некоторых других странах (например в Восточной и Юговосточной Европе) рождаемость остаётся на более высоком уровне, то это создаёт перспективы понижения удельного веса человеческих ресурсов западноевропейских государств по сравнению со странами Восточной Европы и других частей света. Эти перспективы подвергаются весьма оживлённому обсуждению в западноевропейской и американской литературе. Один из расчётов американских статистиков о возможной численности населения Западной Европы и СССР к 1970 г. приводит Александров в статье «Об истории учений о развитии общества»⁶. Здесь перед нами любопытный пример того, как изучение динамики населения позволяет не только лучше познавать прошлое, но в известных пределах строить прогнозы и относительно будущего.

В заключение нам хочется коротко остановиться лишь на одной проблеме, исследование которой особенно важно для марксистского объяснения роста народонаселения.

Урланис собрал и в систематическом виде изложил многочисленные данные, подтверждающие сформулированную Марксом мысль о том, что каждой стадии общественного развития соответствуют свои особые закономерности возрастания численности населения. Однако ему не удалось с достаточной ясностью показать, в силу каких

⁶ «Большевик» № 23—24 за 1945 г., стр. 35.

причин в одних социальных условиях люди размножаются быстрее, а в других медленнее. Вспомним особенности роста населения Франции или же причины резкого увеличения населения Англии в период вызванного промышленным переворотом массового пауперизма. Ещё разительнее пример Ирландии XVIII и начала XIX века. Как известно, в Ирландии того времени не наблюдалось никакого особенного благоденствия; наоборот, её народ подвергался жестокой эксплуатации со стороны английских лендлордов, и тем не менее за период с 1700 по 1840 г. её население, по единодушным оценкам большинства демографов, выросло значительно больше, чем население любой другой европейской страны. Согласно приводимым Урланисом подсчётам различных исследователей, количество жителей Ирландии за XVIII в. возросло не менее чем в два с половиной раза, а по собственным его выкладкам — даже почти в четыре раза (стр. 156—158), в то время как ни в одной стране Европы оно даже не удвоилось! Например в Англии и Шотландии население выросло всего на 60%. Чем же объясняется этот необычайный рост числа жителей Ирландии в то время, когда в ней господствовали нищета и иностранное засилье и когда в ней не наблюдалось ни хозяйственного, ни культурного подъёма? Причины этого явления не могут корениться ни в природных особенностях страны, ни в особенностях национального характера её обитателей. Мы знаем, что в той же самой Ирландии в середине XIX в. происходило беспрецедентное в истории падение численности населения.

Чтобы разобраться во всех этих конкретных особенностях динамики народонаселения отдельных стран, необходимо разработать вопрос о том, каким образом и при посредстве каких промежуточных звеньев социально-экономический строй общества оказывает определяющее влияние на коэффициенты рождаемости и смертности, от соотношения которых зависит величина естественного прироста населения. Нередко можно встретиться с упрощёнными представлениями, согласно которым уровень развития производительных сил обуславливает определённый уровень материального благосостояния народа, а этот последний, в свою очередь, непосредственно обуславливает величины рождаемости и смертности. Чем лучше живут люди, тем больше у них будто бы родится детей и тем ниже смертность, и наоборот. На самом деле положение гораздо сложнее. Каждая общественная формация, или, точнее, каждая отдельная стадия её развития, влияет на рождаемость и смертность не только непосредственно, определяя степень материальной обеспеченности населения, но также и гораздо более сложным путём, воздействуя на государственный строй, право, быт, духовную культуру и моральные нормы поведения людей.

Динамика смертности зависит не только непосредственно от экономического положения населения, но и от таких возвышающихся над экономической базой общества факторов, как уровень развития медицинской

науки, возрастная структура населения, распространение санитарно-гигиенических знаний и т. д. Только совокупным действием этих факторов и можно объяснить то, на первый взгляд, весьма странное явление, что в Западной Европе XX в. вопреки невиданным ранее экономическим кризисам, потогонной системе капиталистической «рационализации», массовой безработице и падению реальной заработной платы всё же наблюдается снижение смертности.

Произведённый Урланисом подробный анализ этого снижения смертности показывает, что в основном оно было обусловлено изменением возрастной структуры населения (увеличение удельного веса средних возрастов, имеющих наименьший коэффициент смертности) и, особенно, бурным ростом медицинских знаний, приведшим, в частности, к резкому снижению детской смертности, сильно повлиявшему в свою очередь и на общую среднюю смертность.

Раздел, в котором Урланис анализирует динамику смертности и рождаемости в Западной Европе XX в., вообще принадлежит к числу самых интересных в его книге. Он указывает, что буржуазные статистики не дают правильного анализа данных о снижении смертности. Прежде всего они не подчёркивают должным образом то обстоятельство, что в странах Западной Европы XX в. оно происходило главным образом за счёт сокращения детской смертности. Если исключить младенческую смертность (до 1 года), то коэффициент смертности в западноевропейских странах за период с 1900 по 1938 г. обнаружит снижение не на 35, а всего на 22%. Если же мы возьмём только взрослое население, то сокращение коэффициента смертности будет ещё меньшим (стр. 286). Далее, буржуазные учёные при вычислении статистических показателей движения населения абстрагируются от военных потерь. Приводя данные о жертвах первой мировой войны, Урланис показывает, что в период 1914—1918 гг. средняя для Западной Европы смертность поднялась до 23,3 человека на тысячу жителей (стр. 289—290). Учитывая все эти обстоятельства, Урланис и приходит к совершенно обоснованному выводу, что смертность взрослого населения Европы в эпоху империализма не обнаруживает того падения, о котором так часто и так упорно пишут и говорят в своих научных и публицистических сочинениях современные апологеты капиталистического общества.

К сожалению, Урланис не дошёл до конца своего критического анализа данных о динамике смертности в эпоху империализма. Он рассматривает динамику смертности только в наиболее развитых капиталистических странах, оставляя в стороне подвергающиеся империалистической эксплуатации колониальные страны. Правда, такое ограничение диктуется темой его работы, посвящённой динамике народонаселения западноевропейских государств. Но даже при такой тематике нельзя упускать из виду того, что относительное материальное благополучие, определяющее низкую смертность в странах Западной Европы, в немалой степени объясняется жестокой эксплуатацией народов ко-

лонияльного мира. В Индии смертность остаётся на весьма высоком уровне. Согласно приводимым Урланисом данным, средняя продолжительность жизни в Индии в 1931 г. равнялась приблизительно 27 годам (стр. 112), в то время как в Англии (стр. 306) она составляла в 1937 г. около 62 лет.

В этой связи нужно указать на неточность заглавия приводимой Урланисом на стр. 388 таблицы о среднем ежегодном приросте населения на различных стадиях развития Европы. Таблица озаглавлена «Рост населения в связи со сменой общественных формаций». Создается впечатление, что речь идёт о среднем приросте населения, характерном для всех стран, находящихся на данной ступени общественного развития. Например цифра прироста 0,64% в год даётся в таблице в качестве величины, характеризующей темпы роста населения в эпоху империализма вообще. На самом деле эта цифра относится только к наиболее развитым капиталистическим странам Западной Европы и не отражает положения, существующего в Индии, Китае, Африке и т. д. Если бы Урланис привёл данные и по этим странам, в которых, как известно, смертность в эпоху империализма чрезвычайно высока, то его таблица выглядела бы совершенно иначе. Автор должен был обязательно оговориться, что цифра 0,64% относится лишь к тем странам эпохи империализма, которые живут в значительной степени за счёт эксплуатации колониальных и зависимых стран.

Ещё длиннее и сложнее цепь посредствующих звеньев, связывающих социально-экономический строй общества с обусловленной им величиной рождаемости. Как известно, рождаемость в основном зависит от соотношения числа замужних и незамужних женщин, от возраста их вступления в брак и особенно от количества рождаемых каждой женщиной детей. Эти факторы, однако, обуславливаются не только непосредственно экономическим положением населения, но и специфическими особенностями форм собственности, семьи, быта и морали, складывающимися на базе определённых производственных отношений.

Известно, что в современном капиталистическом обществе противозачаточные средства и аборт применяются в наибольших масштабах как раз в самых привилегированных слоях населения, в результате чего создается парадоксальное, на первый взгляд, положение, при котором у женщин имущих классов детей рождается меньше, чем у неимущих. Мы видим, что распространившаяся в буржуазном обществе эпохи его загнивания упадочная и грубо эгоистическая мораль

высших классов, проникшая также в верхушечные слои хорошо оплачиваемой части служащих и рабочих, оказывает самое сильное и непосредственное влияние на среднюю норму рождаемости. Если к тому же учесть, что реальные возможности применения искусственного ограничения деторождения в немалой мере зависят и от уровня развития медицины и от законодательных мероприятий, то мы убедимся, что связь рождаемости с экономическим строем общества и материальными условиями существования людей действительно крайне сложна.

Именно этой сложностью влияющих на рождаемость факторов и объясняется то обстоятельство, что в наиболее передовых и богатых странах капиталистического мира рождаемость гораздо меньше, чем в более отсталых странах, подвергавшихся жестокой эксплуатации иностранного капитала. В последние предвоенные годы (с 1933 по 1938 г.) в Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Швеции и Норвегии коэффициент рождаемости был равен 14—16 чел. на тысячу жителей, а в Румынии, Греции, Югославии и Португалии он колебался в пределах от 28 до 31 рождения на тысячу человек (стр. 176).

В условиях социалистического строя, когда государство осуществляет планомерную систему мероприятий в помощь многодетным матерям и когда складывается новая мораль, в корне отличная от упадочнической морали капиталистического общества, рост материального благосостояния народа неизменно сопровождается и ростом рождаемости. Известно, что в последние предвоенные годы рождаемость в Советском Союзе достигла таких размеров, о которых не смеют даже мечтать в самых богатых англо-саксонских странах.

Вернёмся к исходному пункту статьи — к разбору книги Урланиса. Мы указали на ряд её слабых сторон, ошибок и неточностей. Всё это, однако, не должно преуменьшать её значения как единственного по своей полноте пособия по истории роста населения Европы, как работы, ставящей перед историками настоятельный вопрос о необходимости максимального привлечения материалов по динамике народонаселения для решения целого ряда весьма важных проблем средневековой и новой истории. Некоторые из этих проблем мы и указали, надеясь привлечь внимание советской исторической общественности к столь актуальной, с точки зрения марксистской историографии, задаче изучения истории народонаселения.

Ю. Корхов

РЕЦЕНЗИИ

НЕЧКИНА М., проф. «Следственное дело о А. С. Грибоедове». Изд-во АН СССР. М. — Л. 1945. 94 стр. 4 руб.

Содержание книги шире рамок, очерченных её заглавием. Собственно источниковедческому изучению дела Грибоедова уделены лишь первые её страницы. В дальнейших частях рассматриваются вопросы о поведении Грибоедова во время следствия, об отношении его к тайному обществу декабристов, о встрече его летом 1825 г. в Киеве с членами Южного общества и о вероятном содержании его бесед с ними, о характере и мотивах его «душевной драмы» в последние годы жизни, о незаконченности следствия по его делу и о причинах его прекращения. Строя исследование на богатом фактическом материале, автор устанавливает ряд твердо обоснованных положений, преимущественно хронологического порядка, важных для понимания биографии Грибоедова в 1824—1826 годах. Так, автором установлено, что окончание работы поэта над «Горем от ума» падает на весну 1825 г. (стр. 92—93); выяснено, когда именно были произведены Рылеевым и членами Южного общества попытки привлечения Грибоедова в тайное общество (стр. 48, 50, 51); установлено время возникновения первых признаков «душевной драмы» Грибоедова, отсутствие связи её с мнимым «иссякновением» его творчества и весьма вероятная связь её с политическими беседами Грибоедова с декабристами в Петербурге и в Киеве в 1825 году (стр. 72—78).

В первой главе книги даётся описание вошедших в состав следственного «дела» о Грибоедове документов (Центральный государственный архив древних актов, ф. 48, д. № 174). Следующая далее (стр. 14—24) характеристика поведения Грибоедова на следствии построена на сопоставлении мемуарных свидетельств и документальных данных следственного дела. Автор приходит к заключению, что Грибоедов, при видимой откровенности своих показаний, по существу, проявил очень большую сдержанность и уклончивость. Основным в содержании его ответов было отрицание не только своей принадлежности к тайному обществу, но и какого-либо подозрения о его существовании.

Вопрос о действительных отношениях Грибоедова к тайному обществу автор подразделяет на два частных вопроса: знал ли Грибоедов о тайном обществе и был ли он его членом. На основании анализа показаний Рылеева, А. Бестужева и мемуарных свидетельств Яблочковой и Девиса Давыдова (стр. 25—33) автор приходит к выводу, что

осведомленность Грибоедова о существовании тайного общества, о его программных и тактических планах, о персональном и количественном составе его членов была такой значительной, что могла быть доступна только члену организации. Однако источники, на которые автор ссылается, не дают основания для такого заключения. Из их совокупности явствует с несомненностью лишь то, что о политических взглядах своих друзей-декабристов Грибоедов знал и взгляды эти разделял, но только как их личные воззрения, а не как официально принятые пункты программы или, по крайней мере, программные положения тайной организации. Формулировка Рылеева в показаниях от 14 февраля 1826 г. (дело № 174, л. 5), надо полагать, совершенно точно указывает предел, далее которого не пошло в данном отношении дело. «С Грибоедовым я имел несколько общих разговоров о положении России и делал ему намёки о существовании общества, имеющего целью переменить образ правления в России и ввести конституционную монархию; но как он полагал Россию к тому ещё неготовую и к тому же неохотно входил в суждения о сем предмете, то я и оставил его. Поручений ему никаких не было сделано, ибо, хотя он и из намёков моих мог знать о существовании общества, но, не будучи принят мною, совершенно не имел права на доверенность Думы. Слышал я от Трубецкого, что во время бытности Грибоедова в прошлом году в Киеве некоторые члены Южного общества также старались о принятии его, но не успели в том по тем же причинам, по каким и я принуждён был оставить его».

С этой формулировкой Рылеева согласно и показание самого Грибоедова от 24 февраля 1826 г. (д. № 174, л. 14). Признав своё знакомство с А. Бестужевым, Рылеевым, Кюхельбекером, Одоевским и Оболенским, он показал: «От всех сих лиц ничего не слышал могущего мне дать малейшую мысль о тайном обществе. В разговорах их видел часто смелые суждения насчёт правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего». Поэтому заключения автора об осведомленности Грибоедова о тех или иных «пунктах уставов» и программ декабристов, а также о делах тайного общества представляются неубедительными. Равным образом необоснованным следует признать и положение, что «Грибоедов был членом тайного общества» (стр. 34—49). Имеется ряд показаний декабристов о непринадлежности его к обществу,

и среди них свидетельства А. Бестужева, Одоевского и Рылеева, особенно близких ему. Имеющиеся же признания его принадлежности к организации сопровождаются оговорками, высказываются как предположения. Утвердительное показание фон дер Бриггена, говорящего со слов других членов общества, ослабляется оговоркою «и, кажется, Грибоедова». Показание Н. Н. Оржицкого малодостоверно, потому что, причисляя к известным ему членам общества Грибоедова, он называет членами также никогда не состоявших в обществе Булгарина, Греча, Дельвига, второго Муханова. Оболенский о принадлежности Грибоедова к обществу говорит со слов Рылеева и притом неуверенно, с оговорками. На разговор с Рылеевым как на источник своих сведений о принадлежности Грибоедова к обществу ссылается и Трубенкой. Однако мнение его о принадлежности Грибоедова к обществу было лишь собственной его догадкой на основании двух произвольно им истолкованных неясных слов Рылеева.

В вопросе о принадлежности Грибоедова к организации декабристов решающим является приведённое выше показание Рылеева, и оно совершенно определённо даёт ответ отрицательный. Правда, автор книги полагает, что приём Грибоедова в тайное общество носил особый — неполный, незавершённый характер (стр. 49). Равным образом и П. Е. Шеголев в 1903 г. в статье «А. С. Грибоедов в 1826 году» говорил не о вступлении или приёме Грибоедова в общество, а лишь о каком-то «избрании» его в члены общества декабристов. Однако и эти ограничительные формулировки исследователей идут всё же далее того, что можно утверждать на основе фактов. И как вообще можно говорить о принятии в политическую организацию человека, никогда определённо не заявлявшего о своём согласии на вступление в её ряды?

Гипотеза автора, что членов Васильковской управы во время свидания их с Грибоедовым в первую очередь интересовало установление через него связей с Кавказ-

ским корпусом Ермолова, представляется весьма правдоподобной (стр. 50—72). Но едва ли правильна мысль автора, что вопрос о принятии Грибоедова в общество в глазах васильковских членов имел второстепенное значение, так как в силу доверия к Грибоедову они считали возможным обратиться к нему с важными поручениями и независимо от принадлежности его к организации: разумеется, и для них так же, как ранее для Рылеева, без предварительного вступления Грибоедова в общество была совершенно исключена возможность разговоров с ним о каких бы то ни было поручениях. Следует сказать, что поведение Грибоедова в Киеве, резко оборвавшего начатые южными членами разговоры о тайном обществе и уехавшего, не простившись с ними, даёт дополнительный аргумент против версии о принятии его в члены общества Рылеевым в Петербурге. Имей этот приём место в действительности, уклонение Грибоедова через несколько недель после него от разговоров о делах общества и от возможных поручений было бы с его стороны малодушным отступничеством, совершенно несовместимым со всем моральным обликом поэта, а Рылеев оказался бы повинен в покровительстве этого недостойного поведения принятого им члена. Такое поведение Грибоедова было бы несовместимо и с последующими отношениями его к декабристам и декабристов к нему.

Однако необоснованность предположения М. В. Нечкиной о принадлежности Грибоедова к тайному обществу не снижает ценности её книги. Значение этой книги заключается в том, что она с чрезвычайной полнотой аргументации показывает исключительную близость Грибоедова к декабристам и по взглядам, и по личным связям, и по осведомленности, хотя лишь из намёков друзей, о существовании и планах их организации и с неопровержимой доказательностью опровергает всякие сомнения в демократизме Грибоедова.

Б. Сыроечковский

ТАРЛЕ Е. В., акад. «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774 гг.». Изд-во АН СССР. М.—Л. 1945.

Новый труд акад. Е. В. Тарле представляет собой главу из готовящегося им к печати исследования «Внешняя политика России при Екатерине II» и посвящён знаменитой экспедиции 1769—1774 гг. в Архипелаг, когда впервые русский флот крупными соединениями покинул пределы Балтийского моря, обогнув Европу, вошёл в Средиземное море и, нанеся сокрушительные удары морской мощи Турции, в течение почти пяти лет господствовал в водах Архипелага.

До сего времени эта страница из истории нашего флота не была освещена с должной полнотой, и автор совершенно прав в утверждении, что существующая о ней лите-

ратура «крайне скудна количественно и в большинстве случаев состоит из кратких популяризаций». Добавим к этому, что последние преимущественно охватывают лишь начальный период экспедиции с его центральным событием — Чесменским боем, оставляя в тени или совсем выпуская деятельность флота и события последующих четырёх лет (1771—1774).

Между тем проведённая в сложной политической, стратегической и оперативной обстановке экспедиция эта и по замыслу, и по задачам, и по результатам представляет собой высокопоучительный пример использования морской силы как «второй руки «По-

и среди них свидетельства А. Бестужева, Одоевского и Рылеева, особенно близких ему. Имеющиеся же признания его принадлежности к организации сопровождаются оговорками, высказываются как предположения. Утвердительно показание фон дер Бриггена, говорящего со слов других членов общества, ослабляется оговоркою «и, кажется, Грибоедова». Показание Н. Н. Оржицкого малодостоверно, потому что, причисляя к известным ему членам общества Грибоедова, он называет членами также никогда не состоявших в обществе Булгарина, Греча, Дельвига, второго Муханова. Оболенский о принадлежности Грибоедова к обществу говорит со слов Рылеева и притом неуверенно, с оговорками. На разговор с Рылеевым как на источник своих сведений о принадлежности Грибоедова к обществу ссылается и Трубенкой. Однако мнение его о принадлежности Грибоедова к обществу было лишь собственной его догадкой на основании двух произвольно им истолкованных неясных слов Рылеева.

В вопросе о принадлежности Грибоедова к организации декабристов решающим является приведённое выше показание Рылеева, и оно совершенно определённо даёт ответ отрицательный. Правда, автор книги полагает, что приём Грибоедова в тайное общество носил особый — неполный, незавершённый характер (стр. 49). Равным образом и П. Е. Шеголев в 1903 г. в статье «А. С. Грибоедов в 1826 году» говорил не о вступлении или приёме Грибоедова в общество, а лишь о каком-то «избрании» его в члены общества декабристов. Однако и эти ограничительные формулировки исследователей идут всё же далее того, что можно утверждать на основе фактов. И как вообще можно говорить о принятии в политическую организацию человека, никогда определённо не заявлявшего о своём согласии на вступление в её ряды?

Гипотеза автора, что членов Васильковской управы во время свидания их с Грибоедовым в первую очередь интересовало установление через него связей с Кавказ-

ским корпусом Ермолова, представляется весьма правдоподобной (стр. 50—72). Но едва ли правильна мысль автора, что вопрос о принятии Грибоедова в общество в глазах васильковских членов имел второстепенное значение, так как в силу доверия к Грибоедову они считали возможным обратиться к нему с важными поручениями и независимо от принадлежности его к организации: разумеется, и для них так же, как ранее для Рылеева, без предварительного вступления Грибоедова в общество была совершенно исключена возможность разговоров с ним о каких бы то ни было поручениях. Следует сказать, что поведение Грибоедова в Киеве, резко оборвавшего начатые южными членами разговоры о тайном обществе и уехавшего, не простившись с ними, даёт дополнительный аргумент против версии о принятии его в члены общества Рылеевым в Петербурге. Имей этот приём место в действительности, уклонение Грибоедова через несколько недель после него от разговоров о делах общества и от возможных поручений было бы с его стороны малодушным отступничеством, совершенно несовместимым со всем моральным обликом поэта, а Рылеев оказался бы повинен в покровительстве этого недостойного поведения принятого им члена. Такое поведение Грибоедова было бы несовместимо и с последующими отношениями его к декабристам и декабристов к нему.

Однако необоснованность предположения М. В. Нечкиной о принадлежности Грибоедова к тайному обществу не снижает ценности её книги. Значение этой книги заключается в том, что она с чрезвычайной полнотой аргументации показывает исключительную близость Грибоедова к декабристам и по взглядам, и по личным связям, и по осведомленности, хотя лишь из намёков друзей, о существовании и планах их организации и с неопровержимой доказательностью опровергает всякие сомнения в демократизме Грибоедова.

Б. Сыроечковский

ТАРЛЕ Е. В., акад. «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774 гг.». Изд-во АН СССР. М.—Л. 1945.

Новый труд акад. Е. В. Тарле представляет собой главу из готовящегося им к печати исследования «Внешняя политика России при Екатерине II» и посвящён знаменитой экспедиции 1769—1774 гг. в Архипелаг, когда впервые русский флот крупными соединениями покинул пределы Балтийского моря, обогнув Европу, вошёл в Средиземное море и, нанеся сокрушительные удары морской мощи Турции, в течение почти пяти лет господствовал в водах Архипелага.

До сего времени эта страница из истории нашего флота не была освещена с должной полнотой, и автор совершенно прав в утверждении, что существующая о ней лите-

ратура «крайне скудна количественно и в большинстве случаев состоит из кратких популяризаций». Добавим к этому, что последние преимущественно охватывают лишь начальный период экспедиции с его центральным событием — Чесменским боем, оставляя в тени или совсем выпуская деятельность флота и события последующих четырёх лет (1771—1774).

Между тем проведённая в сложной политической, стратегической и оперативной обстановке экспедиция эта и по замыслу, и по задачам, и по результатам представляет собой высокопоучительный пример использования морской силы как «второй руки «По-

тентата». Именно так и рассматривает автор деятельность и достижения флота, выполнявшего поставленную перед ним задачу — оказать содействие армии Румянцева на Дунайском театре войны, имея основной целью «уничтожить неприятелю чувствительную диверсию» со стороны Греции и Архипелага.

Это содействие должно было выразиться в поднятии и поддержке восстаний балканских (морейских) греков и славян и образовании здесь крупных очагов борьбы для отвлечения значительных сил противника с главного театра войны; в нарушении морских коммуникаций для прекращения торговли и подвоза снабжения и продовольствия в метрополю из средиземноморских областей Турции (острова Архипелага, Сирия, Египет) с целью «оголодать» Константинополь и затруднить питание турецких армий; в блокаде Дарданелл и отдельных районов побережья Балканского полуострова и Малой Азии, связывая тем наличные здесь силы, которые могли быть переброшены на Дунайский театр войны, и т. п.

Флот сделал значительно больше того, что ставилось ему в задачу: он дважды уничтожил флот противника (Чесма, Патрас), овладел морем и обеспечил себе «свободные руки» для дальнейшего выполнения своих задач.

Всё это наглядно показано автором, привлекаям большей частью ещё не использованный материал. Как оценивались стратегическая обстановка и достижения флота после разгрома турецкого флота при Чесме, лучше всего свидетельствует приводимая автором оценка самой Екатерины (стр. 74): «Флот наш разделяет неприятельские силы и знатно уменьшает их главную армию. Порты... принуждена, не зная, куда намерение наше клонится, усыпать военными людьми все свои приморские места как в Азии, так и в Европе... теряет все выгоды от Архипелага и от своей торговли... принуждена остальные свои морские силы разделить между Дарданеллами и Чёрным морем... да и сам Царьград не без трепета видит флот наш в таком близком от них расстоянии».

Того же мнения была и противная сторона. Турецкий министр иностранных дел Ресми-эффенди должен был признать, что неприятель, господствуя на море, «три года сряду, зимой и летом, шатался по этим опасным водам (Архипелага. — Н. Н.) без малейшего вреда, и даже нашёл средства запретить Дарданеллы... так что ни один наш корабль не мог выйти из пролива» (стр. 62).

Оба эти свидетельства с очевидностью показывают, что флот полностью выполнил свои задачи, доказав, как говорит автор, «что у русского «Потентата» налицо обе руки» (стр. 60).

С особым интересом читаются страницы, посвящённые изложению политической обстановки, в которой зародилась идея экспедиции и в которой она осуществлялась. Предупреждая, что одной из задач труда является «уточнение того места, которое экспедиция в Архипелаг вообще, а Чесменский бой в частности занимают в истории русской внешней политики во времена Екатерины», автор с присущим ему мастерством излагает

сущность международных отношений и дипломатической борьбы, сопровождавших экспедицию на всех её этапах. До сего времени эта сторона оставалась наименее освещённой.

Тот факт, что за время войны Россия отравила из состава Балтийского флота в отдалённые воды Архипелага пять эскадр, насчитывавших в своём составе 20 линейных кораблей и 5 фрегатов (не считая мелких судов разного ранга), указывает, что такое ослабление морских сил на Балтийском море было возможно лишь при полной уверенности в том, что политическая обстановка позволяет это сделать, т. е. что балтийские соседи (Швеция) не используют этого ослабления для сведения старых счётов. Самый переход отдельных эскадр через воды, омывающие берега лежащих на пути иностранных государств, прежде всего требовал для флота того, что на оперативном языке называется «политическим обеспечением», т. е. гарантии, что флот не делается объектом неожиданного удара со стороны вероятного противника, до поры удерживающегося от открытого разрыва. Именно такую позицию занимала Франция, уже толкнувшая Турцию на войну, усиленно интриговавшая в Польше и подстрекавшая Швецию к выступлению против России. За Францией стояла и союзная ей Испания.

Привлекая большой новый и интересный материал, автор исчерпывающе освещает вопрос, как была обеспечена русскому флоту свобода действий в Архипелаге и как искусно использовала русская дипломатия противоречия между двумя основными морскими соперниками — Англией и Францией — для устранения угрозы со стороны последней и союзной с ней Испании.

Расчёт на эти противоречия полностью оправдался: британский кабинет заверил русского посла в Лондоне, что «Англия не потерпит франко-испанского нападения на русскую эскадру» (стр. 4). Сложная игра Екатерины II и её дипломатов на англо-французских противоречиях была выиграна.

Широко освещая боевую деятельность флота в Архипелаге и дополняя известные факты новыми данными, автор снабжает описание боевых событий яркими характеристиками их участников — А. Орлова, Спиридова, Грейга, Эльфинстона, В. Долгорукова и др. Операции флота в Эгейском море и у берегов Морей дополнены описанием малоизвестных экспедиций крейсеров к побережьям Сирии, Ливана и Египта.

Автором использован как русский, так и иностранный архивный и печатный материал, указанный в конце книги.

Особенно ценным следует признать использование автором наряду с другими архивными материалами таких специфически военно-морских первоисточников, как «шкапенные журналы», представляющие собой последовательные, из часа в час, корабельные записи происходящих (на корабле и в поле его видимости) событий, которые дают исследователю возможность с максимальной точностью устанавливать последовательность хода боя, моменты важнейших распоряжений и сигналов командования, дея-

тельность отдельных соединений и кораблей. Так, для Хиосского и Чесменского сражений автором использован шканечный журнал флагманского корабля А. Орлова «Три иерарха», а для описания сражения у Патраса — такой же журнал корабля «Граф Орлов», на котором держал свой брeid-вымпел капитан I ранга Коняев, начальник отряда, уничтожившего «дульдинотскую» эскадру.

Можно пожелать, чтобы и другие исследователи военно-морского прошлого следо-

вали примеру акад. Е. В. Тарле в использовании этих материалов.

Труд Е. В. Тарле является новым ценным вкладом в военно-морскую историческую литературу и, помимо освещения вопросов внешней политики России екатерининского времени, представляет собой главу славного прошлого нашего флота.

Н. Новиков

«Генерал Багратион». Сборник документов и материалов под ред. С. Н. Голубова и полк. Ф. Е. Кузнецова. Государственное издательство политической литературы. 1945. 279 стр.

Историческая наука не дала ещё исчерпывающей характеристики тех военачальников, имена которых воплотили в себе славную эпопею войны 1812 года. У нас нет ещё полной и обстоятельно документированной биографии Кутузова, Барклая де Толли, Багратиона и их сподвижников. Характеристика полководцев русской армии в трудах дореволюционных военных историков отличается субъективностью и часто внутренней противоречивостью. Не избежала этого и характеристика генерала П. И. Багратиона, построенная на документации, весьма ограниченной и невысокой по качеству. Несколько писем Багратиона Ермолову, Аракчееву, Александру I, единичные боевые донесения — вот те далеко не основные материалы, взятые зачастую из устаревших, неудовлетворительных публикаций, которыми обычно оперировали биографы Багратиона. Следует поэтому признать, что опубликование как ещё не изданных, так и вновь проверенных по архивным подлинникам основных источников о боевой деятельности русских полководцев совершенно необходимо для углублённого изучения их военного мастерства. Выход в свет сборника документов о военной деятельности генерала Багратиона, несомненно, является положительным вкладом в дело изучения истории русского военного искусства.

Большим достоинством рецензируемого сборника является его монографичность. Перед нами проходит вся военная деятельность полководца, что позволяет проследить её характерные черты. Уже одно только ознакомление с заключёнными в сборнике документами заставит каждого внимательного читателя пересмотреть и радикальным образом исправить прежнюю, широко распространённую, но поверхностную характеристику выдающегося полководца.

Во главе материалов сборника поставлен формулярный список Багратиона, своеобразным образом пополнивший и доведённый до дня его смерти. Этот приём вполне целесообразен, однако в целях большей документальной точности следовало бы добавления

более чётко отделить от подлинного документа.

Основной материал по объёму разделяется на две приблизительно равные части: войны 1799 — 1811 гг. и Отечественная война 1812 года. Документы первого раздела свидетельствуют о росте Багратиона как полководца и стратега. В начале своей военной деятельности, в итальянских походах, он ещё не вполне самостоятелен. Скупые материалы рисуют его как выдающегося ученика Суворова. В кампании 1805 г. Багратион совершает свой знаменитый подвиг под Шенграбеном, доставивший ему всеобщее признание и исключительную популярность. В русско-шведской войне 1808—1809 гг. и русско-турецкой войне 1810—1812 гг. Багратион выступает уже как зрелый полководец. Мы знакомимся с его широкими, смелыми и разумными планами, характеризующими Багратиона не только как блестящего, самоотверженного исполнителя отдельных заданий, но и как стратега, который на основе суворовского военного искусства способен разобраться в сложной обстановке и найти оригинальные решения.

Сложнее разрешается вопрос относительно отбора документов о Багратионе по кампании 1812 года. Составители сборника, как сказано об этом в предисловии, задались целью воспроизвести не все материалы о знаменитом герое Отечественной войны и не все документы, непосредственно им составленные, а лишь основные, «которые могли бы дать последовательное изложение его полководческой деятельности». Авторы сборника преимущественно использовали донесения, рапорты и письма, которые посылал главнокомандующий второй Западной армией военному министру и императору, и некоторые другие документы: письма Аракчееву, Чичагову, Тормасову, Платову (последние почему-то перепечатаны с копий, хотя в этом не было нужды).

Такой отбор документов является спорным. Очевидно, под основными документами в данном случае надо понимать не столько материалы, последовательно передающие

тельность отдельных соединений и кораблей. Так, для Хиосского и Чесменского сражений автором использован шканечный журнал флагманского корабля А. Орлова «Три иерарха», а для описания сражения у Патраса — такой же журнал корабля «Граф Орлов», на котором держал свой брeid-вымпел капитан I ранга Коняев, начальник отряда, уничтожившего «дульдинотскую» эскадру.

Можно пожелать, чтобы и другие исследователи военно-морского прошлого следо-

вали примеру акад. Е. В. Тарле в использовании этих материалов.

Труд Е. В. Тарле является новым ценным вкладом в военно-морскую историческую литературу и, помимо освещения вопросов внешней политики России екатерининского времени, представляет собой главу славного прошлого нашего флота.

Н. Новиков

«Генерал Багратион». Сборник документов и материалов под ред. С. Н. Голубова и полк. Ф. Е. Кузнецова. Государственное издательство политической литературы. 1945. 279 стр.

Историческая наука не дала ещё исчерпывающей характеристики тех военачальников, имена которых воплотили в себе славную эпопею войны 1812 года. У нас нет ещё полной и обстоятельно документированной биографии Кутузова, Барклая де Толли, Багратиона и их сподвижников. Характеристика полководцев русской армии в трудах дореволюционных военных историков отличается субъективностью и часто внутренней противоречивостью. Не избежала этого и характеристика генерала П. И. Багратиона, построенная на документации, весьма ограниченной и невысокой по качеству. Несколько писем Багратиона Ермолову, Аракчееву, Александру I, единичные боевые донесения — вот те далеко не основные материалы, взятые зачастую из устаревших, неудовлетворительных публикаций, которыми обычно оперировали биографы Багратиона. Следует поэтому признать, что опубликование как ещё не изданных, так и вновь проверенных по архивным подлинникам основных источников о боевой деятельности русских полководцев совершенно необходимо для углублённого изучения их военного мастерства. Выход в свет сборника документов о военной деятельности генерала Багратиона, несомненно, является положительным вкладом в дело изучения истории русского военного искусства.

Большим достоинством рецензируемого сборника является его монографичность. Перед нами проходит вся военная деятельность полководца, что позволяет проследить её характерные черты. Уже одно только ознакомление с заключёнными в сборнике документами заставит каждого внимательного читателя пересмотреть и радикальным образом исправить прежнюю, широко распространённую, но поверхностную характеристику выдающегося полководца.

Во главе материалов сборника поставлен формулярный список Багратиона, своеобразным образом пополнивший и доведённый до дня его смерти. Этот приём вполне целесообразен, однако в целях большей документальной точности следовало бы добавления

более чётко отделить от подлинного документа.

Основной материал по объёму разделяется на две приблизительно равные части: войны 1799 — 1811 гг. и Отечественная война 1812 года. Документы первого раздела свидетельствуют о росте Багратиона как полководца и стратега. В начале своей военной деятельности, в итальянских походах, он ещё не вполне самостоятелен. Скупые материалы рисуют его как выдающегося ученика Суворова. В кампании 1805 г. Багратион совершает свой знаменитый подвиг под Шенграбеном, доставивший ему всеобщее признание и исключительную популярность. В русско-шведской войне 1808—1809 гг. и русско-турецкой войне 1810—1812 гг. Багратион выступает уже как зрелый полководец. Мы знакомимся с его широкими, смелыми и разумными планами, характеризующими Багратиона не только как блестящего, самоотверженного исполнителя отдельных заданий, но и как стратега, который на основе суворовского военного искусства способен разобраться в сложной обстановке и найти оригинальные решения.

Сложнее разрешается вопрос относительно отбора документов о Багратионе по кампании 1812 года. Составители сборника, как сказано об этом в предисловии, задались целью воспроизвести не все материалы о знаменитом герое Отечественной войны и не все документы, непосредственно им составленные, а лишь основные, «которые могли бы дать последовательное изложение его полководческой деятельности». Авторы сборника преимущественно использовали донесения, рапорты и письма, которые посылал главнокомандующий второй Западной армией военному министру и императору, и некоторые другие документы: письма Аракчееву, Чичагову, Тормасову, Платову (последние почему-то перепечатаны с копий, хотя в этом не было нужды).

Такой отбор документов является спорным. Очевидно, под основными документами в данном случае надо понимать не столько материалы, последовательно передающие

внешний, не раз уже описанный военными историками ход событий, сколько материалы, которые способны осветить внутреннюю их обусловленность. Последнее имеет особое значение для изучения роли Багратиона в Отечественной войне. Известно, что Барклай де Толли и официальные правящие круги России, подытоживая события первого периода войны, указывали на Багратиона как на главного «виновника» того обстоятельства, что задуманные командованием планы не были выполнены и неприятельские войска дошли до Смоленска. В своих оправдательных записках и донесениях императору военный министр ссылался на якобы проявленную Багратионом нерешительность и нераспорядительность, послужившие основной причиной неудач первых месяцев войны. Эти замечания, с которыми был согласен и Александр I, проникли в труды официальных историков. Теперь мы по-иному оцениваем планы, которых придерживалось главное командование, и боевые заслуги Багратиона в сложные дни Отечественной войны для нас несомненны. Всё же проблема взаимоотношений между двумя командующими основными армиями не может считаться решённой. Эта проблема и является тем основным вопросом, с которым читатель обращается к материалам о Багратионе.

Однако воспроизведённые в сборнике документы, на большей части которых строилась официальная оценка действий Багратиона, мало пригодны для решения этого основного вопроса. Исследователю придётся обратиться к другому важнейшему источнику — переписке Багратиона с Тормасовым и Платовым, в своё время опубликованной П. И. Щукиным, но в целом научно ещё не обследованной. Составители сборника почему-то обошли эту важнейшую документацию, используя лишь единичные письма, взятые из старых изданий и с не вполне точных копий (см. документы №№ 82, 88, 89, 99). Между тем переписка Багратиона с командирами частей, примыкающих к его армии, включающая в себя почти все сведения, которые имеются в официальных донесениях царю и военному министру, гораздо точнее обрисовывает события. В ней много важных подробностей, которые командующий второй армией не считал нужным доводить до сведения своего верховного начальства, она включает также мысли Багратиона, которые он расценивал только как свои личные соображения. Целарем Барклай де Толли относился к сношениям Багратиона с Платовым с исключительной подозрительностью. Из отдельных моментов, которые заочтены в этой переписке и не нашли своего отражения в опубликованных в сборнике документах, упомянем о столь характерном для Багратиона отношении его к инциденту между Платовым и Дороховым, замысле операций у Воложина, мотивировке действий на Могилёвском направлении.

Но главное значение опубликованной П. И. Щукиным документации заключается в том, что только она обрисовывает те трудности, которые пришлось преодолеть Багратиону, и вместе с тем показывает, насколько

ко несправедливы были нарекания по его адресу. Мы имеем в виду ненормальное положение, в которое был поставлен Багратион в отношении к Тормасову и в особенности к Платову. Пока последний не был подчинён Багратиону, выполнение сложных заданий и самостоятельных замыслов командующего второй армией было чрезвычайно затруднено. Поэтому для освещения боевой деятельности Багратиона до объединения армий под Смоленском, по нашему мнению, целесообразнее было бы в качестве основной документации использовать его вышеназванную переписку, включив в неё другие отдельные документы, тем более что переписка была издана Щукиным очень ограниченным тиражом.

Следует также отметить, что составители сборника иногда излишне суживают материал. Укажем в качестве примера на то, что материалы об участии Багратиона в Бородинском сражении совершенно пропущены. Произошло это, очевидно, потому, что исходящих непосредственно от Багратиона документов не имеется. Но ведь зато есть документальные свидетельства очевидцев. Их и надо было использовать для освещения героического эпизода, завершившего славный жизненный путь Багратиона, тем более что в первых главах сборника приводятся не непосредственно исходящие от Багратиона документы, а материалы, описывающие его деятельность.

Комментарии очень скупы и размещены не всегда удачно. К донесению о сражении при Шенграбене дана очень краткая справка (стр. 37); подробнее о нём сказано уже в разделе 1812 года (стр. 180), причём здесь оно безоговорочно обозначено как сражение, происходившее в местечке Голлабрун. Излишне суммарны примечания на стр. 182, 195 и др.

К сожалению, составители сборника допустили некоторые досадные ошибки. Так, например, помещён на стр. 36 документ, озаглавленный «Письмо П. И. Багратиона великому князю Константину Павловичу о победе под Ульмом», хотя известно, что под Ульмом, где была разбита Наполеоном австрийская армия, русских войск не было. Очевидно, в этом письме Багратион сообщает о своей победе под Шенграбеном (судя по месту отсылки письма), и письмо должно датироваться не октябрём, а ноябрём 1805 года.

Во втором примечании, на стр. 133, сказано: «Рейнский союз заключён Наполеоном I в 1806 г. с шестнадцатью немецкими государствами». Составители сборника не заметили, что их пояснение не вяжется с текстом документа. Рейнский союз был союзным государством, а не дипломатическим актом.

Несмотря на эти критические замечания, следует признать, что составители сборника проделали весьма важную и своевременную работу, снабдив специалистов-исследователей и широкий круг читателей важными и в значительной части впервые публикуемыми документами о военной деятельности очень популярного полководца русской армии.

П. Рындинский

«Адмирал Нахимов». Под ред. капитана 1-го ранга Н. Новикова и канд. истор. наук П. Г. Софинова. Предисловие акад. Е. В. Тарле. Глазное архивное управление НКВД и Институт истории АН СССР. Военно-морское изд-во НКВМФ Союза ССР. М.—Л. 1945. 250 стр.

Среди имён знаменитых русских флотоводцев имя адмирала Павла Степановича Нахимова, героя Синопского боя, организатора и вдохновителя обороны Севастополя в 1854—1855 гг., пользуется наибольшей популярностью.

Акад. Е. В. Тарле в предисловии к рецензируемой книге говорит: «Но все, писавшие о Нахимове, высказывают сожаление, что потомство будет знать об отдельных геройских подвигах великого адмирала и всё-таки никогда не узнает, до какой степени его жизнь была сплошным жертвенным подвигом труда, мысли, воли, подвигом ежедневным, совершавшимся не только в морском бою или на севастопольских редутах и люнетах, но и в мирное время, когда он воспитывал свою команду «нахимовских моряков», как тогда называли черноморских моряков. И вот этот-то пробел, который остаётся при чтении мемуарной литературы о Нахимове, и восполняется в значительной мере печатаемыми в предлагаемом сборнике документами» (стр. 8).

Нельзя не согласиться с этой оценкой документов сборника. Достаточно сказать, что большинство документов (106 из 168) публикуется впервые, да и все остальные перепечатаны из редких изданий и старых журналов.

Составители сборника поставили своей целью отразить весь жизненный путь адмирала Нахимова с его детских лет до момента смерти. Документы систематизированы по семи разделам: I. Годы учения (1815—1818). II. Первые годы военно-морской службы (1818—1833). III. Деятельность П. С. Нахимова в Черноморском флоте до начала Крымской войны (1834—1853). IV. Военные действия русского флота под командованием П. С. Нахимова в начале Крымской войны. Уничтожение турецкого флота в Синопском сражении. V. П. С. Нахимов — организатор и вдохновитель обороны Севастополя. VI. Ранение и смерть П. С. Нахимова. VII. Современники о П. С. Нахимове.

В сборнике собраны рапорты, донесения, предписания, приказы, выписки из отчётов, из шканечных журналов, письма, воспоминания и другие документы, которые характеризуют адмирала Нахимова как знаменитого флотоводца, крупнейшего организатора, воспитателя моряков, великого русского патриота.

В сборнике впервые опубликованы ценные документы, свидетельствующие о деятельности Нахимова в Черноморском флоте в годы, предшествовавшие Крымской войне (1834—1853). Здесь можно найти и новые интересные данные о таких знаменательных исторических событиях, как Наваринское сражение, Синопский бой.

Исключительный интерес для изучения Нахимова как командира и флотоводца представляют его приказы и предписания, рассеянные по разным разделам сборника. Богатый материал для характеристики лич-

ности Нахимова дают письма и воспоминания современников.

Конечно, трудно достигнуть одинаково полного освещения всех периодов жизни и деятельности П. С. Нахимова и одинаковой насыщенности всех разделов сборника документами. Однако один из центральных разделов сборника, посвящённый обороне Севастополя, вызывает законную неудовлетворённость. Опубликованные здесь документы не дают полного, а следовательно, и правильного представления о совершенно исключительной роли Нахимова в обороне Севастополя. В сборнике нет ни одного документа, рисующего кипучую деятельность Нахимова по перевозке орудий с кораблей на береговые бастионы, по вооружению батарей северной стороны в сентябрьские дни 1854 года; нет документов о выводе 2 октября оставшихся кораблей из Южной бухты и о расстановке их для использования в дальнейшем для обороны Севастополя.

Очень бледно отражена деятельность Нахимова по организации обороны в день первой бомбардировки Севастополя противником 5(17) октября 1854 года. Авторы ограничились лишь донесениями главнокомандующего Меншикова. Не освещена роль Нахимова во время штурма 6 (18) июня 1855 г., хотя акад. Тарле в своей книге «Крымская война» (т. II, стр. 395) правильно говорит, что это кровавое поражение союзников покрыло новой славой имя Нахимова. В этом разделе нет таких ярких документов о роли Нахимова во время штурма противником Селенгинского и Вольнского редутов и Камчатского люнета 26 мая 1855 г., какие приводит акад. Тарле в том же томе своего труда (стр. 334) из «Описания обороны Севастополя» генерал-адъютанта Тотлебена.

Этот раздел следовало бы пополнить если не новыми документами, то хотя бы материалами, уже ранее опубликованными и дающими более полную характеристику всех сторон деятельности Нахимова в героические дни севастопольской обороны. Собранные здесь документы не дают представления о той тяжёлой обстановке, в которой приходилось действовать адмиралу Нахимову после смерти вице-адмирала Корнилова и в которой он должен был организовать оборону Севастополя, преодолевая стремление высшего командования подготовить сдачу крепости. Приводится слишком много документов, связанных с именем князя Меншикова, чем незаслуженно повышается его роль в обороне Севастополя.

В шестом же разделе, о смерти и похоронах адмирала Нахимова, следовало бы сократить количество приведённых документов (более 23 стр.). Здесь много повторений и излишних подробностей, особенно в описании похорон, ничего не добавляющих к описанию жизни и деятельности Нахимова.

С научной точки зрения читатель имеет все основания предъявить к составителям и к редакции сборника целый ряд претензий. Например, не комментируется текст многих документов, особенно в трёх последних разделах, что может вызвать у читателя неправильное представление о некоторых фактах.

Так, из документов №№ 95 и 96 («Приказ П. С. Нахимова о затоплении кораблей и использовании комендов для защиты Севастополя с суши» от 14 сентября 1854 г. и выдержки из вахтенного журнала 84-пушечного корабля «Ростислав» от того же числа), а также из документа № 101 («Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о разрушении преграды из затопленных кораблей у входа на Севастопольский рейд» от 15 декабря 1854 г.), напечатанных без всяких комментариев, читатель может сделать вывод, что командующий флотом (а он командовал эскадрой, а не всем флотом) вице-адмирал Нахимов по собственной инициативе приказал затопить суда вверенной ему эскадры, а генерал-адъютант Корнилов (в качестве кого — неизвестно) приказал не затоплять кораблей, т. е. отменил приказ Нахимова. Корабли же всё-таки были затоплены. Другого вывода, пожалуй, сделать нельзя, читая эти документы в том порядке и в том виде, как они даны в сборнике. Между тем это ни в коей мере не соответствовало бы действительности. Мы знаем, что затопление 7 кораблей Черноморского флота в фарватере было произведено 11 сентября 1854 г. по приказу главнокомандующего Меншикова, вопреки намерениям вице-адмирала Корнилова. «Вход в бухту загородить, корабли проверлить и заготовить их к затоплению, морские орудия снять, а моряков определить на защиту Севастополя», — гласило приказание Меншикова. Вот об этих затопленных кораблях и идёт речь в рапорте Нахимова от 15 декабря. Приказ же Нахимова от 14 сентября о затоплении кораблей был им отдан, конечно, не по личной инициативе, а в развитие приказаний Меншикова, и выполнение его было приостановлено, как говорит акад. Тарле в цитированном уже нами труде, «как только появилась слабая надежда на то, что неприятель по какой-то непонятной причине отказывается от мысли немедленно штурмовать Севастополь». Всё это надо пояснить читателю, чтобы он мог правильно оценить факты.

Следовало бы дать примечание и к документу № 94 — приказ А. С. Меншикова о назначении В. А. Корнилова начальником обороны северной стороны Севастополя, а П. С. Нахимова — южной, — чтобы читатель знал, как отнёсся сам Нахимов к этому приказу. Для характеристики Нахимова очень важно сообщить читателю, что Нахимов просил главнокомандующего не издавать этого приказа, так как он, Нахимов, вовсе не считает себя способным к самостоятельному командованию армией и с готовностью подчинится кому-либо более подходящему. Когда же Меншиков подтвердил своё решение и приказал Нахимову принять назначение, возмущённый возмущением, однако вскоре упрямил вице-адмирала Корнилова

взять на себя командование, а сам сделался его помощником¹.

Не может не вызвать недоумения у читателя публикация без всяких пояснений документов №№ 108 и 117. Почему, несмотря на рапорт и о. командующего Крымской армией графа Остен-Сакена управляющему морским министерством от 25 февраля 1855 г. с ходатайством о производстве Нахимова в адмиралы, понадобился еще рапорт о том же главнокомандующего Горчакова от 30 марта, когда Нахимов высочайшим приказом от 27 марта был уже произведён в адмиралы?

То же можно сказать и в отношении опубликованной записной книжки П. С. Нахимова (№ 141), в которой без соответствующих комментариев для читателя многое остаётся непонятным.

В целом ряде случаев комментарии помогли бы составителям сборника восполнить документы, которых не хватает для полного и правильного освещения некоторых фактов. В то же время многие примечания в сборнике являются излишними. Зачем, например, понадобилось подстрочное примечание к документу № 119 (стр. 155), раз документ, на который делается в нём ссылка, печатается здесь же, непосредственно за ним? Надо ли дважды на протяжении 39 страниц пояснять читателю, что П. В. Воеводский приходился П. С. Нахимову племянником?

Вообще в подстрочных примечаниях нет никакой системы. В документе № 59, например, из четырёх упомянутых фамилий подстрочное примечание дано только к фамилии контр-адмирала Вульфа (при этом без инициалов, хотя они в указателе имеются), а к фамилиям Барятинский и Бебутов примечаний не дано, и даже в указателе не приводятся ни их инициалы, ни их генеральский чин. На стр. 36 из четырёх упомянутых офицеров почему-то только о Бутеневе дано примечание, что он впоследствии был капитаном 2-го ранга, хотя это не имеет никакого значения для понимания документа. На стр. 150 к письму Нахимова при упоминании в нём Владимира Алексеевича не даётся примечание, что речь идёт о вице-адмирале Корнилове, а на следующей странице в аналогичном случае такое примечание даётся, и т. п.

Таких примеров случайных примечаний можно было бы привести довольно много.

Непонятно также, что значит выделение некоторых фамилий в подстрочных примечаниях жирным шрифтом. Это обстоятельство, если оно действительно имеет какое-то обоснование, следовало бы пояснить в сообщении от редакции.

Поскольку сборник, как пишет акад. Тарле, предназначен прежде всего для специалистов-исследователей, в нём следовало бы больше внимания уделить различным редакциям документов, различиям между вариантами их, чтобы дать более точный, подлинный текст. В этом отношении составителями не проделана достаточная работа. Так, например, документ № 133 «Из дневника участника обороны Севастополя лейтенанта

¹ См. Тарле «Крымская война». Т. II, стр. 41—45.

А. П. Тимирязева» в сборнике приводится по тексту, напечатанному в 1911 г. в журнале «Русская старина»; текст письма Нахимова в нём имеет существенные разночтения с документом, приводимым акад. Тарле по подлиннику, хранящемуся в архиве Севастопольского музея обороны². Имеется разночтение и между документом № 100 «Сообщение П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о вылазке пароходов «Владимир» и «Херсонес» от 24 ноября 1854 г. и приводимым акад. Тарле рапортом о том же Нахимова Меншикову от 27 ноября того же года³.

К документу № 163 «Из воспоминаний участника обороны Севастополя контр-адмирала В. А. Степенко» следовало бы присоединить вариант, приводимый Е. В. Тарле по М. Богдановичу «Восточная война», где приведены знаменательные слова Нахимова: «Ни живым, ни мёртвым отсюда я не выйду»⁴. Без этого добавления данное место текста в документе не приобретает должного значения.

Необходимо особо остановиться на вопросе о заголовках документов, опубликованных в сборнике. Нельзя в заголовках указывать только фамилии или чины корреспондентов, как это часто имеет место в сборнике. Надо обязательно давать и их должностное положение, что в большинстве случаев является наиболее важным.

Нельзя не отметить также допущенной в сборнике некоторой небрежности в ссылках на источники. Так, например, в документе № 133 дана ссылка — «Русская старина», 1911, 112, стр. 584—586, — на самом деле надо 1911 г. № 12. Если это опечатка, то её необходимо было оговорить.

Помощные в сборнике ценные иллюстрации чертежей кораблей, на которых плавал Нахимов, план Синопского сражения и т. п. также являются документами, а поэтому следовало дать ссылки на источники, из которых они заимствованы.

В начале рецензируемой книги помещена очень добросовестно составленная научным сотрудником Л. В. Грызловой краткая хроника жизни и деятельности адмирала П. С. Нахимова, хорошо ориентирующая читателя. К сожалению, этого нельзя сказать относительно помещённого в конце книги небрежно составленного указателя. Из самого названия «указатель» не видно, что это общий указатель, и читателю надо самому в нём разобраться, чтобы понять, что это именной и предметный указатель вместе. Однако уяснить себе основные принципы его составления, а следовательно, и пользования им, читателю нелегко. Например, Камчатский редут, оказывается, надо искать на букву С — «Севастопольские укрепления», затем найти

«Оборонительная линия Севастополя», — и затем уже в порядке редутов — Камчатский; слова «затопление кораблей» или «штурмы» надо искать на букву О — «Оборона Севастополя»; первую артиллерийскую батарею, или Модлинский батальон, — на букву В — под словом «Войсковые соединения» (батарея, батальон, полк тоже почему-то попали в число соединений!). Таким образом, для того, чтобы найти некоторые слова, надо просмотреть чуть ли не весь указатель, настолько он запутан.

Часть слов в указателе дана с излишне подробными пояснениями, а другие, неизвестно почему, — без всяких пояснений, без указания должностного положения упоминаемых лиц. В указателе допущено много небрежностей, например, имеются расхождения между данными документов и указателем, разные лица в указателе даны, как одно лицо (контр-адмирал граф Л. П. Гедден и дежурный генерал ГМШ граф Л. Л. Гейден), и др.

Упоминаемые на стр. 15 местечки Туапсе и Псеуапсе даны в следующем виде: Псеуапсе см. Туапсе; Туапсе (Псеуапсе) 15, как будто это — одно и то же.

Профессор истории М. П. Погодин назван М. И. Погодин. Эта ошибка повторяется в трёх случаях и в самом сборнике.

Кроме указателя в конце книги дана библиография об адмирале П. С. Нахимове. Составлена она неполно, но, безусловно, и в таком виде может быть полезна читателю.

Приходится пожалеть, что в приложении не дан указатель малоупотребительных слов. Это значительно помогло бы читателю пользоваться книгой. Подстрочные примечания к воспоминаниям Л. А. Ухтомского в этом отношении могут оказать некоторую помощь, но ведь о них читатель узнаёт, лишь дойдя до 206-й страницы.

Кстати сказать, кто, собственно, является составителем сборника, для читателя остаётся неизвестным: указаны редакторы и лица, выполнявшие работу по выявлению документальных материалов, а самое важное среднее звено — составители — вовсе не указано.

Следовало бы уточнить в дальнейшем и название сборника, а то на обложке — «Документы и материалы для истории русского флота. Адмирал Нахимов», на форзаце — «Материалы для истории русского флота. Серия «Русские флотоводцы» и на титульном листе — просто «Адмирал Нахимов», даже без указания, что это сборник документов.

Надо пожелать, чтобы при издании следующих выпусков этой серии редакция обратила больше внимания на их подготовку, общую архитектуру и археографическую обработку.

В. Селиванов

² См. Тарле. «Крымская война» Т. II, стр. 337.

³ Там же, стр. 180—182.

⁴ Там же, стр. 182.

МИРОШЕВСКИЙ В. Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810). Изд-во АН СССР. М.—Л. 1946.

Никогда ещё интерес к Латинской Америке не был так велик в нашей стране, как сейчас. И это вполне понятно. Удельный вес латино-американских стран и их значение в мировой политике и мировой экономике значительно возросли в результате второй мировой войны. Сложные процессы, имеющие место внутри этих стран, разнообразные опыты укрепления национальной экономики и утверждения независимости во многих из них привлекают пристальное внимание советских учёных. Вместе с тем впервые установившийся непосредственный контакт Советского Союза с большинством латино-американских республик, развивающиеся политические дружеские связи, связи в областях экономической и культурной способствуют росту интереса к Латинской Америке в широких слоях советского народа.

К сожалению, до настоящего времени систематическое всестороннее изучение истории стран Латинской Америки, так же как и подробная информация о них советского читателя поставлены у нас далеко не достаточно.

Число специалистов по Латинской Америке, и особенно специалистов-историков, у нас весьма невелико. Не приходится поэтому удивляться, что появляющиеся в нашей печати работы, посвящённые истории Латинской Америки, крайне редки и обычно не поднимаются выше популярных очерков или информационных справок.

При таких обстоятельствах появление монографии покойного профессора Владимира Михайловича Мирошевского является крупным и важным для советской исторической науки событием.

В лице В. М. Мирошевского страна потеряла крупного специалиста-историка по Латинской Америке, сочетавшего многолетний опыт изучения латино-американских стран с широким историческим кругозором и разносторонней эрудицией.

Законченная В. М. Мирошевским ещё до войны и задержавшаяся изданием из-за военных событий рецензируемая работа является, по существу, первой подлинно научной, марксистской монографией по истории Латинской Америки. Этой работой начинается систематическое изучение советской наукой истории возникновения и развития современных латино-американских республик.

Данная работа является частью широко задуманного В. М. Мирошевским исследования, ставящего себе целью проследить истоки освободительной борьбы в испанских колониях, ход войны за независимость и рождение в этой войне современных латино-американских государств. Вторая часть работы, трактующая о непосредственном периоде войны за независимость, ещё не напечатана. Можно надеяться, что сейчас, в условиях мира, этот второй труд учёного увидит свет в более короткий срок.

Рецензируемая работа рассматривает весь период истории американских колоний Испании (1492—1810). Труд состоит из введения и семи глав, из которых первая, непосредственно связанная с темой исследования («Освободительное движение до 1780 г.»), в свою очередь представляет собою как бы вступление к подробному исследованию освободительного движения 1780—1810 годов. В первой главе автор дал обзор антииспанского движения в колониях за весь предшествующий период.

Введение и первая глава не только обеспечивают возможность правильно подойти к постановке проблем освободительного движения накануне войны за независимость и самой войны, но раскрывают перед вдумчивым читателем многие особенности внутреннего строя и внешних связей латино-американских республик, возникших после освобождения колоний от испанского господства. Это делает главы, казалось бы, сугубо исторические, трактующие давно минувшие годы, весьма актуальными.

В своём введении В. М. Мирошевский даёт мастерски нарисованную картину колониального господства Испании в Америке. Организация управления колониями в метрополии и непосредственно в колониях, устранявшая от всякого участия в нём не только индейское и метисское население, но и крепко обосновавшихся американо-испанских выходцев, экономическая и, в частности, аграрная политика Испании, национальная политика и её воздействие на взаимоотношения между отдельными группами колониального населения излагаются автором в сжатой, но яркой форме.

Следует особенно отметить анализ автором сущности колониальной политики Испании во всех областях. В. М. Мирошевский отнюдь не отрицает культурного влияния Испании на завоеванные ею более отсталые народы Америки. Но в то же время на ярких, убедительно документированных примерах он показывает, во-первых, крайне ограниченные возможности для широких слоёв колониального населения воспользоваться результатами этого культурного влияния и, во-вторых, что не менее важно, подчёркивает, что даже то поверхностное и доступное лишь ограниченному верхнему слою населения внедрение европейской культуры достигалось ценой систематического уничтожения народной самобытности, культурных традиций, веками складывавшегося собственного хода развития культуры американских народов.

Правильные и веско аргументированные положения автора в этой части его работы приобретают самое актуальное значение в настоящий момент.

Стремление идеализировать период испанского господства, изобразить его чуть ли не как золотой век Латинской Америки, как известно, является сейчас в руках реакционных кругов латино-американских республик

широко распространённым оружием борьбы с демократическими национальными силами. Широко использовавшиеся фашистскими силами в период второй мировой войны лозунги испанизма, «возврата в лоно матери — Испании», перефразировавшиеся наиболее реакционной, клерикальной пропагандой, и на сегодняшний день не потеряли своего опасного смысла.

Попутно нельзя не отметить, что даже весьма прогрессивные деятели латиноамериканских стран не всегда достаточно чётко подходят к оценке политики Испании в колониальный период, хотя и совершенно правильно рисуют положение в испанских колониях¹.

Многие из появившихся за военные годы работ и высказываний реакционных учёных и политиков уже не могли стать известны В. М. Мирошевскому, но в своём исследовании он даёт ценное оружие для борьбы с сознательными извращениями латиноамериканской истории.

В главе «Революционный кризис 1780—87 гг.» В. М. Мирошевский даёт яркую картину борьбы против колониального режима в различных районах Испанской Америки во всём разнообразии её сторон. Он убедительно вскрывает как искони народные истоки движения, так и влияние испанских революционных традиций (в движении «коммунаров»). Основная ценность этой главы в конкретно-историческом исследовании хода и развития движения и в теоретических выводах. Автор показывает, как страх помещиков-креолов перед массовым народным движением, при всём их недовольстве колониальным режимом и стремлении сбросить иго испанского господства, предопределил их позиции в период революционного кризиса. Кризис 80-х годов усиливает тенденции креольских сепаратистов к поискам помощи извне. Сложные политические комбинации и дипломатическая акция в столицах крупнейших иностранных держав выступают в сепаратистском движении креольской верхушки на первый план. Страх перед готовыми к борьбе народными массами, стремление добиться освобождения от колониальной зависимости, не затрагивая социально-экономических основ Испанской Америки, предопределили характер сепаратистского движения.

Исторические выводы автора не теряют своей актуальности и сейчас, объясняя многое в политике определённых кругов латиноамериканских республик, пытающихся сохранить нетронутыми полуфеодалные отношения в аграрной области, упорно сопротивляющихся демократизации своих стран и тем самым обрекающих на неудачу борьбу за укрепление политической и экономической независимости.

В последующих главах В. М. Мирошевский прослеживает сложные перипетии поисков сепаратистами иностранной поддержки. В этих главах с особым блеском развёртывается не только глубокое знание

автором Латинской Америки, но и его мастерский анализ всесторонне изученных им сложных международных отношений конца XVIII—начала XIX века.

Особое место в этой части работы В. М. Мирошевского отведено исследованию деятельности Франсиско Миранды. Место, которое отводится Миранде автором, понятно. Оно оправдано прежде всего тем обстоятельством, что Миранда является типичным представителем креольской аристократической сепаратистской верхушки.

В Миранде с наглядностью проявляются все особенности претендующего на руководство освободительным движением влияния в испанских колониях помещичьего класса: причудливое сочетание в передовых его представителях прогрессивных идей XVIII в. и влияния французской буржуазной революции с неверием в силы народных масс и страхом перед ними.

Вместе с тем личность и роль самого Миранды в освободительном движении также оправдывают исключительное внимание к нему исследователя.

В этой части работы следует отметить исследование В. М. Мирошевским связей Миранды с Россией как во время его пребывания на русской территории, так и в последующие годы.

Основанное в значительной мере на неопубликованных архивных материалах и на тщательно подобранной редкой документации (переписка, мемуары и т. д.), это исследование приобретает в пределах общей работы самостоятельную ценность, хотя оно самым органическим образом связано со всей монографией. Не удивительно, что эта часть монографии, опубликованная в своё время в сокращённом виде в «Историко-марксисте»², вызвала исключительный интерес к латиноамериканским странам и была переведена на испанский язык.

Такого добросовестного исследователя, как В. М. Мирошевский, никак нельзя упрекнуть в идеализации Миранды. Автор отнюдь не прикрашивает ни его личных недостатков, ни тем более проявляющихся в нём специфических черт его класса.

То, как Мирошевский рисует Миранду, можно считать образцом исторического воспроизведения политического деятеля во всём разнообразии его человеческих качеств. И всё же мне кажется, что автор подчас проявляет к центральной фигуре этой части своего исследования некоторую «снисходительность», избегая слишком резкой оценки деятельности Миранды.

Исследование заканчивается характеристикой первых проявлений освободительной борьбы в Испанской Америке и анализом их связей с событиями в самой Испании. Автор подводит читателя к основному выводу своей работы — к тому, что в 1804—1809 гг., несмотря на незрелость и слабость освободительного движения, война за независимость Испанской Америки стала неизбежной.

Нельзя не отметить исключительно тща-

¹ См. например, Dip. Ing. Gilberto Fabila «Ponencia sobre la reforma de las leyes agrarias vigentes», p. 14. Mexico. 1931.

² «Екатерина II и Франсиско Миранда». «Историко-марксист» № 2 за 1940 год.

тельную работу автора над своей монографией, его прекрасный и образный язык, ценные примечания, из которых некоторые представляют собой предельно сжатые результаты самостоятельных исследований (например, 2-е примечание — «Испанская

колониальная политика в освещении буржуазных историков»).

В целом монография В. М. Мирошевского заслуживает самой высокой оценки и признания исторической наукой.

Проф. А. Губер

BÜCHLER F. *Das Verhältnis Frankreichs zu Russland 1871—1878*. AARAU. 1944.

БЮХЛЕР Ф. *Отношение Франции к России 1871 — 1878 годов*.

В истории международной политики конца XIX — начала XX в. проблема франко-русских отношений имела весьма существенное значение. Франко-русское сближение, а затем создание франко-русского союза оказали большое влияние не только на политику этих двух государств, в особенности Франции, но и на всё развитие международных отношений этой эпохи.

Отражением большого общественного и научного интереса и внимания к этой проблеме является достаточно обширная литература на главных европейских языках, посвящённая истории франко-русского сотрудничества. В этом смысле знаменателен сам по себе факт появления в разгар второй мировой войны в маленьком швейцарском городке Аарау ещё одной работы, связанной с этой темой.

Книга Бюхлера посвящена тому периоду франко-русских отношений — семидесятым годам, — который, будучи достаточно изучен в своих частностях, всё ещё не подвергся монографическому исследованию. Соответствующие главы вышедшей ещё полвека назад книги Эрнеста Доде о дипломатической истории франко-русского союза¹ давно устарели, да и по самому характеру работы не могли претендовать на полноту освещения вопроса. Сравнительно недавно опубликованная книга Вернера Ярмана², хронологически охватывающая частично тот же период (1875—1878), выясняет лишь одну сторону франко-русских отношений — восточный вопрос. Таким образом, новая работа швейцарского историка призвана как будто дать впервые полное научное освещение этого важного периода предистории франко-русского союза.

Однако, начиная уже с титульного листа книги Бюхлера, у читателя, знакомого с вопросом, возникает естественное недоумение.

Бюхлер назвал свою работу «Отношение Франции к России 1871—1878 гг.». Этим намеренно ограничительным наименованием автор хотел подчеркнуть, что он исследует не франко-русские отношения этого периода, а только одну их сторону — отношение Франции к своему будущему союзнику. Причина этой неожиданной и странной на первый взгляд односторонности вполне вы-

ясняется из анализа текста и аппарата книги Бюхлера. Автор в своём исследовании совершенно не пользуется русскими источниками и русской литературой, видимо, из-за незнания русского языка. Из русских работ он упоминает, и то лишь в библиографии, а не в тексте, только одну — книгу Горяинова «Босфор и Дарданеллы», известную ему по французскому переводу. Полагая, видимо, что французские и немецкие источники вполне выясняют природу взаимоотношений Франции и России, Бюхлер имеет смелость излагать историю военной тревоги 1875 г., игнорируя публикации «Красного архива», а может быть, даже и не подозревая о существовании этих документов, без знания которых невозможно научное изучение этого кризиса.

Но попытка Бюхлера названием своей работы оправдать искусственное и насильственное рассечение живой ткани франко-русских отношений оказывается явно несостоятельной ни по замыслу, ни по исполнению. Нетрудно понять, что самое отношение Франции к России в значительной мере определялось отношением последней к первой. Это особенно справедливо применительно к семидесятым годам, когда слабая и изолированная Франция, восстанавливавшая свои силы под угрозой занесённого над ней германского меча, жадно ловила каждое ободряющее слово из Петербурга и видела в России (до 1877 г. во всяком случае) свою главную поддержку и опору. Пытаться исследовать отношение Франции к России в это время, не изучая одновременно отношения России к Франции, — намерение бессмысленное и безнадёжное.

В ходе своего исследования в этом убедился и сам швейцарский историк: в противоречии с наименованием своей книги он оказался вынужденным излагать на её страницах историю франко-русских отношений, а не одну лишь сторону их. Но порочный замысел отомстил за себя. Автор излагает позицию русского правительства, его действия и тактику в разных перипетиях этого богатого событиями периода на основании косвенных источников — французских документов, главным образом донесений французского посла в Петербурге генерала Леффо, и недоброкачественной, явно тенденциозной немецкой литературы. В подобной интерпретации позиция русского правительства и отношение России к Франции вообще предстают искажёнными в кривом зер-

¹ Daudet E. «Histoire diplomatique de l'Alliance franco-russe». Paris. 1894.

² Jahrgmann W. «Frankreich und die Orientalische Frage 1875—78». Berlin. 1936.

тельную работу автора над своей монографией, его прекрасный и образный язык, ценные примечания, из которых некоторые представляют собой предельно сжатые результаты самостоятельных исследований (например, 2-е примечание — «Испанская

колониальная политика в освещении буржуазных историков»).

В целом монография В. М. Мирошевского заслуживает самой высокой оценки и признания исторической наукой.

Проф. А. Губер

BÜCHLER F. *Das Verhältnis Frankreichs zu Russland 1871—1878*. AARAU. 1944.

БЮХЛЕР Ф. *Отношение Франции к России 1871 — 1878 годов*.

В истории международной политики конца XIX — начала XX в. проблема франко-русских отношений имела весьма существенное значение. Франко-русское сближение, а затем создание франко-русского союза оказали большое влияние не только на политику этих двух государств, в особенности Франции, но и на всё развитие международных отношений этой эпохи.

Отражением большого общественного и научного интереса и внимания к этой проблеме является достаточно обширная литература на главных европейских языках, посвящённая истории франко-русского сотрудничества. В этом смысле знаменателен сам по себе факт появления в разгар второй мировой войны в маленьком швейцарском городке Аарау ещё одной работы, связанной с этой темой.

Книга Бюхлера посвящена тому периоду франко-русских отношений — семидесятым годам, — который, будучи достаточно изучен в своих частностях, всё ещё не подвергся монографическому исследованию. Соответствующие главы вышедшей ещё полвека назад книги Эрнеста Доде о дипломатической истории франко-русского союза¹ давно устарели, да и по самому характеру работы не могли претендовать на полноту освещения вопроса. Сравнительно недавно опубликованная книга Вернера Ярмана², хронологически охватывающая частично тот же период (1875—1878), выясняет лишь одну сторону франко-русских отношений — восточный вопрос. Таким образом, новая работа швейцарского историка призвана как будто дать впервые полное научное освещение этого важного периода предистории франко-русского союза.

Однако, начиная уже с титульного листа книги Бюхлера, у читателя, знакомого с вопросом, возникает естественное недоумение.

Бюхлер назвал свою работу «Отношение Франции к России 1871—1878 гг.». Этим намеренно ограничительным наименованием автор хотел подчеркнуть, что он исследует не франко-русские отношения этого периода, а только одну их сторону — отношение Франции к своему будущему союзнику. Причина этой неожиданной и странной на первый взгляд односторонности вполне вы-

ясняется из анализа текста и аппарата книги Бюхлера. Автор в своём исследовании совершенно не пользуется русскими источниками и русской литературой, видимо, из-за незнания русского языка. Из русских работ он упоминает, и то лишь в библиографии, а не в тексте, только одну — книгу Горяинова «Босфор и Дарданеллы», известную ему по французскому переводу. Полагая, видимо, что французские и немецкие источники вполне выясняют природу взаимоотношений Франции и России, Бюхлер имеет смелость излагать историю военной тревоги 1875 г., игнорируя публикации «Красного архива», а может быть, даже и не подозревая о существовании этих документов, без знания которых невозможно научное изучение этого кризиса.

Но попытка Бюхлера названием своей работы оправдать искусственное и насильственное рассечение живой ткани франко-русских отношений оказывается явно несостоятельной ни по замыслу, ни по исполнению. Нетрудно понять, что самое отношение Франции к России в значительной мере определялось отношением последней к первой. Это особенно справедливо применительно к семидесятым годам, когда слабая и изолированная Франция, восстанавливая свои силы под угрозой занесённого над ней германского меча, жадно ловила каждое ободряющее слово из Петербурга и видела в России (до 1877 г. во всяком случае) свою главную поддержку и опору. Пытаться исследовать отношение Франции к России в это время, не изучая одновременно отношения России к Франции, — намерение бессмысленное и безнадёжное.

В ходе своего исследования в этом убедился и сам швейцарский историк: в противоречии с наименованием своей книги он оказался вынужденным излагать на её страницах историю франко-русских отношений, а не одну лишь сторону их. Но порочный замысел отомстил за себя. Автор излагает позицию русского правительства, его действия и тактику в разных перипетиях этого богатого событиями периода на основании косвенных источников — французских документов, главным образом донесений французского посла в Петербурге генерала Леффо, и недоброкачественной, явно тенденциозной немецкой литературы. В подобной интерпретации позиция русского правительства и отношение России к Франции вообще предстают искажёнными в кривом зер-

¹ Daudet E. «Histoire diplomatique de l'Alliance franco-russe». Paris. 1894.

² Jahrgmann W. «Frankreich und die Orientalische Frage 1875—78». Berlin. 1936.

кале, а извращение одной части действительной картины искажает, естественно, и другую её часть. Научное значение работы Бюклера, вследствие пренебрежения русскими источниками и русской литературой, оказывается в значительной мере обесцененным.

Пора пенять, что создание научной истории международных отношений нового времени, а тем более научная разработка тем, непосредственно связанных с Россией, без знания русского языка и использования русских источников и литературы с неизбежностью обречены на научную несостоятельность.

Сомнения вызывают и хронологические рамки, установленные автором для его исследования: 1871—1878 гг.—от Франкфуртского мира до Берлинского конгресса включительно. Если бы автор писал историю внешней политики Третьей республики, то такой рубеж, как Берлинский конгресс 1878 г., был бы оправдан. Берлинский конгресс действительно знаменует собой — на этом сходятся и многие французские историки, как, например, Рене Пинон, Шефер³ и др. — поворотную точку в истории внешней политики Франции: переход от континентальной политики к политике колониальной экспансии. Но для франко-русских отношений Берлинский конгресс не является ни начальной, ни завершающей датой. Как известно, отход Франции от политики сотрудничества с Россией и поисков её дружбы начались ещё до Берлинского конгресса, с конца 1877 — начала 1878 г., со времени прихода Ваддингтона к руководству внешней политикой Франции.

Излагая историю франко-русских отношений с 1871 по 1879 г., Бюклер превращает своё исследование в рассказ о том, как складывалось и расстроилось первое франко-русское сближение, как дружественные отношения Франции к России превратились во враждебные или полувраждебные. Но тем самым Бюклер произвольно обрывает свой рассказ на полуслове. За периодом франко-русского охлаждения (1877—1878—1885) следовал новый этап поисков Францией дружбы с Россией. Было бы естественным ожидать, что исследователь франко-русских отношений, если он не желает излагать всей истории возникновения франко-русского союза, ограничит себя лишь изучением первого цикла этих отношений — периодом сближения 1872—1877 гг. — либо любым из следующих. Но Бюклер избрал иной путь. Он излагает в первый цикл и начало второго, снова насильственно обрывая живую ткань реального исторического процесса. Естественно, что при таком произвольном методе периодизации закономерность развития франко-русских отношений оказывается явно нарушенной, а исторические перспективы в представлении читателя — смещёнными и искажёнными.

Порочному методу и замыслу построения исследования в значительной мере соответ-

ствует и освещение Бюклером существа рассматриваемого им вопроса.

Книга Бюклера состоит из пяти глав и множества подглав, в которых достаточно подробно излагаются важнейшие этапы развития франко-русских отношений в этот период: сближение после франко-прусской войны, военная тревога 1875 г., восточный вопрос, Берлинский конгресс.

Хотя автор в предисловии и выражает благодарность директору архива французского министерства иностранных дел за предоставленную ему возможность пользоваться архивными материалами, и в тексте книги цитирует выдержки из них, и многократно на них ссылается, но всё приведённое им не прибавляет ничего существенно нового к известному ранее, ни в больших вопросах, ни в деталях. Работа в основном документирована и построена на материалах известной публикации французского министерства иностранных дел: Documents diplomatiques français. Ф. Бюклер подверг тщательному изучению документы I и II томов, касающиеся франко-русских отношений, изложил их содержание в известной хронологической последовательности. Однако и из них он не мог извлечь чего-либо нового, что не было бы известно специалистам, тем более, что наиболее важные документы, по преимуществу в выдержках, в своё время были опубликованы Аното⁴. Единственное, что является действительно новым в книге Бюклера и что представляет несомненный научный интерес, — это освещение внешнеполитических позиций органа умеренных республиканцев — «Journal des débats», в частности в 1877—1878 годах. Но к этому мы вернёмся позднее.

Как уже говорилось, Бюклер довольно подробно проследживает начало и развитие франко-русского сближения 1870-х годов.

Что лежало в основе этого сближения? Германская угроза по адресу Франции, заставлявшая последнюю искать поддержки у России, и правильно понятые интересы России, не желавшей допустить нового усиления Германии за счёт Франции. В исторической литературе этот вопрос уже давно был выяснен с достаточной полнотой, новым подтверждением чему, кстати сказать, служат французские дипломатические документы.

Но Ф. Бюклер пытается представить франко-русское сближение в иной интерпретации. Не зная русских источников и литературы и игнорируя французскую литературу (которую он только перечисляет в библиографии, но не использует в тексте), он пытается корректировать французские документы с помощью... немецких источников и литературы.

На всей работе швейцарского историка лежит печать почтительного уважения к Германии и Бисмарку. Сохраняя видимость научного беспристрастия, Бюклер тем старательнее, повидимому, стремится показать своим читателям в фашистской Германии (вспомним, что книга вышла в 1944 г., а писалась ранее, когда исход войны для

³ См. René Pinon «La France et l'Allemagne 1870—1913»; Shefer Christ. «D'une guerre à l'autre», p. 55. Paris. 1920.

⁴ Hanotaux G. «Histoire de la France contemporaine». T. I—IV.

швейцарского историка был ещё неясен!), что эта избранная им форма не мешает ему быть по своим убеждениям политическим адвокатом Германии.

Бюхлер ревизует давно установленные исторической наукой истины. Он настойчиво утверждает, что Германия после Франкфуртского мира никаких агрессивных намерений против Франции не имела. Бисмарк только опасался де реванша и, полагая, что Франция решится на него, лишь заключив союз с третьими державами, стремился дипломатическими средствами удержать её в состоянии изоляции (стр. 14—15). Но сам «Бисмарк после 1871 г. в действительности не был воинственно настроен... войны он не хотел» (стр. 15).

В старой работе Аното, на которую Бюхлер ссылается, и в тех же французских документах, обильно цитируемых Бюхлером, он мог бы найти простые и неопровержимые свидетельства того, что уже через месяц после Франкфуртского мира — 16 июня 1871 г. — Бисмарк угрожал Франции в ту же полночь начать военные действия, если не будут выполнены его требования⁵, и затем повторял эту угрозу войной каждый год по нескольку раз. Но швейцарский историк, которому «научное беспристрастие» не мешает видеть одни документы и не замечать другие, продолжает с навязчивой настойчивостью чуть ли не через каждые три страницы повторять, что «Бисмарк не хотел войны» (стр. 15, 24, 25, 27, 31 и др.).

В соответствии с таким истолкованием роли Бисмарка Бюхлер считает и французские опасения германской агрессии мнимыми и необоснованными. В его историческом повествовании исчезают спровоцированные Бисмарком франко-германские конфликты 1872, 1873, 1874 годов. «Ухудшение франко-германских отношений», как он скромно называет кризисы, искусственно и грубо вызванные Бисмарком, он готов поставить в вину скорее французам, мешающим канцлеру в его политике «культуркампа» (стр. 26—28).

В таком же духе Бюхлер освещает и военную тревогу 1875 г., история которой занимает добрую четверть всей книги.

Ссылаясь на немецкие источники и литературу и ложно интерпретируя французские документы, Бюхлер силится воскресить давно уже разоблачённую и опровергнутую немецкую версию о якобы совершенно невинном характере миссии Радовица в Петербурге, обвиняя Горчакова в создании легенды о военной угрозе, нависшей над Францией (стр. 31—34).

В изложении самых событий начала 1875 г. и интерпретации их смысла и значения Бюхлер в основном следует за Герцфельдом⁶. Отрицая наличие у Бисмарка агрессивных намерений, считая, что поднятая немецкими газетами тревога была использована Деказом, чтобы раздуть её в европейский кризис, Бюхлер, повторяя старую ложь Бисмарка, считает германскую угрозу Франции в 1875 г. реально не существовав-

шей. В соответствии с этим и русская помощь Франции в 1875 г. в изображении Бюхлера представляется как чисто бутафорская. На стр. 57 он дважды утверждает, что царю и Горчакову «в Берлине нечего было умиротворять».

После выхода в свет советских работ и публикаций⁷, после издания «Истории дипломатии», наконец, после опубликования французских дипломатических документов, которые Бюхлер либо игнорирует либо неверно излагает, нет смысла полемизировать со швейцарским историком.

Но в общей исторической конструкции Бюхлера эти исторические фальсификации имеют известный смысл. Устранив германскую агрессию как реальную опасность для Франции, Бюхлер тем самым разрушает ту реальную почву, на которой возникло франко-русское сближение. Хотя он в начале книги и говорит, что «стремление к русской дружбе было определяющей линией французской дипломатии в семидесятых годах» (стр. 16), — что, кстати, не точно, если иметь в виду все семидесятые годы, — однако в дальнейшем, представляя германскую угрозу, как мнимую, он лишает это французское стремление к дружбе с Россией реального основания. Самое это стремление в конструкции Бюхлера становится не выражением правильно понятых национальных интересов страны, ищущей поддержки России для предотвращения германской агрессии, угрожающей её самостоятельности и независимости, как это было в действительности, а простой дипломатической акцией. Поэтому и осуществлённый Ваддингтоном переход от политики сотрудничества с Россией к переориентации на Англию и Германию в изображении Бюхлера представляется естественным и лёгким.

В изображённом Бюхлером развитии французской внешней политики исчезла (если не считать кратких, справочного характера, упоминаний о выборах в палату и сменах кабинетов) та острая внутривнутриполитическая борьба, которая накладывала яркий отпечаток и на вопросы внешней политики.

Развитие французской внешней политики автор представляет себе слишком упрощённо и прямолинейно. В его освещении все французские политические руководители, влиявшие на направление внешней политики до Ваддингтона, стремились к завоеванию дружбы и поддержки России. Но если бы исследователь «отношения Франции к России» более внимательно изучал источники и специальную литературу, то он должен был бы признать, что в действительности это было не так.

Бюхлер не заметил того, что такой крупный политический руководитель, как Тьер, в период его президентуры угождавший перед Бисмарком и Арьямом, сопровождал план сближения с Россией многочисленными оговорками (в чём можно удостовериться хотя

⁵ Hanotaux G. Op. cit. T. III, p. 297.

⁶ Herzfeld H. «Die deutsch-französische Kriegsfahrt von 1875». Berlin, 1922.

⁷ Ерусалимский А. «Военная тревога 1875 г.». «Учёные записки Института истории ВАСИОН». Т. 6 за 1928 г.; «Красный архив». Т. 6 (91). 1936.

бы по «Documents diplomatiques»⁸), а позднее, в 1876—1877 гг., открыто выступил против «русского курса» Деказа. Из старой работы Эдмонда Инно⁹ (которая Бюхлеру, видимо, вообще осталась неизвестной, так как он её не включил в свой пространственный указатель литературы) да даже из столь излюбленного швейцарским историком немецких источников¹⁰ он мог бы узнать, что Тьер к этому времени стал решительным противником России и подготавливал план замены Деказа Жюлем Симоном, чтобы изменить направление внешней политики.

Для Тьера и правого крыла республиканцев это осуждение в то время политики сотрудничества с Россией и антирусская ориентация были понятны. Это было, в сущности, продолжением в иных условиях и иной форме старой, капитулянтской политики 1870—1871 годов. Тьер и правые республиканцы стремились любой ценой достигнуть примирения с Германией; они опасались, что дружба с Россией вызывает раздражение Бисмарка, а с другой стороны, пробуждает к жизни ещё не уснувшие национальные чувства французского народа; подъём же национального движения в представлении Тьера и его политических друзей был предвестником и симптомом грозных революционных потрясений. К этим политическим соображениям примешивались и корыстные расчёты финансовой буржуазии, имевшей значительные интересы в Турции и обеспокоенной усилением позиций России в результате войны 1877 года.

Внешнеполитическая линия Тьера и «левого центра», продолженная позднее Ваддингтоном, исходила не из национальных интересов страны, а из эгоистических интересов узких кругов реакционной буржуазии. Эта линия и победила в 1877—1878—1879 гг. после образования кабинетов, возглавленных лидерами «левого центра» — Дюфором и Ваддингтоном.

В сочинении швейцарского историка вся эта существенная сторона развития внешней политики Франции бесследно исчезла. Но в небольшой главе, посвящённой позиции французской печати этих лет и, в частности, «Journal des débats», читатель найдёт ряд ярких иллюстраций, раскрывающих мотивы переориентации Франции от России к Германии и Англии. Эта часть, как уже говорилось, является единственно интересной и новой в работе Бюхлера; конечно, не комментариями автора, неспособного связать позицию «Journal des débats» с позицией Тьера (которой он не знает) и затем с позицией Ваддингтона, а новизной почти не использованного в исторической литературе материала.

В приводимых Бюхлером цитатах читатель увидит, как орган умеренных респуб-

ликанцев, начав в 1876 г. со сдержанных замечаний по адресу России и её политики на Востоке, постепенно становится всё смелее, начинает открыто нападать на Горькова (стр. 86), а затем, в 1877—1878 гг., уже откровенно требует пересмотра французского внешнеполитического курса. Чем определяется это требование? «Политика г-на Деказа,— пишет «Journal des débats»,— породила недовольство Германии, парализовала инициативу Англии, придала смелость России и привела к потере Востока» (стр. 88). В этих немногих словах дана законченная внешнеполитическая концепция.

В дальнейшем «Journal des débats» её уточняет и ставит последние точки над «i»: «Прошло время представлять г. Бисмарка зловещим заговорщиком, расставляющим Франции капканы» (стр. 90). Это прямой призыв к примирению и доверию к организатору разгрома Франции в 1870—1871 годах. Одновременно (эти выступления относятся к апрелю 1878 г., т. е. накануне Берлинского конгресса) «Journal des débats» называет мысль о союзе с Россией «химерой» и призывает к сотрудничеству с Англией, «находящейся рядом с нами и соединённой с нами столькими связями» (стр. 91). Эти красноречивые образцы внешнеполитической программы близкого к Ваддингтону органа дают новое подтверждение справедливости оценки Ваддингтона русским послом в Париже Орловым, назвавшим французского министра иностранных дел «англичанином по рождению и вкусу и пруссаком из страха»¹¹.

Подведём итоги: работа Ф. Бюхлера ни по своим источникам, ни по технике исторического исследования, ни по методологии, ни по политическим воззрениям автора, находящегося под гипнозом мысли о непогрешимости германской политики, не отвечает уровню современной исторической науки и, в частности, изучения истории франко-русских отношений. За исключением упомянутых выдержек из французской печати она не даёт ничего нового. Наоборот, работа Бюхлера тащит историческую науку назад, пытаясь вновь пустить в оборот старые образцы и новые варианты лживых немецких версий, фальсифицировавших историю.

Швейцарский историк создавал свой труд в годы второй мировой войны, будучи непоколебимо уверенным в победе фашистской Германии. Если непредвиденный исход войны способен вернуть его к научному беспристрастию и если в этом приличествующем историку состоянии он возобновил бы свои занятия над темой франко-русских отношений, то первое, с чего ему следовало бы начинать,— это с изучения русского языка и русских источников и литературы. Ибо писать о русских международных связях, не зная русских документов и исследований, не только неприлично, но и бессмысленно: наукой это не станет.

А. Манфред

⁸ См., например, инструкцию Тьера ген. Леффо 4 сентября 1871 г. Documents diplomatiques français. T. I, № 51, p. 73—75.

⁹ Hippou E. «Histoire diplomatique de la Troisième République». Paris, 1889.

¹⁰ Например, Hohenlohe «Schillingsfürst — Denkwürdigkeiten». Bd. II, S. 219. Berlin, 1906.

¹¹ «Русско-германские отношения». Центр. архив, стр. 83. М. 1922.

BAILEY FRANK EDGAR. *British policy and the Turkish Reform movement. A study of Anglo-Turkish relations 1826—1853.* Cambridge, Harvard University Press. 1942. 312 + X p.

БЕЙЛИ Ф. Э. *Британская политика и турецкое реформистское движение.* Исследование англо-турецких отношений 1826—1853 годов.

В последнее время американские историки проявляют заметный интерес к проблемам, связанным с борьбой держав за преобладающую роль на Ближнем Востоке. После известных работ Пирьера, Мосли и др., посвящённых истории международных отношений на Ближнем Востоке в первой половине XIX в., вышедшая в 1942 г. монография Ф. Э. Бейли ставит своей задачей освещение этого же периода под новым углом зрения: с точки зрения влияния английской политики на ход внутренних реформ в Турции. Полезность такой постановки вопроса не вызывает сомнений. Влияние Англии на Турцию в течение по крайней мере пятнадцати лет, предшествовавших Крымской войне, было исключительно велико и проявлялось в самых различных областях как внешней, так и внутренней политики Османской империи. Английские, да и другие западноевропейские историки до сих пор ограничивались констатацией этого общеизвестного факта и тривиальными утверждениями в «благодетельной» роли британского посла в Константинополе Стрэтфорда Каннинга. Именно эти, западноевропейские историки, а не турки прозвали Каннинга «великим послом»¹, заявляя также, что если турецкий реформатор Решид-паша был «отцом реформ», то Стрэтфорд Каннинг был для них «святым духом». Подвергнуть эти утверждения научной критике, дать на основе исторического анализа источников правильное освещение роли Англии в проведении турками политики танзимата², объективно показать значение англо-турецких отношений для самой Турции и для развития политического кризиса, приведшего в конечном счёте к Восточной войне 1853—1856 гг., — таковы цели, которые неизбежно должен поставить перед собою всякий добросовестный исследователь данной проблемы.

Справился ли Ф. Э. Бейли с этими задачами? На этот вопрос приходится ответить отрицательно. Несмотря на то, что в книге содержится много ценных сведений, извле-

ченных частично из неопубликованных архивных материалов, автор не сумел их должным образом использовать. Более того: в ряде случаев методологическая беспомощность приводит автора к удивительно наивным (даже для буржуазного историка) оценкам. Так, например, важнейшими причинами упадка Турции он считает «слабость её правителей» и «потерю поступательного движения», вызванную «завершением их (т. е. турок) завоеваний» (стр. 3). Экономическую отсталость Турции он объясняет её «традиционной зависимостью» от внешней торговли и «характером народа, удовлетворённого обычными нуждами жизни» (стр. 78). Как видно, автору книги даже не приходит в голову простая мысль о том, что и «слабость правителей», и «завершение завоеваний», и «традиционная зависимость» были не причинами, а следствием упадка Турции и что как раз эти явления он и должен был бы объяснить.

Вообще рецензируемая книга, хотя в её заголовке стоят слова «реформы в Турции», меньше всего может быть полезна для изучения внутренней, особенно социально-экономической, истории этой страны. Автор не уделяет никакого внимания вопросу об аграрном строе Турции, а феодальные отношения, требовавшие реформ, понимает лишь как административные институты. Он так и пишет: «Ввиду того, что в Турции, как во всяком полufeодальном государстве, нельзя установить точное различие между социальной и правительственной организацией, я перейду прямо к описанию того, как управлялась эта обширная территория» (стр. 10). Но даже в описании административного устройства Турции автор допускает много неточностей. Не зная турецкого языка, он уверяет, будто «военные округа», или «санджаки», делятся на «лива», или «пашалыки» (стр. 13), тогда как в действительности санджак и лива — одно и то же понятие, выраженное в первом случае турецким, а во втором — арабским словом.

По мнению автора, иногда «пашалык покупался греками или армянами» (стр. 14), в то время как речь могла идти, конечно, не о покупке «пашалыка», т. е. губернаторства, а об откупе налогов, собираемых с населения пашалыка. Турецкие термины и имена в книге искажены иной раз до неузнаваемости: «Razih» вместо «Рахиб» (стр. 4); «vilizam» вместо «ильтизам» (стр. 17); «nizamî» вместо «низам-и-джедид» (стр. 27); «akacigi» вместо «асакир-и-шахан» (стр. 112); «Kahlia Bey» вместо «кяхья-бей» (стр. 172); «Medjlis-Sinbouri Askerize» вместо «меджлис-и-умур-у-аскерие» (стр. 183) и т. д. Имеется ряд фактических ошибок: неверны даты государственного переворота, совершённого Байрактаром (стр. 29), смерти Байрактара (стр. 32), казни сул-

¹ Эпитет «великий посол», применяемый к Стрэтфорду Каннингу многими английскими историками (лорд Эверзли в его «*Turkish Empire*» и др.), возник, по видимому, на основе филологического недоразумения: по-турецки «бюйюк эльчи» действительно означает в буквальном переводе «большой посол» или «великий посол», но это отнюдь не эпитет, а термин, которым определяется ранг дипломатического представителя — посла, в отличие от посланника (по-турецки «сорт эльчи», что в буквальном переводе означает «средний посол»).

² Танзимат — «преобразование», «реформа», название периода реформ в Турции, открывшегося рескриптом (хатт-и-шериф) от 3 ноября 1839 года.

тана Мустафы IV (стр. 29), приобретения Египтом независимости (стр. 6); дата Бухарестского мира (стр. 5) указана почему-то по старому стилю (без оговорки об этом), тогда как все остальные даты — по новому; неверно, что Махмуд II был племянником Мустафы IV (стр. 29). Двойная ошибка содержится в утверждении автора о том, что откупная система была отменена при учреждении турецкой республики в 1918 г. (стр. 18), во-первых, неверна дата упразднения ильтизама, а, во-вторых, республика в Турции была провозглашена не в 1918, а в 1923 году.

В значительной мере эти ошибки проистекают из того, что автор пишет об истории страны, языка которой он не знает. По этой же причине он, например, считает, что ранняя биография Решид-паши «мало известна» (стр. 181). Между тем в любом турецком энциклопедическом словаре («*Hayat ansiklopedisi*» или «*Meshur adamlar*») можно найти и более точную, чем у нашего автора, дату рождения Решида, и сведения о его отце, и другие необходимые данные.

Более сильными частями книги являются те, в которых трактуются внешнеполитические вопросы. Но и здесь обобщения и выводы автора не идут дальше шаблонного преклонения перед «цивилизаторской миссией» Англии на Востоке. Он, например, серьёзно верит в то, что одним из мотивов, по которым Англия поддерживала реформы в Турции, являлся её (Англии) «гуманитарный интерес к подданным Оттоманской империи» (стр. 232) и что цели британской политики по отношению к Турции состояли в «защите территориальной целостности Оттоманской империи от иностранной агрессии» и в «поощрении внутреннего развития этого государства, дабы оно стало свободным и независимым» (стр. 129). Он также полагает, что Парижский трактат 1856 г. «признал Турцию в качестве одной из великих держав Европы» (стр. 227, 231).

«Гуманитарный интерес» и стремление видеть Турцию «свободной и независимой» давно уже не фигурируют среди аргументов, приводимых даже английскими историками в защиту английской политики. К тому же наш автор явно ошибается и по форме и по существу в оценке Парижского трактата. Во-первых, Турцию не приравнили к «великим державам», а приняли в «концерт» европейских держав, что, разумеется, вовсе не одно и то же. Во-вторых, Крымская война и Парижский мир, её завершивший, отнюдь не были для Турции благом. Именно в этот период Турция вступила на путь военных займов, при посредстве которых капиталистические державы вскоре превратили её в свою полуколонию; вместе с тем Парижский трактат закрепил контроль держав над проведением внутренних реформ в Турции. Не даром Маркс незадолго до окончания Крымской войны писал, что «коллективный протекторат над нею (Турцией. — А. М.) существует уже сейчас и будет утверждён договорами». И далее: «Турция лежит измученная, обесцененная, охваченная глубоким процессом социального и политического разложения — процессом, который ускорится её

отчаянными усилиями продолжать войну и удовлетворить требования своих союзников. Этой ценой она должна заплатить за честь быть принятой в высшие европейские круги»³.

Автор рецензируемой книги совершенно игнорирует этот процесс превращения Турции в зависимую страну. Констатируя «полное отсутствие протекционистской системы» в Турции (стр. 79), он ни единым словом не упоминает о том, что турки отнюдь не по доброй воле сохраняли низкие ввозные пошлины (3% стоимости), но что к этому их обязывал капитуляционный режим, разорявший народное хозяйство страны и способствовавший её закабалению иностранным капиталом.

В этом отношении наиболее губительной для экономики Турции была торговая конвенция, навязанная турецкому правительству Англией в 1838 году. Закрепляя низкие таможенные пошлины, она в то же время запрещала какие бы то ни было монополии в Турции, т. е. лишала Турцию последнего оружия, с помощью которого можно было хотя бы несколько ограничить наплыв иностранных товаров. В короткий срок после подписания торговой конвенции с Англией (а затем и с Францией) существовавшая до этого турецкая полукустарная промышленность была окончательно разрушена, и страна превратилась в открытый рынок для сбыта европейских фабрикатов. В полном противоречии с этими общеизвестными фактами автор рецензируемой книги заявляет, что иностранный капитал содействовал (впоследствии) «промышленной революции» в Турции (стр. 78) и что конвенция 1838 г. была выгодна не только для Англии, но также и для Турции (стр. 126).

Никким образом нельзя согласиться с автором и в том, что Англия до 1833 г. якобы «не понимала значения Оттоманской империи» (стр. 38) и что до тех пор, пока Россия не создала угрозу английским позициям подписанием Ункяр-искелесийского договора, Англия будто бы играла на Ближнем Востоке «оборонительную роль» (стр. 40). Какова была эта «оборонительная роль» хотя бы и до 1833 г., достаточно хорошо известно из истории: захват Мальты, прорыв через Дарданеллы, десант в Египте, захват Ионических островов и т. д. и т. п.

Однако при всех этих недостатках рецензируемая книга имеет и некоторые достоинства. Главное из них состоит в том, что, если отбросить обобщения и выводы автора, можно извлечь много полезного из публикуемых им новых материалов. Чаще всего эти фактические данные, содержащиеся в книге, резко расходятся с выводами автора. Но такова, видимо, неизбежная судьба всякой книги, построенной на неправильной методологической основе. Любопытно, что автор сам, очевидно, не замечает, с какой силой его выводы опровергаются его же материалами.

Так, например, из документов, приведённых в книге, и из разбросанных по различ-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X, стр. 600.

ным местам книги заявления автора видно, что Англия отнюдь не была бескорыстной сторонницей развития Турции. Английский посол в Константинополе Понсонби за 18 месяцев до опубликования Тюльхавейского хатт-и-шерифа встретил сообщение Решид-паша о намеченных им реформах «без особого энтузиазма» (стр. 187). Вообще политика Понсонби была «более антирусской, чем протурецкой» (стр. 158). Такой же, в сущности, была и политика Стрэтфорда Каннинга. Он поощрял лишь те реформы, которые укрепляли позицию компрадорской агентуры иностранного капитала и содействовали отрыву Турции от России. Введение конституции в Турции Каннинг не одобрял (стр. 226), как не одобрял этого и Пальмерстон (стр. 188). В инструкции, направленной Понсонби в начале 1840 г., Пальмерстон подчёркивал своё удовлетворение тем фактом, что Решид-паша не проявляет поспешности, не вводит «преждевременно новых институтов», а последовательно улучшает и развивает «старые установления своей страны» (стр. 199). Между прочим, эти слова Пальмерстона почти буквально совпадают с обращением Меттерниха к турецкому правительству в 1841 г., когда австрийский канцлер, вовсе не выдававший себя за сторонника реформ, откровенно заявлял: «Restez turcs!» («Оставайтесь турками!»).

В какой мере английская политика была направлена на защиту «независимости и свободы» Османской империи, видно из признания автора о том, что, по мнению Каннинга, являлось большой ошибкой «предполагать, будто Порты является лучшим судьёй её собственных интересов» (стр. 210) и что Каннинг рекомендовал коллективное вмешательство держав в дела Турции (стр. 211). Впрочем, английский вице-консул в Трапезунде Джеймс Брент ещё в 1833 г. писал Понсонби, что турецкое правительство «должно быть поставлено под опеку просвещённой державы» (т. е. Англии) и что только такое покровительство «может спасти страну от серьёзного внутреннего развала и в конечном счёте от перехода под власть России» (стр. 138—139).

Из материалов книги с полной очевидностью вытекает, что выступление Англии против египетского паши Махмеда Али вызывалось, наряду со стремлением нанести дипломатическое поражение Франции и России, также страхом Пальмерстона перед возможным укреплением Махмеда Али на Красном море и в Персидском заливе (стр. 168).

Ценные сведения можно почерпнуть из книги также о том, что касается некоторых неосуществлённых проектов британского правительства, направленных на полное подчинение Турции английскому влиянию. Так, в мае 1833 г. Англия хотела ввести свой флот в Дарданеллы, но турки, вспомнив эпизод с эскадрой Декурта в 1807 г., «превратно истолковали намерение Британии защитить Константинополь от Махмеда Али, а потому сочли необходимым заключить договор с Россией» (стр. 49). В 1834 г. Пальмерстон намеревался послать в Турцию английских военных инструкторов, но ренсфенди (министр иностранных дел) откло-

нил это предложение (стр. 146). Тем не менее в 1835 г. Пальмерстон отправил туда некоего Хржановского, «польского офицера на английской службе», с пожеланием, чтобы он был прикомандирован к султанскому штабу, а также ещё двух офицеров «для помощи в военной реорганизации» (стр. 147). Этот план Пальмерстона тоже не встретил одобрения в Константинополе. Хржановский пробыл в турецкой столице около года, но никакого успеха не имел (там же). В 1838 г. Понсонби предложил султану выделить из турецкого флота два линейных корабля, на которых английские офицеры имели бы «абсолютное командование», для обучения молодых турок военно-морскому делу; эта просьба была отклонена (стр. 148). В этот же период Пальмерстон добился от Порты согласия на приезд английской морской миссии, но когда британские морские офицеры прибыли в Константинополь, они были там приняты весьма холодно и не получили никаких полномочий (там же). Понсонби пытался связать Турцию займом (стр. 159), проводил при помощи группы английских евреев подозрительную политику в Палестине (стр. 203) и т. д. После всего этого вполне понятно, почему даже Решид-паша, столь тесно связанный с англичанами, начал под конец своей жизни отходить от них. Между тем наш автор удивляется этому факту, недоумевая, как это случилось, что Решид стал сотрудничать «с русскими, которых он прежде рассматривал как врагов Турции» (стр. 224).

Ещё более ценными являются приведённые в рецензируемой книге данные об англо-турецкой торговле. Английский экспорт в страны Ближнего Востока начал возрастать после 1825 года (стр. 40). Движущим мотивом для усиления этого экспорта было развитие английской промышленности, интересы которой воздействовали и на министерство иностранных дел (стр. 62). Поэтому принцип «целостности Османской империи» был в большой степени порождён тем, что англичане поняли реальное значение Турции «для экономического преуспевания Англии и для её доступа к Индии» (стр. 64). Это значение Турции как рынка для всё возрастающей английской торговли было особенно велико в свете международной обстановки на континенте. Во второй четверти XIX в. торговля Англии с европейскими государствами была ограничена барьерами, создававшимися там в целях обеспечения собственного промышленного развития. Застрельщицей в этом отношении выступила Франция, начавшая после 1825 г. реализовывать возможности своей промышленности. Текстильные изделия были до 1834 г. полностью запрещены к ввозу во Францию, а потом хотя и разрешены, но обложены высокими пошлинами. В России до 1833 г. существовало полное запрещение, а затем, с 1833 до 1844 г., — частичное. Германский Zollverein, учреждённый в 1833 г., ввёл не очень высокие пошлины, но протекционистские тенденции всё же существовали как на территориях, объединяемых этим союзом, так и в Австрии (стр. 72). Ввиду всего этого роль рынков Леванта для Англии возрастала всё боль-

ше и больше, и в 1850 г. Турция занимала в английской внешней торговле третье место, уступая лишь ганзейским городам и Голландии (стр. 82). Английский экспорт в Турцию составлял по стоимости столько же, сколько во Францию, и на треть больше, чем в Россию (стр. 219).

Разумеется, весь этот фактический материал представляет существенный интерес, и с этой точки зрения книга Ф. Э. Бейли заслуживает внимания.

Проф. А. Миллер

STONER JOHN E. S. O. *Levinson and the Pact of Paris. A Study in the technique of Influence.* The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, 1943. 367 p.

СТОНЕР ДЖ. Е. С. О. *Левинсон и Парижский пакт. Изучение техники влияния.*

Когда 27 августа 1929 г. праздновалась первая годовщина Парижского пакта, Бриан пригласил к себе оказавшегося случайно в Гааге Левинсона. При встрече французский министр иностранных дел сказал: «Я рад видеть действительного отца Парижского пакта». «Но, — ответил Левинсон, — если бы не Вы, господин Бриан, отец умер бы бездетным» (стр. 233).

Замечание Бриана характеризует активность Левинсона и в то же время объясняет, почему эта книга посвящена ему. С. О. Левинсон, известный чикагский юрист, посвятил свою жизнь организации движения, которое он сам назвал «движением за объявление войны вне закона». Его деятельность в этом направлении началась во время первой мировой войны (гл. II).

Левинсон выступал тогда уже за то, что основой построения мира должно быть объявление войны вне закона. Разбирательство споров между государствами в международных судах не должно являться альтернативой войны, а должно стать абсолютной её заменой. Кроме того нужна сила, достаточная для проведения в жизнь решений суда. Затем он развил идею о необходимости подготовить для международного суда закон, по которому война будет объявлена преступлением.

Левинсон не только писал статьи, памфлеты и брошюры, в которых он постепенно развивал свою «теорию объявления войны вне закона», но в целях расширения этого движения он писал сотни писем государственным деятелям и влиятельным людям Соединённых Штатов и Европы, организовывал дебаты с оппонентами на массовых митингах, интервьюировал влиятельных государственных деятелей.

В результате Левинсону удалось повлиять на таких людей, как сенатор Бора, профессор Дюви, Раймонд Робинс (который стал преданным последователем Левинсона), Келлог, Бриан и многие другие. Идеи Левинсона не только проникли в печать Соединённых Штатов и Европы, но нашли дорогу во многие правительственные ноты, декларации и резолюции, вносившиеся и обсуждавшиеся сенатом США.

Стонер в своей книге основывается на тщательном изучении писем и работ Левин-

сона в период 1913—1941 годов. Левинсон оставил 40 тыс. писем и, вероятно, более 100 тыс. документов: записей, дневников, отчётов о различных интервью и т. п. Изучение всего этого материала дало возможность написать эту книгу, которая является большим подспорьем при изучении буржуазно-пацифистского движения в США в годы после первой мировой войны. Книга бросает свет на американское движение за объявление войны вне закона и на связь этого движения с договором об отказе от войны, обычно называемым Парижским пактом, или пактом Бриана — Келлога.

По окончании первой мировой войны Левинсон стал уделять внимание двум вопросам: объявлению войны вне закона и созданию сильной Лиги наций. Он надеялся, что Лига обеспечит законодательное запрещение войны. Но Левинсона постигло разочарование, как только был опубликован устав Лиги.

В одном из своих писем он охарактеризовал Лигу как «компромисс, недостойный жертв», «систему без механизма», «бессильный суд», «туловище без головы». Тогда Левинсон направил свою активность против Лиги, главным образом потому, что Лига, по его мнению, не только не объявляла войну незаконной, но её устав содержал ряд статей, признававших войну как орудие для разрешения конфликтов между государствами. Левинсон установил тесный контакт с ведущими сенаторами, противниками Версальского договора, с целью добиться отклонения такого устава Лиги. Он особенно заинтересовал в планах объявления войны вне закона сенаторов Нокса и Бора. Так началось движение за объявление войны вне закона. Оно было подхвачено в основном противниками Лиги и, что касается Соединённых Штатов, несомненно, должно было занять место Лиги наций. 1 марта 1919 г. сенатор Нокс произнёс в сенате речь, в которой развивал идею Левинсона о признании войны незаконной. Он ополчился против Лиги за то, что она не осуществила эту идею.

Во время президентских выборов 1920 г. Левинсон надеялся, что на пост президента будет выдвинута от республиканской партии кандидатура Нокса, однако, когда выдвинули кандидатуру Гардинга, Левинсон занялся

ше и больше, и в 1850 г. Турция занимала в английской внешней торговле третье место, уступая лишь ганзейским городам и Голландии (стр. 82). Английский экспорт в Турцию составлял по стоимости столько же, сколько во Францию, и на треть больше, чем в Россию (стр. 219).

Разумеется, весь этот фактический материал представляет существенный интерес, и с этой точки зрения книга Ф. Э. Бейли заслуживает внимания.

Проф. А. Миллер

STONER JOHN E. S. O. *Levinson and the Pact of Paris. A Study in the technique of Influence.* The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, 1943. 367 p.

СТОНЕР ДЖ. Е. С. О. *Левинсон и Парижский пакт. Изучение техники влияния.*

Когда 27 августа 1929 г. праздновалась первая годовщина Парижского пакта, Бриан пригласил к себе оказавшегося случайно в Гааге Левинсона. При встрече французский министр иностранных дел сказал: «Я рад видеть действительного отца Парижского пакта». «Но, — ответил Левинсон, — если бы не Вы, господин Бриан, отец умер бы бездетным» (стр. 233).

Замечание Бриана характеризует активность Левинсона и в то же время объясняет, почему эта книга посвящена ему. С. О. Левинсон, известный чикагский юрист, посвятил свою жизнь организации движения, которое он сам назвал «движением за объявление войны вне закона». Его деятельность в этом направлении началась во время первой мировой войны (гл. II).

Левинсон выступал тогда уже за то, что основой построения мира должно быть объявление войны вне закона. Разбирательство споров между государствами в международных судах не должно являться альтернативой войны, а должно стать абсолютной её заменой. Кроме того нужна сила, достаточная для проведения в жизнь решений суда. Затем он развил идею о необходимости подготовить для международного суда закон, по которому война будет объявлена преступлением.

Левинсон не только писал статьи, памфлеты и брошюры, в которых он постепенно развивал свою «теорию объявления войны вне закона», но в целях расширения этого движения он писал сотни писем государственным деятелям и влиятельным людям Соединённых Штатов и Европы, организовывал дебаты с оппонентами на массовых митингах, интервьюировал влиятельных государственных деятелей.

В результате Левинсону удалось повлиять на таких людей, как сенатор Бора, профессор Дюви, Раймонд Робинс (который стал преданным последователем Левинсона), Келлог, Бриан и многие другие. Идеи Левинсона не только проникли в печать Соединённых Штатов и Европы, но нашли дорогу во многие правительственные ноты, декларации и резолюции, вносившиеся и обсуждавшиеся сенатом США.

Стонер в своей книге основывается на тщательном изучении писем и работ Левин-

сона в период 1913—1941 годов. Левинсон оставил 40 тыс. писем и, вероятно, более 100 тыс. документов: записей, дневников, отчётов о различных интервью и т. п. Изучение всего этого материала дало возможность написать эту книгу, которая является большим подспорьем при изучении буржуазно-пацифистского движения в США в годы после первой мировой войны. Книга бросает свет на американское движение за объявление войны вне закона и на связь этого движения с договором об отказе от войны, обычно называемым Парижским пактом, или пактом Бриана — Келлога.

По окончании первой мировой войны Левинсон стал уделять внимание двум вопросам: объявлению войны вне закона и созданию сильной Лиги наций. Он надеялся, что Лига обеспечит законодательное запрещение войны. Но Левинсона постигло разочарование, как только был опубликован устав Лиги.

В одном из своих писем он охарактеризовал Лигу как «компромисс, недостойный жертв», «систему без механизма», «бессильный суд», «туловище без головы». Тогда Левинсон направил свою активность против Лиги, главным образом потому, что Лига, по его мнению, не только не объявляла войну незаконной, но её устав содержал ряд статей, признававших войну как орудие для разрешения конфликтов между государствами. Левинсон установил тесный контакт с ведущими сенаторами, противниками Версальского договора, с целью добиться отклонения такого устава Лиги. Он особенно заинтересовал в планах объявления войны вне закона сенаторов Нокса и Бора. Так началось движение за объявление войны вне закона. Оно было подхвачено в основном противниками Лиги и, что касается Соединённых Штатов, несомненно, должно было занять место Лиги наций. 1 марта 1919 г. сенатор Нокс произнёс в сенате речь, в которой развивал идею Левинсона о признании войны незаконной. Он ополчился против Лиги за то, что она не осуществила эту идею.

Во время президентских выборов 1920 г. Левинсон надеялся, что на пост президента будет выдвинута от республиканской партии кандидатура Нокса, однако, когда выдвинули кандидатуру Гардинга, Левинсон занялся

ше и больше, и в 1850 г. Турция занимала в английской внешней торговле третье место, уступая лишь ганзейским городам и Голландии (стр. 82). Английский экспорт в Турцию составлял по стоимости столько же, сколько во Францию, и на треть больше, чем в Россию (стр. 219).

Разумеется, весь этот фактический материал представляет существенный интерес, и с этой точки зрения книга Ф. Э. Бейли заслуживает внимания.

Проф. А. Миллер

STONER JOHN E. S. O. *Levinson and the Pact of Paris. A Study in the technique of Influence.* The University of Chicago Press. Chicago, Illinois, 1943. 367 p.

СТОНЕР ДЖ. Е. С. О. *Левинсон и Парижский пакт. Изучение техники влияния.*

Когда 27 августа 1929 г. праздновалась первая годовщина Парижского пакта, Бриан пригласил к себе оказавшегося случайно в Гааге Левинсона. При встрече французский министр иностранных дел сказал: «Я рад видеть действительного отца Парижского пакта». «Но, — ответил Левинсон, — если бы не Вы, господин Бриан, отец умер бы бездетным» (стр. 233).

Замечание Бриана характеризует активность Левинсона и в то же время объясняет, почему эта книга посвящена ему. С. О. Левинсон, известный чикагский юрист, посвятил свою жизнь организации движения, которое он сам назвал «движением за объявление войны вне закона». Его деятельность в этом направлении началась во время первой мировой войны (гл. II).

Левинсон выступал тогда уже за то, что основой построения мира должно быть объявление войны вне закона. Разбирательство споров между государствами в международных судах не должно являться альтернативой войны, а должно стать абсолютной её заменой. Кроме того нужна сила, достаточная для проведения в жизнь решения суда. Затем он развил идею о необходимости подготовить для международного суда закон, по которому война будет объявлена преступлением.

Левинсон не только писал статьи, памфлеты и брошюры, в которых он постепенно развивал свою «теорию объявления войны вне закона», но в целях расширения этого движения он писал сотни писем государственным деятелям и влиятельным людям Соединённых Штатов и Европы, организовывал дебаты с оппонентами на массовых митингах, интервьюировал влиятельных государственных деятелей.

В результате Левинсону удалось повлиять на таких людей, как сенатор Бора, профессор Дюви, Раймонд Робинс (который стал преданным последователем Левинсона), Келлог, Бриан и многие другие. Идеи Левинсона не только проникли в печать Соединённых Штатов и Европы, но нашли дорогу во многие правительственные ноты, декларации и резолюции, вносившиеся и обсуждавшиеся сенатом США.

Стонер в своей книге основывается на тщательном изучении писем и работ Левин-

сона в период 1913—1941 годов. Левинсон оставил 40 тыс. писем и, вероятно, более 100 тыс. документов: записей, дневников, отчётов о различных интервью и т. п. Изучение всего этого материала дало возможность написать эту книгу, которая является большим подспорьем при изучении буржуазно-пацифистского движения в США в годы после первой мировой войны. Книга бросает свет на американское движение за объявление войны вне закона и на связь этого движения с договором об отказе от войны, обычно называемым Парижским пактом, или пактом Бриана — Келлога.

По окончании первой мировой войны Левинсон стал уделять внимание двум вопросам: объявлению войны вне закона и созданию сильной Лиги наций. Он надеялся, что Лига обеспечит законодательное запрещение войны. Но Левинсона постигло разочарование, как только был опубликован устав Лиги.

В одном из своих писем он охарактеризовал Лигу как «компромисс, недостойный жертв», «систему без механизма», «бессильный суд», «туловище без головы». Тогда Левинсон направил свою активность против Лиги, главным образом потому, что Лига, по его мнению, не только не объявляла войну незаконной, но её устав содержал ряд статей, признававших войну как орудие для разрешения конфликтов между государствами. Левинсон установил тесный контакт с ведущими сенаторами, противниками Версальского договора, с целью добиться отклонения такого устава Лиги. Он особенно заинтересовал в планах объявления войны вне закона сенаторов Нокса и Бора. Так началось движение за объявление войны вне закона. Оно было подхвачено в основном противниками Лиги и, что касается Соединённых Штатов, несомненно, должно было занять место Лиги наций. 1 марта 1919 г. сенатор Нокс произнёс в сенате речь, в которой развивал идею Левинсона о признании войны незаконной. Он ополчился против Лиги за то, что она не осуществила эту идею.

Во время президентских выборов 1920 г. Левинсон надеялся, что на пост президента будет выдвинута от республиканской партии кандидатура Нокса, однако, когда выдвинули кандидатуру Гардинга, Левинсон занялся

ся от применения войны как инструмента для урегулирования международных споров и оказания давления на решения и судебные приговоры международного трибунала и настоящим объявляем, — в качестве основного закона нации, — существующий с незапамятных времён инструмент войны вне закона, считая его применение преступлением против общества» (стр. 223). Затем он подготовил для Келлога проект «Договора вечного мира и дружбы между Соединёнными Штатами Америки и французской республикой» (стр. 225).

Мы здесь не задаёмся целью проследить различные этапы борьбы вокруг пакта Бриана—Келлога и разногласия между Францией и США. Это не является основным в рецензируемой книге, задача которой заключалась в том, чтобы показать, какое влияние имел Левинсон на движение за подписание пакта. Работа Левинсона в этом направлении описана автором в XIV—XVIII главах книги.

По возвращении в Соединённые Штаты Левинсон начал энергичную кампанию за принятие предложения Бриана. Он имел много встреч с сенатором Бора. Он подготовил проект договора с Францией и обширное письмо, которое направил Келлогу. В этом письме, между прочим, он утверждал: «Я считаю, господин секретарь, что Вы имеете возможность послужить делу всеобщего мира созданием этого договора, являющегося редкостью в анналах истории. Международная война, раз начавшись, уже вырывается за пределы человеческого контроля. Её прогрессирующие разрушительные силы с колоссальными экономическими потерями жизни и имущества делают залечивание последствий современной войны более тяжким, чем сама болезнь». Левинсон и Бора были далеки от уверенности в том, что Келлог поддержит их идею, и употребили большие усилия, чтобы повлиять на государственного секретаря и его окружение. Тем временем возникли разногласия между Левинсоном и Бора по вопросу, как лучше помочь делу объявления войны вне закона. Бора был за многосторонний договор, в то время как Левинсон поддерживал предложение Бриана о заключении двустороннего договора. Левинсон доказывал, что если удастся заключить двусторонний договор, включающий основные идеи движения за объявление войны вне закона, то это будет хорошим началом. Вслед за этим необходимо будет вести борьбу за присоединение других держав. Он боялся, что трудно будет убедить Бриана согласиться на принятие многостороннего договора в связи с той позицией, которую Франция занимала в Лиге наций. Левинсону не удалось склонить Бора к принятию его точки зрения.

Однако эти разногласия не являлись препятствием к проведению кампании по мобилизации общественного мнения на объявление войны вне закона. Растущее общественное мнение в пользу этого движения оказало влияние на государственный департамент. Сенатор Бора убедил National Grange²,

² Массовая фермерская организация.

с количеством членов 800 тыс., вынести резолюцию «об объявлении войны незаконной». Вашингтон получил петиции за двумя миллионами подписей.

Движение за объявление войны вне закона, начатое Левинсоном ещё во время первой мировой войны, приняло значительные размеры. Оно опиралось главным образом на фермерство Средних и Западных Штатов и на мелкую буржуазию городов. Его поддерживали студенчество и значительная часть профессуры. К 1927—1928 гг. вокруг движения объединилась не только часть противников Лиги наций, но и ряд крупных политических деятелей, выступавших ранее за присоединение к Лиге наций. К движению примкнули и изоляционисты и те, которые считали, что США должны активно участвовать в международных делах и играть в них решающую роль. Это сплетение империалистических тенденций внешней политики США с буржуазно-пацифистскими, характерное для современных международных отношений, в книге Стонера обходится молчанием.

В течение первой недели декабря 1927 г. в обе палаты Конгресса были внесены резолюции, требующие принять предложение Бриана. Из этих резолюций наиболее важными были две: сенатора Каппера из Канзаса и Бора, председателя сенатской комиссии по иностранным делам. Обе резолюции требовали отказа от войны как инструмента национальной политики. Резолюция сенатора Бора включала основные идеи движения за объявление войны вне закона.

Ответ Келлога Бриану испытал несомненное влияние общественного мнения и выступлений Бора за многосторонний договор. 28 декабря 1927 г. Келлог предложил Бриану подписать не двусторонний, а многосторонний договор.

Принятие за основу обсуждения проекта Келлога рассматривалось как победа движения за объявление войны вне закона, движения, организованного и развитого Левинсоном.

Левинсон был за пакт в его первоначальном виде, без оговорок. Он с горечью обрушился на британское консервативное правительство за его оговорки, которые получили известность как «британская доктрина Монро» и которые сводили на-нет силу пакта в ряде районов (Египет, Афганистан и др.), объявлявшихся зонами «специальных интересов» Великобритании.

Подписанный 27 августа 1928 г. пакт был далёк от удовлетворения надежд и желаний тех, кто боролся за объявление войны вне закона.

Тем не менее, несмотря на все свои серьёзные дефекты, пакт был не только результатом политики государственных деятелей, но и результатом движения, организованного в Соединённых Штатах и многих других странах за объявление войны вне закона. Поэтому рецензируемая книга представляет собой большую ценность для всех, кто интересуется изучением общественного мнения, сопутствовавшего движению за Парижский пакт.

Левинсон является типичным буржуазным пацифистом, который искренно верил в воз-

можность признания войны незаконной. Этой цели он отдал всю свою энергию. «Наибольшая заслуга во всём этом движении,— писал Бора,— принадлежит Левинсону. Он действительно, насколько я могу установить, был автором идеи, непрерывно, упорно, без компромиссов боролся за неё. Робинс и некоторые другие из нас помогали ему в этом. Однако я думаю, что заслуга должна принадлежать ему» (стр. 338). Совершенно ясно, что буржуазно-пацифистское движение за объявление войны вне закона было бессильно разрешить основной вопрос о войнах. «Марксисты,— говорит товарищ Сталин,— не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения

вперёд, а через кризисы и военные катастрофы»³. Тем не менее движение, инициатором и организатором которого был Левинсон, сыграло определённо положительную роль в политической жизни США. Оно мобилизовало общественное мнение против агрессивных и захватнических войн. Лучшие представители этого движения—Бора и Робинс—выступали за признание СССР. Левинсон, Бора и Робинс выступали против интервенции США в Никарагуа. Движение также содействовало установлению более дружественных отношений между США и другими странами.

Проф. Л. Зубок

³ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Новая литература по истории СССР, вышедшая в первом полугодии 1946 года

СТАЛИН И. В. Соч. Т. I. 1901—1907. М. Госполитиздат. 1946. XV, 427 стр. 1 вкл. л. портр.

СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М. Госполитиздат. 1946. 207 стр. 1 вкл. л. портр.

СТАЛИН И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобр. ЦК ВКП(б). 1938. М. Госполитиздат. 1946. 351 стр.

КАЛИНИН М. Статьи и речи. 1945—1946. М. Госполитиздат. 1946. 100 стр. Портр.

КАЛИНИН М. О работе Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Большевик» № 1, стр. 13—25. 1946.

АЛЛИЛУЕВА А. Воспоминания. М. «Сов. писатель». 1946. 196 стр.

АНЦИФЕРОВ Н. Пригороды Ленинграда. Города: Пушкин, Павловск, Петродворец. М. Гослитмузей. 1946. 112 стр. (Литературные места. Серия издания Гослитмузея под редакцией И. Г. Клубуновского. Вып. 1-й).

БАЗИЛЕВИЧ К. Русское военное искусство. М. Воениздат. 1945. 23 стр.

БЕРДЗЕНИШВИЛИ Н., ДЖАВАХИШВИЛИ И. и ДЖАНАШИА С. История Грузии. Ч. 1-я. С древнейших времён до начала XIX века. Под ред. С. Джанашиа. Учебник для старших классов средней школы. Одобр. СНК Груз. ССР.

Тбилиси. Госиздат Груз. ССР. 1946. IV. 460 стр. илл., 12 вкл. л. илл. (Институт истории имени Джавахишвили АН СССР).

БЕРЕЖКОВ Н. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1-я. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М. и Л. АН СССР. 1946. 179 стр. (Институт истории).

БЕРНШТАМ А. Башня Бурана. Фрунзе. Киргосиздат. 1946. 10 стр.

БЕРНШТАМ А. Мазар Манаса. Фрунзе. Киргосиздат. 1946. 12 стр. (Управление по делам архитектуры при СНК Кирг. ССР. Отдел охраны памятников. Памятники архитектуры Киргизстана. Научно-популярная серия).

БЕРНШТАМ А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 207 стр. (Ин-т востоковедения).

БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. Приказные судьи XVII века. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 316 стр. (Ин-т истории).

БУРДЖАЛОВ Э. История СССР. (первая четверть XIX в.). Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 192 стр. Высшая партшкола при ЦК ВКП(б).

БУРДЖАЛОВ Э. История СССР. (вторая четверть XIX в.). Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 227 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б)).

Важнейшие законы и постановления советского государства за время Великой Отечественной войны. М. Воениздат. 1946. 116 стр. илл. (Управление уполномоченного СНК

можность признания войны незаконной. Этой цели он отдал всю свою энергию. «Наибольшая заслуга во всём этом движении,— писал Бора,— принадлежит Левинсону. Он действительно, насколько я могу установить, был автором идеи, непрерывно, упорно, без компромиссов боролся за неё. Робинс и некоторые другие из нас помогали ему в этом. Однако я думаю, что заслуга должна принадлежать ему» (стр. 338). Совершенно ясно, что буржуазно-пацифистское движение за объявление войны вне закона было бессильно разрешить основной вопрос о войнах. «Марксисты,— говорит товарищ Сталин,— не раз заявляли, что капиталистическая система мирового хозяйства таит в себе элементы общего кризиса и военных столкновений, что ввиду этого развитие мирового капитализма в наше время происходит не в виде плавного и равномерного продвижения

вперёд, а через кризисы и военные катастрофы»³. Тем не менее движение, инициатором и организатором которого был Левинсон, сыграло определённо положительную роль в политической жизни США. Оно мобилизовало общественное мнение против агрессивных и захватнических войн. Лучшие представители этого движения—Бора и Робинс—выступали за признание СССР. Левинсон, Бора и Робинс выступали против интервенции США в Никарагуа. Движение также содействовало установлению более дружественных отношений между США и другими странами.

Проф. Л. Зубок

³ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Новая литература по истории СССР, вышедшая в первом полугодии 1946 года

СТАЛИН И. В. Соч. Т. I. 1901—1907. М. Госполитиздат. 1946. XV, 427 стр. 1 вкл. л. портр.

СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М. Госполитиздат. 1946. 207 стр. 1 вкл. л. портр.

СТАЛИН И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Одобр. ЦК ВКП(б). 1938. М. Госполитиздат. 1946. 351 стр.

КАЛИНИН М. Статьи и речи. 1945—1946. М. Госполитиздат. 1946. 100 стр. Портр.

КАЛИНИН М. О работе Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Большевик» № 1, стр. 13—25. 1946.

АЛЛИЛУЕВА А. Воспоминания. М. «Сов. писатель». 1946. 196 стр.

АНЦИФЕРОВ Н. Пригороды Ленинграда. Города: Пушкин, Павловск, Петродворец. М. Гослитмузей. 1946. 112 стр. (Литературные места. Серия издания Гослитмузея под редакцией И. Г. Клубуновского. Вып. 1-й).

БАЗИЛЕВИЧ К. Русское военное искусство. М. Воениздат. 1945. 23 стр.

БЕРДЗЕНИШВИЛИ Н., ДЖАВАХИШВИЛИ И. и ДЖАНАШИА С. История Грузии. Ч. 1-я. С древнейших времён до начала XIX века. Под ред. С. Джанашиа. Учебник для старших классов средней школы. Одобр. СНК Груз. ССР.

Тбилиси. Госиздат Груз. ССР. 1946. IV. 460 стр. илл., 12 вкл. л. илл. (Институт истории имени Джавахишвили АН СССР).

БЕРЕЖКОВ Н. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1-я. О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М. и Л. АН СССР. 1946. 179 стр. (Институт истории).

БЕРНШТАМ А. Башня Бурана. Фрунзе. Киргосиздат. 1946. 10 стр.

БЕРНШТАМ А. Мазар Манаса. Фрунзе. Киргосиздат. 1946. 12 стр. (Управление по делам архитектуры при СНК Кирг. ССР. Отдел охраны памятников. Памятники архитектуры Киргизстана. Научно-популярная серия).

БЕРНШТАМ А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 207 стр. (Ин-т востоковедения).

БОГОЯВЛЕНСКИЙ С. Приказные судьи XVII века. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 316 стр. (Ин-т истории).

БУРДЖАЛОВ Э. История СССР. (первая четверть XIX в.). Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 192 стр. Высшая партшкола при ЦК ВКП(б).

БУРДЖАЛОВ Э. История СССР. (вторая четверть XIX в.). Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 227 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б)).

Важнейшие законы и постановления советского государства за время Великой Отечественной войны. М. Воениздат. 1946. 116 стр. илл. (Управление уполномоченного СНК

- СССР по делам репатриации советских граждан.)
- ВВЕДЕНСКИЙ А.** Иван Грозный. Стеногр. публ. лекций, що прочит. 12 марта 1945 р. в залі Обл. будинку Червоної Армії в Києві. Київ. 1946. 20 стр. (Лекц. бюро Упр. в справах вищої школи при РНК УРСР.)
- ВОДОЛАГИН М.** Разгром немцев под Сталинградом. Сталинград. Обл. кн-во. 1946. 44 стр.
- ВОСКОБОЙНИКОВ Э. и ЗЕВЕЛЕВ А. Л. М.** Каганович в борьбе за укрепление советской власти в Туркестане. Ташкент. Госиздат УзССР. 1946. 32 стр.
- Героическая оборона Севастополя. 1941—1942 гг. Сборник документов и материалов под ред. П. А. Чурсина. Симферополь. Крымиздат. 1946. 292 стр. Илл. (Крым. комиссия по истории Великой Отечественной войны.)
- ГОРОДЕЦКИЙ Е.** Россия—родина ленинизма. «Большевик» № 2, стр. 9—21. 1946.
- ГУСЕЙНОВ Г.** О социальных воззрениях Низами. Баку. Акад. наук Азерб. ССР. 1946. 16 стр. (Ин-т философии.)
- ДЕРЖАВИН Н.** Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М. АН СССР. 1946. 215 стр. (Научно-популярная серия.)
- Донские партизаны. Очерки, воспоминания, материалы. Ростов н/Д. Рост. обл. кн-во. 1946. 144 стр.
- ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ В. и БЕРЕЗИНА В.** Николай Алексеевич Полевой. Очерк о жизни и деятельности. Курск. «Курская правда». 1946. 79 стр. Портр.
- Жизнь солдата. Дневники, записки и письма бойцов действующей Красной Армии—участников Великой Отечественной войны Советского Союза. М. «Молодая гвардия». 1946. 256 стр. Илл. (Советская молодежь в Отечественной войне. Записки и документы.)
- ИВАНОВ Л.** Из истории украинской прессы 1905—1907 гг. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III. № 2, стр. 150—174. 1946.
- ИВАШЕНКО М.** Адмирал Головин. М. и Л. Военмориздат. 1946. 206 стр. Илл. 1 вкл. л. карт.
- ИОАННИСЯН А.** Армянское национально-освободительное движение в 60-х годах XVIII столетия. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III. 1946.
- К изучению истории. Сборник. М. Высшая партшкола при ЦК ВКП(б). 1946. 46 стр.
- КАДИШЕВ А.** Развитие оперативного искусства Красной Армии в гражданской войне. «Военная мысль» № 2—3, стр. 62—73. 1946.
- КИСЕЛЕВ С.** Общество и государство енисейских выргызов в VI—X веках. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III. № 1, стр. 69—76. 1946.
- КОЗЛОВСКИЙ Д.** История материальной части артиллерии. М. 1946. 323 стр. Илл. (Артилл. ордена Ленина и ордена Суворова Акад. Красной Армии имени Дзержинского.)
- КОКИЕВ Г.** Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик. Кабгосиздат. 1946. 36 стр. (Кабард. н.-и. ин-т при Совете министров Кабард. АССР.)
- КРАСТЫНЬ Я.** Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей. М. Госполитиздат. 1946. 196 стр. (Институт Истории Акад. наук СССР.)
- КРИЧЕВСКИЙ Г.** «Конституционный проект» Никиты Муравьева и американские конституции. «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. II. № 6, стр. 397—406. 1946.
- Ленин в сибирской ссылке 1897—1900 годов. М. Госполитиздат. 1946. 127 стр. 1 л. портр.
- ЛЕО.** История Армении. Т. III. Ереван. Акад. наук Армян. ССР. 1946. XII. 1120 стр. Портр. (Ин-т истории). На армян. языке.
- ЛОКШИН Э.** Партия большевиков в борьбе за индустриализацию СССР. М. Госполитиздат. 1946. 116 стр. (В помощь пропагандисту.)
- МАНАНДЯН Я.** Армавирские и греческие надписи в новом освещении. Ереван. 1946. 58 стр. (Ереван. гос. ун-т имени В. М. Молотова). На армян. и русск. языках.
- МАСЛОВ С.** Культурно-национальное возрождение на Украине в конце XVI и первой половине XVII ст. «Наукові записки Акад. наук Укр. ССР» Ин-т мови і лит. Т. II, стр. 3—20. 1946.
- НЕЧКИНА М.** Место и роль декабристов в русском революционном движении. «Большевик» № 1, стр. 41—51. 1946.
- НИКИТИН С.** Подложные документы о русской политике на Балканах в 70-е годы XIX в. «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. № 1. Т. 3, стр. 87—91. 1946.
- ОКЛАДНИКОВ А.** Ленские древности. Отчёт об археологических исследованиях на Нижней Лене, от Жиганска до Кумал-Сурга в 1942—1943 годах. Вып. II. Якутск. 1946. 187 стр. Илл. (Ин-т истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Акад. наук СССР. Н.-и. ин-т языка, литературы и истории ЯССР. Материалы по древней истории Якутии).
- ОРЛОВ А.** Повесть 1606 года о восхождении Российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского. «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка. Т. V. Вып. I, стр. 27—46. 1946.
- ОРЛОВ А.** Слово о полку Игореве. 2-е изд., доп. М. и Л. Акад. наук СССР. 1946. 214 стр.
- ОСТРОВИТЯНОВ К.** О работе В. И. Ленина «Развитие капитализма

в России». «Большевик» № 3, стр. 34 — 49. 1946.

ПАНКРАТОВА А. Великий русский народ и его роль в истории. М. 1946. 44 стр. (Всесоюзный комитет по делам Высшей школы при СНК СССР. Научно-методический комитет преподавания марксизма-ленинизма в высших учебных заведениях. На правах рукописи).

ПИЧЕТА В. Изучение литовских статут в новейшей историко-юридической литературе (1918—1940). «Известия Акад. наук СССР». Серия истории и философии. Т. III, стр. 31—42. 1946.

РЫЧКОВА Г. Военно-боевая работа большевиков Урала в период первой русской революции. Свердловск. Свердл. обл. изд-во. 1946. 60 стр. (Свердл. ин-т истории ВКП(б). Филиал ИМЭЛ).

Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М. Госполитиздат. 1946. 459 стр. 5 вкл. л. факс. (Чрезвычайная гос. комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.)

СУКНОЗАЛОВ А. Строительство флота в России во второй половине XVII века. «Морской сборник» № 3, стр. 76—93. 1946.

СУЧАН. Сборник. (К 50-летию г. Сучана). Владивосток. Примиздат. 1946. 136 стр. Илл.

Тбилиси. Юбилейный сборник. Тбилиси, «Заря Востока». 1946. 216 стр. Илл. (1500 лет Тбилиси). Содержание: С. ДЖАНАШИА «Краткий исторический очерк»; Г. БЕЖАНИШВИЛИ «Городское хозяйство»; Г. КАЛИНИНА «Исторические места, связанные с революционным прошлым города»; И. БАДРИАНШВИЛИ «Природа города Тбилиси», «Памятники материальной культуры»; Ш. АМИРАНАШВИЛИ «Окрестности Тбилиси».

ХРОМОВ П. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. М. и Л. АН СССР. 1946. 173 стр. (Ин-т экономики).

ЦАГОЛОВ Н. Некоторые вопросы кризиса крепостного хозяйства в России. «Известия Акад. наук СССР» № 1, стр. 53—75. Отделение экономики и права. 1946.

Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Ч. 1-я. Под ред. чл.-корр. АН СССР С. К. Богоявленского. М. 1946. 364 стр. (Глав. архив. упр. НКВД СССР. Гос. архив. фонд Союза ССР. Научно-спраочные пособия. Под общ. ред. И. Никитинского, П. Софинова и В. Максакова).

ЭМИРОВ Н. Посланцы Сталина в боях за Советский Дагестан. Из истории борьбы горцев Дагестана за советскую власть под руководством С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе. (Махач-Кала. Даггиз. 1946. 66 стр. (Дагест. н.-н. ин-т истории, языка и литературы).

ЯКОВЛЕВ Н. История СССР. Внешняя политика русского царизма в 40—50-х годах XIX века. Крымская война. Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 56 стр. Высшая партшкола при ЦК ВКП(б).

ЯКОВЛЕВ Н. История СССР. Внешняя и национально-колониальная политика царизма в 60—70-х годах. Народы Средней Азии в середине XIX в. Завоевание Средней Азии. Лекции, прочитанные в Высшей партшколе при ЦК ВКП(б). М. 1946. 62 стр. Высшая партшкола при ЦК ВКП(б). Лекции 51—52.

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. Партия большевиков в период перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1921—1925). Стеногр. лекций, прочитанных в 1941—1943 уч. годах. М. 1946. 184 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б). Гл. 9-я).

ЯРОСЛАВСКИЙ Е. Партия большевиков в борьбе за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929). Стеногр. лекций, прочитанных в 1941—1943 уч. годах. М. 1946. 135 стр. (Высшая партшкола при ЦК ВКП(б). Курс истории ВКП(б), гл. 10 л).

Государственная Публичная историческая библиотека

Выборочный список иностранных книг по истории СССР за 1939—1945 годы

MAZOUR A. — An outline of modern Russian historiography... with introduction by R. J. Kerner, Berkeley, 1939. IX, 130 p.

FJELD H. and PROSTOV E. — Archeological researches in the USSR 1938—1939.—Reprint from «American anthropologist», Vol. 42, No 2, 1940, p. 211—235.

FIELD H. and PROSTOV E. — Results of soviet investigations in Siberia, 1940—1941. Reprint from «American anthropologist» Vol. 44, N 3, 1942, p. 288—496.

VERNADSKY G. Ancient Russia. New Haven—London, 1943. XIV, 425 p. (A history of Russia by G. Vernadsky and M. Karpovich. Vol. I).

- VERNADSKY G.—Bohdan, hetman of
Ukraine. New Haven—London. 1941.
141 pp.
- MARSDEN C.—Palmira of the North.
The first days of St.-Petersburg. With a
pref. by S. Sitwell. London. 1942. 280 p.
- KLINGENDER F.—Russia—Britain's
ally 1812—1942. Introd. by I. Maisky. Lon-
don. 1942. 62 p.
- CHEVIGNY H.—Lord of Alaska.
Baranov and the Russian adventure... New
York. 1944. 320 p.
- DUNDULIS B.—Napoléon et la Li-
tuanie en 1812... Paris. 1940. 344 p.
(Bibliothèque d'histoire contemporaine).
- ELIE L.—Le président Boyer et
l'empereur de Russie Alexandre
I-er (Une mission diplomatique à
Saint-Pétersbourg en 1821). Port-au-Prince
(1942). 51 p.
- VULLIAMY C.—Crimea. The campaign
of 1854—56. With an outline of politics and
a study of the Royal quarter. London. 1938.
368 p.
- CURTISS J. S. Church and state in
Russia. The last years of the Empire
1900—1917. New York. 1940. IX, 442 p.
- SLOAN P.—How the Soviet State is
run. London. 1942. 128. (The Marxist
text book series N 6).
- PARFENOV V.—The intervention in
Siberia 1918—1922. New York. 1941.
64 p.
- STRAKHOVSKY L. J.—Intervention
at Arkhangel. The story of allied inter-
vention and Russian counter-revolution in
North Russia 1918—1920. Princeton—Lon-
don, 1944. VII. 336 p.
- SLOAN P.—Russia in peace and in
war. With foreword by I. Maisky. London.
1941. 72 p.
- SLOAN P. Russia resists. London.
1941. 117 p.
- The Union of Socialist Repub-
lics. The strength of our ally.
Facts, figures and photographs. London.
1941. 60 p.
- HOOPER A.—The Soviet fighting
forces. 2-d. ed revis. London. 1942. 64 p.
- KOURNAKOV S.—Russia's fighting
forces. New York. 1942. IX, 258 p.
- HINDUS M.—Russia fights on Lon-
don. 1942. 253 p.
- SKOMOROVSKY B. and MORRIS E.—The
siege of Leningrad... New York.
1944. 196 p.

*Сектор истории Фундаментальной библиотеки
общественных наук АН СССР.*

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Юбилей академика Ф. А. Ротштейна

В связи с исполнившимся в этом году 75-летием со дня рождения акад. Ф. А. Ротштейна и 50-летием его общественно-политической деятельности в Академии наук СССР 27 марта состоялось совместное заседание отделения истории и философии и отделения экономики и права.

Проф. В. М. Лазровский в докладе на тему «Ф. А. Ротштейн как историк Англии» указал, что на протяжении своей долгой и плодотворной деятельности Ф. А. Ротштейн неуклонно возвращался к темам из истории рабочего движения в Англии. Сорок лет назад вышел в свет первый из его очерков, посвящённых истории чартизма, — «Рабочее движение в Англии 30-х и 40-х годов». В 1908 г., к 25-летию со дня смерти Маркса, Ф. А. Ротштейн написал очерк «Прозвонники классовой борьбы до Маркса». В 1913 г., в связи с 50-летием основания I Интернационала, им написан третий очерк — «Предшественники Интернационала (Харней и Джонс)». Над этой темой Ф. А. Ротштейн продолжает работать и после Великой Октябрьской социалистической революции в свете нового исторического опыта, новой всемирно-исторической перспективы. Он пишет вторую часть очерков, посвящённую анализу рабочего движения в Англии во второй половине XIX — первых десятилетиях XX в., в период тред-юнионизма. Ф. А. Ротштейн внимательно изучает ряд материалов и новые работы Шлюттера, Слоссона, Розенблатта и др., появившиеся между 1916 и 1920 гг. (см. его обзор этой литературы в первой книге «Архива Маркса и Энгельса»). Относясь весьма критически к результатам того, что было сделано этими авторами, Ф. А. вскрывает причины как неизученности первого революционного движения пролетариата в Англии, так и его последующего перерождения в мирный оппортунистический тред-юнионизм. Ф. А. Ротштейн, говорит докладчик, подчёркивает важность изучения чартизма и последующего тред-юнионизма для понимания современного рабочего движения, современной политической действительности Англии. Докладчик далее подробно анализирует то новое и ценное, что было дано юбиляром в его трудах по истории английского рабочего движения.

Проф. И. С. Звавич сделал доклад о научных заслугах Ф. А. Ротштейна в области истории международных отношений.

Как исследователь международных отношений, Ф. А. Ротштейн выступил в 1910 г. со своей классической работой «Захват и

закабаление Египта». Первое издание этой работы, вышедшее на английском языке, было встречено молчанием консервативной и джингоистской прессы. Однако, говорит И. С. Звавич, автор заставил английских империалистов их собственными показаниями удостоверить факт превращения цветущей и богатой страны в задыхающуюся под гнётом иностранцев «хлопковую провинцию» Ланкашира. Ф. А. Ротштейн разоблачил легенду об английском «культуртрегерстве» в Египте, которая возвеличивала английского проконсула в Каире лорда Кромера; английский историк Гуч даже назвал книгу Ф. А. Ротштейна «Анти-Кромером». Ф. А. Ротштейну пришлось полемизировать не только с английскими империалистами, но и с немецкими ревизионистами, которые были готовы принять версию англичан о культурном росте и процветании Египта под английским игмом.

С необыкновенным трудолюбием и высокой научной тщательностью Ф. А. Ротштейн обработал в этом труде многочисленные английские «Синие книги», представленные министерством парламенту. Широкие круги не были знакомы с этими изданиями, а официальная наука на службе британского империализма обходила скользкие места в «Синих книгах». Привлечение прессы в качестве источника по истории международных отношений принадлежит к числу серьёзных заслуг автора. В том и другом случаях он следовал по пути, указанному Марксом, который в «Капитале», изучая классическую страну капитализма — Англию, — положил в основу своего исследования «показания самих англичан».

На примере Египта Ф. А. Ротштейн занялся изучением «частного случая» империалистической политики современных капиталистических держав. На этом примере он поставил перед марксистской наукой ряд проблем, озарённых затем ярким светом великой книги Ленина об империализме. После того как книга Ленина стала достоянием человечества, Ф. А. Ротштейн выпустил в 1924 г. второе издание «Захвата и закабаления Египта», дополнив его новыми главами и рядом дополнительных экскурсов. Время явилось превосходным испытанием научного значения книги; события 1921 г. в Египте и гигантский шаг вперёд, который сделали марксисты-учёные со времени первого издания, только подтвердили актуальность и значимость работы Ф. А. Ротштейна.

Среди проблем общего значения, которые

были поставлены Ф. А. Ротштейном перед учёными в рассматриваемой работе, следует особо отметить проблему изучения конкретного участия банков и биржи во внешней политике капиталистических держав. За исключением Египта нет других колониальных стран, в отношении которых этот вопрос был бы так изучен, как это сделал Ф. А. Ротштейн в своей книге. Затем Ф. А. Ротштейн дал анализ причин и характера превращения Египта в страну монокультуры; проблема монокультурного хозяйства и его связей с империалистическим государством-метрополией была изучена на частном примере с такой конкретностью и образностью, что это значительно облегчило ученикам и преемникам Ф. А. Ротштейна изучение колониальной политики.

Другой темой исследований Ф. А. Ротштейна по международным отношениям следует считать область британской дипломатии. В большой работе по новейшей истории Великобритании — «Великобритания» (БСЭ. Т. IX) — и в статье «Десница и шуйца британской дипломатии», помещённой в своё время в «Вестнике НКВД», Ф. А. установил существующую в Великобритании преемственность целей внешней политики при всём разнообразии её приёмов. На многочисленных примерах Ф. А. показал далее другую существенную черту британской внешней политики — разделение труда между правительством и оппозицией. Лорд Керзон в оппозиции к англо-русскому соглашению 1907 г. и сэр Эдуард Грей в правительстве, которое заключило этот договор, разделили между собой труд — добиться от России максимально выгодных для Англии условий раздела Персии на сферы влияния; оба имели в виду одну и ту же цель: Грей — проводить договор в жизнь, и Керзон — критикуя договор в палате лордов со всем авторитетом недавнего вице-короля Индии.

Знание людей и течений в области британской дипломатии позволило Ф. А. Ротштейну нарисовать непревзойдённые портреты-характеристики многих деятелей — от королевы Виктории до Биконсфильда (БСЭ). Ф. А. Ротштейн продолжил эту свою работу в подготовленной им к печати книге по истории международных отношений и в своих этюдах, предназначенных для «Дипломатического словаря».

Следуя известным указаниям Ленина относительно «тайны, в которой рождается война», Ф. А. Ротштейн в своих исследованиях стремится вскрыть эту тайну и показать читателям нутро империалистических интересов, толкающих человечество к войнам.

В качестве учёного-организатора Ф. А. Ротштейн возглавил издаваемую Академией наук СССР серию книг «Война и мир». В этой серии самому редактору её принадлежит исследование «Две прусские войны»

В форме научно-популярной работы, освобождённой для облегчения чтения от громоздкого аппарата ссылок на источники, использованные автором, Ф. А. Ротштейн дал исчерпывающую характеристику особенностей прусской политики, «пруссачества в дипломатии» и его представителя Бисмарка. Безжалостно срывает автор с Бисмарка и его политики тот флёр, которым постарались украсить прусского дипломата официозные германские историки. Ф. А. Ротштейн в этой книге вводит в научный оборот замечательный материал русской публицистики: Утин и Герцен, например, привлечены как современники — свидетели событий.

Научная общественность нашей страны обязана Ф. А. Ротштейну тем, что он как учёный-организатор и руководитель Отдела всеобщей истории БСЭ положил в течение двух десятилетий немало труда на создание научно проверенной, марксистской энциклопедии. Каковы бы ни были отдельные недостатки большого культурного начинания, которым является БСЭ, следует считать заслуженным Ф. А. Ротштейна то, что по всем разделам истории XX в. Советская энциклопедия даёт больше, чем все буржуазные энциклопедии, вместе взятые, и, например, по британской дипломатии и истории международной политики Великобритании БСЭ даёт более обстоятельный и более объективный материал, чем Британская энциклопедия — венец буржуазной энциклопедической историографии.

Другим важным научным предприятием, которому в течение многих лет отдавал своё внимание Ф. А. Ротштейн, являлась Комиссия по изданию документов по международным отношениям эпохи империализма. Ф. А. Ротштейн является учёным-публикатором, который во исполнение заветов Ленина открыл для общественности тайны царских архивов и своими публикациями по истории происхождения первой мировой войны заставил буржуазную историографию оправдываться и публиковать со своей стороны коллекции документов. Советская публикация явилась публикацией международного значения и служит ценнейшим материалом, на котором в наши дни идёт работа зрелых учёных и младшего поколения научных работников в области изучения внешней политики и дипломатии.

И. С. Званич заканчивает указанием на то, что в портфеле Ф. А. Ротштейна есть ещё ряд интересных работ; его научные замыслы обширны, и следует от души пожелать ему дальнейших успехов в их осуществлении.

Юбиляр, находившийся по состоянию здоровья вне Москвы, не смог присутствовать на заседании. Собрание обратилось к нему с приветствием.

В. Альтман

О периодизации истории русского государства

4 и 11 апреля 1946 г. на расширенных заседаниях сектора истории народов СССР до XIX в. АН СССР под председательством чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина состоялось обсуждение доклада проф. С. В. Юшкова на тему «Основные моменты истории русского государства до середины XIX в.».

Отметив недостаточную разработанность вопроса о периодизации общественно-политического строя русского государства до середины XIX в., докладчик остановился на анализе основных этапов истории русской государственности.

С. В. Юшков характеризовал дофеодальное (или «варварское») государство на Руси как переходное к раннефеодальному. В нём существовали три борющихся уклада: патриархальный, рабовладельческий и феодальный. Деятельность великих князей направлялась интересами верхушки дружины и представителей родоплеменной знати. В политическом строе сохранялись пережитки военной демократии (вече и так называемая десятичная система управления). Основные доходы князей состояли из дани и военной добычи. Наиболее яркой фигурой этого времени был князь Святослав Игоревич. Большая часть его деятельности была посвящена военным походам. Источники нам ничего не говорят о мероприятиях Святослава по строительству и укреплению государства, организации княжеского хозяйства и т. д.

Образование феодального государства, по мнению С. В. Юшкова, произошло в результате превращения феодального уклада в господствующий способ производства. При Владимире Святославиче и при Ярославе Мудром оформляется раннефеодальная монархия. Основным органом, направляющим деятельность князя — феодального монарха, — становится совет из верхушки феодалов — бояр (Боярская дума). Возникают система дворцового вотчинного управления и система «кормлений». Доходы князей теперь состояли из феодальной ренты. Государство в этот период представляло собой совокупность связанных вассалитетом сеньорий.

Начало периода образования русского централизованного государства С. В. Юшков относит ко времени княжения Ивана Калиты. При Иване III и Василии III процесс создания русского централизованного государства стал уже завершаться.

Для характеристики следующего этапа русской государственности С. В. Юшков предлагает ввести в научный оборот понятие «сословно-представительная монархия» (начался этот период, по его мнению, с середины XVI века). Сословно-представительная монархия является переходной формой от раннефеодальной монархии к абсолютизму. К этому времени произошли значительные изменения в социально-экономическом строе страны (рост товарных отношений, рост политического влияния дворянства, а также городских ремесленников и

купцов и т. д.). Появляются сословно-представительные учреждения. В середине XVI в. начинают созывать земские соборы. Система «кормлений» заменяется сословно-представительными учреждениями на местах (губные и земские учреждения). Наряду с этим продолжается укрепление государственного аппарата (система дворцово-вотчинного управления сменяется системой «приказов» и т. д.).

К середине XVII в. созревают предпосылки для образования абсолютной монархии в России. Начинает складываться класс буржуазии, пришедший на смену средневековому купечеству, одновременно растёт крепостническая эксплуатация, усиливаются классовые противоречия. Абсолютная монархия — самодержавие — возникает во второй половине XVII в., когда сословно-представительные учреждения фактически прекращают свою деятельность: земские соборы (последний Земский собор был созван в 1653 г.) превращаются в так называемые «комиссии по сословным делам». Во время царствования Алексея Михайловича происходит дальнейшая бюрократизация государственного аппарата (на смену Боярской думе появляется так называемая «комната», создаётся Приказ тайных дел, реорганизуется система местного управления — органы земского самоуправления подчиняются воеводам и т. д.). Одновременно создаётся постоянное войско, появляются полки, устроенные по западноевропейскому образцу.

Последний вопрос, на котором остановился С. В. Юшков, касался существования в России просвещённого абсолютизма как особого этапа русской государственности. Ссылаясь на В. И. Ленина (т. XIV, стр. 18), С. В. Юшков считает, что в России были только «отдельные периоды» просвещённого абсолютизма. К таким периодам он относит первые годы царствования Екатерины II (до начала Великой французской революции). Характерные особенности просвещённого абсолютизма С. В. Юшков видит в знакомстве деятелей этого периода (в частности Екатерины II) с учениями французских просветителей (Вольтера, Монтескье, Дидро и др.), в стремлении ослабить рост классовых противоречий путём ряда уступок буржуазии. В это время проводится ряд реформ государственного аппарата, секуляризация монастырского землевладения, предпринимаются отдельные попытки кодификации законодательства.

При обсуждении доклада первым выступил проф. К. В. Базилевич. Он отметил, что чрезвычайно интересная работа С. В. Юшкова внесла значительную ясность в периодизацию истории русской государственности. В частности верно освещена проблема дофеодального («варварского») государства в Киевской Руси, убедительно показано наличие трёх укладов (общинного, рабовладельческого, феодального), как его основы. В то же время К. В. Базилевич указал на отсутствие в характеристике периода становления классового общества на

Руси чёткого различия между знатью рабовладельческой и феодальной. По мнению К. В. Базилевича, С. В. Юшков упростил характеристику кн. Святослава, рисуя его только как типичного воеводу. К. В. Базилевич считает Киевское государство, примерно до смерти Мстислава I, дофеодалным, отмечая в нём наличие, а позднее победу элементов феодальной государственности. Переходя к характеристике более позднего времени, К. В. Базилевич возражает против объединения в рамках ранней феодальной монархии столь разнообразных явлений, как феодальное государство Киевской Руси и монархия Ивана III. Термин «ранняя феодальная монархия» не выражает структуры государства эпохи феодальной раздробленности, поскольку при существовании множества удельных княжеств трудно утверждать наличие в стране единовластия. К. В. Базилевич присоединяется к основным принципиальным положениям докладчика о длительности процесса образования русского национального государства, прошедшего ряд этапов, а также к тому, что время Ивана Калиты было эпохой начала образования русского централизованного государства. Говоря о начале создания централизованного государства, нужно особенно выделить период Ивана III, когда государство начало строиться на новых основаниях. С. В. Юшков справедливо утверждает, что ни XVI в., ни первая половина XVII в. не могут быть отнесены к системе русского абсолютизма. Окончательный переход к абсолютизму следует связывать, по мнению К. В. Базилевича, со временем Петра I, когда произошли решительные сдвиги в структуре государства (например, ликвидация Боярской думы, появление регулярного войска, новая бюрократическая система и т. д.).

Чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета в своём выступлении, подчеркнув особенную важность доклада С. В. Юшкова для усовершенствования периодизации истории русской государственности, присоединился к сделанной докладчиком характеристике процесса зарождения феодальных отношений и сословно-представительной монархии XVII века. Он указал лишь на то, что конец существования этой монархии нужно отнести не к середине XVII в., а к периоду первых реформ Петра I. Абсолютная монархия родилась только при Петре I, хотя предпосылки её существовали уже во второй половине XVII века.

В. И. Пичета подчеркнул необходимость строить периодизацию истории русского государства, исходя из развития производительных сил и производственных отношений.

Проф. М. Н. Тихомиров в своём выступлении указал на значение доклада С. В. Юшкова в постановке ряда новых вопросов, связанных с периодизацией истории русского государства. Однако некоторые проблемы требуют дальнейшего разрешения. М. Н. Тихомиров отметил наличие в докладе смешения принципов, положенных в основу периодизации. Если С. В. Юшков совершенно верно отмечает черты сходства русского исторического процесса с западноевропейским, то необходимо также подчёркивать и

его специфические особенности. В докладе С. В. Юшкова, по его мнению, за общим понятием «ранняя феодальная монархия» не видно особенностей периода феодальной раздробленности, свойственного русской истории. Следует также уточнить различие между земскими соборами и западноевропейскими сословно-представительными учреждениями. С. В. Юшков совершенно справедливо выделяет время сословно-представительной монархии как особый период истории русской государственности. Хронологическими рамками этого периода, по мнению М. Н. Тихомирова, являются время княжения Ивана III и начало царствования Петра I. Необходимо учитывать также и специфику социальной структуры русского государства XVI—XVII вв., разделение населения на «чины» (посадские люди, купцы, стрельцы и т. д.).

Чл.-корр. АН СССР С. Д. Сказкин в основном присоединился к предложенной докладчиком периодизации истории русской государственности. Особенно он выделил трактовку С. В. Юшковым абсолютной монархии на Руси. Далее, С. Д. Сказкин остановился на характеристике сословно-представительной монархии. В прежней, особенно в либеральной, литературе стремились подчеркнуть в этой форме монархии наличие практического ограничения королевской власти. Это не всегда соответствовало действительности. Так, сословно-представительные учреждения Франции появились в связи с известным укреплением королевской власти. С. Д. Сказкин присоединился к высказывавшимся до него замечаниям, что вряд ли целесообразно применять термин «ранняя феодальная монархия» для периода феодальной раздробленности. Давая определение самого раннего периода русской государственности, С. В. Юшков употребляет термин «дофеодалное государство». Это понятие, по мнению С. Д. Сказкина, оставляет неясным, какой класс в этот период был господствующим. Не вполне убедительны также замечания С. В. Юшкова о существовании в недрах этого государства трёх укладов, ибо уклады являются либо остатками предшествующей формации либо зародышами последующей.

Проф. С. А. Покровский (Институт права АН СССР) также подчеркнул необходимость уточнения тезиса С. В. Юшкова о наличии трёх укладов в дофеодалном Киевском государстве, ибо этот тезис не вскрывает динамики развития государства. Утверждение С. В. Юшкова о феодальном характере государства Владимира I, по мнению С. А. Покровского, противоречит указанию Маркса, согласно которому можно говорить об установлении феодального порядка, как господствующего, только после Ярослава Мудрого. С. А. Покровский считает неудачными попытки докладчика объединить весь период истории русского государства от Владимира I до Василия Тёмного в рамки «ранней феодальной монархии», а период русского централизованного государства начинать со времени княжения Ивана Калиты. С. В. Юшков совершенно обоснованно, по

его мнению, выделил сословно-представительную монархию как особый период русской государственности. Рубеж, отделяющий этот период от времени установления абсолютной монархии, был положен, по мнению Покровского, реформами Петра.

Проф. П. П. Смирнов указал на отсутствие в докладе С. В. Юшкова единого принципа деления истории русской государственности на отдельные периоды, в частности на отсутствие чёткости в определении «дофеодальное», или «варварское», государство. Необходимо дать более отчётливое определение понятия «варварство». Ф. Энгельс связывал с этим понятием высшую ступень родового бесклассового строя. Предлагаемый С. В. Юшковым термин «ранняя феодальная монархия» является чисто хронологическим определением периода, тогда как термин «сословно-представительная монархия» указывает на структурный признак. Хронологическими рамками периода сословно-представительной монархии следует считать конец XV в. и время реформ Петра, когда устанавливается абсолютная монархия. Заканчивая своё выступление, П. П. Смирнов присоединился к замечаниям В. И. Пичеты и отметил необходимость увязывать изучение политической жизни страны с изучением изменений в производстве и в производственных отношениях.

Проф. В. И. Лебедев обратил особое внимание на связь этапов развития феодального государства с различными формами классовой борьбы. В частности он подчеркнул роль восстаний 1068, 1113 гг. для становления феодального государства, влияние городских восстаний XVII в. и восстания Степана Разина на процесс утверждения абсолютизма и т. д. В. И. Лебедев указал также на большую роль церкви при объединении русской земли в борьбе против татаро-монгол (ср., например, деятельность митрополита Алексея и др.). Феодальная централизованная монархия становится на ноги при Иване Грозном. Во второй половине XVII в. в связи с ростом всероссийского рынка и буржуазных связей зарождается абсолютизм. Окончательное его оформление относится ко времени Петра I, когда создаётся регулярная армия, церковь превращается в служанку государства и т. д.

П. К. Алефиренко выступила с возражениями против утверждения С. В. Юшкова, что наиболее характерным признаком феодальной монархии XVI—XVII вв., отличающим её от предшествующей, является наличие земского собора, который до известной степени её ограничивал. По мнению П. К. Алефиренко, земские соборы созывались только тогда, когда феодальная монархия в них нуждалась (например, при финансовых затруднениях). Не вполне ясен также и представительный характер соборов, поскольку наибольшая часть их членов назначалась царём. Определяющей чертой монархий XVI—XVII вв. нужно считать то, что они были централизованными государствами, возникшими на базе складывающегося всероссийского рынка.

Проф. Н. Л. Рубинштейн считает ошибочным утверждение докладчика о на-

личии в дофеодальном государстве особого рабовладельческого уклада, поскольку рабовладельцы не составляли отдельной группы в обществе, а входили в состав представителей феодального уклада (дружина, старцы и т. д.). Рассмотрение столь различных исторических эпох, как время Владимира и Ярослава Мудрого и время Дмитрия Донского, в рамках одного периода ранней феодальной монархии не может быть признано вполне удовлетворительным. Начало периода феодальной раздробленности, по мнению Н. Л. Рубинштейна, относится к последним годам княжения Владимира и к первым годам княжения Ярослава Мудрого, т. е. ко времени возникновения удельных войн. Неправильна характеристика русского государства эпохи Ивана Калиты, как централизованной монархии, поскольку политического единства Руси в то время ещё не существовало. Говоря о централизованной монархии XVI—XVII вв., центр тяжести, согласно Н. Л. Рубинштейну, следует переносить на внутреннее содержание этой монархии, а не на отсутствие или наличие сословного представительства. Новый период в истории русской государственности — период абсолютной монархии — начинается только со времени царствования Петра I.

Подводя итоги двухдневному обсуждению доклада С. В. Юшкова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин отметил своевременность постановки вопроса о периодизации истории русского государства. По его мнению, доклад С. В. Юшкова может явиться исходным пунктом для установления более или менее общего понимания периодизации истории русского государства.

К недостаткам доклада относится, по мнению С. В. Бахрушина, недостаточная связанность изменений, происходивших в государственном строе, с изменениями в области экономики и социальных отношений. Переходя к характеристике отдельных периодов истории русского государства, С. В. Бахрушин считает, что время княжения Владимира и Ярослава Мудрого следует относить к периоду дофеодального государства. Следующий период — феодальная раздробленность, когда развитие феодального хозяйства на местах, усиление местных феодалов привели к созданию целого ряда отдельных политических центров. Период XIV и первой половины XV в. также надо рассматривать в рамках феодальной раздробленности, учитывая проявление некоторых признаков начавшегося объединения. Один из наиболее интересных вопросов, выдвинутых С. В. Юшковым, — это вопрос о сословно-представительной монархии, как особом этапе в развитии русского централизованного государства. Можно спорить о хронологических рамках этого периода. По мнению С. В. Бахрушина, время княжения Ивана III и Василия III нельзя отрывать от XVI в., поскольку процессы, происходившие в XVI в., имели своё начало в явлениях конца XV века. Говоря о земских соборах XVI—XVII вв., следует отметить прежде всего, что они сыграли определённую роль в создании централизованного государства. По мнению С. В. Бахрушина, С. В. Юшков справедливо относит

становление абсолютизма ко второй половине XVII века.

В заключительном слове проф. С. В. Юшкова, отвечая на замечания относительно нечёткости в терминологии для обозначения разных этапов русского государства, признал необходимость выработки новой терминологии взамен устаревшей. Но поскольку до сих пор не создано иных терминов, кроме «ранняя феодальная монархия», «сословно-представительная монархия» и т. д., он вынужден был их употреблять. Давая характеристику дофеодальному Киевскому государству, С. В. Юшков ещё раз подчеркнул наличие в нём трёх укладов (феодального, рабовладельческого и общинного). Возражая С. В. Бахрушину и другим выступавшим, он отметил резкую разницу между государством Святослава и государством Владимира I, относя последнее к периоду ранней феодальной монархии. Докладчик возража-

ет против того, чтобы начинать период сословно-представительной монархии с эпохи Ивана III, поскольку основные сдвиги в государственной и социальной структуре произошли только при Иване IV (попытка ликвидировать старую феодальную знать, переход на приказное управление и т. д.).

Упрёки, которые делали докладчику в переоценке значения земских соборов для структуры сословно-представительной монархии, он считает необоснованными, поскольку земский собор рассматривался только как один из моментов, характеризующих эту монархию. Поэтому наличие земских соборов в конце XVII в. не может противоречить тому, что уже со второй половины XVII в. начался период становления абсолютизма в истории русского государства.

А. Зимин

В Институте истории Академии наук СССР

4—7 февраля 1946 г. в Институте истории Академии наук СССР состоялось совещание Комиссии по оказанию помощи Башкирскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории имени М. Гафури при Совнаркоме БашАССР в переработке «Очерков по истории Башкирии» совместно с авторами старого текста «Очерков», авторами, вновь привлечёнными к работе, а также представителями Башкирского научно-исследовательского института и научной общественности Москвы и Башкирии.

«Очерки по истории Башкирии» были подготовлены к печати ещё до Великой Отечественной войны. В 1945 г. текст «Очерков» был представлен в ЦК ВКП(б). ЦК нашёл в этом тексте ряд существенных ошибок, аналогичных тем, которые были отмечены в постановлении ЦК ВКП(б) о работах по истории, и предложил Институту истории Академии наук СССР оказать помощь Башкирскому научно-исследовательскому институту в переработке «Очерков». Во исполнение этого решения Институт истории создал специальную Комиссию в составе проф. В. И. Лебедева (председатель), старшего научного сотрудника Н. В. Устюгова (секретарь) и докторанта Р. М. Раймова.

При пересмотре старого текста «Очерков» Комиссия пришла к выводу о необходимости их коренной переработки и наметила план переработки. Для обсуждения этого плана и было создано названное совещание.

Вниманию совещания были предложены: доклад председателя Комиссии проф. В. И. Лебедева «Постановление ЦК ВКП(б) об ошибках в разработке истории народов СССР и задачи переработки «Очерков по истории Башкирии»; замечания Комиссии и Башкирского научно-исследовательского института на старый текст «Очерков» (докладчики: Н. В. Устюгов — от Комиссии и А. Н. Усманов — директор Башкирского на-

учно-исследовательского института); новый план «Очерков по истории Башкирии», разработанный Комиссией, и план истории культуры башкирского народа, разработанный Башкирским научно-исследовательским институтом.

Докладчики указали на то, что «Очерки по истории Башкирии» имеют те же ошибки и недостатки, которые отмечены в работах по истории Татарии. В «Очерках» уделено много внимания колониальной политике русского царизма и национально-освободительной борьбе башкирского народа, причём феодальные набеги неправильно рассматриваются как национально-освободительное движение. Внутренняя история башкирского народа, его экономика и социальные отношения не получили надлежащего освещения. Не уделено должного внимания характеристике кочевого образа жизни башкирского народа и характеристике кочевого феодализма в Башкирии. Изображение социальных отношений в Башкирии как в период подчинения Золотой Орде, так и после присоединения Башкирии к Московскому государству представляет сплошную путаницу. Совершенно смазана эксплуататорская роль башкирских феодалов. Создаётся впечатление, что после включения Башкирии в состав Русского государства эксплуатацией башкир занимались только русские помещики. Правда, встречаются упоминания об эксплуатации со стороны башкирских феодалов, но это нигде не подтверждено ссылками на источники. Совершенно неясно лицо эксплуатируемой массы. Не показано существо зависимости рядовых башкир от башкирских феодалов. Нельзя разобраться по «Очеркам» и в таких социальных категориях, как тептяри и бобыли. Ничего не сказано о башкирских припущенниках. Нет ни слова об абызах и их роли. Не выяснено социальное лицо му-

становление абсолютизма ко второй половине XVII века.

В заключительном слове проф. С. В. Юшкова, отвечая на замечания относительно нечёткости в терминологии для обозначения разных этапов русского государства, признал необходимость выработки новой терминологии взамен устаревшей. Но поскольку до сих пор не создано иных терминов, кроме «ранняя феодальная монархия», «сословно-представительная монархия» и т. д., он вынужден был их употреблять. Давая характеристику дофеодальному Киевскому государству, С. В. Юшков ещё раз подчеркнул наличие в нём трёх укладов (феодального, рабовладельческого и общинного). Возражая С. В. Бахрушину и другим выступавшим, он отметил резкую разницу между государством Святослава и государством Владимира I, относя последнее к периоду ранней феодальной монархии. Докладчик возража-

ет против того, чтобы начинать период сословно-представительной монархии с эпохи Ивана III, поскольку основные сдвиги в государственной и социальной структуре произошли только при Иване IV (попытка ликвидировать старую феодальную знать, переход на приказное управление и т. д.).

Упрёки, которые делали докладчику в переоценке значения земских соборов для структуры сословно-представительной монархии, он считает необоснованными, поскольку земский собор рассматривался только как один из моментов, характеризующих эту монархию. Поэтому наличие земских соборов в конце XVII в. не может противоречить тому, что уже со второй половины XVII в. начался период становления абсолютизма в истории русского государства.

А. Зимин

В Институте истории Академии наук СССР

4—7 февраля 1946 г. в Институте истории Академии наук СССР состоялось совещание Комиссии по оказанию помощи Башкирскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории имени М. Гафури при Совнаркомом БашАССР в переработке «Очерков по истории Башкирии» совместно с авторами старого текста «Очерков», авторами, вновь привлечёнными к работе, а также представителями Башкирского научно-исследовательского института и научной общественности Москвы и Башкирии.

«Очерки по истории Башкирии» были подготовлены к печати ещё до Великой Отечественной войны. В 1945 г. текст «Очерков» был представлен в ЦК ВКП(б). ЦК нашёл в этом тексте ряд существенных ошибок, аналогичных тем, которые были отмечены в постановлении ЦК ВКП(б) о работах по истории, и предложил Институту истории Академии наук СССР оказать помощь Башкирскому научно-исследовательскому институту в переработке «Очерков». Во исполнение этого решения Институт истории создал специальную Комиссию в составе проф. В. И. Лебедева (председатель), старшего научного сотрудника Н. В. Устюгова (секретарь) и докторанта Р. М. Раймова.

При пересмотре старого текста «Очерков» Комиссия пришла к выводу о необходимости их коренной переработки и наметила план переработки. Для обсуждения этого плана и было создано названное совещание.

Вниманию совещания были предложены: доклад председателя Комиссии проф. В. И. Лебедева «Постановление ЦК ВКП(б) об ошибках в разработке истории народов СССР и задачи переработки «Очерков по истории Башкирии»; замечания Комиссии и Башкирского научно-исследовательского института на старый текст «Очерков» (докладчики: Н. В. Устюгов — от Комиссии и А. Н. Усманов — директор Башкирского на-

учно-исследовательского института); новый план «Очерков по истории Башкирии», разработанный Комиссией, и план истории культуры башкирского народа, разработанный Башкирским научно-исследовательским институтом.

Докладчики указали на то, что «Очерки по истории Башкирии» имеют те же ошибки и недостатки, которые отмечены в работах по истории Татарии. В «Очерках» уделено много внимания колониальной политике русского царизма и национально-освободительной борьбе башкирского народа, причём феодальные набеги неправильно рассматриваются как национально-освободительное движение. Внутренняя история башкирского народа, его экономика и социальные отношения не получили надлежащего освещения. Не уделено должного внимания характеристике кочевого образа жизни башкирского народа и характеристике кочевого феодализма в Башкирии. Изображение социальных отношений в Башкирии как в период подчинения Золотой Орде, так и после присоединения Башкирии к Московскому государству представляет сплошную путаницу. Совершенно смазана эксплуататорская роль башкирских феодалов. Создаётся впечатление, что после включения Башкирии в состав Русского государства эксплуатацией башкир занимались только русские помещики. Правда, встречаются упоминания об эксплуатации со стороны башкирских феодалов, но это нигде не подтверждено ссылками на источники. Совершенно неясно лицо эксплуатируемой массы. Не показано существо зависимости рядовых башкир от башкирских феодалов. Нельзя разобраться по «Очеркам» и в таких социальных категориях, как тептяри и бобыли. Ничего не сказано о башкирских припущенниках. Нет ни слова об абызах и их роли. Не выяснено социальное лицо му-

сульманского духовенства — ахунов и мулл. Выпали совершенно такие социальные категории, как баи и туснаки.

В «Очерках», вопреки русским и башкирским источникам, отрицается факт добровольного присоединения Башкирии к Московскому государству. Не показано прогрессивное влияние русской экономики и культуры на башкирскую экономику и культуру. «Очерки» не дают надлежащего представления и о колониальной политике русского царизма в Башкирии в XVIII веке. Не показана активизация этой политики в 30-х годах XVIII века. Оренбургская экспедиция И. К. Кириллова рассматривается лишь как повод к башкирскому восстанию 1735—1736 гг., чем суживается её значение как определённого этапа колониальной политики царизма на Востоке. Не проанализирован и закон 11 февраля 1736 г., намечающий следующий этап колонизационного наступления на Башкирию. В «Очерках» тщательно подчеркнута всё то, что разделяло башкирский и русский народы, и совершенно не оттенены моменты дружбы этих народов.

Главы, посвящённые XIX в., резко отличаются по характеру своей обработки от глав, относящихся к более ранним периодам. Значительная часть из них — набор цитат из неопубликованных первоисточников. Материал очень интересный, но совершенно сырой. Он требует ещё научной обработки. Вызывает возражения и язык «Очерков». Он мало доступен широким кругам башкирской интеллигенции. Общим недостатком, присущим всем главам, является башкирский национализм, мешающий авторам видеть факты в их надлежащем свете.

В прениях приняли участие гг. Александров, Николаенко, Раймов, Нигматулин, Аполлова, Ищериков, Либединский. Все выступавшие подчёркивали правильность сделанных критических замечаний и признали необходимость коренной переработки «Очерков» в направлении, указанном докладчиком.

На совещании был также обсуждён новый план первого тома «Очерков по истории Башкирии» и план истории культуры башкирского народа.

Вместо прежнего деления «Очерков» на 19 глав Комиссия предложила разделить первый том на 11 глав, соответствующих определённым этапам истории Башкирии.

Гл. 1. Древнейшая история Башкирии. В основном в этой главе следует дать анализ археологического материала.

Гл. 2. Кочевой феодализм в Башкирии. Татаро-монгольское иго. Основные вопросы, подлежащие освещению в этой главе: а) экономика Башкирии; б) общинный строй и зарождение феодальных отношений в Башкирии; в) религия, быт и культура народа; г) Башкирия под игом монголов; д) борьба башкирского народа против монгольского ига; е) Башкирия в период распада Золотой Орды и господства ногайских ханов; ж) падение Казанского и Ногайского ханств и принятие башкирским народом русского подданства.

Гл. 3. Башкирия в составе Московского государства XVI—XVII веков. Основные вопросы: а) историческое значение присоединения Башкирии к Московскому государству; б) изменения в экономике и социальных отношениях у башкир. Влияние более передовой русской экономики и культуры; в) свободная колонизация Башкирии русскими, а также нерусскими народами Поволжья. Башкирские припущенники; г) политика русского царизма в Башкирии; д) классовая борьба внутри башкирского общества и борьба башкир против политики царизма.

Гл. 4. Башкирия в XVIII веке. Основные вопросы: а) изменения в области экономической и политической жизни Башкирии в XVIII в.; изменения в области социальных отношений; в) колониальная политика царизма в Башкирии. Оренбургская экспедиция И. К. Кириллова; г) борьба башкирского народа против политики царизма. Башкирские восстания XVIII в. (Алдари-Кусямовское, Кильмяка Абыза, Бапы Турупкильды, Карасакала, тептяро-бобыльское; Батырши) и связи восставших с крестьянскими движениями в России; д) участие башкирского народа в восстании Ем. Пугачёва, Салават Юлаев; е) культура башкирского народа. Мектебе и роль мусульманского духовенства в обучении грамоте. Фольклор. Музыка. Зарождение письменной литературы. Поэзия Салавата Юлаева.

Гл. 5. Башкирия в период кантонного управления (1798—1863). Основные вопросы: а) превращение башкир в военное сословие и создание системы кантонного управления; б) военная служба башкир, мещеряков и казаков; в) начало оседлости и первые успехи земледелия у башкир. Изменения в общественной жизни башкир; г) влияние России на экономику, культуру и быт башкирского народа; д) участие башкир в войне 1812 г.; е) феодально-крепостническая эксплуатация и классовая борьба в Башкирии. Восстание 1835 г.; ж) изменения в системе кантонного управления.

Гл. 6. Реформы 1860-х годов и пореформенная Башкирия. Основные вопросы: а) реформа 1863 года. Положение о башкирах; б) переход к оседлости; в) экспроприация башкирских земель и массовая колонизация Башкирии; г) национально-освободительная борьба башкирского народа в 70-х и 80-х годах XIX века.

Гл. 7. Башкирия в конце XIX и начале XX века. Основные вопросы: а) экономика и социальные отношения в Башкирии накануне революции 1905 г.; б) культура башкирского народа во второй половине XIX века. Влияние на башкирскую культуру передовой русской демократической культуры и татарской литературы. Башкирские просветители.

Гл. 8. Революция 1905 года в Башкирии.

Гл. 9. Башкирия в годы реакции и первой мировой войны. Культура башкирского народа в начале XX века.

Гл. 10. Февральская революция в Башкирии. Победа Великой Октябрьской революции.

Гл. 11. Гражданская война в Башкирии. Образование Башкирской АССР.

К «Очеркам» будет приложено 8 карт, характеризующих отдельные периоды истории Башкирии.

План истории культуры башкирского народа предусматривает пять разделов:

1. Культура башкирского народа до включения Башкирии в состав Московского государства. Основные вопросы этого раздела: а) мифология и устное творчество древних башкир; б) разговорный язык древних башкир, основные диалекты башкирского языка; в) проникновение в Башкирию двух культур — чагатайской и болгаро-татарской; г) проникновение ислама в Башкирию и его влияние на культуру башкирского народа; д) древнее искусство и обряды; е) изобразительное искусство.

2. Культура башкирского народа со второй половины XVI до конца XVIII века. Основные вопросы: а) башкирский фольклор, отражающий политические настроения различных слоёв башкирского народа в связи с усилением колонизации края царизмом; б) Салават Юлаев — политический деятель и поэт; в) мусульманские школы и появление письменной литературы; г) башкирское искусство. Мусульманское и русское влияние в искусстве Башкирии.

3. Культура башкирского народа в XIX веке. Основные вопросы: а) отношение русских передовых учёных и писателей к башкирскому народу и к колонизации Башкирии царизмом; б) башкирские писатели и просветители XIX в. (Шамсутдин Суфи, Гали Чукрый, Умитбаев); в) башкирское искусство XIX в. (музыка, фольклор, архитектура); г) просвещение (увеличение числа мектебе и медресе, открытие военных школ в Оренбурге, руссификаторско-миссионерская политика царского правительства в области просвещения, кадимизм и джадидизм в области просвещения, народные и учительские школы в Башкирии (с 1872 г.); д) культурные общества и издательства.

4. Культура башкирского народа в XX в. — до Октябрьской социалистической революции. Основные вопросы: а) подъём революционного движения в начале XX в. и в связи с этим усиление национально-освободительного движения среди татар и башкир. Рост буржуазно-просветительной литературы; б) зарождение революционно-демократической литературы М. Гафури; в) пресса в Башкирии.

5. Культура башкирского народа после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В обсуждении нового плана «Очерков» и плана по истории культуры приняли участие гг. Ищериков, Нигматулин, Николаенко, Кучкин, Раимов, Александров, Либединский, Устюгов, Сюмчалей.

После оживлённого обмена мнениями большинство участников совещания пришло к выводу о необходимости закончить I том «Очерков» февральской революцией.

При обсуждении плана истории культуры наибольшее количество замечаний вызвали разделы, посвящённые культуре башкирско-

го народа в XIX и XX веках. В частности тов. Устюгов отметил, что периодизация плана истории культуры отличается от периодизации общего плана истории Башкирии в части, касающейся культуры XIX и XX веков. Составители плана истории культуры Башкирии решили дать единый раздел «Культура башкирского народа в XIX веке». Такое объединение едва ли можно считать правильным. Первая половина XIX в. — период кантонного управления в Башкирии — определённый этап в экономическом, социальном, политическом и культурном развитии башкирского народа. Вторая половина XIX в. — эпоха буржуазных реформ в России и Башкирии — имеет свои характерные черты, резко отличающиеся её от первой половины XIX века. Это различие сказывается и в области культуры, в частности в области влияния русской культуры на башкирскую. Первая половина XIX в. — период влияния русской дворянско-феодалной культуры, вторая половина — период влияния русской буржуазно-демократической культуры.

Вызывает возражения и следующий раздел плана, посвящённый культуре XX века. Нет чёткой грани между дооктябрьской культурой Башкирии и культурой после победы Октябрьской революции. Период башкирской культуры с начала XX в. или точнее после революции 1905 г., до Октябрьской революции — это период влияния джадидизма, влияния татарской и русской буржуазной культуры. После Октябрьской социалистической революции наступает новый этап в развитии башкирской культуры — период строительства социалистической культуры. Это нужно отразить в плане более отчётливо.

А. П. Кучкин отметил, что в разделе плана истории культуры, посвящённом культуре XX в., указывается лишь башкирская и татарская пресса и совершенно не упоминаются русские периодические издания. Между тем русские газеты, журналы и книги на русском языке имели огромное влияние и на рост классового самознания башкирского народа и на развитие башкирской культуры. Особенно это следует сказать о советском периоде. При написании истории культуры башкирского народа необходимо учесть влияние русской печати.

В заключительном слове А. Н. Урманов согласился с необходимостью подчинить периодизацию истории башкирской культуры периодизации общего плана истории Башкирии и доработать и уточнить план истории культуры.

В результате обсуждения планов совещание приняло следующие решения:

1. Одобрить план переработки «Очерков по истории Башкирии» с теми поправками, какие были внесены совещанием: а) заголовок первой главы сформулировать: «Древнейшая история Башкирии. Первобытно-общинный строй»; б) закончить первый том февральской революцией — кануном Октябрьской социалистической революции.

2. Принять предложенный Башкирским научно-исследовательским институтом план истории культуры башкирского народа с вне-

сённым в него исправлением — показать раздельно культуру кантонного периода и культуру второй половины XIX века. Просить Башкирский научно-исследовательский институт уточнить план истории культуры.

3. Просить Башкирский научно-исследовательский институт при помощи Комиссии Института истории Академии наук СССР разработать в течение ближайших полутора месяцев проспект второго тома «Очерков по истории Башкирии», посвящённого советскому периоду истории Башкирии, наметить авторов и сроки окончания работы.

В заключение совещание приняло ряд решений по организационным вопросам, в част-

ности, наметило срок окончания работы над первым томом «Очерков» — 1 декабря 1946 г. признало необходимым одновременно с подготовкой к печати первого тома «Очерков» вести работу по составлению второго тома.

Директор Института истории Академии наук СССР акад. Б. Д. Греков утвердил редакционную коллегию первого тома «Очерков по истории Башкирии» в составе: проф. В. И. Лебедева (отв. редактор), Р. М. Раимова, Ш. И. Типеева, А. Н. Усманова, Н. В. Устюгова.

Н. Устюгов

Сектор истории СССР XIX — начала XX века Института истории Академии наук СССР

В соответствии с общей программой Института истории сектор сосредоточивает главное внимание на разработке неизученных или слабо освещённых проблем исторического процесса. Поэтому в планы научных сотрудников сектора входит прежде всего исследовательская работа монографического типа. Однако значительное место в работе сектора отводится и подготовке коллективных трудов («История Москвы», многотомник «История СССР»), ранее запланированных Академией наук. Оказывая помощь группе археографии, сектор предполагает вести работу над подготовкой документальных публикаций.

С 1 июля 1945 г. сектор был занят главным образом подготовкой III тома большого юбилейного издания «История Москвы», выходом в свет которого будет ознаменовано 800-летие первого летописного известия о существовании нашей великой столицы (1147—1947). Том III охватывает собой XIX в. (до 1894 г.) и делится на две приблизительно равные части: историю Москвы в первой и во второй половине этого столетия. Наряду с главами, посвящёнными территории и населению города, развитию в нём промышленности и торговли, формированию и деятельности московской буржуазии, городскому самоуправлению и коммунальному хозяйству, в томе уделено значительное место общественно-политической и культурной жизни столицы; особые главы посвящены истории Москвы 1812 г., во время Крымской войны, в эпоху буржуазных реформ.

Авторами тома наряду с сотрудниками сектора и Ленинградского отделения Института являются и специалисты, приглашённые из других учреждений: А. А. Ляковская (Третьяковская галерея), М. А. Ильина (Институт истории искусств), В. В. Яковлев (Московская консерватория), П. Г. Рындзюнский (Исторический музей), Б. В. Златоустовский (библиотека имени В. И. Ленина),

Н. В. Романовская (Музей города Москвы), проф. В. А. Филиппов (театральное училище).

По наиболее важным темам, характеризующим разные стороны городской жизни, были заслушаны и обсуждены доклады авторов III тома. Истории развития московской промышленности были посвящены два доклада — М. К. Рожковой и доклад А. С. Нифонтова; истории возникновения и развития московской железнодорожной сети — доклад А. Д. Тифлисовой; составу и динамике московского населения — доклады К. В. Сивкова о первой половине XIX в. и А. С. Нифонтова — о второй половине XIX в.; истории городского самоуправления 1860-х годов — доклад Б. В. Златоустовского. Истории «дожарной Москвы» (1801—1812) был посвящён большой доклад М. В. Нечкиной; Москве в годы Крымской войны — доклад И. М. Дружинина. С большим интересом были заслушаны доклады М. А. Ильина по истории московской архитектуры начала XIX в. и М. В. Будылиной — о проекте перепланировки «послежарной» Москвы архитектора Гесте.

Каждый доклад вызывал оживлённые прения, в которых обсуждалась не только выводы автора, но и подбор им материала и характер изложения.

В настоящее время материал по III тому, за немногими исключениями, собран и проходит стадию рецензирования и авторской корректуры. Иллюстрации к тому подбирает М. Д. Ицеховская.

Сотрудники, не занятые срочными заданиями по истории Москвы, работают над индивидуальными монографиями: Б. П. Козьмин разрабатывает тему «Русские секции Первого Интернационала», А. В. Пякозский — «Революция 1905 г. в Средней Азии». В ближайшее время оба автора предполагают выступить с докладами о результатах своих исследований.

сённым в него исправлением — показать раздельно культуру кантонного периода и культуру второй половины XIX века. Просить Башкирский научно-исследовательский институт уточнить план истории культуры.

3. Просить Башкирский научно-исследовательский институт при помощи Комиссии Института истории Академии наук СССР разработать в течение ближайших полутора месяцев проспект второго тома «Очерков по истории Башкирии», посвящённого советскому периоду истории Башкирии, наметить авторов и сроки окончания работы.

В заключение совещание приняло ряд решений по организационным вопросам, в част-

ности, наметило срок окончания работы над первым томом «Очерков» — 1 декабря 1946 г. признало необходимым одновременно с подготовкой к печати первого тома «Очерков» вести работу по составлению второго тома.

Директор Института истории Академии наук СССР акад. Б. Д. Греков утвердил редакционную коллегию первого тома «Очерков по истории Башкирии» в составе: проф. В. И. Лебедева (отв. редактор), Р. М. Раимова, Ш. И. Типеева, А. Н. Усманова, Н. В. Устюгова.

Н. Устюгов

Сектор истории СССР XIX — начала XX века Института истории Академии наук СССР

В соответствии с общей программой Института истории сектор сосредоточивает главное внимание на разработке неизученных или слабо освещённых проблем исторического процесса. Поэтому в планы научных сотрудников сектора входит прежде всего исследовательская работа монографического типа. Однако значительное место в работе сектора отводится и подготовке коллективных трудов («История Москвы», многотомник «История СССР»), ранее запланированных Академией наук. Оказывая помощь группе археографии, сектор предполагает вести работу над подготовкой документальных публикаций.

С 1 июля 1945 г. сектор был занят главным образом подготовкой III тома большого юбилейного издания «История Москвы», выходом в свет которого будет ознаменовано 800-летие первого летописного известия о существовании нашей великой столицы (1147—1947). Том III охватывает собой XIX в. (до 1894 г.) и делится на две приблизительно равные части: историю Москвы в первой и во второй половине этого столетия. Наряду с главами, посвящёнными территории и населению города, развитию в нём промышленности и торговли, формированию и деятельности московской буржуазии, городскому самоуправлению и коммунальному хозяйству, в томе уделено значительное место общественно-политической и культурной жизни столицы; особые главы посвящены истории Москвы 1812 г., во время Крымской войны, в эпоху буржуазных реформ.

Авторами тома наряду с сотрудниками сектора и Ленинградского отделения Института являются и специалисты, приглашённые из других учреждений: А. А. Ляковская (Третьяковская галерея), М. А. Ильина (Институт истории искусств), В. В. Яковлев (Московская консерватория), П. Г. Рындзюнский (Исторический музей), Б. В. Златоустовский (библиотека имени В. И. Ленина),

Н. В. Романовская (Музей города Москвы), проф. В. А. Филиппов (театральное училище).

По наиболее важным темам, характеризующим разные стороны городской жизни, были заслушаны и обсуждены доклады авторов III тома. Истории развития московской промышленности были посвящены два доклада — М. К. Рожковой и доклад А. С. Нифонтова; истории возникновения и развития московской железнодорожной сети — доклад А. Д. Тифлисовой; составу и динамике московского населения — доклады К. В. Сивкова о первой половине XIX в. и А. С. Нифонтова — о второй половине XIX в.; истории городского самоуправления 1860-х годов — доклад Б. В. Златоустовского. Истории «дожарной Москвы» (1801—1812) был посвящён большой доклад М. В. Нечкиной; Москве в годы Крымской войны — доклад И. М. Дружинина. С большим интересом были заслушаны доклады М. А. Ильина по истории московской архитектуры начала XIX в. и М. В. Будылиной — о проекте перепланировки «послежарной» Москвы архитектора Гесте.

Каждый доклад вызывал оживлённые прения, в которых обсуждалась не только выводы автора, но и подбор им материала и характер изложения.

В настоящее время материал по III тому, за немногими исключениями, собран и проходит стадию рецензирования и авторской корректуры. Иллюстрации к тому подбирает М. Д. Ицеховская.

Сотрудники, не занятые срочными заданиями по истории Москвы, работают над индивидуальными монографиями: Б. П. Козьмин разрабатывает тему «Русские секции Первого Интернационала», А. В. Пяковский — «Революция 1905 г. в Средней Азии». В ближайшее время оба автора предполагают выступить с докладами о результатах своих исследований.

На заседаниях сектора время от времени заслушиваются доклады докторантов и аспирантов, относящиеся к темам подготовляемых ими диссертаций. Так, 14 ноября 1945 г. на совместном заседании сектора истории СССР XIX — начала XX в. и сектора славяноведения докторантом С. А. Никитиным был прочитан доклад «Славянские съезды 1860-х годов»; 3 апреля 1946 г. на совместном заседании сектора истории СССР XIX — XX вв. и военно-исторического сектора докторантом Г. М. Деренковским был прочитан доклад «К вопросу о переезде русских войск во Францию в первую мировую войну». Оба доклада вызвали живой обмен мнениями и получили хорошую оценку.

120-я годовщина восстания декабристов была отмечена 23 января с. г. докладами М. В. Нечкиной и Б. Е. Сыроечковского, подводившими итоги исследовательской и археографической работ по истории декабристов и наметившими перспективы дальнейших изысканий и публикаций в этой области¹. Исполняя постановление, принятое на данном заседании, сектор при поддержке дирекции Института истории поставил перед Центральным архивным управлением вопрос о возобновлении издания следственных материалов и других документов по делу декабристов, разработал план сборника научно-исследовательских статей и поддержал перед Огизом инициативу Б. Е. Сыроечковского в вопросе об издании сочинений П. И. Пестеля.

Считая необходимым ставить на коллективное обсуждение спорные историко-культурные проблемы, сектор посвятил заседание 20 февраля с. г. докладу Л. М. Крестовой «Пушкин и Карамзин» — о столкновении их социально-политических взглядов в 1817—1825 годах. 19 июня с. г. на секторе была заслушана и обсуждена доклад Х. Г. Аджемяна «Историческая сущность мюридизма». Вопросы о характере национального движения горцев северо-восточного Кавказа 1830—1850 гг. подверглись оживлённой дискуссии, которая внесла ясность в поставленную проблему².

В дальнейшем на заседаниях сектора предполагается провести серию докладов: 1) связанных с монографическими исследованиями сотрудников сектора: Б. П. Козьмина «Утин в Первом Интернационале», А. В. Пяковского «Подготовка революции 1905 г. в Средней Азии»; 2) на диссертационные темы аспирантов и докторантов: М. К. Рожковой «Московские фабриканты и проблема среднеазиатского рынка», П. В. Шевякова «Купеческие мемуары как исторический источник», Е. И. Чистяковой «Условия заключения Кучук-Кайнарджийского мира», Н. Н. Улащик «Подготовка

крестьянской реформы 1861 г. в Виленской губ.»; 3) по отдельным вопросам истории СССР XIX в.: Б. Е. Сыроечковского «Русская Правда» П. И. Пестеля», М. П. Лесникова «Русско-австрийские отношения в 70-х годах XIX века», А. С. Нифонтова «Отечественные записки» в 30—50-х годах XIX века», А. В. Предтеченского «Политические взгляды Т. Э. Бока».

Пятилетний план сектора, составленный с учётом очередных задач исторической науки и личных пожеланий сотрудников, предусматривает ряд монографий по слабо освещённой истории второй половины XIX в.: о развитии капитализма в 1856—1865 гг. (А. С. Нифонтов), о революционной ситуации 1859—1861 гг. (М. В. Нечкина), о периоде «буржуазных реформ» (Н. М. Дружинин), о балканской политике 50—60-х годов (С. А. Никитин), о взаимоотношениях А. И. Герцена и других представителей революционной демократии 1860-х годов (Б. П. Козьмин), о крестьянском движении 1870 г. (Е. К. Пшеницына), о рабочем движении 1860 г. (Д. Я. Брилон).

Кроме того в пятилетний план сектора входит серия тем по истории СССР первой половины XIX в.: о социальных процессах в недрах крепостной деревни (работа К. В. Сивкова, предполагающего взять за основу богатые фонды юсуповской вотчины); о движении декабристов (монография М. В. Нечкиной, ставящей целью дать всестороннюю обобщающую работу на эту тему); о реформе П. Д. Киселёва (завершение работы Н. М. Дружинина); о политике министра финансов Е. Ф. Канкрин (монография М. К. Рожковой); о славянском вопросе в идеологических течениях XIX в. (работа С. С. Дмитриева); о русско-английских отношениях 1801—1807 гг. (работа А. М. Станиславской); о греческом вопросе во внешней политике России в 1820—1830-х годах (работа Е. И. Чистяковой). По мере укомплектования сектора специалистами по истории СССР XX в. пятилетний план будет пополняться новыми темами по периоду 1894—1917 годов.

Кроме индивидуальных монографий сектор должен закончить подготовку к печати VI—VIII томов многотомника «История СССР», начатых и частью уже законченных редактированием. В связи с новыми исследованиями и более углублённой постановкой некоторых вопросов требуется пересмотр и частичное исправление составленного до войны текста. Такому же пересмотру и доработке во второй половине 1946 г. подвергнется «История СССР XIX века» (пособие для высших учебных заведений).

В издательский план сектор включил, помимо законченных монографий, ряд публикаторских работ, подготовленных перед Великой Отечественной войной: «Крестьянская промышленность XVIII—начала XIX века» (томы II и III), «Крестьянское движение XIX века» (6 томов), «Категоризация политика на Кавказе в начале XIX века» и т. д.

Проф. Н. Дружинин

¹ См. подробный отчёт о заседании в журнале «Вопросы истории» № 4 за 1946 год, стр. 149.

² Подробный отчёт о заседании будет помещён в одном из ближайших номеров журнала.

В историческом отделе Главного Штаба военно-морских сил СССР (Ленинград)

В Историческом отделе Главного Штаба Военно-Морских сил — научном центре военно-морской историографии в СССР — научно-исследовательская работа ведётся по двум основным направлениям: по собиранию материалов и изучению опыта второй мировой войны на речных, морских и океанских театрах и по изучению истории русского флота с древнейших времён до наших дней.

В настоящее время перед отделом стоит в качестве главной задачи установление с наибольшей точностью всех существенных фактов боевой деятельности флотов и флотилий Советского Союза в Отечественной войне. Несмотря на большие трудности, достигнуты значительные результаты в выполнении этой сложной работы.

Аналогичная работа ведётся и по изучению военных действий на море в период второй мировой войны, с той только разницей, что в основу этой работы положены не документальные, а печатные материалы.

Одновременно ведётся работа по внешне-восточной истории отечественного флота и составлению сборников документов по отдельным этапам истории флота и истории развития его боевого состава.

В работе принимают большее участие профессора и доценты Ленинградского государственного университета. Так, проф. В. В. Манюхин редактирует книгу «История русского флота до XIX века» и совместно с проф. Н. Н. Степановым — над темой «История русского флота в XIV—XVII веках». Проф. С. В. Окунов пишет труд «Средневековый русский флот», проф. М. М. Гурьян в книге XVIII в., проф. А. М. Прохоровский — «Русский флот в войне XVIII и в начале XIX вв.», над темой «История русского флота в XIX в. и в начале XX в.» — проф. Н. А. Кривошеин. Специальной темой о русско-японской войне на

море в освещении иностранной литературы занят проф. Б. А. Романов. Проф. С. Н. Балк пишет большой труд по источниковедению военно-морской истории СССР. Работа над перечисленными трудами рассчитана на ряд ближайших лет и будет выполняться при участии морских офицеров — научных сотрудников Исторического отдела.

Специальное исследование по истории русской морской терминологии пишет кандидат филологических наук ст. лейтенант С. Я. Розен. Одна из глав этой работы, «Терминология судов пегровской эпохи», уже обсуждалась на совещании в историческом отделе.

Подготовка к изданию сборников документов также занимает большое место в работе Исторического отдела. Для руководства этой работой создана археографическая комиссия под председательством проф. С. Н. Балка. В текущем году предлагается подготовить к печати следующие сборники: «Документы русской морской истории XVIII века прошлого русского флота», «Рейсы 1914—1918 гг. на Северном морском театре», «Педовый поход Балтийского флота в 1918 г.», «История педового плаванья в России», «История русской морской авиации» и др.

Возобновляется капитальное издание материалов по истории русского флота (в своей области оно было доведено Ф. Ф. Клеemann до 1905 г.). Издание осуществляется по общему плану под ответственной редакцией капитана Грота Н. Д. Буткова.

Настоящая работа по составлению трудов по общей истории в области военно-морского флота: О. П. Вайнгейб и М. А. Гук в этой области приступили к подготовке большого труда по истории военно-морского флота в старинные века, проф. А. Н. Успенский — к составлению военно-морского флота в новое время.

В. Семёнов

В Ивановском педагогическом институте

В 1948 году учебно-научная часть Ивановского педагогического института им. Г. И. Успенского получила ряд интересных докладов, посвящённых истории военно-морского флота. Среди них: доклад проф. С. В. Окунова в Ивановском институте, посвящённый истории военно-морского флота в новое время.

На исторической семинарии были прочитаны четыре доклада.

Знакомство с историей СССР, включает историю русских империализма. М. И. Басинский прочёл доклад «Роль М. В. Фрунзе в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». Доклад, являющийся одной из глав докторской диссертации, был построен на обширном меморандном и поном материале владимирского, шуйского и московских архивов.

Доклад К. Г. Фролова посвящён докладу «О военно-морском флоте в новое время». Доклад проф. Г. П. Тетюхиной, посвящённый истории военно-морского флота в новое время, является диссертацией на тему «История военно-морского флота в новое время».

Кандидат исторических наук ст. преподаватель Н. И. Мордвинкин доложил о своей работе «Исторический очерк».

Кандидат исторических наук А. В. Кривошеин сделал сообщение на тему «И. В. Луначиков и его роль в развитии военно-морской науки». Докладчик отметил большое значение И. В. Луначикова в развитии военно-морской науки.

Все доклады были встречены интересом и участием научной конференции.

И. Мордвинкин

В историческом отделе Главного Штаба военно-морских сил СССР (Ленинград)

В Историческом отделе Главного Штаба Военно-Морских сил — научном центре военно-морской историографии в СССР — научно-исследовательская работа ведётся по двум основным направлениям: по собиранию материалов и изучению опыта второй мировой войны на речных, морских и океанских театрах и по изучению истории русского флота с древнейших времён до наших дней.

В настоящее время перед отделом стоит в качестве главной задачи установление с наибольшей точностью всех существенных фактов боевой деятельности флотов и флотилий Советского Союза в Отечественной войне. Несмотря на большие трудности, достигнуты значительные результаты в выполнении этой сложной работы.

Аналогичная работа ведётся и по изучению военных действий на море в период второй мировой войны, с той только разницей, что в основу этой работы положены не документальные, а печатные материалы.

Одновременно ведётся работа по внешне-восточной истории отечественного флота и составлению сборников документов по отдельным этапам истории флота и истории развития его боевого состава.

В работе принимают большее участие профессора и доценты Ленинградского государственного университета. Так, проф. В. В. Мамондин редактирует книгу «История русского флота до XIX века» и совместно с проф. Н. Н. Степановым — над темой «История русского флота в XIV—XVII веках». Проф. С. В. Окунов пишет книгу «Средневековый русский флот», проф. М. М. Гурьян — книгу XVIII века, проф. А. М. Прохоровский — «Русский флот в войне XVIII и в начале XIX века», над темой «История русского флота в XIX в. и в начале XX века» — проф. А. Н. Ковалевский. Специальной темой о русско-японской войне на

море в освещении иностранной литературы занят проф. Б. А. Романов. Проф. С. Н. Балк пишет большой труд по источниковедению военно-морской истории СССР. Работа над перечисленными трудами рассчитана на ряд ближайших лет и будет выполняться при участии морских офицеров — научных сотрудников Исторического отдела.

Специальное исследование по истории русской морской терминологии пишет кандидат филологических наук ст. лейтенант С. Я. Розен. Одна из глав этой работы, «Терминология судов пегровской эпохи», уже обсуждалась на совещании в историческом отделе.

Подготовка к изданию сборников документов также занимает большое место в работе Исторического отдела. Для руководства этой работой создана археографическая комиссия под председательством проф. С. Н. Балка. В текущем году предвидается подготовить к печати следующие сборники: «Документы русской морской истории XVIII века прошлого русского флота», «Рейсы 1914—1918 гг. на Северном морском театре», «Педовый поход Балтийского флота в 1918 г.», «История педового плаванья в России», «История русской морской авиации» и др.

Возобновляется капитальное издание материалов по истории русского флота (в своей области оно было доведено Ф. Ф. Клебанов до 1905 г.). Издание осуществляется по общему плану под ответственной редакцией капитана Грота Н. Д. Буткова.

Настоящая работа по составлению трудов по общей истории в области военно-морского флота ведётся О. П. Вайнштейн и М. А. Гук и этой работой к подготовке вступают труды по истории военно-морского флота в старинные века, проф. А. Н. Успенский — к истории военно-морского флота в новое время.

В. Семёнов

В Ивановском педагогическом институте

В 1943 году учебно-научная часть Ивановского педагогического института была признана лучшим учебно-научным подразделением в стране. Среди профессоров, доцентов и преподавателей института, заслуживших в этом году

На исторической семинарии были прочитаны четыре доклада.

За карьерой истории СССР, включая историю русских империалистических войн, М. И. Басинский прочёл доклад «Роль М. В. Фрунзе в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». Доклад, являющийся одной из лучших докторских диссертаций, был построен на обширном меморандном и поном материале владимирского, шуйского и московских архивов.

Доклад К. Г. Фелицын о роли гитлеровского фашизма в развитии империализма в Европе привнес интерес и работу над диссертацией диссертацией на тему «История империализма».

Кандидат исторических наук Н. И. Мордовинин доложил о своей работе «Империализм как теория».

Кандидат исторических наук А. В. Козловский сделал сообщение на тему «И. В. Луначиков и его роль в развитии исторической науки». Докладчик отметил большое значение работы Луначикова на развитие исторической науки.

Все доклады были встречены интересом и участием научной конференции.

И. Мордовинин

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Правительство США вскоре после вступления во вторую мировую войну приняло решение о подборе материалов по истории войны и военных событий. С одобрения покойного президента Ф. Д. Рузвельта, правительство США предприняло в начале 1942 г. сбор материалов, характеризующих деятельность правительственных учреждений США в период войны. В письме управляющему бюджетным департаментом министерства финансов Рузвельт одобрил проект подбора материалов, разработанный специальным «комитетом по сбору и сохранению документов военной администрации» и рекомендовал приступить к его осуществлению. По его мнению, подбор материалов должен «сохранить для будущих поколений точное и объективное описание нашего нынешнего опыта». Рузвельт наблюдал за подготовкой этой работы и в 1944 г. письменно предложил комитету озаботиться, чтобы «вскоре после окончания войны каждое правительственное учреждение приготавлило подходящий окончательный отчет своей деятельности с подведением итогов того, что сделано и как сделано». На основании этих материалов можно будет дать уже более связную, сжатую историю данного учреждения и его работы в период войны. Вслед за этим в ряде правительственных учреждений были созданы по одному или нескольким специальным комитетам, которые приступили к сбору и оформлению материалов. Материалы вначале будут сведены в общий обзор, а затем выведены отдельными книгами, в сжатом и полном виде рисующими историю учреждения. В начале 1946 г. подготовкой отчета было занято уже более 40 федеральных учреждений, в том числе Министерство военно-морского флота, управление ценами, военным производством и т. д. В марте 1946 г. была опубликована первая книга этой серии, посвященная деятельности цензурного управления; готовится к печати и скоро выйдут в свет книги по истории департамента военного производства, департамента по мобилизации рабочей силы и ряда других учреждений. Все материалы, собранные комитетами, будут храниться в архиве библиотеки конгресса к услугам историков.

◆ В библиотеку Конгресса (Вашингтон, США) поступил архив известной мексиканской помещицы семьи де Регла — крупнейших земельных собственников и магнатов Мексики XVI и XVII веков. В эту эпоху семья де Регла занимала почти монопольное положение в Мексике и Центральной Америке: ей принадлежали крупнейшие серебряные рудники Новой Гренады. О богатстве этой семьи можно судить по тому, что глава фамилии подарил испанскому королю Филиппу II в подарок целиком оборудован-

ный пушечный фрегат. Бумаги этой семьи, поступившие в архив, относятся к периоду 1534 — 1875 гг. и содержат громадной ценности материал по экономической и социальной истории Мексики; среди документов — обзоры и описи земель и поместий, рудников, жалованные грамоты, завещания, судебные дела, переписка (с испанским двором и вице-королями) и другие материалы.

◆ Закончены раскопки бывшего иезуитского монастыря-крепости св. Марии в провинции Онтарио (Канада). Раскопки производил археологический музей г. Торонто. Форт св. Марии был основан иезуитами в 1639 г. как база для миссионерской работы среди индейского племени гурунов. После неудачного для гурунов исхода их войны с федерацией индейских племён иезуиты оказались во враждебных отношениях с индейцами, и в 1649 г. они вынуждены были покинуть форт; последний был сожжён. Раскопки дали большой и интересный материал, характеризующий крепостное строительство, быт монахов-иезуитов, ремёсла монастыря. Многочисленные остатки изделий индейцев, найденные при раскопках, характеризуют культуру и занятия индейцев.

◆ Сотрудник Канадской геодезической службы Т. Маннинг при обмерах островов Кинг Джордж, Слипс и Марконит в Гудзоновом заливе натолкнулся на остатки древних жилищ, до сих пор неизвестных учёным. Эти жилища, сооружённые из камня, расположены на протяжении группы и напоминают поселения. По некоторым признакам поселения, обнаруженные Маннингом, можно считать поселениями древних скандинавов. Охотники, проезжавшие сюда для охоты на моржей, сообщили Маннингу о существовании ещё целого ряда разрушенных каменных жилищ и поселений в этом районе.

◆ В городе Мексикальском национального института антропологии и истории за 1945 г. подведены некоторые итоги археологической работы, продолжившейся на территории Мексики за последние два — три года. В эти годы продолжались работы по реставрации ступенчатых зданий эпохи расцвета ацтекской культуры в Тезкуитла и Тезитла (в районе Тезкуакао). На стенах этих зданий реставрированы оригинальные фрески, рисующие сцены битв и религиозные сюжеты, главным образом мифологического характера, а также ряд символических изображений. В том же районе продолжались раскопки на гранитном карьере у Тлатлако (близ г. Лос Ремедиос); здесь обнаружены богатые остатки древнейшей культуры, в частности многочисленные глиняные изображения животных и людей, глиняная посуда различной формы и т. д. Не менее обильные находки этого рода сделаны и в

Ксалостокке (у г. Вилла де Гваделупо). Здесь продолжалось также изучение пирамид в Чокула; многочисленные предметы, найденные в пирамиде, переданы в местный музей. В Цинтцуцен (штат Мичоакан) продолжались исследование и изучение материальных остатков так называемой Тарасканской культуры, центр которой был в этом районе. В Чупикуаро (штат Гуанахуато) продолжались раскопки, давшие уже богатые образцы расписной керамики; исследователи считают это место центром древнего производства расписной керамики.

◆ В настоящее время стали известны некоторые сведения о деятельности английского публичного архива во время второй мировой войны. 23 августа 1939 г., за несколько дней до начала военных действий, началась эвакуация материалов из помещения архива в Лондоне в более надёжное место; материалы были разбросаны по разным зданиям вне пределов Лондона. Одним из наиболее удачных мест оказалось помещение бывшей тюрьмы. Всего было вывезено около 90 тыс. ящиков с упакованными документами. Эвакуация продолжалась с небольшими интервалами до конца 1942 года. В связи с неподготовленностью новых помещений переброска шла крайне медленно. Всё, что оставалось в старом, основном помещении архива на Ченсери-лейн (в Лондоне), было переведено в подвалы. В этих условиях пользование архивом фактически стало невозможным. Вся задача в этот период состояла в том, чтобы сохранить материалы. С окончанием войны возник вопрос о возобновлении работы архива. Начальник архива лорд Грин в письме в редакцию газеты «Таймс» от 7 июня 1945 г. сообщает, что перспективы пользования архивом весьма мрачны. Ссылаясь на то, что возвращение материалов на Ченсери-лейн связано с необходимостью тщательной сортировки их (вывоз производился наспех), лорд Грин предупреждает, что сортировка и расстановка займут много времени, гораздо больше, чем эвакуация. Ещё важнее то обстоятельство,

что в старом помещении архива не удаётся развернуть все материалы отчасти в результате значительного увеличения числа документов, а отчасти потому, что одно из старых хранилищ занято до сих пор посторонним учреждением (морской тюрьмой). Между тем ещё до войны здание архива не удовлетворяло потребностям, и в своё время долго шли разговоры о сооружении нового здания. Лорд Грин предупреждает всех лиц, заинтересованных в пользовании архивом, что возможности в этом смысле крайне сужены и открытие архива откладывается на неопределённое будущее. «В этих условиях, — заключает лорд Грин своё письмо, — к величайшему сожалению, я не могу даже назвать дату, когда удастся расширить ограниченные возможности, предоставляемые ныне архивом».

◆ Профессор Бостонского университета (США) Д. Флинк в журнале, посвящённом изучению социальных наук, поднимает весьма важный и актуальный вопрос — об изучении в средней школе истории других государств; это изучение, как подчёркивает автор, важно для развития международного взаимопонимания и солидарности. Автор провёл исследование преподавания истории США во французской средней школе и убедился в крайне слабой постановке этого преподавания. В июле — ноябре 1944 г. автор провёл анкету среди 300 школьников старших классов в крупнейших городах Франции: Париже, Гавре, Шербуре, Ренне и Нанте. На вопрос, кто является президентом США, правильный ответ дали только 198 чел.; на вопрос, кто такой был президент Вильсон, правильно ответили только 80 чел.; на вопрос, присоединились ли США к Лиге наций, правильно ответили 105 чел.; на вопрос, что такое ленд-лиз, правильно ответили только 40 человек. Отмечая слабое знакомство французских школьников с историей других стран, автор подчёркивает необходимость реформы преподавания истории, особенно новой, в средней школе.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Греков Б., акад. — Опыт периодизации истории крестьян в России (с древнейших времён до оформления крепостнических отношений)	3
Богоявленский С., проф. — Из русско-сербских отношений при Петре Первом	19
Якубовский А., проф. — Тимур. (Опыт краткой характеристики)	42

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Грабарь В., проф. — Международно-правовые воззрения Джона Виклифа	75
Белкин И. — «Социалистический катехизис» Жюлье Гада и Чернышевский	91
Смирнов И. — К вопросу о старожильцах	96
Мавродин В., проф. — О появлении огнестрельного оружия на Руси	98
Бонч-Бруевич В. — Из неопубликованной переписки Петра Первого о союзе с Англией. (Эпизод из Северной войны)	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Крестова Л. — Книга, изобилующая ошибками (П. И. Лебедев-Полянский «В. Г. Беллинский. Литературно-критическая деятельность»)	106
Рубинштейн Н., проф. — Путаная книга по истории Киевской Руси (Мавродин В. В., проф. «Образование древнерусского государства»)	109
Корхов Ю. — Опыт исчисления роста населения в Европе (Урланис Б. «Рост населения в Европе»)	114

РЕЦЕНЗИИ

Сыроечковский Б. — Нечкина М., проф. «Следственное дело о А. С. Грибоедове»	122
Новиков Н. — Тарле Е. В., акад. «Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774 гг.»	123
Рындзюнский П. — «Генерал Багратион». Сборник документов и материалов под ред. С. Н. Голубова и полк. Ф. Е. Кузнецова	125
Селиванов В. — «Адмирал Нахимов». Под ред. капитана 1-го ранга Н. Новикова и канд. истор. наук П. Г. Софинова. Предисловие акад. Е. В. Тарле	127
Губер А., проф. — Мирошевский В. «Освободительное движение в американских колониях Испании от их завоевания до войны за независимость (1492—1810)»	130
Манфред А. — Бюхлер Ф. «Отношение Франции к России 1871—1878 годов»	132
Миллер А. — Бейли Ф. Э. «Британская политика и турецкое реформистское движение. Исследование англо-турецких отношений 1826—1853 годов»	136
Зубок Л., проф. — Стокер Дж. Е. «С. О. Левинсон и Парижский пакт. Изучение техники влияния»	139
Библиографические заметки	142

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Альтман В. — Юбилей академика Ф. А. Ротштейна	146
Зямин А. — О периодизации истории русского государства	148
Устюгов Н. — В Институте истории Академии наук СССР	151
Дружинин Н., проф. — Сектор истории СССР XIX — начала XX века Института истории Академии наук СССР	154
Селиванов В. — В историческом отделе Главного штаба военно-морских сил СССР (Ленинград)	155
Мордвишин И. — В Ивановском педагогическом институте	156
Историческая наука за рубежом	157

CONTENTS:

ARTICLES: Grékov B., acad. — The experience of the period in the History of the Peasants in Russia from ancient days to the formation of serf relations. Bogoyavlensky S., prof. — From Russian—Serbian days under Peter I. Jakoubovsky A., prof. — Timour. — Brief characterisation. INFORMATIONS, PUBLICATIONS, REVIEWS: Grabar V., prof. — International Juridical Views of John Wickliff. Belkin I. — "Socialist catechism" of Jules Guesde and Chernishevsky. Smirnov I. — On the question of the "Starozhilzi". Mavrodin V. prof. — On the appearance of fire-arms in Russia. Bonch-Brouievitch Vlad. — From the unpublished correspondence of Peter I on the alliance with England (Episode from the North war). CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES. BIBLIOGRAPHICAL NOTES. CALENDER OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Grékov B., acad. Essai de périodisation de l'histoire de la paysannerie en Russie depuis l'antiquité jusqu'à l'instauration du servage. Bogoyavlenski S., prof. — Les rapports serbo-russes sous Pierre Ier. Jakoubovski A., prof. — Timour. Essai abrégé de caractéristique. COMMUNICATIONS, PUBLICATIONS, NOTES: Grabar V., prof. — Les conceptions de John Wycliffe sur le droit international. Belkine I. „Le catéchisme socialiste" de Jules Guesde et Tchernychevski. Smirnov I. Les „starogiltzi" (sectaires russes). Mavrodine V. L'apparition des armes à feu en Russie. Bonch-Brouévitch V. Lettres inédites de Pierre Ier sur l'alliance avec l'Angleterre (épisode de la guerre Nordique). CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (ств. редактор), Е. И. Горю-
денский, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин,
Е. А. Косминский, Н. А. Кудрявцев, П. П.
Мини, А. М. Банкоатова, С. Н. Ростопский,
А. Л. Сафоров, М. В. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 21, комн. 239. Тел. Д 3-31-01.

А 08607. Изд. № 620. Зав. № 1670. Тираж 33,000.

Подписано к печати 19 X 1946 г. 10 печ. л. 68,000 печ. знаков печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина Москва, ул. «Правды», 21.